КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

PERIODICAL ROOM
GENERAL LIBRARY
UNIV. OF MICH.

ТОМ LXIX—LXX

СОДЕРЖАНИЕ

К истории англо-русского соглашения 1907 г. — «Объезд сатрапа» (Записки Татищева).—Броненосец «кн. Потемкин Таврический» в Одессе — Дневник А. Н. Куропаткина. — К тридцатилетию иваново-вознесенской стачки.— Из истории борьбы за рабочий контроль.— Допрос Е. Пугачева. Из истории контрреволюции 1905 г.— Николай II — «император кафров».

ЦЕНТРАРХИВ
ОГИЗ ◆ СОЦЭКГИЗ ◆ МОСКВА
1935

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

К истории англо-русского соглашения 1907 г. С предисловием *С. Пашуканис* 3

«Объезд сатрапа» (Записки А. А. Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губ.). С предисловием *И. Кузнецова* . . 40

Броненосец «кн. Потемкин-Таврический» в Одессе. С предисловием *М. Иностранцева* 72

Дневник А. Н. Куропаткина (31 марта—20 ноября 1904 г. 101

К тридцатилетию Иваново-Вознесенской всеобщей стачки 1905 г. С предисловием *С. Шестернина* 128

Из истории борьбы за рабочий контроль. С предисловием *Г. Белкина* . . 138

Допрос Е. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774-1775 гг. С предисловием *С. Пионтковского* 159

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Из истории контрреволюции 1905 г. Сообщила *З. И. Гурская* 238

Николай II — «император кафров». С предисловием *Д. Заславского* . . 241

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ВТОРОЙ — ТРЕТИЙ
(ШЕСТЬДЕСЯТ ДЕВЯТЫЙ — СЕМИДЕСЯТЫЙ)

1935

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935

Сдано в произв. 3/V—2/VII 1935 г. Подписано к печати 29/VII 1935 г.
Статфор; Б 176 × 250 16 п. л., 60480 зн. в п. л. С.-Э. (п.) № 27 Зак. 1328
Уполн. Главлита Б—11113 Тираж 2800

Москва, типография изд-за «Крестьянская газета», Сущевская ул. 21.

К истории англо-русского соглашения 1907 г.

Международные отношения в XX веке характеризуются особым обострением борьбы главнейших империалистических держав за передел мира. Призрак мировой войны встает при всяком локальном международном конфликте.

Мировая война 1914—1918 гг. не только не разрешила противоречий между основными капиталистическими странами, но сильно обострила их. Изучение предистории войны важно как с точки зрения раскрытия механики ее подготовки, так и для правильного понимания многих международных проблем современности.

Публикуемые ниже документы — записка Зиновьева о ходе англо-русских переговоров и три протокола особых совещаний по вопросам соглашения с Англией на почве раздела сфер влияния в Персии и урегулирования англо-русских трений в Афганистане — представляют собой значительный интерес.

В предшествующее империалистической войне полустолетие именно Англия являлась наиболее упорным и сильным противником царской России в ее экспансии на Востоке. «С 1878 года, когда русские войска подходили к Константинополю, — читаем мы у Ленина, — и английский флот появился перед Дарданеллами с угрозой расстрелять русских, как только они покажутся в «Царьграде» — до 1885 г., когда Россия была на волосок от войны с Англией из-за дележа добычи в Средней Азии (Афганистан; движение русских войск в глубь Средней Азии угрожало господству англичан в Индии) — и до 1902 года, когда Англия заключила союз с Японией, подготовляя войну-ее против России, — за все это долгое время Англия была сильнейшим врагом разбойничьей политики России, потому что Россия грозила подорвать господство Англии над рядом чужих народов» [1]).

Если в половине XIX в. Англия пользовалась «почти полной монополией на всемирном рынке», то в последней четверти XIX в. дело стало меняться. На арене мировой борьбы за первенство появился новый конкурент в лице молодой, стремительно развивавшейся Германии. Постепенное вытеснение с мирового рынка, угроза потери положения первой державы на море поставили к началу XX в. в порядок дня английской внешней политики задачу — разгромить нового конкурента силою оружия. После неудачных попыток договориться с Германией Англия должна была покончить со своей политикой «блестящей изоляции» и решительно искать себе союзников для предстоящей борьбы с Германией.

Германия, поздно вступившая на арену борьбы за колонии и получившая лишь остатки незахваченных земель, пошла на вывоз капитала в такие страны и на завоевание таких рынков, где она столкнулась не только с Англией, своим основным экономическим соперником, но и с Россией и Францией.

Только наличие общего врага в лице быстро развивавшейся Германии заставило Англию изменить свою традиционную политику в отношении России.

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 281—282.

Царизм в свою очередь охотно шел на политическое сближение с Англией, толкаемый к тому как своим внутренним, так и внешним политическим положением. Поражение в русско-японской войне, утрата былого влияния на Балканах в таких странах, как Болгария, Греция, Турция, наносили сильный удар его «престижу» и его «великодержавности».

Сговор с Англией облегчал России возможность договориться с Японией, союзницей Англии по дальневосточным вопросам, с другой — Россия могла снова в центре внимания своей внешней политики поставить вопросы Ближнего Востока (Балканы и Проливы).

Русское самодержавие, разгромив революцию 1905 г., было бессильно разрешить противоречия внутри страны. Крайняя узость и медленное развитие внутреннего рынка, обостряя классовые противоречия внутри страны, ставили перед царской Россией проблему поисков внешних рынков. Опасения нового взрыва революционного движения порождали стремление путем победоносной внешней политики вернуть самодержавию ореол «былой славы и силы» и отвлечь народные массы от вопросов внутренней политики.

Царизм в союзе с черносотенным дворянством и крепнущей промышленной буржуазией, «оставаясь бессильным на почве мировой конкуренции современных капиталистических государств и будучи оттесняем все более на задний план в Европе» [1]), пытался удовлетворить свои хищнические интересы путем грубо-националистической внутренней политики внутри страны и путем колониальных захватов.

Рост экономической конкуренции Германии, ее стремительное проникновение на рынки Малой Азии и Персии угрожали России потерей завоеванных ею позиций, главным образом на азиатских рынках. Укрепление политического влияния Германии на Балканах, особенно в Турции, предпринятая ею постройка Багдадской ж. д., имевшей не только крупнейшее экономическое, но и стратегическое значение, и ее вмешательство в персидские дела становились угрозой для дальнейшей экспансии русского империализма.

Наконец стремительный захват Германией русского внутреннего рынка, главным образом сбытом промышленных изделий, начал вызывать в среде русских господствующих классов опасения, что в дальнейшем своем развитии это привело бы к превращению аграрной России в придаток к промышленной Германии.

Вся совокупность этих причин лежала в основе внешней политики царизма в предвоенный период, направленной к расширению и укреплению антигерманского политического блока — Антанты.

Сближению империалистов Англии и России способствовала также их общая боязнь развития национально-освободительного движения на Востоке. Русская революция 1905 г. оказала влияние и нашла отклик в ряде восточных стран. Развитие революции в Персии показало, что национально-освободительное движение в полуколониальных и колониальных странах неизбежно направлялось против империалистического гнета, хищнического хозяйничанья и эксплоатации со стороны так наз. «великих держав».

Боязнь в результате победы революции потерять свои колонии, а с ними и свое мировое могущество, заставила «свободную» «демократическую» Англию итти на уступку русскому самодержавию, охотно передоверяя ему функции жандарма азиатских народов.

Борьба с революцией, подготовка войны против Германии и ее разгром — вот главные основы англо-русского сближения, а затем сотрудничества в период империалистической войны.

---

[1]) См. резолюцию Пражской большевистской конференции 1912 г. В. И. Ленин, Соч.; изд. 3-е, т. XV, стр. 377.

Общая политическая обстановка после 1905 г. для обеих сторон создалась такая, когда и царская Россия и Англия предпочитали итти друг другу на уступки, лишь бы достигнуть соглашения. Предметом переговоров явились три главнейшие области англо-русского соперничества в Азии — Афганистан, Тибет и Персия. Публикуемая нами записка Зиновьева в общих чертах излагает начало и ход переговоров. Протоколы совещаний вскрывают наличие известных оппозиционных течений по вопросу о соглашении с Англией в среде русских правящих кругов, с одной стороны, — течения, боявшегося разрыва с монархической Германией, с другой — течения, шедшего главным образом из среды военной клики, которая видела в англо-русском соглашении препятствие к продолжению захватнической политики царизма в Афганистане и особенно в Персии. Но, по признанию Извольского, в случае европейского конфликта общее положение царской России было таково, что «она сразу сошла бы на уровень второстепенной державы». «Мы должны, — говорил он на совещании, — поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России».

Извольский получил безоговорочную поддержку со стороны Столыпина, признавшего, что внутреннее положение России не позволяло ей в тот момент вести политику новых захватов. Россия имела большую территорию для политической и экономической эксплоатации в Персии, соглашение позволяло ей легче договариваться с Англией по таким вопросам, как борьба с революционным движением на Востоке.

По соглашению, касающемуся Афганистана, Россия отказывалась от активного противодействия Англии, удовлетворившись правом непосредственных сношений с афганскими пограничными властями по возникавшим вопросам.

Приступая к переговорам о соглашении с Англией, царизм лелеял еще одну «заветную» мечту, как это видно из записки Зиновьева, — получить согласие Англии на пересмотр Лондонской конвенции 1871 года относительно закрытия Проливов и добиться свободного прохода через Проливы для русских военных судов. Домогательства царской России в этом вопросе окончились неудачей. Англия упорно оставалась на позиции, что свободный проход военных судов через Проливы может быть предоставлен России при условии равных прав с другими прибрежными странами.

Англо-русское соглашение, подписанное 18 августа 1907 года, было вызвано к жизни усилением англо-германских и русско-германских противоречий. Оно в свою очередь послужило к углублению этих противоречий и явилось одним из звеньев в подготовке мировой войны.

С. Пашуканис.

Секретная записка И. А. Зиновьева от 25 августа ст. ст. 1906 г. по вопросу о соглашении между Россией и Англией [1].

Вскоре после сообщения императорскому правительству текста заключенного между Англиею и Японией 12 августа 1905 года союзного трактата английское правительство стало обращаться к послу нашему

---

[1]) Архив внешней политики. Средне-азиат. ст., д. № 16, л. 43. — На записке знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым. Текст публикуемых документов подготовила к печати Е. П. Потемкина.

Зиновьев И. А. — чрезвычайный полномочный посол в Константинополе в 1898—1909 гг. До этого — начальник азиатского департамента министерства ин. дел.

в Лондоне[1]) с предложением возобновить ранее возникавшие между Россией и Англией переговоры по вопросам, не раз подававшим повод к недоразумениям между обеими державами.

Приняв в соображение, что между державами этими, без всякого предварительного уговора между ними, установилась почти полная тождественность взглядов на возникавшие в последнее время весьма сложные вопросы, каковы: критский, македонский и мароккский, бывший министр иностранных дел статс-секретарь граф Ламздорф[2]), с высочайшего государя императора соизволения, письмом от 28 февраля 1906 года, за № 294, уполномочил графа Бенкендорфа уверить великобританского министра иностранных дел в том, что всякий шаг английского правительства в этом направлении будет встречен Россиею с полным сочувствием. Вместе с тем нашему послу в Лондоне предписано было выразить сэру Эдуарду Грею[3]) желание, чтобы великобританское правительство по всякому отдельному вопросу формулировало свои предложения, каковы и будут подвергнуты императорским правительством тщательному и беспристрастному обсуждению.

Из вышеизложенного следует заключить, что предстоящие переговоры коснутся значительного числа вопросов, имеющих отношение к политике России и Англии как в Средней Азии, так и на Ближнем Востоке.

Настоящая записка предназначена служить материалом для разъяснения вопросов, которые уже ранее подавали повод к недоразумениям и пререканиям между обеими державами и каковые послужат, по всей вероятности, предметом будущих переговоров между ними.

Есть основание думать, что одним из трех вопросов, которых коснутся предстоящие переговоры, послужит вопрос об Афганистане, который разделяет русские и английские владения в Средней Азии и в силу этого признается англичанами оплотом их владычества в Индии.

В Англии упорно держится предубеждение, что Индии может грозить опасность со стороны России, и в силу этого английское правительство не раз домогалось получить от императорского кабинета формальное уверение в том, что оно чуждо каких бы то ни было враждебных намерений относительно Индии и Афганистана.

К удовлетворению этого желания не может, конечно, встретиться препятствий, так как все планы вторжения в Индию не выдерживают серьезной критики и должны быть отнесены к области фантазии.

Независимо от этого английское правительство уже давно пытается вызвать императорский кабинет на обещания по вопросу о непосредственных сношениях между Россиею и Афганистаном.

Поводом к этим попыткам послужил переданный нашим поверенным в делах в Лондоне д. с. с. Лессаром маркизу Сольсбери[4]) 6 февраля 1900 г. меморандум, в коем заявлялось, что ввиду естественного развития сношений между Россией и сопредельным с ней Афгани-

[1]) Послом в Лондоне с 1902 г. до Февральской революции 1917 г. был граф А. К. Бенкендорф.

[2]) Ламздорф В. Н., граф, министр иностранных дел с 1901 по 1906 г.

[3]) Грей Эдуард, английский министр иностранных дел с 1905 по 1916 г.в либеральных министерствах Кемпбел-Баннермана и Асквита.

[4]) Роберт Сольсбери (1830—1903), маркиз, лидер консервативной партии в палате лордов. Премьер-министр с 1895 по 1902 г.

станом императорское правительство поставлено в невозможность долее воздерживаться от непосредственных сношений с правительством афганского эмира, что оно признает необходимым установление таковых сношений по пограничным делам, но что сношения эти не будут иметь политического характера, так как императорское правительство, будучи намерено сохранить в силе свои прежние соглашения с английским правительством, продолжает признавать Афганистан страною, находящеюся вне сферы влияния России.

Вскоре после того английским правительством получено было от вице-короля Индии письмо, адресованное нашим политическим агентом в Бухаре афганскому коммерческому агенту в том же городе, в коем д. с. с. Игнатьев [1]) сообщал названному агенту, что письмо его, Игнатьева, есть первый шаг к установлению прямых дружественных отношений между Россией и Афганистаном, и по поводу распространявшихся слухов о передвижении русских войск в Закаспийском крае заявлял тому же агенту, что русское правительство не питает и никогда не питало враждебных чувств к Афганистану.

Английскому послу в С.-Петербурге г. Скотту [2]) поручено было обратить внимание статс-секретаря графа Ламздорфа на означенное письмо, как имеющее политический характер, и выразить надежду, что императорским правительством будут приняты меры к недопущению в будущем таковых сообщений.

Взгляд английского правительства на затронутый в переданном г. Лессаром меморандуме вопрос был изложен в инструкции, адресованной лондонским кабинетом английскому послу в С.-Петербурге 16(29) января 1902 г. и выписка из коей передана была г. Скоттом статс-секретарю графу Ламздорфу.

«Правительство его величества короля, — говорилось в означенной инструкции, — не желает оспаривать основательность доводов в пользу прямых сношений между русскими и афганскими пограничными властями по делам местным, но, ввиду лежащей на нем обязанности заведывать внешними сношениями Афганистана, оно считает долгом заявить, что соглашения по означенному предмету могут быть установлены лишь с его согласия, и что предложения, касающиеся этого вопроса, будут рассмотрены афганским эмиром лишь в том случае, если они будут переданы ему и рекомендованы великобританским правительством. Правительство это признает также необходимым, чтобы до изготовления таковых предложений ему сообщены были более точные объяснения относительно порядка, который русское правительство желало бы применить в сношениях между пограничными властями, ограничений, коим должны подчиняться эти сношения, а также и тех средств, при помощи коих соблюдение означенных соглашений могло бы быть обеспечено».

Упомянутою выше инструкцией английскому послу в С.-Петербурге поручено было объявить статс-секретарю графу Ламздорфу, что великобританское правительство готово будет в самом дружественном духе обсудить предложения, которые будут сделаны ему по настоящему вопросу русским правительством.

---

[1]) Игнатьев В. И. — политический агент в Бухаре в 1896—1902 гг.
[2]) Скотт — английский посол в России в 1898—1904 гг.

На предложение это со стороны императорского министерства иностранных дел не было дано прямого ответа, а в записке от 5 февраля 1903 г., врученной английскому послу, было заявлено, что взгляд русского правительства на афганский вопрос уже был подробно изложен в меморандуме, переданном г. Лессаром лорду Сольсбери 6 февраля 1900 г., что правительство это не считает нужным входить в дальнейшие объяснения по этому предмету и что сношениям, существовавшим до того между Россиею и Афганистаном, должен быть придан открытый характер, каковая постановка вопроса не исключает возможности посылки в будущем русских агентов в Афганистан.

В записке высказывалось убеждение, что установление предположенного порядка вещей благотворно отразится на сношениях России не только с Афганистаном, но и с Великобританией, и к этому присовокуплено было, что императорское правительство чуждо намерению придавать настоящему вопросу политический характер и что пока не имеется в виду посылать русских агентов в Афганистан.

Из последующих объяснений, происходивших между маркизом Лансдоуном [1]) и нашим послом в Лондоне, явствует, что английское правительство не соглашалось отречься от взгляда, высказанного в инструкции, адресованной г. Скотту 16(29) января 1902 г., что оно настойчиво выражало желание получить от императорского правительства объяснения, о которых упоминалось в означенной инструкции, но что в то же время оно не допускало возможности изменить, без предварительного соглашения с Лондонским кабинетом, существующего порядка вещей, обязательного для России в силу предшествовавших соглашений.

Поводом к новым объяснениям между обоими правительствами по настоящему вопросу послужило дело о восстановлении некоторых разрушенных пограничных столбов на русско-афганской границе, каковая установлена была смешанной комиссией, состоявшей из русских и английских комиссаров, при коих состоял и афганский делегат [2]). Начальнику Закаспийской области было предписано обратиться по этому делу к правителю Герата с предложением о назначении для этой цели смешанной комиссии из русских и афганских чиновников. Вследствие неполучения ответа на это приглашение и ввиду выраженного великобританским правительством желания о допущении английского генерального консула в Мешеде в смешанную комиссию в качестве представителя афганского эмира начальнику Закаспийской области было вторично предложено предупредить правителя Герата, что в случае неприсылки им делегатов в комиссию пограничные столбы будут восстановлены нами без посторонней помощи и, во всяком случае, без участия английского генерального консула.

---

[1]) Лансдоун, маркиз, английский министр иностранных дел в консервативном кабинете Сольсбери с 1901 по 1905 г. До этого—вице-король Индии (1888—1893).

[2]) В 1884 г. между Россией и Афганистаном возник пограничный спор вследствие занятия Россией Мерва. В начале 1885 г. ген. Комаров занял спорную территорию, разбив афганцев при р. Кушке. Конфликт привел к созданию в 1887 г. смешанной комиссии по русско-афганскому разграничению с участием англичан. Комиссия закончила работу 10 июля 1887 г. подписанием актов о пограничной линии от Чильдухтера до Турашека и от Чичли до Босага.

Вызванные этим инцидентом объяснения не привели ни к каким результатам. В заявлениях, сделанных нами английскому правительству, мы настаивали на нашем праве входить с афганскими властями в сношения по всем пограничным вопросам, а лондонский кабинет возражал на это, что вопрос об охранении границы, установленной русскими и английскими комиссарами, не может быть признаваем вопросом не политическим.

Поводом к новым объяснениям по вопросу об Афганистане послужила тронная речь, произнесенная при открытии английского парламента в феврале 1905 года, в коей сообщалось о переговорах, возникших между Англией и Афганистаном [1]). Посол наш в Лондоне нашел необходимым заявить маркизу Лансдоуну, что сообщенное в тронной речи известие обратило на себя серьезное внимание императорского правительства, для которого было бы весьма важно получить уверенность, что политика английского правительства относительно Афганистана не подверглась никаким изменениям и что начатые с эмиром переговоры не имеют целью присоединения или занятия афганской территории.

Маркиз Лансдоун ответил графу Бенкендорфу, что он готов дать от имени великобританского правительства официальное уверение, что его политика не подверглась никаким изменениям, что оно намерено поддерживать с настоящим афганским эмиром отношения, каковые существовали при его предшественнике; что оно чуждо намерению присоединить афганскую территорию или вмешиваться во внутренние дела Афганистана, но что оно попрежнему настаивает на своем требовании, чтобы Афганистан был обеспечен от влияния или вмешательства какой бы то ни было иностранной державы и чтобы сношения между эмиром и другими странами попрежнему находились в ведении английского правительства.

В свою очередь, маркиз Лансдоун спросил графа Бенкендорфа, готов ли он взамен вышеизложенного заявления объявить от имени императорского правительства, что политика и намерение последнего относительно Афганистана равным образом остаются неизменными и что оно попрежнему смотрит на Афганистан как на страну, находящуюся вне сферы влияния России.

Граф Бенкендорф ответил английскому премьеру, что, по его мнению, не встретится затруднений к разрешению ему дать маркизу Лансдоуну уверения в желаемом им смысле, и прибавил к этому, что единственное отступление от существующего status quo, которого желает императорское правительство, касается обмена сообщений между русскими и афганскими пограничными властями по вопросам не политическим, имеющим местный характер.

В представленном им проекте письма, в коем изложены были приведенные выше объяснения, маркиз Лансдоун выразил графу Бенкендорфу готовность повторить от имени великобританского правительства данные им послу нашему уверения, если только последний сочтет возможным письменно изложить свои собственные уверения.

---

[1]) В 1904 г. был послан в Афганистан генеральный секретарь иностранных дел индийского правительства Вилльям Дэн, подписавший в марте 1905 г. Кабульский (Дэновский) договор, в котором эмир Хабибулла принимал на себя все обязательств,а данные Англии его отцом Абдуррахманом по договору 1880 г.

При письме от 3 (15) марта 1905 г. [1]) наш посол в Лондоне препроводил в лондонское министерство врученную ему маркизом Лансдоуном копию с депеши, которая адресована была им английскому послу в С.-Петербурге 23 февраля (8 марта) и в коей изложено было содержание состоявшегося в тот же день объяснения между нашим послом и английским министром иностранных дел.

Граф Бенкендорф, как явствует из этой депеши, заявил маркизу Лансдоуну, что, признавая необходимым ввиду существующих обстоятельств руководствоваться особою осмотрительностью, русское министерство иностранных дел не считает возможным отступить от этого соображения и в делах, касающихся Афганистана, и что поэтому оно предпочитает не возобновлять объяснений по вопросам, по которым обе стороны уже высказали свои взгляды.

Что же касается ранее сделанного маркизом Лансдоуном заявления о том, что политика Англии относительно Афганистана осталась неизменною и что, вступив с эмиром афганским в переговоры, великобританское правительство чуждо намерению занимать и присоединять афганскую территорию, то граф Бенкендорф заметил английскому премьеру, что русское правительство, равным образом, желает, чтобы Афганистан продолжал оставаться государством-буфером и что, ввиду этого, оно будет воздерживаться от посягательства на независимость и неприкосновенность этой страны.

В заключение маркиз Лансдоун присовокупил, что английское правительство продолжает держаться уже ранее высказанного им взгляда на политические отношения между эмиром и Англиею. Граф Бенкендорф ответил, что он вполне понимает это и что только что состоявшееся объяснение ни в чем не изменило положения обеих держав по отношению к афганскому вопросу.

Из вышеизложенного очерка явствует, что во время минувших переговоров английское правительство домогалось:

1) получения нашего согласия на признание за Англиею права заведывать внешними сношениями Афганистана, и

2) соглашения между Россиею и Англиею относительно порядка, который должен быть применен к сношениям между русскими и афганскими пограничными властями, ограничений, коим должны подчиняться эти сношения, а также тех средств, при помощи коих соблюдение означенных ограничений могло бы быть обеспечено.

К обоим этим ходатайствам министерство иностранных дел отнеслось отрицательно. В инструкции, адресованной послу нашему в Лондоне 17 февраля 1905 г. за № 360, включены следующие указания:

«Контроль за сношениями эмира и другими странами есть дело между ним и великобританским правительством [2]); включение этого пункта в переговоры явилось бы совершенно новым фактом и могло бы быть истолковано, как ничем не вызываемое признание с нашей стороны своего рода английского протектората над Афганистаном».

Далее в той же инструкции сказано: «Вам хорошо известно, что заявление наше 1900 года носило принципиальный характер и имело целью обеспечить нам известную свободу действий и что мы реши-

[1]) В подлиннике письмо датировано неправильно: 3(15) марта 1900 г.
[2]) Так в подлиннике.

тельно отклонили все последующие попытки англичан добиться определенного соглашения о порядке непосредственных сношений и ближайшего определения характера их».

Не следует упускать из виду, что отношения Афганистана к Англии урегулированы торжественными договорами, заключенными между обеими сторонами; что охранение этих отношений, будучи, по мнению англичан, тесно связано с вопросом о безопасности Индии, представляет для них жизненный интерес и что весьма сомнительно, чтобы и сам эмир афганский, положение коего во многих отношениях зависит от благорасположения к нему великобританского правительства, решился уклониться от выполнения принятых им на себя по отношению к этому правительству обязательств. Для побуждения его изменить этому образу действий потребовалось бы с нашей стороны принятие принудительных и, по всей вероятности, весьма серьезных мер, а об этом не может, конечно, быть и речи.

Впрочем должно полагать, что и сам статс-секретарь граф Ламздорф отрешился в последнее время от высказанных им в инструкции от 17 февраля 1905 г. взглядов. Только этому обстоятельству можно приписать выраженное в письме к послу нашему в Лондоне от 28 февраля 1906 г. за № 294 желание, чтобы великобританское правительство по всякому отдельному вопросу определенно формулировало свои предложения. Немыслимо было бы обращаться в Лондон с таковым предложением, если бы министерство иностранных дел продолжало признавать невозможным сделать великобританскому правительству какие-либо уступки по вопросу, представляющему для него, как сказано выше, жизненный интерес.

Принимая в соображение совокупность вышеизложенных обстоятельств, нельзя не притти к заключению, что императорскому правительству предстоит с полным беспристрастием обсудить предложения, которые сделаны будут ему лондонским кабинетом по афганскому вопросу, и приискать такую формулу решения, которая, удовлетворяя справедливым домогательствам названного кабинета, не стесняла бы сношений наших пограничных властей с афганскими властями по вопросам, не имеющим политического характера; казалось бы, что при условии искренности и доброй воли с обеих сторон таковая задача не должна считаться неразрешимою.

Весьма вероятно, что беспристрастное отношение наше к этому вопросу побудит английское правительство к уступчивости в других вопросах, представляющих более значения для наших интересов.

★

Более трудным представляется приискать почву для соглашения нашего с Англией по делам Персии, которая с давних пор служит ареной упорного соперничества обеих великих держав.

Непосредственно соприкасаясь с Персией на пространстве от горы Арарата до реки Теджена [1]), Россия уже в силу этого обстоятельства призвана играть первенствующую роль в стране этой. Этим самым обстоятельством обусловливаются и меры, которые последовательно принимались императорским правительством в видах укрепления рус-

[1]) Река Теджден, или Геридруд,— пограничная линия между Персией и Россией, Персией и Афганистаном.

ского влияния при персидском дворе и противодействия попыткам Англии поколебать его.

Между этими мерами особенного внимания заслуживают нижеследующие.

Еще в 1879 г. командированы были в Персию русские офицеры, на которых покойным Наср-эддин шахом [1]) возложено было поручение организовать персидскую казачью бригаду [2]), каковая, как единственная благоустроенная часть, не раз оказывалась полезною для поддержания порядка в столице шаха.

Приступлено было к постройке на средства России колесных дорог от русской границы и побережья Каспийского моря к главным персидским северным рынкам. Часть дорог этих уже окончена.

В Тегеране основан был Русский учетно-ссудный банк [3]), деятельность коего распространялась на значительную часть Персии и который не без успеха конкурирует с английским (Шахиншахским) банком.

Ввиду крайнего расстройства персидских финансов шахскому правительству делались ссуды, сумма коих превышает ныне 33 миллиона рублей.

В 1891 году заключен был с Персией торговый договор, в силу коего товарам, ввозимым в Персию из России, обеспечены были значительные льготы, причем на персидское правительство возложено было обязательство применить установленный договором тариф на всем пространстве границ Персии. Заключение этой конвенции вызвало, было, негодование в Англии, но так как 9 статья англо-персидского трактата 1857 года обеспечивала Англии по торговле лишь права наиболее благоприятствуемой нации, то великобританское правительство вынуждено было, в конце концов, примириться с совершившимся фактом и заключить с Персиею с 1903 года торговую конвенцию на основании тарифов, приложенных к русско-персидскому договору.

Русско-персидским торговым соглашением возложено было на шахское правительство обязательство преобразовать персидские таможни, каковое преобразование и было осуществлено под руководством принятых на службу бельгийцев.

На пространстве северного участка границы, отделяющей Хорасан от Афганистана, учрежден был нами собственный кордон противочумной охраны [4]) и, ввиду приписываемых шахским правительством Англии честолюбивых видов на Сеистан, возникло даже предположение о продолжении этого кордона на юг до означенной области.

---

[1]) Наср-эддин (1831—1896), персидский шах с 1848 по 1896 г. Был убит приверженцем секты бабидов за преследование этой секты.

[2]) Персидская казачья бригада—персидская воинская часть, организованная и руководимая русскими инструкторами-офицерами,—служила средством укрепления политического влияния царской России и являлась орудием для подавления революционного движения в Персии. Была расформирована только после Октябрьской революции 1917 г.

[3]) Русский учетно-ссудный банк в Персии был основан во время правления шаха Наср-эддина в противовес английскому Шахиншахскому банку и в руках царской России являлся орудием экономического и политического закабаления Персии. После Октябрьской революции советское правительство передало его персидскому правительству.

[4]) Кордоны противочумной охраны в Персии фактически являлись наблюдательными постами царской России на афганской и сеистанской границах.

Наконец, с целью противодействия преобладающему влиянию Англии в Персидском заливе, открыты были русские консульства в Бендер-Бушире и Бендер-Аббасе [1]) и даже решено было отправить для постоянного пребывания в означенном заливе русское военное судно, к сооружению которого было даже приступлено.

Принимая в соображение совокупность интересов в Персии, императорское министерство иностранных дел в инструкции от 30 сентября 1904 г., коей д. с. с. Шпейер [2]) снабжен был при назначении посланником в Тегеран, в следующих выражениях высказало взгляд свой на наше положение в Персии.

«Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами втечение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя».

Руководствуясь этими соображениями, императорское министерство сочувственно отнеслось и к возбужденному тогда же персидским первым министром Атабек-Азамом [3]) вопросу о заключении между Россиею и Персиею союзного договора. «Допуская даже,— сказано в упомянутой выше инструкции,— что Атабек-Азам, выступив с предложением союза, желая отчасти упрочить свое личное пошатнувшееся положение, мысль его лишь отвечала постепенно назревавшим жизненным требованиям и опиралась на причины реального основания, которые мы в дальнейшем ходе событий не могли не принять в расчет, тем более, что усилившаяся активная политика Великобритании ускорила наши решения на этом пути».

Оставляя в стороне вопрос о союзном договоре с Персией, который уже был рассмотрен министерством иностранных дел, нельзя не признать, что изложенный в инструкции министерства от 30 сентября 1904 г. взгляд на наши интересы в Персии не лишен основания и что нельзя совершенно отрешиться от него при обсуждении вопроса о соглашении нашем с Англией.

Предложения, уже сделанные нам лондонским кабинетом, заключались в следующем.

В 1887 году нам было предложено согласиться на разграничение областей влияния обеих держав в Персии с тем, чтобы каждой из них предоставлена была полная свобода заботиться о развитии своих промышленных интересов, а равно и об усовершенствовании путей сообщения в пределах естественно принадлежащей ей области, России — в северной части Персии, а Англии — в южной. Засим в конце 1890 г., ввиду данного нам Наср-эддин шахом обязательства не разрешать в течение 10-летнего срока постройки железных дорог, лондонский кабинет, под предлогом желания устранить поводы к антагонизму России и Англии, выразил нам готовность допустить означенную отсрочку, но с тем, чтобы шах обязался, по истечении 10-летнего срока, посоветовать-

[1]) Консульство в Бендер-Бушире было открыто в 1901 г., а в Бендер-Аббассе в 1905 г.
[2]) Шпейер А. Н.— посол в Тегеране в 1904—1905 гг.
[3]) Атабек-Азам-ед-Доуле — первый министр Персии с 1901 по 1906 г. при шахе Мозаффер-эддине.

ся с императорским и английским правительствами относительно постройки железных дорог.

Оба означенные предложения были тогда же отклонены нами, но так как в 1910 г. окончится срок второго обязательства шахского правительства, продлившего на новые десять лет запрещение постройки железных дорог, и в Персии явно высказывается желание не откладывать долее постройки железных дорог, долженствующих будто бы поднять экономический уровень страны, то есть полное основание предполагать, что английское правительство воспользуется этим положением дел для возобновления своих прежних предложений.

Первое из изложенных выше английских предложений, а именно разграничение областей промышленной деятельности России и Англии в Персии, представляется несколько щекотливым. Не подлежит сомнению, что согласие наше на это предложение поколеблет до известной степени кредит наш в глазах персиян, но, с другой стороны, нельзя упустить из виду, что промышленные силы России не настолько развиты, чтобы мы могли с успехом конкурировать с английскою промышленностью на юге Персии, где промышленность эта уже пустила корни. Во всяком случае для нас выгоднее ограничить наши промышленные предприятия северными областями Персии, нежели допустить проникновение в эти области западной промышленности.

Что же касается вопроса о постройке персидских железных дорог, то из конфиденциальных источников нам известно, что английское правительство уже заручилось обязательством шахского правительства предоставить ему руководство постройкою дорог в южной Персии, как только настанет время приступить к осуществлению этих предприятий.

Мы не можем не считаться с этим фактом, и потому следует ожидать, что вопрос о железных дорогах будет затронут при предстоящих переговорах наших с Англиею.

Сказать что-либо положительное относительно способа разрешения этого вопроса представляется преждевременным. У нас до сих пор не было выработано, и, вероятно, не скоро еще выработается проект по этому предмету, а о планах англичан мы не имеем никаких сколько-нибудь положительных сведений.

Существует предположение, что английское правительство, потратившее немало усилий и средств на открытие торгового пути от Келата через Нушки до Сеистана и предполагающее современем проложить по этому пути рельсы, попытается получить от персидского правительства концессию на продолжение этой дороги от Сеистана в западном направлении на соединение со строящейся Багдадской дорогой.

Осуществление этого предположения не может согласоваться с нашими интересами, так как железная дорога, которая соединит индийскую железнодорожную сеть с Багдадскою линиею, не принесет никакой пользы нашей торговле и притом навсегда лишит Россию выгод, которые она могла бы обеспечить себе в случае непосредственного соединения русской рельсовой сети с индийской и направления этим путем индо-европейского транзита.

Вопрос об этом транзите уже был предметом обмена мнений между министерствами иностранных дел и финансов. В совершенно секретном письме своем от 3 августа 1902 года, за № 395, бывший министр финансов статс-секретарь граф Витте высказал мнение, что соедине-

ние русской железнодорожной сети и индийской (через Кушк), создав линию, конкурирующую с Багдадской дорогой, отодвинет последнюю на второй план и лишит ее значения единственного мирового пути между Европой и Индией.

В принципе предложение статс-секретаря Витте представляется весьма правдоподобным, но есть основание думать, что осуществление этого предположения, во всяком случае, в близком будущем, встретит многочисленные и едва ли преодолимые препятствия. Несмотря на многолетние усилия английскому правительству не удалось добиться согласия как бывшего афганского эмира Абдуррахман-хана [1]), так и его преемника Хабибуллы-хана на соединение Кандахара с индийской железной дорогой. Как тот, так и другой усматривали в этом проекте угрозу своему могуществу и целости Афганистана. Возможно ли ввиду этого допустить, чтобы эмир Хабибулла-хан изъявил согласие на осуществление столь обширного предприятия, какова постройка железной дороги через весь Афганистан, или же, чтобы англичане, как нельзя более дорожащие сохранением добрососедских отношений с эмиром, решились прибегнуть к крайним мерам, которые, несомненно, потребовались бы для достижения успеха в этом деле?

В делах первого департамента министерства иностранных дел имеется записка бывшего посланника нашего в Пекине Лессара, в коей высказывается мысль, что затруднения, препятствующие постройке дороги через Афганистан, могли бы быть обойдены, если бы нам удалось получить от персидского правительства концессию на постройку линии от Асхабада к Сеистану; в этом случае англичане, по мнению г. Лессара, не замедлили бы приступить к постройке линии от одной из станций индийской железной дороги к Сеистану, и таким образом состоялось бы соединение нашей железнодорожной сети с индийскою.

В записке, представленной мною императорскому министерству при секретной депеше от 17 июля 1903 г., были изложены соображения, побудившие меня заключить, что намеченную г. Лессаром дорогу нельзя признать кратчайшим путем между Европою и Индиею, что полоса персидской территории, которую она перережет, представляет на пространстве приблизительно 600 верст пустыню, жалкая производительность коей не в состоянии питать железную дорогу и что ввиду всего этого крайне сомнительно, чтобы железная дорога, проведенная в этом направлении, могла конкурировать с Багдадской дорогой.

Совокупность изложенных выше данных может послужить материалом при объяснениях наших с лондонским кабинетом по железнодорожному вопросу, но она не дает ключа к разрешению этого вопроса.

То же самое должно сказать и о других вопросах, которые будут, весьма вероятно, затронуты при переговорах и к числу коих могут быть отнесены: преобразование внутреннего строя Персии в размерах, необходимых для обеспечения спокойствия в стране этой, урегулирование финансового положения Персии, которое можно признать отчаянным, и некоторые другие.

[1]) Абдуррахман-хан был эмиром Афганистана в 1880—1901 гг. Подписал с Англией договор, по которому последняя выплачивала ему ежегодно крупную субсидию, взамен чего Абдуррахман обязался не входить в политические сношения ни с какой другой державой кроме Англии и отказался в пользу Индии от части афганских владений. Сын и преемник Абдуррахман-хана Хабибулла-хан был афганским эмиром с 1901 по 1919 г. и являлся в отношении Англии продолжателем политики своего отца.

Между тем казалось бы необходимым, в ожидании результатов переговоров с английским правительством, тщательно воздерживаться от мер, способных послужить поводом к новым пререканиям и недоразумениям.

Из секретной инструкции, преподанной министерством иностранных дел д. с. с. Шпейеру 30 сентября 1904 г., явствует, что решено было выслать в Персидский залив для постоянного пребывания русское военное судно и что к постройке его уже было приступлено.

Нелегко уяснить себе, в чем будет заключаться задача этого судна. В персидских портах ему решительно нечего делать, и сомнительно, чтобы могло принести какую-либо пользу появление его в портах аравийского побережья, где у нас нет ни торговых интересов, ни консульского представительства и которые на всем пространстве от мыса Рас-эль-Хадда до границы Бассрского вилайета, подчинены протекторату или исключительному контролю Англии.

Нельзя при этом упустить из виду, что климат Персидского залива до того злокачественен, что англичане, после нескольких неудачных опытов, вынуждены были отказаться от попыток содержать гарнизоны из сипаев в некоторых из аравийских портов и что экипажи английских судов, состоящие частью из уроженцев Индии, часто меняются. Нетрудно себе представить, в каком положении очутится горсть русских моряков в этом отдаленном от России и негостеприимном крае, не представляющем никаких удобств, безусловно необходимых для уроженцев севера.

★

Принимая во внимание затруднения, с коими сопряжено установление дружественных отношений между Россией и Англией на почве Средней Азии, нельзя однако упустить из виду, что при настоящем политическом положении, искреннее и справедливое соглашение с великобританским правительством представляется весьма желательным. В виду этого нельзя не поставить вопроса: не представляется ли для нас возможным ценою некоторых уступок, хотя бы в вопросе о сношениях наших с Афганистаном, которых будет, по всей вероятности, домогаться лондонский кабинет, обеспечить себе содействие Англии в одном из тех вопросов, благоприятное разрешение коих особенно важно с точки зрения политических интересов России?

Между этими вопросами первое место занимает вопрос о проливах Босфорском и Дарданелльском, с давнего времени привлекающий к себе особенное внимание императорского правительства.

Черноморский флот наш постепенно усиливался, между прочим, в предположении, что, ввиду шаткости положения Турецкой империи и вероятия внутренних осложнений, для нас представится благовидный предлог и возможность утвердиться в верхней части Босфора и закрыть иностранным военным судам доступ в Черное море. При настоящем положении дел задача эта должна быть отложена на долгое время, и потому за Черноморским флотом нашим остается лишь значение оборонительной силы: он может быть на долгое время осужден на бездействие в смысле силы политической.

Такое положение дел крайне для нас невыгодно ввиду того, что за последние годы в Средиземном море заметно усиливается соперничество между державами, опирающимися на свои флоты, и что в бассейне этого моря назревают задачи, попытки к разрешению коих могут

повлечь осложнения и, во всяком случае, отразятся на группировке держав.

Существует полное основание догадываться, что между Францией и Италией состоялось секретное соглашение относительно турецких владений на африканском побережье — Триполи и Бенгази, на которые Италия давно уже простирает честолюбивые виды.

Еще более сложные и представляющие для России первостепенное значение вопросы назревают в Эгейском и Адриатическом морях.

Зародившиеся на Балканском полуострове национальные движения постепенно развиваются и неизбежно вызовут осложнения, которые вынудят державы к активному вмешательству в видах прекращения существующих между христианскими народами распрей.

Среди албанского населения, простирающегося до Адриатического моря, существует не прекращающееся брожение, которое, равным образом, потребует активного вмешательства держав в видах разрешения вопроса о будущей организации Албании. Между Австро-Венгрией и Италией существует соглашение относительно поддержания в крае этом status quo, но, принимая в соображение своекорыстные замыслы, которые каждая из этих держав питает против Албании, можно с уверенностью сказать, что соглашение это не устоит, когда настанет время приступить к разрешению албанского вопроса.

Наконец, не подлежит сомнению, что в случае крупных переворотов на Балканском полуострове и его переустройства, Греция не останется пассивной и попытается обеспечить свои притязания на Эпир и южную часть Фессалии и даже Македонии.

Разрешение перечисленных выше вопросов потребует от держав громадных усилий и, между прочим, вмешательства их флотов. Опираясь на могучий флот, коим она располагает в Средиземном море, Англия получит возможность решительно влиять на разрешение этих вопросов. Другие западные державы, Франция, Италия и Австрия, равным образом будут в состоянии выставить достаточное количество военных судов, необходимых для этой цели, тогда как Россия очутится в невыгодном положении, если в ее распоряжении останется та незначительная флотилия, которая находится ныне в Средиземном море.

Неравенство наших морских сил с силами остальных держав весьма резко обнаружилось во время предпринятой в прошлом году соединенной морской демонстрации у острова Митилены.

Ввиду вышеизложенных соображений и отдаленности наших балтийских портов от Средиземного моря представляется как нельзя более желательным вывести наш Черноморский флот из того бездействия, на которое он ныне осужден, и открыть ему доступ в Средиземное море, каковая цель может быть достигнута лишь путем пересмотра изложенных в Лондонской конвенции 1871 г. постановлений относительно закрытия проливов [1]). Поднять вопрос этот окажется возможным лишь при том условии, если нам удастся заручиться искренним содействием Англии.

[1]) Статья II Лондонской конвенции 1871 г.: «Начало [принцип] закрытия проливов Дарданелльского и Босфорского в том виде, в каком оно было установлено особым трактатом 30 марта 1856 г., остается в силе, с предоставлением султану возможности открывать сказанные проливы в мирное время военным судам дружественных и союзных держав в том случае, когда Блистательная Порта признает это необходимым для обеспечения исполнения постановления Парижского договора 30 марта 1856 года».

Как во время японской войны, так и после окончания ее английский посол в Константинополе не переставал напоминать турецкому правительству о лежащей на нем обязанности в точности соблюдать постановления конвенции 1871 г. и при этом советовал ему заботиться об усилении обороны Босфора в видах предупреждения враждебных покушений со стороны России.

Казалось бы, что возникшие между Россией и Англией переговоры должны не только положить конец таковым внушениям, но и расположить английское правительство к более беспристрастной, чем прежде, оценке как русских интересов, так и той роли, которая предназначена России в вопросах, касающихся Балканского полуострова, и тех, которые назревают в Средиземном море. Если только обеим державам удастся войти в соглашение по делам как Дальнего Востока, так и Средней Азии, то это обстоятельство само по себе послужит благонадежною гарантиею возможности объединения их взглядов на дела Балканского полуострова, где общие усилия их могут быть направлены к обеспечению балканским народам правильного развития и к беспристрастному разграничению их интересов. В случае одобрения английским правительством такой программы не должно, повидимому, встретиться с его стороны серьезных препятствий к оказанию России содействия в видах возможного уравновешения ее морских сил в Средиземном море с силами других держав, заинтересованных в Восточном вопросе.

Как само собою разумеется, полная отмена постановлений Лондонской конвенции 1871 г. относительно проливов, то-есть нейтрализация последних, не может отвечать нашим интересам, так как в таком случае открылся бы свободный доступ военным судам морских держав в Черное море. Желательным представляется добиться таких условий, которые обеспечили бы России возможность, в случае замешательства на Востоке, отправлять суда Черноморского флота в Средиземное море.

Казалось бы, что в случае готовности Англии способствовать разрешению вопроса о проливах в означенном смысле могли бы с нашей стороны быть сделаны ей уступки в среднеазиатском вопросе и, в особенности, по вопросу о сношениях наших с Афганистаном.

Как само собой разумеется, благоприятное для нас разрешение вопроса о проливах зависит не от одной Англии. Необходимо будет добиться согласия и остальных держав на пересмотр Лондонской конвенции 1871 г., а ввиду этого должно предвидеть, что некоторые из них пожелают воспользоваться этим случаем, чтобы выговорить для себя некоторые выгоды.

В случае установления соглашения между нами и Англией, Франция не станет, конечно, создавать нам затруднений в вопросе о проливах, который не представляет для нее существенного значения. Италию можно будет удовлетворить признанием за нею прав на Триполи, но более трудным представляется приискать удовлетворение для Австро-Венгрии, виды коей на Балканский полуостров во многом расходятся с нашими взглядами.

Не легко также предусмотреть то положение, которое займет в настоящем вопросе Германия.

Зиновьев.

Журнал совещания 1 февраля 1907 г.[1])

По вопросу о соглашении с Англией на почве персидских дел в связи с вопросом о Багдадской железной дороге[2]).

Председательствовал:
Министр иностранных дел гофмейстер А. П. Извольский.

Присутствовали:
Российский посол в Лондоне гофмейстер граф А. К. Бенкендорф.
Министр финансов статс-секретарь В. Н. Коковцов.
Морской министр генерал-адъютант И. М. Диков.
Министр торговли и промышленности шталмейстер Д. А. Философов.
Начальник генерального штаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын.
Помощник военного министра генерал-лейтенант А. А. Поливанов.
Состоящий для особых поручений при начальнике генерального штаба генерал-майор Н. С. Ермолов.
Старший советник министерства иностранных дел тайн. сов. К. М. Аргиропуло.
Товарищ министра внутренних дел д. с. с. С. Е. Крыжановский.
Директор первого департамента министерства иностранных дел д. с. с. Д. К. Сементовский-Курило.

Открывая заседание, председатель напомнил, что в предыдущем совещании[3]) уже затронут был вопрос об основах для соглашения с Англией на почве персидских дел, но исключительно по частному случаю — оказания денежной помощи шахскому правительству. Ныне же предстоит высказаться по общему конкретному предложению великобританского правительства — о разграничении сфер влияния на Иране. До последнего времени мысль эта не встречала сочувствия в русском общественном мнении, и в руководящих кругах господствовало даже убеждение, что Персия должна всецело подпасть под русское влияние и что нам надо стремиться к свободному выходу в Персидский залив, с проведением железнодорожной линии через всю Персию и созданием укрепленного пункта на означенном заливе. События последних лет выяснили однако несбыточность этого плана и выдвинули вопрос о необходимости устранить почву для конфликта с Англией, для чего наиболее подходящим средством является разграничение сфер влияния.

Министр иностранных дел, заявляя себя решительным сторонником этого взгляда, выразил желание сперва узнать мнение совещания по принципиальному вопросу о целесообразности такого именно направ-

---

[1]) Архив внешней политики, Средне-азиат. ст., д. № 20. — Заголовок подлинника, на котором помета министра ин. дел Извольского: «По докладе журнала государю благоугодно было заключение совещания высочайше одобрить. Царское Село. Февраль 1907 г.».

[2]) Часть публикуемого журнала, касающаяся вопроса о Багдадской ж. д. опубликована у Siebert «Diplomatische Aktenstücke zur Geschiechte der Ententepolitik der Vorkriesgsjahre.

[3]) Речь идет о совещании 7 сентября 1906 г. Журнал совещания опубликован в «Красном архиве», т. VI, стр. 59.

ления нашей политики, чтобы затем уже перейти к обсуждению сделанных Англией конкретных предложений.

Совещание приняло принцип разграничения сфер влияния, как единственную возможную основу для соглашения с великобританским правительством, после чего председатель, в видах всестороннего освещения вопроса, указал на теснейшую его связь с предприятием Багдадской железной дороги. Соглашение с Англией может принести ожидаемые от него результаты и предупредить возможность международных осложнений лишь в том случае, если не вызовет возражений со стороны третьих держав, и прежде всего, конечно, Германии, которая, как показали марокккские события [1]) весьма ревниво относится к заключаемым без ее ведома соглашениям, могущим в чем-либо затронуть ее положение как мировой державы. Опасения подобного рода тем более основательны, что Германия, по имеющимся данным, уже обратила свое внимание на Персию и, повидимому, готовится создать себе там интересы. Подтверждением тому же служит и тревога, возбужденная минувшим летом в Германии одним лишь слухом о предстоящем общем соглашении России с Англией. Тревога эта была рассеяна успокоительными заверениями императорского правительства в том смысле, что в вопросах, непосредственно затрагивающих интересы Германии, оно не свяжет себя никаким соглашением без предварительного уговора с германским правительством. Но несомненно, что для полного обеспечения себя с этой стороны необходимо более определенным образом столковаться с нашей западной соседкой и до известной степени также разграничить области наших взаимных интересов. Почвой для такого соглашения естественно может служить Багдадская железная дорога, сооружение которой Россия доныне всячески старалась тормозить, заручившись для того содействием Франции и Англии. Поэтому желательно, чтобы совещание высказалось, считает ли оно полезным для России сойти в этом вопросе с того пути, которого она доныне неуклонно держалась.

Министр финансов прежде всего указал, что распространенное мнение о существовании у Германии крупных замыслов промышленно-экономического характера в Персии значительно преувеличено. По имеющимся сведениям, банки, специально финансирующие немецкую торговлю и промышленность в Азии, настолько поглощены существующими предприятиями, что едва ли в состоянии заняться новыми в пределах Персии, тем более теперь, когда тревожное положение вещей в Иране [2]) отнюдь не благоприятствует процветанию экономической деятельности. Правда, несколько крупных банков образовали

---

[1]) В 1904 г. между Англией и Францией был заключен договор, по которому Франция отказывалась от всяких притязаний на Египет, а Англия предоставляла Франции свободу «мирного внедрения» (pacifique pénétration) в Марокко. Но соглашение было опротестовано Германией в 1905 г., указавшей, что правительство Германии не было осведомлено о соглашении и не признает себя связанным им. Разногласия, чуть было не приведшие к войне Германии с Францией, закончились созывом конференции в Алжезирасе в 1906 г.

[2]) В 1906—1907 гг. в Персии происходило сильное революционное движение за учреждение конституционного образа правления. Правительство принуждено было пойти на уступки, объявив созыв меджлиса, но вместе с тем стремилось всячески свести эту реформу на-нет, и революционное движение в стране не прекращалось.

учреждение под названием Orientalische Bank[1]) и желают организовать филиальное отделение в Тегеране, но, насколько известно, деятельность этого банка в отношении Персии имеет скорее разведочный характер в видах выяснения значения, которое могли бы приобрести в будущем персидские рынки в Германии. Тем не менее наличность германских интересов в Персии не может быть отрицаема, и поэтому уговор, о котором упоминает министр иностранных дел, является в принципе весьма желательным.

Переходя, в частности, к вопросу о Багдадской железной дороге, статс-секретарь Коковцов подтвердил, что все соображения, которые высказывались за последнее пятилетие министерством финансов о вреде сооружаемой дороги для наших интересов, остаются в силе и теперь. Являясь важным транзитным путем между Западной Европой и Индией, предназначенным частью заменить существующее морское сообщение, дорога эта минует наши пределы и таким образом не даст нам никакого участия в выгодах транзита. Затем Багдадская железная дорога, несомненно, поднимет производительность прорезаемых ею плодородных областей Малой Азии и Месопотамии и создаст на европейских рынках нового серьезного конкурента нашему хлебному вывозу. Специально для экономического господства нашего в северной Персии опасностью грозят проектированные побочные ветви от магистрали по направлению к персидской границе, которые откроют доступ германским и английским товарам в ближайшую сферу нашего экономического преобладания.

Нельзя однако скрывать от себя, что не в нашей власти помешать постройке Багдадской железной дороги или даже серьезно задержать ее. Единственный для сего способа — воздействие на Францию — является мало надежным, и едва ли нам удалось бы надолго удержать французских капиталистов от участия в предприятии.

Равным образом надо отказаться от мысли, которую иногда высказывали, что можно парализовать опасность Багдадской железной дороги созданием конкурирующего с ней пути, а именно, соединив русские железные дороги с индийскими через афганскую территорию. Англия, несомненно, считает этот транзитный путь более опасным для себя, чем Багдадская железная дорога, и едва ли даст согласие на подобный проект. Остается, следовательно, примириться с неизбежностью осуществления дороги и постараться ценою отказа от противодействия добиться у Германии каких-либо компенсаций. Во всяком случае, министр финансов признает нежелательным для России принять участие в предприятии Багдадской железной дороги. По состоянию наших финансов непосредственное, действительное участие для нас неосуществимо, фиктивное же, в лице какого-либо частного кредитного учреждения и при посредстве французских капиталистов, не обещает нам никаких выгод и не даст реального влияния в деле.

На это замечание гофмейстер граф Бенкендорф ответил указанием, что Англия доныне всегда рассматривала вопрос об интернационализации Багдадской железной дороги в связи с непременным участием в оной России, и отказ наш от совместной с Англией деятельности может придать совершенно иное направление всему делу.

---

[1]) Германский «Восточный банк» (Orientalische Bank) был основан в 1904 г. и имел свои отделения в Гамбурге, Афинах, Константинополе, Салониках, Смирне.

Министр торговли и промышленности находил, что продолжение нашей обструкционной политики в вопросе о Багдадской железной дороге имело бы значение, если бы мы могли затормозить предприятие на десятки лет. Так как это недостижимо, то желательно хотя бы добиться наиболее существенных компенсаций.

Багдадская дорога столь вредна для русских интересов, что рассчитывать получить компенсации, имеющие положительное для России значение, едва ли возможно. Приходится ограничиться компенсациями, так сказать, отрицательного свойства, т. е. уменьшающими по возможности вред осуществления Багдадской дороги. В этом отношении следует делать различие между магистралью этой дороги и теми, отчасти уже ныне проектируемыми и отчасти могущими осуществиться в будущем ветвями от этой магистрали, которые направлены к персидской границе. Значение магистрали, с точки зрения русских интересов, сводится к сосредоточению на Багдадской дороге транзита из Европы к берегам Персидского залива; этот транзит и ныне, с закрытием Закавказского транзита в 1883 году, миновал Россию, которая таким образом понесет в этом деле лишь косвенный убыток. Напротив, вышеупомянутые ветви, в особенности в случае продолжения их по персидской территории, явятся прямою угрозою нашему экономическому влиянию в естественно отведенной нам сфере интересов, так как они облегчат доступ европейских товаров на северные персидские рынки, где мы теперь господствуем. Поэтому желательно в предстоящих с Англией и Германией переговорах выговорить России, в качестве компенсации за отказ ее противодействовать Багдадской дороге, следующие условия:

1) Получить от Германии гарантии, что боковые ветви к персидской границе, подобно проектированной на Ханекен, не будут осуществлены.

2) Воспользоваться содействием Англии и Германии, чтобы заручиться продлением хотя бы на десять лет срока истекающего в 1910 г. шахского обязательства не строить железных дорог в северной Персии или изменением этого обязательства в том смысле, что железные дороги в отведенных нашему влиянию областях Персии могут строиться лишь с согласия, а следовательно, с соблюдением интересов русского правительства.

3) Изменить в смысле, более ограждающем наши интересы, соглашение с Турцией о постройке железных дорог в северной части Малой Азии.

Представители военного ведомства и генерального штаба единогласно констатировали невыгодное для России значение с стратегической точки зрения предприятия Багдадской железной дороги и установили, что преимущества, получаемые от нее Турцией, могут быть уравновешены только развитием и улучшением нашей кавказской железнодорожной сети и усилением состава войск в пограничном районе. Компенсаций же от других держав мы в военном отношении получить не можем. Тем не менее, ввиду изложенных соображений, они также присоединились к мысли о желательности вступить на известных условиях в соглашение о Багдадской железной дороге.

Установив, таким образом, принципиальную желательность договориться с Англией и Германией по упомянутым выше вопросам, совещание перешло к детальному обсуждению предложения с.-джемско-

го кабинета. Вступительная часть выработанного оным проекта конвенции не вызвала никаких возражений со стороны присутствующих; относительно включенного в пункты I и II [1]) обязательства для России и Великобритании «не домогаться и не поддерживать ни для себя, ни в пользу обоюдных подданных никаких концессий политического или торгового свойства», штальмейстер Философов предложил дополнить эти пункты указанием на необходимость подобного же обязательства и по отношению к подданным третьих держав, к чему присоединились и остальные члены совещания. Равным образом совещание высказалось за необходимость более точно определить упоминаемые в проекте «концессии политического и торгового свойства» примерным, но не исчерпывающим, перечислением таковых, с указанием на предприятия банковые, железнодорожные, телеграфные, транспортные, страховые и т. п.

Затем председатель предложил перейти к рассмотрению конкретных предложений министерства финансов и генерального штаба относительно линии разграничения сфер влияния. По проекту министерства финансов эта линия должна итти от Касри-Ширина на Хамадан, Тегеран, Мешед, Гаудан. Военное ведомство желало бы отодвинуть эту линию далее на юг.

По этому поводу начальник генерального штаба высказал, что, с точки зрения стратегической, линию следовало бы провести на Исфаган, оставив Керманшах севернее, чрез Иезд, Хакк и закончить ее на афганской границе у местечка Кусан. Для наших интересов весьма важно включение в сферу русского влияния всего Хорасана, так как этим путем мы закрепим за собой существующие и имеющие большое стратегическое значение дороги к Афганистану, проходящие чрез северо-восточную часть Персии.

Генерал-майор Ермолов, поддерживая мысль генерал-лейтенанта Палицына, напомнил, что даже лорд Керзон [2]) в своем классическом сочинении о Персии [3]) считает северным пределом возможной сферы английского влияния в Иране параллель Исфагани. Поэтому нам, вероятно, не представится особых затруднений уговориться с англичанами о проведении нашей линии через этот пункт. По объяснению представителей генерального штаба, Сеистан, в качестве весьма плодородной местности и естественного пути из Индии, имеет для Англии столь важное значение, что уступка ей в сеистанском вопросе даст нам возможность получить значительные компенсации с ее сто-

[1]) Статья I английского проекта соглашения по персидским делам: «Великобритания обязуется не домогаться и не поддерживать ни для себя, ни в пользу британских подданных никаких концессий политического или торгового свойства по ту сторону линии... и не препятствовать ни прямо, ни косвенно требованиям таких концессий в этой области, поддерживаемым русским правительством».

Статья II: «Россия, с своей стороны, обязывается не домогаться и не поддерживать ни для себя, ни в пользу русско-подданных никаких концессий политического и торгового свойства по ту сторону линии, проходящей от афганской границы через Газик, Бирджан, Керман и Бендер-Аббас и по границе Афганистана и Белуджистана, и не препятствовать ни прямо, ни косвенно требованиям таких концессий в этой области, поддерживаемым британским правительством».

[2]) Керзон с 1886 г. член парламента, консерватор. Вице-король Индии в 1899—1904 гг.; с 1904 член палаты лордов. В 1916 г. вошел в коалиционный кабинет Ллойд-Джорджа. Автор известного ультиматума, предъявленного Англией РСФСР в 1923 г.

[3]) Curson «Persia and Persian question».

роны. Нельзя, кроме того, терять из виду, что сеистанский вопрос стоит в неразрывной связи с вопросом афганским, представляющим для англичан первостепенную важность. С назначением лорда Китченера на пост главнокомандующего индийской армией [1]), весь старый план обороны Индии подвергся коренному изменению. Теперь делается все, чтобы обеспечить возможность быстрого наступления на Гиндукуш, и даже далее, и таким образом вынести оборону Индии за ее пределы. Театром войны англичане, наверное, постараются сделать Афганистан, и афганская армия, которую они, повидимому, желают подвергнуть коренной реорганизации, будет служить им авангардом. Одновременно Сеистан обратится в место концентрации индийских войск, наступающих с юга. При такой постановке дела нам надлежало бы при наших переговорах с лондонским кабинетом добиться того, чтобы Афганистан действительно служил буфером между великобританскими владениями и нашими, как это вытекает из предыдущих соглашений, а не местом будущих действий против нас. Поэтому от Англии можно было бы потребовать обязательства признать status quo в Афганистане на основаниях предложенных самим лондонским кабинетом начиная с 1869 года соображений о том, чтобы территория Афганистана являлась буфером между Россией и Англией в Средней Азии, и утверждения за нами права иметь хотя бы торговых агентов в этой стране.

Министр финансов, с своей стороны, сообщил, что линия Касри-Ширин — Хамадан — Тегеран — Мешед — Гаудан была принята финансовым ведомством по соображению с совокупностью реальных интересов России. В этих видах линия проведена с таким расчетом, чтобы в нашей сфере влияния были сохранены весь Азербайджан, Тегеран, берега Каспийского моря и северный Хорасан, где мы уже имеем прочное торгово-промышленное положение.

Генерал-адъютант Диков и д. с. с. Крыжановский присоединились к мнению статс-секретаря Коковцова.

Линия же генерального штаба встретила поддержку министра торговли и промышленности, помощника военного министра и тайн. сов. Аргиропуло. Со своей стороны посол в Лондоне заявил, что он не видел бы препятствий предложить ее великобританскому правительству.

Резюмируя прения по вопросу о возможной границе нашей сферы влияния, гофмейстер Извольский высказал, что теперь, когда мы заняты выработкой соглашения с Англией, имеющего целью именно устранение возможности столкновения с нею, нельзя в деле проведения нашей линии руководствоваться исключительно стратегическими соображениями. Министерство иностранных дел в настоящее время проводит систему последовательных соглашений, которые в конечном результате должны обеспечить нас от столкновений на всем протяжении азиатского фронта. Однако, ввиду указаний военного ведомства, можно попытаться принять в основу наших переговоров с Англией линию, предложенную генеральным штабом, в виде максимума наших требований в этом отношении.

Председатель прибавил, что, становясь на практическую точку зрения, представляется более чем желательным сговориться с англича-

[1]) Китченер был главнокомандующим в Индии в 1903—1909 гг.

нами, так как, за отсутствием соглашения с ними, мы все же окажемся не в состоянии при существующих условиях воспрепятствовать утверждению их в Сеистане. Поэтому целесообразнее не пытаться создавать им препятствий, а выговорить себе возможно большие уступки с их стороны в других пунктах. В этом смысле, быть может, удастся, ввиду связи сеистанского вопроса с афганским, добиться от англичан каких-либо уступок в Афганистане.

Со своей стороны статс-секретарь Коковцов счел нужным по поводу редакционной стороны английского проекта указать на необходимость сделать оговорку о сохранении уже существующих русских предприятий в той сфере, которая будет отграничена Англией, и соответственно английских предприятий в черте нашего влияния. Желательно также установить, что разграничение сфер не отменяет существующего договорного обязательства Персии гарантировать уплату заключенных ею в России займов доходами всех таможен кроме расположенных в Фарсе и на Персидском заливе.

Закрывая заседание, председатель сообщил, что предположения, высказанные на совещании, будут представлены им на всемилостивейшее государя императора благовоззрение на предмет испрошения высочайших указаний для дальнейшего направления переговоров с Англией и Германией.

[Подписи.]

Журнал особого совещания 14 апреля 1907 г. по афганскому вопросу [1]).

Председательствовал:

Министр иностранных дел гофмейстер А. П. Извольский.

Присутствовали:

Министр финансов статс-секретарь В. Н. Коковцов.
Начальник генерального штаба генерал-лейтенант Ф. Ф. Палицын.
Министр торговли и промышленности шталмейстер Д. А. Философов.
Товарищ министра иностранных дел тайн. сов. К. А. Губастов.
Член совета государственной обороны генерал-лейтенант А. П. Протопопов.
Помощник военного министра генерал-лейтенант А. А. Поливанов.
Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Болгарии действ. ст. сов. Д. К. Сементовский-Курило.
Советник посольства в Лондоне ст. сов. С. А. Поклевский-Козелл.

Открывая заседание, председатель указал на то, что стоящий на очереди вопрос о согласовании взаимных интересов России и Англии в Афганистане является одним из наиболее серьезных в ряде вопросов, подвергшихся обсуждению во время переговоров о заключении соглашения между обеими державами. Без сомнения, для нас было

[1]) Архив внешней политики. Средне-азиат. ст., д. № 20. — Заголовок подлинника, на котором знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

бы весьма важно, чтобы наши отношения к Англии приняли тот дружественный характер, который наиболее отвечает нашим собственным интересам. Англо-русское соглашение явится новой могущественной гарантией мира, который особенно необходим для нас теперь. Мы должны, следовательно, приложить все усилия к тому, чтобы довести до благополучного окончания переговоры с Англией, тщательно избегая всего, что могло бы неблагоприятно отразиться на их ходе.

Эти переговоры, достигшие именно теперь самого жгучего пункта, находятся в непосредственной связи с теми, которые мы ведем с Японией и которые, вероятно, скоро придут к желательному результату, выразившись в заключении серии конвенций, частью вытекающих из условий Портсмутского мира 1905 г., частью же имеющих самостоятельное значение. Предполагается, что, по силе этих конвенций, Россия и Япония взаимно гарантируют целость своих территорий и обеспечат как свои обоюдные интересы в пунктах их соприкосновения, так и договорные отношения, связывающие оба государства с Китайской империей.

Соглашение с Японией будет однако неполным, если наряду с ним мы не обеспечим себя со стороны Англии, связанной с Японией союзом. Соглашение с нею даст нам недостающую ныне и крайне необходимую устойчивость в наших внешних отношениях. Общее положение дел, создавшееся вследствие войны и последовавшей за нею внутренней смуты, заставляет нас отказаться от замыслов, недостаточно согласованных с действительными силами страны, и вступить на путь охраны лишь своих насущных интересов. С этой именно точки зрения нам следует разбирать вопрос афганский и рассматривать предложенные Англией пункты. Означенные пункты не являются проектом конвенции, а представляют собою лишь перечень пожеланий, руководствуясь коими удалось бы, быть может, достигнуть согласования русских и английских интересов в афганском вопросе. Проект русских контрпредложений будет выработан в зависимости от того решения, к которому придет совещание.

По приглашению председателя, совещание обратилось к рассмотрению общего вопроса о соглашении с Англией по афганским делам на почве английских предложений, с тем, чтобы потом перейти к обсуждению отдельных пунктов его.

Вполне присоединяясь к высказанному гофмейстером Извольским мнению, министр финансов признал, что в области политики весьма важно отделять вопросы насущные, имеющие для страны жизненное значение, от вопросов менее существенных. В частности, для России особенно необходимо в настоящее время точно определить, что ей доступно и, строго ограничиваясь этим, отказаться от всего, что выходит за эти пределы. Уроки прошлого убеждают нас в необходимости вести исключительно реальную политику, чуждую случайностей и уклонений в сторону. С этой точки зрения отдаленность Афганистана и недоступность его нашему влиянию должны заставить нас признать его вне сферы наших насущных интересов, о чем нам надлежит совершенно определенно заявить Англии, для которой афганский вопрос является жизненным. Таким открытым заявлением нам, быть может, удастся успокоить тревоги Англии и избежать нежелательных и опасных трений. Важность же соглашения с Англией

так велика, что для достижения его можно было бы даже отчасти поступиться стратегическими соображениями, которые, быть может связаны с афганским вопросом. По мнению статс-секретаря Коковцова, мы должны принять английские предложения, тем более, что при нынешнем положении вещей англичане и без нашего согласия могут добиться в Афганистане исполнения большинства своих пожеланий. Совершенно необходимо лишь истребовать от Англии обещание, что она со своей стороны не будет стремиться присоединить Афганистан к своим владениям или оккупировать его.

Со своей стороны начальник генерального штаба сообщил, что разделяет взгляды гофмейстера Извольского и статс-секретаря Коковцова. По мнению генерал-лейтенанта Палицына, существенно лишь отделить совершенно вопрос афганский от памирского, сохранив на Памирах stat s quo. С точки зрения стратегической решающее значение для нас в Средней Азии имеет не Афганистан, а Сеистан. Поэтому все, что мы могли бы потребовать от Англии, заключается в отказе ее от принятия в северном Афганистане мер военного характера. Такое заверение Англии, включенное в окончательный текст соглашения, было бы вполне достаточным и обеспечило бы нашу средне-азиатскую границу. Необходимо однако обратить внимание на то, что в английской политике заметна двойственность. Великобританское министерство иностранных дел, очевидно, искренне стремится к соглашению с нами. Но, к сожалению, меры военной обороны Индии, проводимые лордом Китченером со строгою систематичностью, имеют явно агрессивный характер, с чем мы не можем не считаться.

По этому поводу помощник военного министра констатировал со своей стороны, что наше военное положение в Средней Азии далеко неудовлетворительно, между тем как предпринимаемые реформы и улучшения в военном деле внутри империи требуют, естественно, очень больших затрат, и мы не можем обратить необходимых средств на приведение наших средне-азиатских дел на нужную степень боевой готовности. Ввиду этого соглашение с Англией нам крайне необходимо, так как оно гарантирует на более или менее долгое время мир и спокойствие на нашей слабозащищенной средне-азиатской границе.

Касательно поднятого генерал-лейтенантом Палицыным вопроса о желательности получить от Англии обязательство не предпринимать против нас военных мер в Афганистане гофмейстер Извольский сообщил, что, как видно из записки, переданной маркизом Лансдоуном нашему послу в Лондоне в феврале 1905 года, Англия уже в то время готова была дать нам формальное заверение, что она не будет присоединять или оккупировать афганскую территорию и не предпримет в Афганистане никаких агрессивных против нас действий. Что касается военных мер индийского правительства, то не надо упускать из виду, что в Англии на Афганистан смотрят как на величину, еще не вполне определившуюся и пока не утратившую характера постоянной угрозы англо-индийским владениям. Таким образом, оборона Индии вовсе не направлена исключительно против России, а имеет в виду также Афганистан, о чем в самое последнее время совершенно определенно доносил посол наш в Лондоне.

По мнению генерал-лейтенанта Протопопова, заключая соглашение с Англией по афганскому вопросу, нам надлежало бы добиться некоторых компенсаций за счет тех уступок, которые, очевидно, придется сделать Англии. Такими компенсациями можно считать гарантию status quo на всей нашей азиатской границе, а также решение в нашу пользу вопроса о проливах.

Министр торговли и промышленности, со своей стороны, присоединился к мнению о крайней важности для нас вступить в соглашение с Англией по афганскому вопросу, причем основанием такового могут служить предложенные Англиею пункты, к обсуждению которых в отдельности совещание и приступило.

По пункту первому [1]) председатель высказал, что мы уже не раз заявляли Англии о признании нами Афганистана вне сферы русского влияния. Наш образ действий в отношении Афганистана подтверждал эту точку зрения и на практике. Единственной попыткой войти в прямые сношения с эмиром афганским была миссия Столетова [2]) в 1878 году, непосредственно вслед за коей вспыхнула англо-афганская война. Однако подозрительное к нам отношение англичан усилилось, когда в 1900 году английскому правительству был передан меморандум, которым мы уведомляли о намерении вступить в непосредственные сношения с Афганистаном по неполитическим вопросам пограничного свойства. По своему содержанию этот меморандум заключал лишь те же пожелания, которые находятся в обсуждаемых ныне английских предложениях, но обстоятельства того времени заставили смотреть на этот меморандум, как на угрозу, за которой должны были следовать более серьезные действия. Весьма вероятно, что именно под впечатлением этой угрозы и с целью во что бы то ни стало обеспечить свои азиатские владения Англия через два года заключила союз с Японией, идущий вразрез с традициями английской политики и направленный против России. Таким образом, вопрос афганский, по существу своему имеющий чисто местное значение, оказался связанным с самыми широкими вопросами мировой политики. От нашего отношения к первому пункту английских предложений по поводу Афганистана, заключающему признание нами этой страны вне сферы русского влияния и подчинение ее международных сношений английскому контролю, будет зависеть, утратит ли афганский вопрос приобретенное им значение и сделается ли он попрежнему вопросом местным.

Совещание единогласно и без возражений нашло возможным вполне согласиться с первой частью рассматриваемого пункта и формально признать Афганистан вне сферы русского влияния.

По этому поводу д. с. с. Сементовский-Курило возбудил вопрос о том, не желательно ли внести в первый пункт определение Аф-

---

[1]) Пункт I английских предложений: «Правительство его величества намеревалось бы просить российское правительство признать Афганистан стоящим вне русской сферы влияния и под британским руководством во всех вопросах внешней политики».

[2]) Миссия ген. Столетова в действительности была послана в Кабул в ответ на появление английской эскадры у Константинополя, который предполагалось занять русскими войсками после падения Плевны во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Столетову поручено было обещать афганскому эмиру материальную и военную поддержку против Англии. По его совету эмир отказался принять поспешно высланное Англией посольство. Это послужило формальным поводом к началу второй англо-афганской войны 1878—1880 гг.

ганистана как государства буфера, ввиду того значения, которое это выражение приобрело в науке и практике международного права. Некоторые члены совещания возразили указанием, что само по себе слово «буфер» не имеет точно определенного значения и что достаточно ограничиться теми выражениями, которые употреблены в тексте первого пункта английского предложения. Председатель упомянул, что слово «буфер» приобрело теперь право гражданства и включение его в текст соглашения вполне возможно, но что этот вопрос имеет скорее редакционный характер и что поэтому предпочтительно отложить решение такового до того момента, когда нужно будет приступить к редактированию проекта соглашения.

Статс-секретарь Коковцов выразил сомнение, не равносильно ли признание нами права контроля Англии над международными сношениями Афганистана признанию английского протектората над этой страной. Поэтому министр финансов предложил, со своей стороны, вместо текста второй части первого пункта английских предложений указать лишь, что Россия отказывается от непосредственных политических сношений с главою Афганистана.

По этому поводу председатель заявил, что, как уже раньше высказывало министерство иностранных дел, едва ли нам можно вмешиваться в вопросы о контроле Англии над внешними сношениями Афганистана, который, в сущности, не выходит из сферы отношений между английским правительством и самим эмиром. Не надо забывать, что Афганистан есть страна совершенно замкнутая и уклоняющаяся от более или менее постоянных сношений с соседями.

Со своей стороны ст. сов. Поклевский-Козелл прибавил, что политические сношения между индийским правительством и Кабулом очень ограничены. В Кабуле находится английский агент, мусульманин, имеющий лишь значение передаточной инстанции. Он получает письма вице-короля и его чиновников и передает их эмиру афганскому. Положение этого агента таково, что ни один афганец не может вступать с ним в сношения помимо чисто служебных. Такую же незначительную роль играет агент эмира в Калькутте. При этих условиях признание нами контроля Англии над международными сношениями Афганистана едва ли может представить для нас неудобства и вызвать какие либо перемены в status quo.

Председатель высказал, что, по его мнению, в первый пункт мы должны были бы включить требования о том, чтобы Англия гарантировала: 1) что она не будет присоединять афганскую территорию, не будет занимать отдельные ее части и воздержится от всякого вмешательства во внутренние дела страны и 2) что она не предпримет в Афганистане никаких действий, направленных против России.

По второму пункту[1]) английских предложений председатель сообщил, что мы фактически уже пользуемся правом пограничных сношений с Афганистаном. Тем не менее официальное признание этого права англичанами для нас существенно важно.

Генерал-лейтенант Протопопов находил, что во избежание недоразумений в будущем нам нужно ясно и точно определить

[1]) Пункт II английских предложений: «Оно [английское правительство] не имело бы возражений против установления непосредственных сношений между русскими властями и властями, указанными эмиром афганским, по вопросам чисто местного характера и неполитического свойства».

в окончательном тексте, какие именно русские и афганские власти могут сноситься между собою и по каким вопросам.

Это предложение однако встретило возражение советника посольства в Лондоне, указавшего, что нам выгоднее не вводить точных определений в текст соглашения ввиду того, что такое определение может легко связать нас и стеснить нашу свободу действий. Правильнее было бы решить этот вопрос последующим обменом нот.

К мнению ст. сов. Поклевского присоединились прочие члены совещания.

В соответствии с таким мнением большинства председатель установил, что второй пункт английских предложений в принципе принят без оговорок.

По пункту третьему [1]), касающемуся отказа России от посылки агентов в Афганистан, гофмейстер Извольский высказал, что Англия не имеет в Афганистане своих агентов.

Торговля Индии с Афганистаном совершается таким образом, что индийские караваны приходят на границу и передают товары афганцам, причем англо-индийские купцы не переходят границу. Со своей стороны афганские караваны также передают свои товары индийским, не переступая линии индийской границы. Вполне очевидно, что Англия никогда не согласится дать нам больше, чем она имеет сама. Наши торговые агенты, несомненно, будут одновременно с тем политическими и военными и всегда будут вызывать подозрения англичан. Кроме того, их жизнь постоянно будет в опасности ввиду известной вражды афганцев ко всем иностранцам, а это обстоятельство будет служить вечным источником недоразумений с афганским правительством, а следовательно и с Англией.

По объяснению ст. сов. Поклевского, Англия считает наш отказ от посылки агентов в Афганистан лучшей гарантией того, что наше влияние не будет распространяться в этой стране в ущерб английскому.

Возражая советнику посольства в Лондоне, шталмейстер Философов высказал, что если мы откажемся от посылки агентов, то следовало бы добиться и от Англии подобного же обязательства.

Со своей стороны генерал-лейтенант Палицын признал необходимым внести поправку к английскому тексту третьего пункта в том смысле, что, отказываясь ныне от посылки торговых агентов в Афганистан, мы оставляем за собой право впоследствии, при изменившихся условиях товарообмена с Афганистаном, вновь возбудить этот вопрос.

По мнению министра финансов, третий пункт можно было бы редактировать с указанием на то, что, если бы мы решились послать торгового агента в Афганистан, мы предварительно войдем в сношения по этому поводу с великобританским правительством.

Предположения статс-секретаря Коковцова и генерал-лейтенанта Палицына были признаны наиболее отвечающими целям нашей политики в данный момент, и совещание высказалось за желательность найти такую формулировку пункта третьего, которая, удовлетворяя пожелания англичан, обеспечивала бы нам возможность вернуться к вопросу о торговых агентах впоследствии.

---

[1]) Пункт III английских предложений: «Оно желало бы просить российское правительство воздерживаться от отправления агентов в Афганистан».

Пункт четвертый [1]) английских предложений, требующий отказа России от премирования русского вывоза в Афганистан, вызвал оживленный обмен мнений и существенные возражения со стороны министра торговли. Шталмейстер Философов констатировал, что никаких специальных премий на русский вывоз в Афганистан не существует. Дело, очевидно, основано на недоразумении, и англичане принимают за премии возврат нами: 1) пошлин на хлопчатобумажные изделия, вывозимые за границу, 2) акциза на сахар и керосин и 3) пробирных пошлин на серебряные и золотые изделия. Возврат этих сборов распространяется на всю русскую границу. Требуя от нас, чтобы мы отказались от возврата пошлин на афганской границе, Англия тем самым ставит нас в ложное положение относительно всех других государств. На возврат пошлин и акцизов следует смотреть лишь как на возмещение промышленникам налогов на внутреннее потребление, каковое возмещение совершенно необходимо, чтобы поставить их в равное положение по отношению к промышленникам других стран, которым приобретение и сырья и орудий производства обходится дешевле, чем нашим, и таким образом дать последним возможность конкурировать на внешних рынках с иностранцами. Следует отметить, что повышение ввозных пошлин на сырой хлопок вызвало повышение цены хлопка местного средне-азиатского производства. Именно, пуд местного хлопка первого сорта, стоивший в 1898 году 1 рубль 94 коп., с 1902 г. повысился до 3 рублей 7 коп., то-есть более чем на 1 рубль, при повышении ввозной пошлины на 1 рубль. Аналогично повысилась цена и других сортов хлопка. Это явление объясняется прогрессивным стремлением средне-азиатских хлопководов уравнять цены своего товара с ценами заграничного. Исходя из этих соображений, шталмейстер Философов полагал желательным отклонить пункт четвертый английских предложений.

Со своей стороны статс-секретарь Коковцов указал на то, что, так как возврат пошлин есть мера общегосударственная, применяемая на всем протяжении наших границ, то в случае, если мы откажемся от таковых по афганской границе, последствием будет обращение к нам аналогичных требований от всех держав, стоящих к нам в отношениях наиболее благоприятствуемой нации, а это уничтожило бы плоды всей нашей таможенно-экономической политики за последние годы. Нам следовало бы лишь сообщить Англии, что в отношении Афганистана мы обязуемся не принимать никаких специальных мер премирования вывозимых товаров, которые не применялись бы на всем остальном протяжении нашей границы.

Переходя к обсуждению пункта пятого [2]), председатель разъяснил, что Афганистан, действительно, взимает с русских товаров диференциальные пошлины, ставя их таким образом в весьма невыгодное положение перед товарами английского происхождения. Так, например, некоторые товары, уплачивающие при ввозе из Индии в

[1]) Пункт IV английских предложений: «Прекратить выдачу премий в виде субсидий русской торговле в этой стране».

[2]) Пункт V английских предложений: «Правительство его величества не препятствовало бы тому, чтобы те же облегчения были дарованы русской торговле с Афганистаном, каковыми британские и англо-индийские купцы пользуются теперь на территории эмира».

Афганистан 5%, облагаются при ввозе из России непомерной пошлиной, доходящей в иных случаях до 40%.

По этому поводу министр торговли сообщил, что ни одно государство не отвечает репрессалиями на возврат нами пошлин, кроме Афганистана, который всегда увеличивает свою пошлину на сумму, соответствующую увеличению возвращаемой нами пошлины. Теперь мы приплачиваем ежегодно около 1 200 000 рублей по нашему товарообмену с Афганистаном. Желательно устранить это явление и установить, чтобы наши товары в Афганистане не облагались больше английских.

Министр финансов со своей стороны высказал, что пункт пятый английских предложений должен быть распространен не только на взимаемые в пограничных таможнях пошлины, но и на существующие в Афганистане внутренние сборы, которые даже при понижении афганского таможенного тарифа могут сделать невозможным русский вывоз в Афганистан.

По предложению председателя, министр торговли и промышленности взял на себя разработать редакцию проекта контрпредложений пунктов четвертого и пятого в соответствии с высказанными совещанием пожеланиями.

Закрывая заседание, председатель выразил уверенность, что выяснившееся в совещании единодушное желание притти с Англией к соглашению по афганскому вопросу является лучшим залогом близкой возможности достигнуть его, при соблюдении полностью насущных интересов России.

[Подписи.]

Журнал заседания особого совещания 11 августа 1907 г. о заключении с Англиею соглашения по вопросу об Афганистане [1]).

Председательствовал:

Председатель Совета министров, министр внутренних дел гофмейстер П. А. Столыпин.

Присутствовали:

Министр иностранных дел гофмейстер А. П. Извольский.

Начальник генерального штаба генерал-от-инфантерии Ф. Ф. Палицын.

Управляющий министерством торговли и промышленности тайн. сов. М. А. Остроградский.

Помощник военного министра ген.-лейтенант А. А. Поливанов.

Товарищ министра иностр. дел тайн. сов. К. А. Губастов.

Товарищ министра финансов д. с. с. Н. Н. Покровский.

И. о. старшего вице-директора первого департамента министерства иностранных дел д. с. с. А. А. Нератов.

Открыв заседание, председатель Совета министров просил министра иностранных дел, как наиболее компетентного в рассмат-

[1]) Архив внешней политики, Средне-азиат. ст., д. № 2325.—Заголовок подлинника, на котором имеется знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

риваемом вопросе участника совещания, принять на себя руководство прениями.

Гофмейстер Извольский, вкратце ознакомив присутствующих с ходом переговоров с Англией по афганским делам, сообщил, что они привели к установлению, по обоюдному согласию, текста проекта конвенции, который и представляется на рассмотрение настоящего совещания.

Во время этих переговоров министерству иностранных дел предстояло сообразовать между собою пожелания отдельных ведомств и добиться согласия Англии на их осуществление. Эта последняя задача представляла собою значительные трудности. Нельзя забывать, что в самом существе дела скрывалось глубокое различие между взглядами России и Англии на афганский вопрос. До последнего времени в России не оценивали по достоинству значение того факта, что Англия связана с Афганистаном совершенно особыми отношениями, в значительной степени ставящими его в зависимость от Великобритании и даже отдающими под ее контроль внешние его сношения. Теоретически мы придерживались взгляда, что мы свободны относиться к Афганистану, исключительно руководствуясь нашими желаниями, и не принимали в расчет серьезных интересов Англии в этой стране. Именно под влиянием такого взгляда состоялась известная миссия генерала Столетова в Кабул в 1878 году, на которую англичане ответили афганским походом лорда Робертса [1]), с самыми благоприятными для них результатами, — а затем в 1900 году было сделано нами заявление Англии о решении России установить непосредственные сношения с Афганистаном. В действительности же оказалось, что осуществить такие взгляды мы не в состоянии, и не подлежит сомнению, что, если бы мы перешли от слов к делу и попытались отправить агентов в Афганистан, то англичане, ввиду опасности, которая грозила бы от этого насущным интересам их, были бы вынуждены ответить самыми решительными мерами, быть может, вплоть до нового занятия Кабула. Само собой разумеется, что от такого оборота дела мы ничего не выиграли бы, так как своих планов мы все же не могли бы привести в исполнение, а на войну с Англией из-за Афганистана мы вряд ли решились бы.

В настоящее время наша политика по отношению к Афганистану изменилась, и мы вступили на путь установления реальных юридических отношений с Англией в этих делах. С этой целью наиболее важным представлялось для нас добиться, во-первых, гарантий того, что англичане не будут стремиться к изменению настоящего положения Афганистана, а во-вторых, обеспечить себе право голоса на случай, если бы возникли какие-либо осложнения, чтобы не оставаться пассивными зрителями процесса перемен в соседнем государстве, могущих затронуть наши интересы. При этом являлось желательным для большей успешности переговоров устранить все подробности, могущие лишь затемнить сущность вопроса и, вызвав подозрительность англичан, повредить делу установления с Англией общего соглашения по азиатским делам.

---

[1]) Робертс, лорд, был главнокомандующим английской армией во время англо-афганской войны 1878—1880 гг. и англо-бурской 1899—1902 гг.

Результатом переговоров явился проект конвенции, к постатейному разбору которого приступил гофмейстер Извольский.

Рассматривая статью I [1]), министр иностранных дел сообщил, что первоначальное предположение о введении в соглашение понятия об Афганистане, как о «буфере», было устранено ввиду недостаточной определенности такого наименования.

Весьма сложная статья английского проекта [2]), в которой англичане пытались установить условия сохранения современного status quo в Афганистане, была впоследствии также опущена. Необходимо принять во внимание, что эта статья английского проекта фактически отдавала Афганистан в бесконтрольное распоряжение Англии. Великобританское правительство обязывалось сохранять status quo в Афганистане, при непременном лишь условии исполнения со стороны эмира обязательств Дэновского договора 1905 года. Последствия такого положения вещей предугадать нетрудно — индийское правительство могло бы даже вполне сознательно вызвать эмира на нарушение договора 1905 года и, пользуясь этим, занять и присоединить любую часть афганской территории или вмешаться во внутреннее управление страны. При этом мы не имели бы никакой возможности предпринять что-либо, так как на все наши представления англичане отвечали бы указанием на точное постановление статьи II соглашения. Устранение этого условного обязательства вызывало однако у нас необходимость добиться включения в соглашение постановления, гарантирующего неизменность политического положения Афганистана. Этой цели удалось достигнуть путем введения во II статью общего обязательства Англии не изменять политическое положение Афганистана, что, в связи со статьей V [3]), предусматривающей обмен взглядов между обеими державами при наступлении изменений, дает нам, казалось бы, полную гарантию, что афганистанский вопрос отныне не может быть решен без нашего участия. Введению этой V статьи английский кабинет весьма долго противился, так как ее содержание идет вразрез с такой аксиомой английской политики, как необходимость полного отграничения Афганистана от какого-либо влияния иностранного государства. Поэтому согласие на принятие V статьи, достигнутое нами с величайшим трудом и путем долгих и настойчивых требований, представляется

[1]) Статья I русского проекта конвенции от 2 мая 1907 года: «Афганистан образует государство-буфер между владениями, принадлежащими двум договаривающимся государствам».

[2]) Статья II английского проекта конвенции: «Ввиду заявления британского правительства в договоре, подписанном в Кабуле 21 марта 1905 года, о том, что оно признает соглашение и обязательства, заключенные с покойным эмиром Абдуррахманом, и что оно не имеет желания вмешиваться во внутреннее управление его территориями, Великобритания обязуется не присоединять и не занимать в нарушение этого договора никакой части Афганистана, а также не вмешиваться во внутреннее управление страны, при условии, что эмир будет исполнять обязательства, уже принятые по отношению к правительству его величества на основании вышесказанного договора. Далее Великобритания обязуется пользоваться своим влиянием в Афганистане лишь в миролюбивых целях по отношению к России и не предпримет сама и не будет поощрять Афганистан предпринимать какие-либо меры, угрожающие русской границе. С другой стороны, российское правительство обязуется не присоединять и не занимать никакой части Афганистана и не предпримет никаких мер, влекущих за собой вмешательство во внутреннее управление территорией эмира».

[3]) Статья V: «Если произойдет изменение в политическом положении Афганистана, высокие договаривающиеся стороны войдут в дружественный обмен взглядов по этому предмету».

весьма крупною уступкою со стороны Англии. Соответственное постановление редактировано в общепринятых на дипломатическом языке выражениях, еще недавно примененных в соглашении, заключенном Англией и Францией по делам Марокко и Египта.

Взамен содержавшихся в статьях I и V обязательств, взятых на себя Англией, мы отказываемся от права политических сношений. Однако эта уступка — чисто теоретическая, так как в действительности мы никогда не имели прямых политических связей с Кабулом и могли бы установить их, вероятно, лишь путем удачной войны. Что касается права непосредственных пограничных сношений, к осуществлению которого мы так давно стремимся, то II статья проектируемого соглашения гарантирует их нам и дает им юридическую санкцию. По этому поводу необходимо заметить, что в первоначальном фазисе переговоров англичане усиленно старались по возможности сузить круг лиц, на которых предполагается возложить обязанности по непосредственным сношениям. Однако затем удалось добиться значительного расширения постановлений соответствующей статьи, и мы будем иметь возможность назначить для сношений с афганцами не только власти приграничные, но и более авторитетные органы управления пограничных областей.

При окончательном редактировании статьи III [1]), касающейся русско-афганской торговли, были опущены подробности, внесенные в один из первых проектов конвенции. Взамен этого введено более общее постановление, обеспечивающее за нашей торговлей все преимущества, предоставляемые торговле английской; таким образом мы гарантируем себе полное торговое равноправие с Англией. Такая общая формула представляется наиболее выгодной для нас, а упоминание о каких-либо лишних подробностях, перечень которых никогда не может быть исчерпывающим и не может предусматривать все частности русско-афганского товарообмена, в гораздо меньшей степени отвечало бы нашим интересам.

Наконец, статья IV [2]), определяющая, что договор вступает в силу лишь с момента извещения нас о согласии эмира с постановлениями конвенции, является результатом долгих и настойчивых объяснений с англичанами и представляется совершенно необходимым элементом конвенции, все значение которой, в случае отсутствия соответствующего постановления, свелось бы к нулю, при нежелании эмира признавать этот договор.

Закончив рассмотрение отдельных статей соглашения, гофмейстер Извольский высказал, что во всяких переговорах наступает момент, когда доводы сторон исчерпаны, и необходимо привести их к известному компромиссу. Таково нынешнее положение вещей. Ожидать дальнейших уступок от Англии, по глубокому убеждению министра, невоз-

[1]) Статья III: «Правительства Великобритании и России объявляют, что они признают по отношению к Афганистану принцип торгового равноправия и соглашаются в том, что все облегчения, которые были и будут приобретены впредь для торговли и торговцев английских и англо-индийских, будут равным образом применяемы к торговле и торговцам русским. Если развитие торговли укажет на необходимость в торговых агентах, оба правительства условятся о мерах, какие следует принять, взяв, конечно, во внимание верховные права эмира».

[2]) Статья IV: «Настоящие соглашения войдут в силу лишь с момента, когда британское правительство заявит российскому правительству о согласии эмира на условия, выше поставленные».

можно. Настоящему совещанию надлежит поэтому окончательно решить вопрос — приемлем ли рассматриваемый проект соглашения или нет. Необходимо иметь в виду, что вопрос этот следует решать, не только стоя на почве интересов отдельных отраслей управления, но и с более широкой — общегосударственной точки зрения.

Рассматривая с этой стороны наше соглашение с Англией относительно Афганистана, мы должны признать, что настоящий момент — поворотный пункт всей нашей внешней политики. Кроме афганского у нас уже близятся к завершению соглашения о Персии и Тибете. Обл эти вопроса также возбуждали постоянную опасность осложнений с Англией. Война 1904—1905 годов и внутренние неурядицы поставили Россию в тяжелое положение. Весьма часто высказывается мнение, что мы близки к новой войне с Японией и ее союзницей Англией, и, действительно, были моменты, когда существовали поводы полагать, что для этих опасений существуют серьезные основания. Поэтому целью нашей политики должно быть именно ограждение нас от подобной опасности. Нам удалось достигнуть соглашения с Японией [1]), дающего нам весьма существенную гарантию мира, так как оно является частью целой сети международных соглашений, связывающих Японию, Англию и Францию. Нарушить одно из соглашений, входящих в эту сеть, очень нелегко, — это отразилось бы на самых разнообразных и взаимно-перекрещивающихся международных интересах на Дальнем Востоке. Ограждение своих интересов и закрепление мира в этих областях для России имеет едва ли не большее значение, чем для других держав. Общая политическая конъюнктура такова, что можно ожидать наступления на европейском фронте крупных потрясений, как, например, в Австрии и на Балканском полуострове. Если бы Россия продолжала быть связанной неопределенным положением на Дальнем Востоке и не могла поднять своего голоса в такой момент решения европейских вопросов, она сразу сошла бы на уровень второстепенной державы. Мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России.

В силу этих соображений министр иностранных дел не может не придавать первостепенного значения благополучному завершению переговоров с Англией.

Председатель Совета министров высказал, что, по его мнению, успешное заключение соглашения с Англией представляется действительно большим государственным делом. Наше внутреннее положение не позволяет нам вести агрессивной внешней политики. Отсутствие тревоги с точки зрения международных сношений для нас крайне важно, так как оно даст нам возможность с полным спокойствием посвятить все свои силы устроению дел внутри страны. При таких условиях заключение соглашения по восточным делам должно быть признано наиболее отвечающим нашим интересам. Достигнутое уже соглашение с Японией и близкое ныне соглашение с Англией являются победами нашей дипломатии. Не останавливаясь на отдельных подробностях соглашения, гофмейстер Столыпин признал преимуще-

[1]) Здесь имеется в виду секретное соглашение, заключенное между Россией и Японией в Петербурге 30 июля 1907 г. по вопросам о Манчжурии, Корее и Монголии.

ства последнего проекта, в силу которого мы действительно получим от Англии серьезные уступки, и сообщил, что он высказывается в пользу принятия этого проекта.

Со своей стороны начальник генерального штаба высказал, что он разделяет мнение председателя Совета министров и признает проект соглашения в общем для нас выгодным. Если Англия относится к договору вполне искренне, то мы вполне обеспечены даже с военной точки зрения.

Присоединяясь к заявлениям гофмейстера Столыпина и генерал-от-инфантерии Палицына, помощник военного министра заявил, что он особенно приветствует широкие рамки соглашения, не заключающего в себе никаких излишних и ненужных подробностей. Однако, со своей стороны, генерал-лейтенант Поливанов пожелал осведомиться, во-первых, о том, какие именно власти должны будут вести непосредственные сношения с афганцами, и, во-вторых, не вызовет ли каких-либо недоразумений полное неупоминание в соглашении о Бухаре.

По этим вопросам гофмейстер Извольский разъяснил, что на Бухару фактически следует смотреть, как на часть русской территории, и что упоминание о ней параллельно с Россией в договоре могло бы иметь весьма неудобные последствия, давая повод рассматривать Бухару, как самостоятельную страну, чего мы всемерно должны избегать. Что касается властей для пограничных сношений, то англичане желают лишь, чтобы эти власти были точно указаны, предоставляя назначение их усмотрению российского правительства.

Управляющий министерством торговли, со своей стороны, признавая все значение соображений, изложенных в заседании с точки зрения политики как внешней, так и внутренней и не оспаривая поэтому важности притти с Англией к соглашению, считал бы все же желательным остановиться на некоторых частностях проекта, дабы по возможности оградить наши интересы в экономическом отношении. Тайн. сов. Остроградский высказал, что за большие уступки общего характера, которые мы делаем Англии, представлялось бы, может быть, возможным получить компенсации в области торговли. Баланс нашей торговли с Афганистаном заканчивается с ежегодным убытком в 1½ миллиона рублей. Это есть результат финансово-таможенной политики эмира, направленной к поощрению англо-афганского товарообмена в ущерб русскому. Министерству торговли известно, что эмиром афганским в свое время предписано было взимать с товаров русских в три раза большую пошлину, чем с соответствующих английских. Затем целым рядом мер афганского правительства обложение сахара, керосина и других товаров русского происхождения доведено до размеров, близких к запретительным, при обложении тех же товаров по англо-индийской границе всего лишь в 5% стоимости их. Заключая соглашение с Англией, мы должны были бы добиться включения статьи, устанавливающей однообразное таможенное обложение русских и английских товаров в Афганистане. Нельзя однако не признать, что предъявлять Англии требование об установлении в Афганистане правильной таможенной администрации шло бы слишком далеко и, в крайнем случае, могло бы ограничиться хотя бы нравственным обязательством великобританского правительства стремиться к удов-

летворению наших пожеланий. Если бы однако, по ходу переговоров, в настоящее время было неудобно вносить какие-либо изменения в проект соглашения, то желательно, по крайней мере, войти с Англией в обмен взглядов по этому предмету и оформить соответственное обязательство официальным документом. Кроме того тайн. сов. Остроградский отметил недостаточную, по его мнению, определенность второй части статьи III относительно посылки коммерческих агентов в Афганистан, так как возможность такой посылки, ввиду постановления статьи I, являлась бы совершенно проблематичной.

Товарищ министра финансов, присоединяясь к мнению тайн. сов. Остроградского, высказался за желательность иметь прямое обязательство Англии о том, чтобы наши коммерческие агенты были допущены в Афганистан. Касаясь статей, имеющих политический характер, д. с. с. Покровский выразил сожаление об исключении статьи II прежнего английского проекта, упоминавшей о Дэновском договоре 1905 года, которая, хотя и не безусловно, заключала обязательство Англии воздерживаться от занятия страны и вмешательства в ее управление. По мнению д. с. с. Покровского, нынешняя статья I дает в этом отношении меньшие обеспечения.

По поводу замечаний тайн. сов. Остроградского и д. с. с. Покровского — министр иностранных дел заявил, что он совершенно не соглашается с справедливостью таковых замечаний, и сообщил, что, по его мнению, статья III, гласящая, что Англия признает в отношении России принцип торгового равноправия и обещает, что все облегчения в торговом отношении, которые принадлежат или будут приобретены английской торговлей в Афганистане, тем самым распространяются и на русскую торговлю, вполне ясна и не требует, казалось бы, каких-либо дополнений. Однако, дабы избежать каких-либо недоразумений, министр иностранных дел не преминул уже самым тщательным образом обсудить сущность статьи о торговле совместно с великобританским представителем. Из письменных и устных заверений последнего явствует, что английское правительство действительно понимает редакцию статьи в том смысле, что все выгоды, получаемые британскими торговлею и купцами в Афганистане, ipso facto будут служить к равной пользе русских торговли и купцов и что коммерческие уступки, полученные от эмира, будут автоматически распространяться одинаково на торговлю и купцов обоих народов. После происходивших объяснений относительно смысла новой редакции III статьи, по мнению министра иностранных дел, было бы для русских интересов невыгодно настаивать на внесении в соглашение каких-либо подробностей, которыми весь предмет не мог бы быть исчерпан. Более широкая постановка вопроса, напротив, дает возможность требовать применения равноправия в его полном объеме.

По поводу замечаний тайн. сов. Остроградского о коммерческих агентах гофмейстер Извольский объяснил, что так как в мысли о посылке агентов в Афганистан кроется политический интерес, то статья I должна была быть пополнена соответственными постановлениями. Статья же III, касаясь исключительно торговли, предусматривает возможность изъятий, хотя бы в будущем, из общего правила, вызываемых развитием торговли. Что же касается включения статьи II, то нельзя забывать ее невыгодной стороны — она, как уже было ска-

зано в начале совещания, давала Англии право вмешиваться в афганские дела под предлогом нарушения эмиром его договорных обязательств, причем мы не имели бы возможности даже протестовать против ее вмешательства. Теперь же мы гарантированы в том смысле, что малейшее нарушение status quo страны даст нам право голоса при решении возникающих на почве Афганистана вопросов.

В заключение совещание, основываясь на высказанных мнениях, особенно же принимая во внимание соображения общегосударственного характера, сделанные председателем Совета министров и министром иностранных дел, признало желательным вступить с Англиею в соглашение на почве представленного гофм. Извольским проекта.

При этом тайн. сов. Остроградский пояснил, что, присоединяясь к этому постановлению, он в данном случае руководствуется разъяснениями, сообщенными мин. ин. дел в ответ на высказанные им сомнения, но желательно, чтобы его соображения были внесены в журнал заседания.

[Подписи.]

„Объезд сатрапа“

(Записки А. А. Татищева о карательной экспедиции Дубасова в Черниговской губ.)

Публикуемые записки Татищева представляют собой несомненный интерес. Они дают описание карательной экспедиции того самого ген. Дубасова, который после расправы в Черниговской губернии был назначен московским генерал-губернатором и подвизался в роли палача при подавлении московского декабрьского вооруженного восстания.

Автор записок Татищев, по своим родственным связям с Дубасовым, принял участие в карательной экспедиции, исполняя здесь секретарские обязанности. В своих записках, не рассчитанных на печать, он так характеризует свою политическую физиономию: «Отношения губернатора к местному обществу, в значительной своей части либеральному, были самыми натянутыми, и о том единодушии и единении администрации и местных сил, которое так выхваливали наши правительственные сообщения, в Чернигове не было и слуху. Враждебность этих двух лагерей меня угнетала. Конечно, и либеральная партия была очень не без вины и поддерживала революционные элементы в народе [?!!], но надо же было и администрации понять значение времени и применяться к новым условиям» (разрядка наша. — *И. К.*).

Но даже и этого начинавшего карьеру чиновника карательная экспедиция Дубасова и те расправы, которые учинялись в деревнях — в виде например пятичасового стояния крестьян в снегу на коленях, широко применяемой порки и Дубасовского плана: для примера снести с лица земли несколько деревень, — иногда приводили в смущение, и он заявлял, что ему «становится грустно». Понятно, что это не больше как «крокодиловы слезы». Всей картины расправы в Черниговской губернии записки Татищева не дают, так как усмирение и разгром крестьянских волнений осенью 1905 года по существу был закончен в Черниговской губернии до приезда Дубасова. В записках Татищева описывается больше картина «повиновения». Крестьяне всюду стоят на коленях (отметим в скобках, что это одна из утонченных пыток, ибо крестьяне отмораживали себе ноги), они выносят угодные Дубасову приговоры. Дубасов, не удовлетворившись ранее совершенной расправой, дополнительно ссылает целыми пачками, порет для назидания целыми деревнями. Он ссылает, не считаясь ни с возрастом, ни с действительной виной. «Приговоренные, — пишет Татищев, — были большей частью молодые парни; семь из них еще не достигли совершеннолетия».

Но «умиротворение» Черниговской деревни было только кажущимся. Движение в Черниговской губернии, как известно, в 1906 году вспыхнуло с новой силой. В одном из писем, перехваченных полицией, говорилось в отношении настроений Черниговской деревни (в 1905 году), что «теперь деревня готовится к решительной кровавой встрече с врагом. Настроение в высшей степени революционно и тревожно» [1]). И действительно, в 1906 году в Черниговской губернии крестьян-

[1]) И. Г. Дроздов, «Аграрные волнения в Черниговской губ. в годы первой революции».

ские разгромы помещичьих усадеб, сопротивление жандармам и войскам разлились очень широко.

Но крестьянское движение Черниговской губернии нельзя рассматривать изолированно, оно отражало общую картину развития крестьянского движения в революцию 1905 года. (В 1905 г. по России было 3 228 крестьянских волнений; в 1906 г. — 2 600; в 1907 г. — 1 337). Слабость крестьянского движения в революции 1905 года проявлялась в его отставании по времени от борьбы пролетариата, что и явилось одной из причин поражения революции 1905 года.

Возвращаясь к запискам Татищева, надо указать, что в записках, несмотря на желание автора дать «картину повиновения», на каждом шагу чувствуется, что революционное настроение крестьянства в Черниговской губернии не было сломлено расправами ген. Дубасова. В записках типичны с этой стороны три момента. Первый — в тот момент, когда Дубасов на сходе в «Петровской буде» произносил громовые речи против крестьянских волнений, требовал возврата «награбленного», требовал прекратить рубку леса и пр., ему доложили, что «почти в то же самое время, когда мужики составляли приговор (а генерал-адъютант Дубасов закусывал. — *И. К.*), крестьянский скот преспокойно пасется на лугу, и что попытка Параделова отбить у крестьян скот окончилась безуспешно».

Второй момент — это заключительная часть беседы Татищева с одним из крестьян, который сначала «к погромам отнесся при нас отрицательно, осуждал буйства и грабежи», но «затаенная мысль, — пишет Татищев, — в конце таки прорвалась: «Теперь начальство наехало, судить будут... А земля-то все же их будет, потому помещики теперь не останутся, уедут».

Суть этого заявления не в том, что помещики уедут, а в том, что крестьянин, несмотря на расправы, разгром, заявил, «а земля-то все же их будет», т.-е. крестьянская.

Затем — это заявление «бойкой бабенки» о том же, т. е., что «земля-то все-таки будет наша».

В этом лежала основа развертывавшейся и дальше борьбы крестьян против класса крепостников и помещиков, наряду с шедшей в деревне борьбой второго порядка — борьбой батрачества и бедноты против деревенской буржуазии.

Записки Татищева обрисовывают самого сатрапа, вскоре назначенного московским генерал-губернатором. С этой стороны характерно отметить, что Дубасовы шли на любую провокацию, на любое зверство, чтобы раздавить революционное движение.

Несомненно, Дубасов полученный им палаческий опыт в Черниговской губернии использовал для подавления декабрьского вооруженного восстания. Сам Татищев подвизался позднее в роли крупного чиновника по переселенческим делам, и его судьба неразрывно связана с судьбой класса помещиков. После Октябрьской революции (в начале 1918 г) он эмигрировал за границу [1]).

И. Кузнецов.

Бывают у человека воспоминания, которые надолго темным пятном ложатся на жизнь, и на нашем пути нередко встречаются такие явления, при виде которых в душу закрадывается бессильное недоумение перед загадками жизни и убивает остатки веры в высокое, в святое и справедливое.

Немало таких грустных воспоминаний вынес я из моей поездки с Дубасовым на крестьянские беспорядки в Чернигове осенью 1905 г.

[1]) Публикуемый документ хранится в ЛОЦИА. Текст подготовил к печати и снабдил примечаниями А. А. Шилов.

Если я эти заметки называю странным именем «Объезд сатрапа», то это не потому, чтобы мне нравилось это словцо, извлеченное недавно хлесткими листками революционной прессы эпохи нашей смуты из ветхих хронологических анналов, но потому, что полномочия генерал-адъютантов, врученные столь сильной личности, как Дубасов, в действительности создавали из него подобие тех древних властителей, которые по своему усмотрению распоряжались страной, не стесняемые никакими законами.

Эпоха заключала в себе много противоречивого, много странного до абсурда, но тем интереснее было наблюдать ее со стороны, хотя по временам и казалось, что видишь бред наяву, так все шло вразрез с общепринятыми понятиями и обычаями.

Конституция уже была провозглашена в России, и стране обещаны гарантии правового порядка, когда вспыхнувшие во многих местностях аграрные беспорядки заставили правительство принять быстрые и решительные меры, и так как новой конституционной практики правительство еще не знало, то извлекли на сцену старое средство: командировали царских послов [1]).

Один из них был Дубасов, которому впоследствии было суждено сыграть столь видную роль в истории русской революции. Личность весьма незаурядная, Дубасов отличался, между прочим, тем, что был в значительной степени свободен от бюрократизма, от всякой юридической рутины, обладая, сверх того, резко выраженным духом независимости. Эти качества создали из него тип царского полномочного посла. Закон для него существовал лишь постольку, поскольку он не слишком его стеснял. В некоторых случаях на указания прокурором законного порядка он прямо отвечал: «Да, но я этого ни в коем случае не допущу», а в мелочах законом не стеснялся, считая, что главное — д е л о, а не форма. Повторяю, этот склад ума должен был у него сложиться благодаря тому обстоятельству, что ранее ему никогда не приходилось возиться с гражданскими законами. Без них прожил он всю жизнь и поневоле выработал тот взгляд, что закон — нечто второстепенное. Незнакомство его со строем местной администрации было полнейшее, и он при мне спрашивал у курского губернатора, почему фабричный инспектор ему ничего не докладывал о податных инспекторах, не зная, что это разные ведомства.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы он не отдавал себе вовсе отчета в значении текущих событий. Хотя в душе — безусловный враг всякой новизны и противник либерализма (он считал, что выборное начало уже в самом принципе непригодно для России и является корнем всех бед), Дубасов тем не менее понимал, что этот новый порядок завоевал себе известные права гражданства и что к нему надо поневоле применяться. Поэтому он был, например, против порок и говорил Хвостову, что выборщиков в Государственную думу нельзя сечь, правда, прибавляя, что их можно исхлестать нагайками или застрелить, если казаки застанут их во время погрома или грабежа. В освободительном движении он не видел ничего ни высокого, ни одушевленного благородной целью. «Освободители» для него были «хамами», а прочтя «Грядущего хама» Мережковского, он говорил, что автор очень метко подметил главную черту современного движения. «Это—сплошное хамство и во всем этом нет н и ч е г о благородного».

Что касается до его ума, то в этом отношении его хорошо характеризует отзыв дяди Петруши Огарева [2]). «Это человек не столько умный, сколько разумный. Он медленно схватывает, нескоро приходит к решению, но зато судит с точки зрения здравого смысла, благодаря чему находит почти всегда правильный вывод», который, — прибавлю от себя, — проводит в жизнь с неуклонной решимостью.

Такому человеку было поручено водворить порядок, нарушенный аграрными беспорядками и революционной смутой. Он принялся за свою задачу с непреклонною твердостью и с обычными прямотой и решительностью при помощи местной администрации, которая ему вполне сочувствовала и по мере сил и возможности помогала. Это было сражение, данное революции старым порядком, вставшим на минуту во всеоружии государственного механизма, основным лозунгом которого было пресекать всякую новизну, законам противную, принципом деятельности: лес рубят — щепки летят.

И много таких щепок полетело тогда. Годами накапливавшаяся чаша грехов русского народа, его темноты, его дикости и непросвещенности переполнилась и проявилась в необузданной вакханалии погромов и грабежей. Все отрицательные стороны нашей жизни, таившиеся под бездушной маской официальной благонамеренности, вдруг выплыли наружу. Мужик, которого считали воплощением покорности, смирения, патриархальных нравов, оказался буйным пугачевцем, когда проведал, что власть не всесильна, и заставил горько пожалеть, когда было уже слишком поздно, что мы раньше не принялись за его воспитание и просвещение, а послушно следовали Победоносцеву, тому Победоносцеву, который на доводы в пользу просвещения отвечал: «Помилуйте, мы и с темным мужиком не знаем, что делать, что же будет, если вы его образуете?» Плоды этой системы теперь сказались: дворянские гнезда разорены, мужик обнищал, и, в конце концов, даже не решаешься его винить. Его удел бессмысленнее, тяжелее прочих. За долгие годы темноты, в которой его держали не по его вине, он поплатился: где нищетой, кое-где каторгой...

★

Выезжая из Петербурга, Дубасов обдумывал план действий, который он нам и сообщил в вагоне. По его мнению, единственным способом прекращения беспорядков являлось радикальное подавление их в самом начале. Войск в Черниговской губернии было, судя по сведениям военного министра, около 5 000, т. е. число, достаточное для энергичных операций. Поэтому он надеялся уловить ход революционной волны и, ударив ей в голову, уничтожить мятежные банды и, доказав крестьянству силу правительства, прекратить мятеж. Он ехал на войну и не был склонен к полумерам [3]).

Действительная обстановка заставила его изменить свои предположения. Спешить, в конечном итоге, более не стоило. Разгар аграрных беспорядков, который и развиться-то мог только благодаря отсутствию путей сообщений — стояла осень, и еще не кончились железнодорожные забастовки — уже к нашему приезду утих; Суражский уезд объезжал вице-губернатор Родионов [4]), в Городнянском велись уже следствия судебными следователями и непременным членом Малаховым [5]). Надо было заботиться только о скорейшем восстановлении мирной жизни, а воинственные планы можно было отложить в сторону. По-

этому Дубасов провел целых три дня в самом Чернигове и выяснял общее положение дела в губернии, что было безусловно необходимо. Остановился он в губернаторском доме, что вызвало неодобрения в либеральной части общества, которая хотела жаловаться на Хвостова, но не могла этого сделать, так как Дубасов был почти неразлучен с губернатором и, кроме того, являлся гостем последнего. Все разговоры велись, таким образом, с представителями администрации. На мой взгляд, Черниговская губерния в этом отношении еще довольно хорошо была поставлена.

Губернатором был Алексей Алексеевич Хвостов [6]), человек немного глуховатый и часто забывавший о том, что собеседник уже раза два-три слышал от него же тот же самый рассказ, что подчас сильно надоедало. Впрочем, человек добрый и сердечный, но не особенно умный. Был ли он хорошим губернатором, сказать трудно. Поскольку я слышал впоследствии, черниговцы его считали бездеятельным. Пожалуй, это правда; многих уездов он за три года своего губернаторства так и не объехал. Но он любил рассказывать про свою деятельность, и надо признаться, что некоторые эпизоды были весьма интересны. Принадлежал он к типу губернаторов старого закала и горячо отстаивал благодетельное значение порки, как меры, производящей большое впечатление на умы массы. При усмирении беспорядков весной 1905 г. он высек в Глуховском уезде пять человек (приказал им дать 31 удар, чтобы показать превышение его компетенции над нормами крестьянского суда) и утверждал, что эта мера отрезвила население, которое даже теперь, когда почти вся губерния охвачена мятежным движением, не бунтует и ведет себя спокойно.

Припоминаю еще случай из его практики, когда он арестовал целый сельский сход. Было это еще в 1904 г., в Стародубском уезде, в селе Медведкове (жителей которого п о г о л о в н о пересекли в январе этого года, заставляя выдать зачинщиков погрома, которых они и выдали, когда их начали по очереди сечь во второй раз). Хвостов ездил тогда на беспорядки. Толпа встретила его на площади. Он крикнул: «На колени!» — те повиновались. Тогда он стал вызывать по списку известных ему бунтарей, держа все время толпу на коленях, в уверенности, что исправник тем временем по-одиночке арестовывает вызываемых и отводит их за конвой. Тот же оплошал и только, когда Хвостов вызвал всех 26 человек, крикнул: «Стражники, сюда!» Толпа, как один человек, вскочила на ноги, выхватила колья из забора и бросилась на администрацию. Помогли казаки, которые окружили губернатора и исправника, но арестованные уже были опять в толпе. Тогда Хвостов придумал остроумный выход: объявил арестованной всю толпу и велел казакам отвести ее в уездный город, чем сбил окончательно с толку крестьян, надеявшихся, что никто не рискнет арестовать «громаду». Тем не менее они повиновались, но с колокольни послышался набат, извещавший соседние села о необходимости притти на помощь. Вести «громаду» через сочувствующие им села было невозможно. Воспользовавшись тем, что они были близ границы Новозыбковского уезда, население которого не было связано никакими отношениями с бунтовавшим селом, Хвостов велел казакам повернуть и гнать толпу в Новозыбков. Так и сделали. Гнали их два дня, так как расстояние было верст в 80; уставшим женщинам и старикам позволили отста-

вать и возвращаться домой; прочих же привели в Новозыбков, разобрали их там, часть отпустили сейчас же домой, часть просидела 3—14 дней под арестом; 26 человек отдали под суд. Я подробно остановился на этом случае, о котором я слышал от самого Хвостова, так как он чрезвычайно ярко иллюстрирует то слепое повиновение государственному механизму, которое проявляет сельская масса, позволяющая полусотне казаков арестовать «громаду» в полторы тысячи человек. Только этим и объясняется легкость подавления крестьянских беспорядков, которая обнаруживалась, лишь только на сцену являлись войска и энергичное лицо во главе отряда [7]).

Отношения губернатора к местному обществу, в значительной своей части либеральному, были самыми натянутыми, и о том единодушии и единении администрации и местных сил, которое так выхваливали наши правительственные сообщения, в Чернигове не было и слуху. Враждебность этих двух лагерей меня угнетала. Конечно, и либеральная партия была очень не без вины и поддерживала революционные элементы в народе, но надо же было и администрации понять знамение времени и применяться к новым условиям. Между тем этой-то уступчивости не было нисколько, и к обществу относились с редкой нетерпимостью. Помню совершенно ничтожные факты с точки зрения широко государственной, хотя, правда, что в местном колорите они принимали более важное значение.

Так, 18 октября в Новозыбкове местная типография Гольдмейера выпустила вечерний листок, на котором была буквально воспроизведена телеграмма какого-то киевского адвоката, гласившая: «Объявлены свободы, поздравляю с конституцией». Этот листок был конфискован, и, если не ошибаюсь, типография была опечатана, и владелец арестован. Эту невинную телеграмму администрация признала опасной прокламацией и утверждала, что она вызвала погром 19 и 20 числа [8]). Тут важен не столько факт. Конечно, дела судебного никакого из этого не возникло, и владелец типографии был освобожден, но существенно отношение администрации к этому событию, печально то стремление вдвинуть всю жизнь общества в официальные рамки, пресечь всякую новизну, законам не только противную, но даже неизвестную, которое постоянно проявляла наша администрация.

Из подобных фактов приведу еще, как пример, разговор Дубасова и Хвостова с директором народных училищ [9]). Последний находил, что Положение о народных училищах 1874 г., отдав школу в руки земства, тем самым обрекло ее на гибель. Указывал на постоянную оппозицию училищных советов губернатору, на значительное число революционеров в среде учителей, которые ведут пропаганду и организуют с ведома и покровительства земства незаконные союзы деятелей школьного дела. Революционная зараза проникает в народную среду; в школе обращаются одобренные Ученым комитетом учебники, трактующие о природе «с естественно-физиологической точки зрения»; в шкапах стоят томы Белинского, Горького и других либеральных писателей; один учитель позволил себе следующую непозволительную выходку: гуляя вместе с сельскими мальчиками поздней осенью около полотна железной дороги, сказал, указывая на него: «Вот это человек сделал, а это бог», — продолжал он, обратившись к размытому ливнями непроездному проселку. Директор народных училищ рассказывал все эти

факты с искренним негодованием, не замечая, сколько в них было смешного. И вот тогда-то был поднят вопрос об очищении этой «заразы» и было решено увольнять без сожаления всех замешанных в пропаганде учителей и строго следить за соблюдением земством установленных законами правил. На первый раз уволить хоть 100 человек — таково было предложение Хвостова, поддержанное директором народных училищ, на которое выразил тогда согласие и Дубасов, сказавший, что «хотя школьной деятельности земства и нельзя нанести смертельного удара, но можно постараться нанести жестокий удар». Впрочем я уже достаточно говорил о Хвостове, и можно перейти к его ближайшим помощникам, игравшим видную роль в деле подавления беспорядков.

Вице-губернатором был Н. М. Родионов, заменивший два месяца спустя Хвостова на его посту. Человек с решительным характером, резкий и прямой, казак по происхождению, он более подходил к энергичной деятельности, чем несколько вялый Хвостов, но зато был менее симпатичен в обращении и не имел charme'а своего начальника. Прекращение беспорядков в Суражском уезде обязано, главным образом, ему, так как он объехал селения, говорил с крестьянами и запугивал их генерал-адъютантом, который, как он говорил крестьянам, имеет право первого встречного вздернуть на осине. Он был против объезда Дубасовым селений, так как боялся, что это ослабит произведенное его рассказами впечатление.

Жандармский полковник Рудов [10]) были личностью наименее симпатичною из всей администрации. Маленького роста, толстенький, он вечно ходил вприпрыжку и всей фигурой выказывал преданность и готовность служить. «Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, все будет сделано, все меры приняты-с» — вот его вечные слова. С узкими взглядами, он был в то же время человеком жестоким, и в его присутствии жглись деревни, как мне впоследствии рассказывал один переселенец из Суражского уезда, с которым я встретился в Сибири за Петропавловском [11]). Впрочем надо отдать справедливость, что свое дело он знал хорошо и бдительно наблюдал за губернией.

Хотелось бы указать на двух непременных членов — Шрамченко [12]) и Малахова; оба из бывших военных и деятельно распоряжались в уездах Козелецком и Городнянском, предупреждая погромы и ведя предварительное следствие. Впечатление они оставили самое хорошее. Лица не черносотенные и не из либеральничающих на казенный счет, они великолепно знали местные условия и, повидимому, были очень любимы населением.

★

6 ноября вечером Дубасов выехал в Суражский уезд, где в октябре были сильные беспорядки. О причинах и характере их я уже писал в отчете Дубасова [13]), а здесь мне хотелось бы остановиться подробнее на описании самой поездки по селам.

8 ноября — день архистратига Михаила — праздник в посаде Клинцах. Адмирал был в церкви слушал чтение манифеста, затем принимал депутации в помещении съезда, а около двух часов дня выехал в уезд.

Ехали мы в четырех колясках. Впереди адмирал с Половцовым [14]), затем Родионов с чиновником особых поручений Параделовым [15]), затем

Рудов в сопровождении жандармского унтер-офицера, с которым он никогда не разлучался, так что даже посмеивались над их взаимными отношениями, — наконец, сзади Молоствов и я. Кругом полсотни казаков-туманцев, скакавших в полном боевом снаряжении.

День выдался ясный, слегка морозный. Кони бежали легко и быстро оставили за собой Клинцы и пригородный сосновый лесок. Путь лежал на деревню Чертовичи, принимавшую участие в погроме у соседнего помещика, — кажется, Зенченко, — и погоревшую после того, говорят, вследствие неосторожного обращения с огнем во время уничтожения награбленных вещей, которое было произведено мужиками при слухах об ожидаемом «генерал-адъютанте».

Чертовичи не особенно большая деревня, грязная, как все, с непроездной улицей. На краю деревни стоял стол, покрытый скатертью, и мужики без шапок ожидали царского посла с хлебом-солью. Дубасов вылез из коляски и подошел к столу, не приняв хлеба-соли. Крестьян было немного, всех не успели собрать. Это его извело, и он особенно гневно произнес им свою речь. Она была впоследствии напечатана в «Черниговских ведомостях» в том виде, какой она приняла в конце его объездов, когда опыт указал на отдельные вопросы, которые необходимо отметить, говоря со сходами. Речь в Чертовичах была значительно короче. Он только указал на возмутительность поведения крестьян и закончил своей знаменитой тирадой: «Но боже вас упаси еще раз подняться и пальцем тронуть помещиков! Теперь я возвестил вам царскую милость. Тогда приду возвестить вам царский гнев. Я приду с войсками и уничтожу вас. Снесу дома ваши, камня на камне не оставлю здесь. Я расправлюсь с вами, мятежники, истреблю вас и донесу государю, что вывел заразу из его земли». Вид Дубасова был необычайно грозен и величественен. Высокого роста, в белой папахе, он громил крестьян, и даже нас мороз пробирал по коже, и делалось страшно от его прямо свирепого в эту минуту голоса. Сказав крестьянам, что еще раз приедет и рассчитывает встретить тогда послушных царю крестьян, Дубасов сел в коляску и уехал.

Дело в том, что сельские общества имеют право приговаривать своих «порочных членов» к выселению в Сибирь. По совету Хвостова, Дубасов решил применить эту меру к крестьянам и п р и к а з а т ь им выселить подстрекателей к погрому. Я нарочно подчеркиваю слово «приказать», так как нормально этот вид кары является следствием внутреннего убеждения сельского схода. Крестьяне выселяют тех, поступки коих возмущают односельчан. В данном случае погромы производились, можно сказать, всем сходом сообща; следовательно, крестьяне не могли относиться особенно отрицательно к тем людям, которые громили вместе со всеми, подговаривали к поступку, которому все общество сочувствовало, одним словом, выражали настроение крестьянства же, только более интенсивно. Поэтому предложение выселить подстрекателей не должно было нравиться крестьянам, и, если они ему последовали, то только потому, что это было не столько «предложение» осуществить свое право народного суда, сколько «приказ», которому волей-неволей надо было повиноваться. Дубасов этого не скрывал ни от себя, ни от других, и когда я в отчете государю написал: «предложить сходам», он вычеркнул первое слово и изменил фразу так: «я решил воспользоваться законом, дающим крестьянским обществам разрешение высе-

лять своих порочных членов в Сибирь, и потребовать от сходов, чтобы они изъяли таким образом из своей среды всех зачинщиков и подстрекателей».

Следующим селом на нашем пути была Рожновка, где священник, молодой, довольно красивый человек с вьющимися волосами, встретил Дубасова с крестом и от лица прихожан молил о пощаде заблудшихся, а после молебна возгласил многолетие его высокопревосходительству Фед. Вас. Дубасову, чем очень нам всем не понравился.

Под вечер приехали мы в усадьбу Листовских [16]), в селе Ущерпье. Было темно, и усадьбу мы разглядели только на следующий день: она расположена на высоком обрывистом берегу речки, через которую пробираются на пловучем мосту, почему и напоминает старинный замок, отрезанный от прочего мира. Место очень красивое, особенно осенью, когда отдельные куртины пожелтевшей и алевшей осины резко выделялись на темном фоне сосновых боров, залитые яркими лучами осеннего солнца, сиявшего на голубом небе.

Листовские встретили нас очень радушно и старались окружить всеми удобствами. Главный дом с колоннами производит довольно величественное впечатление. Обстановка внутри очень богатая, — масса картин и статуй эпохи Екатерины великой, которая подарила эту усадьбу графу Завадовскому, от которого она и перешла к теперешним владельцам. Нас поместили во флигеле и не угодили только одним: слишком жарко натопили, так что адмирал, любящий холод, пришел в неистовство и, не найдя в окне форточки, собственноручно выставил стеклянную дверь на балкон, чтобы впустить в комнату приток морозного воздуха.

На следующее утро мы выехали рано, часов в шесть, так как маршрут предстоял значительный и предстояло посетить до пяти сел.

Мы находились в пределах Петровобудской волости, центра аграрных беспорядков Суражского уезда, и на нашем пути лежали два разгромленные хуторка, от которых остались лишь печи да кой-какие обгорелые столбы. Кругом безлюдье, и ничего не напоминало о той драме, которую пережили счастливые некогда обитатели этих усадеб. Одного из них мы видели. Это был Петр Иванович Кравченко, безобиднейший, повидимому, человек. Толпа крестьян пришла к нему под вечер в усадьбу, повидимому, с преступными намерениями и держала себя очень вызывающе. Он начал с ними мирно говорить и старался их успокоить. Началось с мелочей, требовали денег; он сказал, что даст. Требования повысились: встретив податливость, настроение крестьян стало более возбужденным: «А что, барин, будешь в нас стрелять?» — «Нет, не буду, я христианин и проливать кровь не хочу». — «Ну, а мы будем». В это время в задних рядах послышались чьи-то озлобленные крики: «Пали», и толпа бросилась к дому, оттеснив Кравченко. Через минуту полетели стекла в доме, а через два часа от усадьбы оставался один остов. Все было расхищено. Кравченко спасся бегством. На следующий вечер та же толпа приехала еще раз, добрала остатки и подожгла строения.

При большинстве погромов человеческих жертв не было, но вандализм крестьян проявился в полной мере. Скот избивался, обстановка дома ломалась, остатки дожигались. Трудно сказать, что являлось причиной такого исступленного буйства. Разбуженный ли долгой револю-

ционной пропагандой инстинкт зверя, ненависть ли к помещичьим хозяйствам, страстное ли желание скорей выкурить помещиков, чтобы получить их землю? Вероятно, все в совокупности.

Мы с Молоствовым разговорились с одним мужиком про погромы. Тот рассказывал отдельные факты, объяснял, что уже летом отношения были обостренные, жаловался, что крестьянину жить тяжело, что земли негде достать. К погромам отнесся, при нас, отрицательно, осуждал буйства и грабежи, но затаенная мысль в конце таки прорвалась: «Теперь начальство наехало, судить будут... А земля-то все же их будет, потому помещики теперь не останутся, уедут...»

Вот корень, питающий аграрные беспорядки. Пусть будет суд, и нескольких упекут в тюрьму! Что с того? Помещики покинут свои насиженные гнезда, где жизнь после погрома станет невозможною, и расстанутся со своей землей, которую, кроме крестьян ближайшего села, конечно, никто не купит, а последние, являясь единственными покупщиками, смогут приобрести ее за бесценок.

Проехавши две небольшие деревни, Веприно и Репки, где Дубасов говорил с крестьянами, мы прибыли в 12 часов дня в большое село с волостью, Петровскую Буду. После молебна Дубасов вышел на паперть и обратился к сходу со своей речью. Здесь были собраны многие старшины и старосты, и потому адмирал говорил с ними подробно обо всем и настаивал, чтобы награбленное всегда и везде возвращалось помещику. Остановился еще на вопросе о самовольной рубке леса в помещичьих лесах и заявил, что ввиду трудности справляться с этого рода проступками им приказано применять самые строгие меры. Если разъезд встретит порубщиков и последние откажутся немедленно прекратить рубку и везти уже сваленное к помещику в усадьбу, то разъезд, согласно инструкции, должен открывать в таких случаях огонь по лошадям и даже по людям.

Насколько мало однако влияли на слушателей эти слова, может показать следующий факт. Во время нашего закусывания в помещении волостного правления, почти в то самое время, когда мужики составляли приговор, сообщили, что крестьянский скот преспокойно пасется на помещичьем лугу. Тогда Параделов вызвался с казаками отбить этот скот, чтобы выяснить домохозяев, и полетел в поле. Предприятие однако не удалось. Хотя казаки и согнали коров с поля, но при въезде в село на них набросились бабы и в мгновение ока, несмотря на удары нагаек, которыми их усердно награждали казаки, разобрали скот по домам, оставив взвод с пустыми руками. Делать было нечего, и сам Дубасов понял, что лучше не останавливаться на этой истории, а расставаясь с крестьянами, упомянул вскользь, что он требует искреннего раскаяния, а не лицемерного проявления чувств, когда мужики за его глазами продолжают пасти скот на помещичьем лугу, и что он этого впредь не потерпит.

Из Буды отправились в село Перетин, где опять повторились те же слова, те же укоры, то же заявление, что только честным трудом и царевой милостью можно приобретать богатство на Руси. Мужики пошли составлять приговор о выселении «порочных членов», а около церковной ограды осталась кучка баб, громко беседующих о невиданном еще ранее начальстве и о его словах. «А земля все-таки наша будет», — заявила одна бабенка побойчее. «Нам без нее не жить, а помещикам и

без того хватит богатства». Молоствов слышал эти слова и рассказал адмиралу и нам. Вот и убеждайте после этого крестьянина о неприкосновенности частной собственности. В данном случае было уже, кажется, все сделано. Приехал царский посол, приехал с войсками, так громил в своей речи крестьян, что они на колени опустились, а все же задний клапан в мозгу открыт, и снова и снова появляется мысль: «А земля все-таки наша будет».

Наконец, приговор составили, и адмирал вышел к сходу. Прочли список выселяемых. Один из них, еще молодой парень, бросился в ужасе на колени перед Дубасовым и умолял простить. «Ваше превосходительство, ей-богу, не виноват, по злобе это они, по злобе на меня» — плакал он. «Врет, врет он, ваше превосходительство, он у нас конокрад известный, еще весной у меня лошадь украл» — закричал какой-то старый мужик. Делать было нечего; хотя было почти ясно, что парень был не столько погромщиком, сколько конокрадом, приходилось подчиниться сельской юстиции. Дубасов велел всем замолчать и сказал: «Все общество постановило приговор, значит, ты виноват. Но если бы и была ошибка, то не бойся: этот приговор пойдет еще на утверждение съезда и присутствия, и если ты не виноват, то тебя отпустят. Теперь же арестуйте всех внесенных в приговор». Солдаты обступили приговоренных, которые уже молчали в сознании своей полной беспомощности, а мы поехали далее.

Вечерело, и надо было спешить домой, так как предстояло еще заехать в село Смяличи, крестьяне которого были собраны днем в Буды и должны были уже составить приговор. Мы приехали туда, когда уже совсем смерклось. Посреди невообразимо грязной улицы столпились мужики, и посреди стояла кучка приговоренных к выселению. Солдат для сопровождения арестованных более не было, — они уже все остались, кто в Буде, кто в Перетине. Дубасов приказал офицеру нашего конвоя стать во главе половины наших казаков и взять под стражу выселяемых смяличан. Приказание было исполнено, и приговоренные мерно зашагали к уездному городу, покидая родное село, может быть, навеки.

На душе было тяжело и грустно, невообразимо грустно.

★

На следующий день мы поехали назад в Клинцы. Утром был сход в Ущерлье, затем заехали в одну деревню и направились в Рожновку принимать приговор. Списки исключенных из общества крестьян были уже известны; от нескольких даже были поданы жалобы Дубасову. Более всего возбуждали сомнения три рожновских крестьянина. Про одного из них даже священник утверждал, что в день погрома, правда, утром, приговоренный крестьянин был у него по делу. Два других отличались тоже хорошим поведением. Листовский объяснял этот приговор совершенно побочными соображениями. Эти три крестьянина были выбраны уполномоченными от схода весною этого года, когда село хотело меняться землею с соседним помещиком, но сделка, совершенная от имени села этими уполномоченными, не понравилась их доверителям, и они точили зуб на них, последствием чего и являлся, вероятно, указанный приговор. К приезду нашему Рожновка приняла праздничный вид, и около церкви место было убрано гирляндами с царским вензелем. Священник встретил нас приветственной речью, а

староста поднес приговор схода; к выселению приговорили шесть человек. Трое бросились к Дубасову и умоляли о помиловании. Священник открыто говорил, что они, кажется, не участвовали в погроме. Дубасов опять повторил приговоренным, что высшая инстанция разберет их дело, но, конечно, это были пустые слова, так как им же была дана предводителям дворянства и губернатору инструкция не задерживать рассмотрения этих приговоров, ограничиваясь соблюдением формальных условий, требуемых законом.

Солдаты оторвали осужденных от их жен и семей и отвели в сторону. Плач и вопли жен раздавались кругом. Женщины бросились на колени, хватали Дубасова за полы платья, за сапоги, старались удержать его, протягивали детей, оторванных от груди, — адмирал должен был остаться непреклонным. Лес рубят — щепки летят... В это время священник выступил вперед и возгласил: «А теперь, ребята, за здравие обожаемого нашего государя, ура, ура, ура! Генерал-адъютанту Фед. Вас. Дубасову ура!» И троекратное «ура» толпы мужиков слилось с отчаянными воплями и плачем женщин, тщетно старавшихся удержать представителей власти, обрекших на суровую кару их, быть может, ни в чем не повинных мужей.

Поздно вечером мы приехали в Клинцы.

С точки зрения администрации результаты объезда Суражского уезда являлись вполне благоприятными. Население видело царского посла и должно было понять, что погромы царем осуждаются. Наконец, приговоры о выселении порочных членов дали в одних только посещенных селениях до 87 человек. Если эти люди и не были именно подстрекателями к погрому, то, во всяком случае, это был в большинстве случаев тот неблагонадежный элемент, удаление которого безусловно желательно. Последнее явление было особенно отмечено местными властями, которые справедливо замечали, что настоящие преступники будут привлечены в свою очередь судом, а эти приговоры коснулись многих лиц, для обвинения коих не находилось еще улик. Правда, кой-где в эти приговоры попали и лица, уже привлеченные к ответственности судебной властью; часть же числилась в бегах. Так, например, в Петровской Буде исключено 26 человек: из них уже числилось за следователем 8, в бегах 8; в Перетине — из 22 — 13 в бегах, 3 — за следователем. По точной букве закона выселение это происходит за счет общества. Дубасов обещал им произвести это за счет казны. Когда же Дурново сообщил ему о незаконности такого распоряжения, то он телеграфировал следующее: «Я обещал крестьянам, как царский посол, и моему слову должно быть оказано доверие. В случае, если ваше превосходительство не найдете возможным удовлетворить названное ходатайство, я обращусь с ним непосредственно к е. и. величеству, именем которого я действовал». Пример, достойный твердости, которая всегда отличала Дубасова.

Следующий день был посвящен Стародубу, где был в октябре сильный еврейский погром [17]). Представители города утверждали, что предстоит новый погром, и просили войска. Адмирал, в распоряжении которого свободных войск не было, заявил, что залог мира и благополучия — в спокойствии и благоразумии самого населения, и закончил речь словами: «Спокойствие, спокойствие и спокойствие!».

Аграрных беспорядков в Стародубском уезде не было, и сомнения

возбуждало только имение г-жи Бороздны при с. Медведкове, где ее зять вел, повидимому, эксплоататорское хозяйство. Адмирал старался успокоить приехавшую к нему владелицу и ручался ей за неприкосновенность усадьбы, которую власти не дадут громить. (Сожгли ее, кажется, уже в январе.) [18]).

Из Стародуба адмирал вернулся в Чернигов, но уже через день выехал в Городнянский уезд, где крестьянами Велико-Лиственской волости был разгромлен ряд больших усадеб: Мортона, Карвольного-Гриневского, Лизогуба, Дунина-Борковского, Свечина, Оболонского и многих других [19]). Это были все чудные старинные дворянские гнезда, исчезнувшие с лица земли втечение одной недели. Здесь громили особенно яростно и, покончив с помещиками, перешли к богатым казакам-хуторянам. Здесь впрочем и кончились грабежи. Они вызвали сильную реакцию в среде самого же крестьянства, приведшую к тому, что самосудом на площадях перед церквами было в трех селах убито 50 громил. Их вызывали из толпы и тут же забивали кольями. Пришедшие войска с трудом спасли остальных участников грабежа от мести односельчан... [20]). Времени в нашем распоряжении оставалось немного. Дубасову было поручено водворение порядка, кроме Черниговской, еще в Курской, Полтавской и Орловской губерниях, а курский губернатор слал телеграммы одна тревожнее другой: «Пугачевщина идет. Восстание растет с ужасающей быстротой. Войск нет. Запасные волнуются». Поэтому адмирал решил поспешить в Курск и ускорить объезд Городнянского уезда. Сходы и выборные старшины и старосты были сконцентрированы в трех пунктах: с. Тупичеве, Великом Лиственe и Бегаче.

Особенно врезался в моей памяти сход в Великом Лиственe. Это — громадное село с двумя обществами: казаков и крестьян. Туда же были вызваны и мужики из соседней деревни Пекуровки, принимавшей особенно видное участие в погромах соседней усадьбы Дунина-Борковского. Таким образом, там собралось три больших схода, и нас ожидала громадная толпа крестьян. Мы приехали часов около трех, не ранее, потому что задержались в разгромленной усадьбе, где на месте старинного дома, простоявшего чуть не полгора столетия, оставались одни развалины — обширный фундамент да обвалившиеся трубы печей. От усадьбы до села около двух верст отчаянной дороги, идущей в значительной своей части по гати через речку. Наконец, коляска остановилась перед церковью. Священник прочел с амвона манифест [21]), отслужил молебен, и народ стал выходить из церкви. Когда все успокоилось, Дубасов начал:

«Не с милости следовало мне начинать. Те новые благодеяния, которые государь изливает на своих детей, вы их не заслужили, так как вы чинили то насилие, которое, как вы слышали в манифесте, глубокою скорбью исполняет сердце царское. Но в нашей стране есть других 130 миллионов подданных, верных подданных, любящих своего царя и боящихся его оскорблять. Среди них вы, мятежники, — как горсть песку, которую можно зажать в кулак, и в заботах об этих ста тридцати миллионах царь изливает свои милости. И то благодеяние — сложение выкупных платежей, о котором вам сейчас читал священник, не первое. За последние полгода на вас излито столько милостей, что даже перечесть трудно. Прежде вы были во многом угнетены, ваши нужды не доходили до царского престола; теперь вы можете прямо че-

рез своих выборных в Думу людей предстать перед светлые царевы очи и доложить ему обо всем. Недавно еще, 17 октября, вам дарованы другие еще милости, о которых и не слыхивали наши деды, о которых им и не снилось. Вам дана свобода слова, свобода совести, свобода собраний, свобода союзов, одним словом, свобода на всякое доброе дело. Это — свобода честного человека, а не то своеволие, которое вы, мятежники, проявили. Чем же вы отблагодарили царя? Вы, как разбойники, с дрекольем и вилами поднялись на соседних помещиков и разгромили их. Вы сказали: возьмем их добро! Да разве можно на великой, святой Руси, где всегда был порядок, приобретать богатство насилием и грабежом? Только два пути есть для этого: честный труд и царская милость, а разбойникам одна дорога на Руси — Сибирь и каторга. Но государь знает, что не все вы виновны, что есть среди вас подстрекатели, которые смущали вас. Их вы должны выкинуть из вашей среды, приговорить их к выселению и этим очиститься перед государем. Правда, эти люди стращают вас, что они отомстят вам за внесение их в приговор. Не бойтесь этого! Лишь только вы постановите приговор, они будут схвачены и отведены в тюрьму, и вы их больше никогда не увидите. Если вы их не захотите выдать, я их сам возьму. Я останусь здесь с войсками, пока их всех не перехвачу, я выдергаю их из среды вашей. Но тогда и вас всех я буду считать мятежниками. Но я знаю, что этого не будет, что вы не захотите опечалить государя и раскаетесь. Но раскаявшись, боже упаси еще раз подняться! Тогда я возвещу вам царский гнев и камня на камне не оставлю на этом месте и донесу государю, что очистил русскую страну от заразы. Теперь идите и постановляйте приговор. Я не уеду, пока вы мне его не представите».

Толпа покорно слушала, но при последних словах послышался чей то недовольный голос: «Деться некуда... жить невмоготу стало...». «Кто это говорит?» — крикнул Дубасов. Говорившего выдвинули вперед. «Это — бунтовщик, ваше превосходительство, — заговорил быстро староста, он еще намеднись побил несколько мужиков». Молодой парень, белобрысый, как все полещуки, взошел на ступеньки церкви и хмуро остановился перед адмиралом. В ободранном зипуне, низенького роста, он имел чрезвычайно жалкий вид; ему можно было дать на вид не более 17 лет. Та же мысль мелькнула в голове Дубасова: «Сколько тебе лет?». — «Двадцать один» — ответил тот. Дубасов изумился, но почти не показал этого. «И смотреть не хочется, — презрительно начал он, — от земли не видать, а туда же лезет бесчинствовать. Вот отчего вся смута идет у вас, что вы, старики, не можете молодежь удержать от бесчинств, распускаете бездельников. Я требую, чтобы вы мне таких бездельников, как этот, выдали, чтобы вы их всех в приговор внесли», — закончил адмирал, показывая на парня, который не проронил ни слова, хотя в эту минуту решалась его судьба и было определено его изгнание из родной деревни.

Крестьяне разбрелись: лиственцы собрались сходами у изб своих старост; пекуровцы — в помещении школы. Были ли у них заранее намечены кандидаты или были в среде схода лица, чей голос имел преобладающее значение, но результаты стали известны довольно скоро. Лиственцы крестьяне приговорили к выселению двадцать человек, казачий сход — двадцать одного; пекуровское общество — восьмерых. Был еще спор о девятом, но его в приговор не поместили, так как полного единодушия, повидимому, не было.

Я был в школе и написал им на листе формулу приговора, выработанную Дубасовым [22]), а затем стал вписывать имена и фамилии исключаемых. Называли эти имена отдельные мужики, стоявшие в комнате, и так как остальные не протестовали, то я их и вписывал, но о девятом зашел спор между двумя мужиками, и я предпочел его не включать. Было ли достигнуто на сходе полное согласие по вопросу о выселении, я не знаю. Находившиеся в помещении были солидарны с приговором, но их было в комнате, где акт писался, не более 50—60 человек. Человек 40 стояло в соседней комнате и человек 100 на дворе, так что, в конечном итоге, безусловных гарантий в правильности решения не было. Бумага всему сходу прочтена не была, хотя я это и предложил сделать; мужики сказали, что не стоит, так как решение уже постановлено, — и началось подписывание, причем, конечно, уже более никто не осведомлялся о содержании приговора. В дверях комнаты стоял столик с приговором и с чернильницей. Мужики дефилировали мимо двери и спешно, чтобы не затягивать дела, прилагали руки. Несмотря на это, дело сильно затянулось, и уже совсем смерклось.

Признаюсь, что я с чувством некоторой жуткости пробирался из помещения школы к церковному дому, где сидел Дубасов. Была полная темнота и итти приходилось почти наощупь, придерживаясь забора и по направлениям к огонькам дома священника. Невольно думалось: как легко было бы одному из исключаемых, в отместку за свое наказание, напасть на представителя администрации из-за угла и преспокойно пристукнуть! Страхи были, конечно, напрасными, и я беспрепятственно достиг паперти, где встретил Молоствова. Он был чрезвычайно поражен апатией крестьян к предстоявшей им каре. Зайдя в одну избу, чтобы попросить воды, он увидел, что хозяин снаряжался в дорогу, а домашние довольно спокойно помогали ему и отыскивали разные вещи. На вопрос Молоствова, куда он едет, жена мужика объяснила, что он включен в приговор и будет сослан, а, следовательно, надо спешить, чтобы одеться и приготовиться к дороге ранее, чем приговор будет подписан, а то позднее не успеешь.

Итти в душную квартиру, чахоточного к тому же, священника нам с Молоствовым не хотелось, и мы остались у паперти. Площадь вся наполнилась постепенно подходившими подписавшимися уже под приговором мужиками, и Молоствов от нечего делать стал с ними заговаривать. Темой, конечно, служили погромы, и мы указали мужикам на все безобразие произведенных ими опустошений на месте усадеб. «Да, что и говорить, конечно, плохо сделали. Одна беда,— заметил мужик, стоявший рядом с молодым парнем.— Мы с ним и то подивились, как вернулись в село да барскую усадьбу повидали». «А вы разве не были во время погрома?»—«Нет, мы в городе в малярах были; пришли сюда уже после погрома». Несколько времени погодя мужик опять начал: «А что, барин, вон тем, что ссылают, там в Сибири что же земля будет али нет?» Я объяснил, что землю дадут. «А по скольку же?» — «Да по 15 десятин на душу. А что?» — «Да так, ничего». Он опять помолчал. «А что там в Сибири, как у нас, пашут?» Я постарался, насколько мог, объяснить ему условия ведения хозяйства в Азиатской России и более или менее удовлетворил его любопытство. Когда мы потом отошли, какой-то мужик сообщил нам, что оба эти мужика, старый и парень, были включены в приговор лиственцев. «Да

как же они говорят, что и не были здесь во время погрома?» — «Да кто их знает!», — был апатичный ответ.

Наконец, все приговоры были подписаны. Толпа заполнила площадь, старосты и десятские стали вызывать из толпы приговоренных к исключению, список которых был у Малахова. Их было человек 15—18. Хотя в общем итоге в три приговора было занесено 49 имен, но многих не было больше налицо. Так, было приговорено к исключению около десяти лиц из числа убитых самосудом и при столкновении с войсками 30 октября; затем около 15 человек, уже сидевших в тюрьме по постановлению следственной власти, привлекавшей их к ответственности; остальные пять-шесть человек числились в бегах.

Приговоренные были большею частью молодые парни; семь из них еще не достигли совершеннолетия и потому согласно закона даже не могли подвергнуться исключению по приговору общества, о чем Малахов и доложил Дубасову. Он был вообще недоволен этой системой и, глазное, спешкой и говорил, что надо было дать ему подготовить почву и наметить действительно вредных лиц для исключения.

Когда все были собраны, доложили Дубасову. Он вышел опять на паперть, освещенную двумя ярко горящими керосиновыми факелами, и обратился к толпе: «Теперь, когда вы исполнили волю нашего обожаемого государя и выдали лихих людей, подбивавших вас на все дурное, я могу донести государю, что вы раскаялись и снова его верные подданные. А потому крикнем теперь государю императору: ура!» «Ура!» было подхвачено всей толпой и раскатом пронеслось по широкой площади.

«Уведите осужденных» — приказал Дубасов. Взвод пехоты Острожского полка выступил вперед, окружил приговоренных к ссылке крестьян. Послышалась команда: «Шапки вон, на плечо, шагом марш!» — и кучка людей зашагала от церкви. Два мужика сняли шапки и набожно перекрестились на церковь, видимо, прощаясь с ней перед вечной разлукой.

Несовершеннолетние были освобождены Дубасовым; узнав от Малахова, что включение их в приговор недействительно, он велел им отойти в сторону и сказал сходу, что прощает их ввиду их юности. «Но знайте, что вы являетесь ответственными за их поведение, вы, старики, должны наставлять их и следить за тем, чтобы они вели хорошую, честную жизнь, а не бесчинствовали. В противном случае вся ответственность падет на вас. Я сделал, что мог. Тех лихих людей, которых вы мне выдали, я арестовал, и вы их больше не увидите. Но те, которые еще среди вас, если такие остались, лежат на вашей совести, и вы должны отвечать за них перед богом и государем».

В приговор пекуровского общества была еще включена просьба о выдворении из их мест сельского учителя Кривкович. Дело в том, что Дубасов указывал на сходах, что крестьяне должны следить за тем, чтобы всякая личность, сеющая смуту, была выдана властям, и, главным образом наблюдать за школьными учителями, которые часто бывают революционерами. Пекуровцы заявили о своем желании «сослать учителя их школы, который «смущает народ и даже про государя говорил негоже». Я пошел спросил у Хвостова [1]), можно ли включать это ходатайство в приговор и, когда он сказал, что да, отправился

[1]) Так в подлиннике. Следует: «Дубасова».

опять к пекуровцам кончать приговор. Слова про государя я однако выкинул, так как при тогдашней свободе слова оно едва ли сошло бы за преступление, но, осведомившись и узнав, что он подговаривал к погрому, включил это обстоятельство в приговор. Конечно, юридического значения эта просьба иметь не могла, так как крестьяне не имеют права суда в отношении лиц других сословий, но все же эта заметка смогла бы впоследствии служить основанием для увольнения учителя от должности или предания суду.

Следует вообще заметить, что учителя принимали видное участие в революционной пропаганде, но, когда движение было подавлено силою оружия, скрылись, и нам, например, не встретился нигде ни один учитель. А между тем, тому месяц назад они все были на местах и даже деятельно устраивали вечерние классы для взрослых. Самым видным агитатором среди них был учитель Теремец [23]), который долго разыскивался администрацией и был обнаружен в последние дни нашего пребывания в Чернигове где-то в глухой деревушке на краю губернии, где он вел беседы с крестьянами. При нем была захвачена сильно его компрометирующая переписка и бумаги, содержащие в себе целый план восстания.

Брожение проникло, конечно, и в среду учащейся молодежи, и большинство средних учебных заведений в октябре бастовало. Директор гимназии советовался по этому поводу с Дубасовым и получил в ответ, что желательны меры неукоснительной твердости и строгая дисциплина и что не следует останавливаться даже перед исключением из гимназии особенно вредных элементов. Особенно жаловался директор на одного ученика VII класса, Мачерета, который, по его словам, лез на него с кулаками в день забастовки. Адмирал сказал, что поговорит с отцом этого гимназиста, и велел полицеймейстеру [24]) вызвать Мачерета к следующему утру.

Тот явился. Это был скромного вида жидок, державший себя крайне униженно и подобострастно. Дубасов указал на дошедшие до него слухи о возмутительном поведении Мачерета-сына, который даже позволил себе размахивать кулаками перед директором. «Да, ваше высокопревосходительство, сын мой, правда, виноват, он позволил себе «стекулировать» перед г. директором. И я ему говорил: «Как ты смел стекулировать?». И он отвечал: «Что делать, папа? Я виноват, я стекулировал». Он такой тихий мальчик, ваше высокопревосходительство». Дубасов не обратил внимания на эти уверения и, зная, что гимназист себя вообще плохо вел, сказал: «Это мне все равно. Поведение вашего сына возмутительно, и я предлагаю вам серьезно поговорить с ним как отец и сказать ему, чтобы он с сегодняшнего же дня сделался тихим, скромным мальчиком. Если же он еще раз посмеет грубить начальству или будет вредно влиять на товарищей, то он будет немедленно исключен из гимназии, а вас я выселю за пределы Черниговской губернии». Тот понял, что дело серьезно. «Конечно, ваше превосходительство, вы можете меня выслать, и я этому должен подчиниться, хотя мне это очень тяжело, мои и дед и отец всегда жили здесь, и нас все здесь знают, — я поговорю с сыном...» — «Да, и скажите ему серьезно, чтобы он с сегодняшнего же дня сделался тихим мальчиком. И пусть этот разговор останется между нами и чтобы ваш сын про него не говорил. Это совершенно бесполезно. Прощайте».

Тот униженно закланялся и вышел из комнаты. Не знаю, чем кончилась история его сына. Мы больше про него ничего не слышали.

Перед отъездом Дубасов говорил еще с волостными старшинами всей губернии, половина которых была собрана в Чернигове, половина же в Конотопе. С последними мы виделись 21 ноября, и адмирал специально приезжал для этого из Курска, куда он прибыл еще 18-го, спешно вызванный губернатором. Самый разговор со старшинами не представлял из себя ничего особенно интересного, но в Конотопе, после разговора адмирала с толпой, случился инцидент, заслуживающий быть упомянутым. Следует вообще заметить, что разговор с городской толпой — вещь обоюдоострая, так как здесь собраны люди самых различных убеждений и классов. В Стародубе, например, адмирал в суровых выражениях осуждал толпу за еврейский погром, чем очень обидел ее, так как присутствовало много благонамеренных элементов, пришедших повидать царского посла, и Дубасову пришлось еще раз выйти к ним и выразить свое удовольствие по поводу того, что он видит перед собою только честных граждан. Кто-то, впрочем, уверял, что во второй толпе однако именно было много грабителей, подошедших к дому, между тем как обиженные «благонамеренные» ушли домой. Впрочем, я думаю, что это преувеличение и желание придраться к Дубасову.

Но возвратимся к Конотопу. Здесь, очевидно, сознательно подготовлялась демонстрация людьми, находившими поддержку в массе многочисленных рабочих и «сознательных» крестьян, которых здесь особенно много благодаря железнодорожным мастерским с массою служащих. Разговор с толпой происходил у помещения съезда. Дубасов стоял в крыльце, на невысокой, специально поставленной приступочке; мы все за ним. По ту сторону толпы — казаки и пехота.

Крестьяне обращались с различными просьбами, в которые Дубасов по возможности вникал и внимательно говорил со всяким, но мы заметили, что постепенно вперед проталкиваются молодые люди из интеллигентных крестьян. Один из них начал жаловаться, что земский начальник мешает свободе собраний в деревне и не разрешает сходов. Так как этот земский начальник стоял около адмирала, то последний и обратился к нему за разъяснениями. Внезапно в толпе появилось движение, и послышался ряд громких криков: «Снять земского!», «Убрать!». «Молчать!» — закричал Дубасов. «Молчать!» — повторил он, видя, что не слушаются. Толпа притихла. «Это что? Как вы смеете? Как ты смел кричать?» — набросился он на одного, стоявшего впереди и особенно шумевшего: «Взять его!». «Не дадим!» — и толпа двинулась вперед.

Признаюсь, минута была из опасных, но, к счастью, городовые и пристав успели схватить агитатора и втиснуть его в середину нашей кучки, а офицер, стоявший за Дубасовым, выскочил вперед и дал знак войскам. Казаки прорезали толпу, и та обратилась в бегство, а пехота сомкнулась полукругом около нас.

Увидя, что опасность прошла, адмирал велел вернуть толпу, а арестованного вывести вперед. «Не дадим?» — обратился он к толпе. — «Попробовали бы вы мне «не дать», да я бы с войсками выдергал бы его из вашей среды. Отвечай, мерзавец, как смел ты бунтовать?». Тот

струсил не на шутку. Кругом были войска, и поддержки прийти ни откуда не могло. Он сбавил тону: «Простите, ваше превосходительство, не знал, что делаю, пьян был. Что делать? Выпивши». Исход был дан очень удачный. «Проси прощения!». Тот стал на колени. «Я этого болвана прощаю, — обратился Дубасов к толпе, — потому что с пьяницами не желаю разговаривать. Пошел вон, мерзавец!». Арестованный вскочил, потом как-то нерешительно еще раз бухнулся в ноги и исчез затем в толпе. Адмирал же докончил свой разговор с толпой и затем уехал на вокзал.

Странный случай произошел с нами через два часа. На первом же разъезде около Конотопа [поезд] остановился и что-то долго не уходил. Мы выглянули из окна. Уже стемнело, и видны были только какие-то точки в поле, быстро двигавшиеся, и слышались крики: «Держи, держи!». Мы решили, что это ловят какого-нибудь вора, и спокойно смотрели. Но крики все приближались к поезду, и вдруг мы слышим, что из паровоза выпускают пары. Адмирал послал жандарма узнать, в чем дело, и тот доложил через несколько минут, что в селе арестовали сегодня двух крестьян и повели на разъезд, и толпа хочет их освободить и ищет их, но без толку, потому что их уже увели на другую станцию. Паровоз же и вокзал захвачен бунтарями.

Положение становилось критическим. Если крестьяне уже знали, кто едет в поезде, и слышали про инцидент, происшедший в Конотопе назад тому два часа, — тем более, что на разъезде из поезда выскочило несколько человек, ехавших из Конотопа, — у них могла появиться заманчивая мысль о возможности «взять в плен» царского посла, тем более, что мы были, в сущности, безоружными. Дубасов велел жандарму пойти выяснить положение и объяснить толпе, что искомых ею злоумышленников в поезде нет, а потому задержка поезда является бесцельной. Мы с некоторой тревогой стали ожидать результатов этих, так сказать, переговоров. Через несколько минут мы с радостью заметили, что поезд двинулся, и, проезжая мимо толпы, слышали громкие возгласы и крики. Не знаю, что они означали, кажется, это было просто «ура», и задержавшие поезд крестьяне не знали, что мы едем с ним.

Уже на следующий вечер Дубасов получил телеграмму из Конотопа от исправника, что, узнав о задержке поезда на разъезде, он просил о высылке туда войск, что и было исполнено. Поздно вечером на разъезд пришла рота пехоты и узнала, что нас благополучно пустили далее, а толпа крестьян ушла громить соседнюю экономию Терещенки. Удалось ли это ей или же присланные для нашего освобождения войска предупредили погром, не знаю [25]).

★

В момент нашего прибытия в Чернигов беспорядки в этой губернии окончились, но они развились зато в соседних губерниях и выразились рядом погромов, уничтоживших массу усадеб, главным образом, в Курской и Саратовской губерниях. На долю Дубасова выпала задача прекратить смуту в губерниях, кроме Черниговской, еще в Курской, Полтавской и Орловской. Последние две были сравнительно спокойны, но курский губернатор Гордеев слал одну телеграмму тревожнее другой.

Поэтому Дубасов решил ускорить свой приезд в Курск и прибыл туда уже 18 ноября [26]).

Ориентироваться в делах было здесь гораздо труднее, чем в Чернигове. Революционное и аграрное движение приняло размеры гораздо более значительные, чем там, а администрация стояла гораздо ниже в смысле умения и энергии. Вице-губернатор Борзенко сказался больным и не принимал никакого участия в делах. Губернатор Гордеев [27]) был очень грансеньорист, но совсем не знал своего дела и губернии. Сознавая, что он не сможет лично руководить подавлением беспорядков, он благоразумно прибег к системе «децентрализации», как он выражался, и предоставил все и вся исправникам, так что даже не мог сообщить Дубасову, где расположены в данный момент отдельные части войск губернии. Дело вести с ним было очень трудно, так как он не любил особенно вникать в дело и этим чуть было не подвел Дубасова, когда, не уяснив себе хорошо мнение адмирала, собирался сделать совершенно противоположные распоряжения по дислокации войск, и если бы ошибка его не была во-время обнаружена, оставил бы без охраны целый район усадеб. Впрочем, он никогда не настаивал на своем мнении и охотно уступал право распоряжений Дубасову. Между тем губерния была охвачена движением, отчасти даже революционным, и в некоторых селениях земскому начальнику с отрядом войска не дали дочитать манифеста, говоря насмешливо, что им разрешают «покупать» землю, которую они уже и без того даром взяли [28]).

В других местах нападали на войска и, не скрывая своих преступных намерений, откровенно объявляли, что в тот самый день, когда охраняющие те или другие усадьбы отряды войск хоть на время будут уведены, эти усадьбы будут разграблены и сгорят. Таким образом, вся надежда была на войска, а последние были и малочисленны и, кроме того, ненадежны. Значительный контингент отбывших срок и запасных, призванных по случаю войны и ожидавших со дня на день увольнения, делали и существующие небольшие силы мало пригодными для несения тяжелой службы по охране порядка. Сама внутренняя дисциплина была настолько подорвана, что офицеры не знали, как успокаивать солдат, и Дубасова просили приехать в казармы в ближайший праздничный день. Он согласился и объехал часть войск. Говорил с солдатами об их задаче служить поддержанию порядка, о необходимости терпеливо нести государеву службу. Те жаловались на тяжелое положение их семей, которым земство не выдает положенного пособия, отчего они «с голода мрут», вообще обнаружили свое крайне приподнятое настроение. Дубасов понял, насколько опасен такой элемент в среде войск, и, возвратясь домой, немедленно телеграфировал Сухомлинову, командующему войсками округа, с просьбой ускорить увольнение запасных.

Вечером адмиралу пришлось еще раз убедиться в приподнятом настроении солдат. По случайному недоразумению он не попал в одни казармы, и собранные там нижние чины были очень обижены и просили разрешения послать депутатов. Адмирал согласился, и выборные вечером явились в губернаторский дом. Один из них начал жаловаться, что им очень тяжело так жить, что семьи нищают, мрут с голоду, одним словом: «Невмоготу нам стало, ваше превосходительство».

Дубасова это взорвало, и он со всей яростью обрушился на говорившего. «Невмоготу? А дедам вашим вмоготу было, когда они мерли на Шипке и за Дунаем и слова не говорили? Те все терпели для царя и для родины, а вам невмоготу?». Разнес депутацию во-всю и отпустил их весьма сконфуженными. Правда, на следующий день командир части приехал заявить от имени солдат, что они были весьма огорчены, узнав о недостойных словах их депутатов, так как полны преданности царю и отечеству.

В первый же день Дубасов созвал совещания как лиц из местной администрации, так и начальников частей. Выяснилась картина довольно безотрадная: аграрное движение, охватившее почти все уезды, отсутствие войск, пробудившееся буйство крестьян. Нормальные меры предупреждения оказывались бессильными против столь разросшегося движения. Адмирал предписал во всех отдельных случаях действовать решительнее. Войскам, застающим погром, велено открывать огонь по громящей толпе без предварительного троекратного предупреждения; в порубщиков стрелять в том случае, если они немедленно не подчинятся распоряжениям отряда; вообще действовать энергичнее, меньше заботясь об ответственности за превышение власти и, по возможности, не оставлять безнаказанным ни одного случая бесчинства или неповиновения власти.

Кроме того был задуман один план, который должен был нанести тяжелый удар смуте. В Курске ходили слухи, что Сахаров[29]) сжег в Саратовской губернии одно или два села, после чего наступило успокоение. Слухи эти оказались ложными, но тогда они ходили очень усиленно, и нам их сообщил денщик Дубасова Ержанинов. Адмиралу эта идея понравилась, и он решил применить этот метод к Курской губернии, рассчитывая на то, что если предупреждение погромов является непосильным администрации вследствие недостатка войск, то устрашение мятежного населения суровой экзекуцией, произведенной хотя бы в одной местности, не может не оказать отрезвляющего влияния на умы.

План сводился к следующему. Если население произведет где-либо погром, то туда выступит отряд войск с артиллерией и обстреляет мятежное селение; сперва удалит жителей, а затем выпустит несколько снарядов и зажжет два-три строения из числа изб или даже, быть может, только из надворных строений. Таким образом весь план покоился исключительно на внушении населению страха перед силой власти, а не на причинении существенных убытков. Замысел этот настолько понравился Дубасову, что он решился привести его в исполнение непременно и возможно скорее, чтобы произведенное экзекуцией впечатление быстрее бы распространилось и возможно ранее было бы достигнуто ожидаемое успокоение. Поэтому он даже решил вызвать погром. Слыша от всех, что население во многих местностях открыто заявляет, что немедленно по уходе войск из их пределов оно начнет разгромы, Дубасов предполагал нарочно удалить из какого-нибудь пункта войска и ожидать развития событий. Выбор места для этой провокации должен был обусловливаться тремя условиями: наличностью революционно настроенного населения, отсутствием крупных усадеб, которые явились бы слишком крупной ценностью, чтобы

быть отданными в жертву погрому, наконец, удобствами для быстрого передвижения войск и орудий. После долгих обсуждений выбор остановился на местности около села Касинова, на границе Курского и Обоянского уездов. Не могу забыть об иронии судьбы, благодаря которой Дубасов обратился, между прочим, с расспросами к непременному члену Лукину [30]), забыв о том, что имение последнего было расположено именно в этом районе. Дубасов требовал, чтобы тот высказал свое мнение о том, произойдет ли погром, если будут уведены войска или нет. Несчастный Лукин не знал, что ответить, сознавая, что судьба его имения зависит от этого ответа, и уклонился от вопроса, чем рассердил Дубасова, жаловавшегося потом, что никто не хочет прямо отвечать на вопросы.

Подробности экспедиции были обсуждены в военном совещании, и было решено, что во главе карательного отряда из трех родов оружия станет командир 68-й резервной артиллерийской бригады полковник Долгов [31]), наиболее развитой из офицеров. Срок выступления был назначен приблизительно на 24 ноября, а в день совещания вечером в Обоянский уезд отправился офицер с особым воззванием Дубасова, которое земские начальники должны были распространить в этой местности. Дубасов объявлял по поводу того, что «население некоторых местностей, где находятся войска, позволяет себе распространять угрозы произвести беспорядки, как только эти войска будут удалены в другие местности... что если сельские общества или хотя немногие из их членов позволят себе привести подобные угрозы в исполнение, то все жилища такого общества и все его имущество будут по приказанию моему уничтожены».

К сожалению или, вернее сказать, к счастью, этой экспедиции не суждено было совершиться. Воззвание было отправлено 19-го вечером, 20-го адмирал уехал в Конотоп, а по возвращении оттуда получил телеграмму от Витте, что «государь император соизволил назначить вас московским генерал-губернатором. Посему имеете немедленно прибыть в Петербург, передать дела по губерниям генералу Пантелееву» [32]). Назначение это весьма смутило Дубасова, и, не будь оно выражено в столь определенной форме, я даже думаю, что он от него отказался бы; но тут приходилось только повиноваться, хотя отозвание адмирала после рассылки последнего воззвания могло было быть ложно истолкованным и повести к новым осложнениям. Не желая связывать Пантелеева предрешением вопроса об экспедиции, Дубасов его отменил и 22 ноября вечером расстался с Курском. Ему хотелось однако познакомиться несколько ближе с остальными двумя порученными ему губерниями, и поэтому он из Курска хотел проехать на один день в Полтаву, но дальше Харькова нам не пришлось следовать. На вокзале нам сообщили, что в городе революция, что войска гарнизона передались, почему и были вызваны в город все войска с вокзала, который остался без охраны, что начинается забастовка, а потому благоразумнее ехать обратно [33]). К тому же решению склонился и Дубасов, и к вечеру мы были опять в Курске, а на следующее утро в Орле.

В Харькове нам подали две телеграммы: одна извещала об убийстве Сахарова, другая состояла из двух частей: в начале — циркулярная по всем железным дорогам от стачечного комитета с предложением

начать забастовку, если до 12 часов дня 23 ноября не последует отмена смертного приговора, вынесенного в Кушке инженеру Соколову [34]); в конце — циркулярная же телеграмма министра путей сообщения, что, по сношении с военным министром, приведение в действие означенного приговора приостановлено и дело направлено к новому расследованию. Государственность окончательно разваливалась. Стачечный комитет давал приказы министерствам, крестьяне уничтожали помещичьи хозяйства и привыкали к захватам и самоуправствам. В Орле мы видели приговор сельского общества Герасимовского хутора Алексеевской волости Малоархангельского уезда с требованием выдачи на руки прежних взносов деревни в продовольственный капитал, что — против закона и, кроме того, невозможно, «а если не будем удовлетворены, — кончался приговор «граждан Герасимовского хутора», — то мы, ваше превосходительство (приговор был представлен губернатору), сибе найдем особое средство для пропитания своих семейств».

Русская смута была в полном разгаре и ждала еще Дубасова в роли усмирителя вооруженного восстания в Москве. Поездка в Чернигов носит эпизодический характер как в биографии Дубасова, так и в истории нашей революции. Она дала Дубасову возможность ознакомиться со строем местной администрации и с деятельностью враждебных правительству сил и тем облегчила ему деятельность в Москве. В истории же русской смуты эпохи 1905 года она является одним из многообразных ее явлений, и беспристрастное описание этого объезда сатрапом мятежной местности может явиться хорошей иллюстрацией той неурядицы, того безначалия и бесправия, которое господствовало в нашей деревне...

19 сентября [1906 г.].

Из отчета ген.-адъютанта Дубасова Николаю Романову о командировке в Черниговскую губ. для подавления крестьянского восстания.

Вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне отправиться в Черниговскую губернию для прекращения возникших там крестьянских беспорядков — на основаниях, изложенных в специальной инструкции генерал-адъютантам, командируемым в местности, охваченные мятежным движением [35]). Во исполнение такого повеления 2 ноября я отправился из Петербурга в Чернигов, куда и прибыл 4 ноября утром.

Ко времени моего приезда разгар революционного движения уже утих, кризис можно было считать миновавшим, и так как настоятельной необходимости в немедленных распоряжениях с моей стороны не было, то я и решил посвятить три дня на изучение общего положения дела в губернии. Из доклада, сделанного мне губернатором д. ст. сов. Хвостовым, и из бесед, которые я имел с представителями местной администрации и общества, я мог составить себе довольно полное представление о характере аграрного движения. Впоследствии же, во время поездок по селам и городам Черниговской губ., отдельные факты и подробности обрисовывались яснее и создавали еще более живое и цельное впечатление

Разгромы и бесчинства, произведенные крестьянами в октябре истекшего года, нельзя считать явлением случайным и обусловленным какой-либо одной причиной. Это было лишь заключительное звено долгой цепи событий, результат долгого брожения, издавна происходившего в крестьянской среде вследствие ряда неблагоприятных обстоятельств.

Долгое время таившееся недовольство крестьянской массы разрешилось, наконец, в насильственных действиях против помещиков, чему не могло не способствовать замечавшееся в последнее время ослабление престижа власти и сильно разросшееся революционное движение. Еврейский погром послужил последним толчком, после которого аграрные беспорядки мгновенно вспыхнули.

Черниговская губерния сравнительно счастливо отделалась. Если не считать разгрома еврейских лавок и жилищ, достигшего действительно громадных размеров (в 10 городах торговля существенно нарушена), собственно аграрное движение охватило два района: Суражский уезд и Городнянский уезд с частью Черниговского. В остальных уездах мы встречаемся лишь с отдельными случайными вспышками, с поджогами, с порубкой лесов, кой-где с движением чисто революционным.

В Городнянском уезде район погромов представляет из себя узкую вытянутую полосу, к сожалению, с чудными старинными барскими усадьбами, стертыми с лица земли. Что же касается до Суражского уезда, то здесь захвачен движением громадный район, приблизительно с 25 разгромленными хуторами — правда, мелкими, принадлежащими небогатым землевладельцам, почти совершенно теперь разоренным. Отдаленность уезда от Чернигова, забастовка железных дорог и отвратительное, вследствие осенних дождей, состояние путей сообщения привели к тому, что не удалось своевременно подать всюду помощь и сохранились лишь некоторые более крупные усадьбы.

Суражский уезд и ранее считался одним из наименее благонадежных. Раскинувшийся в глуши Полесья, он населен крестьянской массой, и более бедной и более темной, чем в других уездах той же губернии. Почва — песчаная, мало производительная; надел, вообще незначительный во всей губернии, в районе погромов колеблется между 0,8 и 2,0 дес. Толпы крестьян, которые мне пришлось видеть на сельских сходах, производят крайне тяжелое впечатление своим диким, грубым видом и нищенским одеянием. Видно, что это — темная, необразованная и некультурная масса, которая способна поверить самому нелепому слуху и последовать за агитатором, который бы ее умело повел. К сожалению, в последних недостатка не было. В среде местного же населения есть крайне вредные элементы в лице крестьян, бывавших на отхожих промыслах или фабриках. Попадались рабочие, высланные из Петербурга после 9 января, которые не могли не внести смуты в деревни; есть много шахтеров, работавших в рудниках Донецкого района; немало также крестьян, уходивших этим летом на заработки в южные губернии, где они могли быть свидетелями разгромов помещичьих усадеб. Кроме того, Черниговская губерния полна так назыв. «третьим элементом» — учителями, учительницами, землемерами, статистиками, агрономами, пользовавшимися покровительством земства, которое, в увлечении борьбой против существующего порядка, содействовало вся-

чески его разрушению, не думая о последствиях. Эти ставленники земства занимались весьма усиленно пропагандой социалистических идей и наводнили деревню нелегальной литературой...

Пропаганда оказалась удачной. Агитаторы сумели объяснить крестьянам, что, если прямо выгнать помещиков и трудно, то можно, по крайней мере, сделать для них жизнь в деревне невыносимой, как бы «выкурить» их из усадеб. Действительно, если помещик будет лишен возможности извлекать из своего имения доход, то ему не останется ничего другого, как ликвидировать свое хозяйство, продав землю тем же крестьянам, хотя бы за уменьшенную цену. Повидимому, крестьяне хорошо поняли это разъяснение. С весны этого года во многих местах начались насильственные действия крестьян, незначительные каждое в отдельности, но в совокупности делающие невозможным ведение помещичьих хозяйств. Начав с потрав на помещичьих лугах, крестьяне скоро перешли к покосу чужой травы, рубке лесов, увозу хлеба с полей, поджогам... В октябре еврейские погромы побудили их перейти к мерам более сильным...

В посаде Клинцах (Суражского уезда) еврейский погром начался 21 октября и перешел в открытый грабеж, весть о котором немедленно распространилась по окрестным селениям. На следующий же день к посаду потянулись подводы мужиков, надеявшихся поживиться награбленным добром, но, благодаря заблаговременно принятым мерам предосторожности, крестьяне не были допущены. Тогда они обратились против одного подгородного хутора и разгромили его, чтобы не пропала даром поездка, как показывал прокурору один из обвиняемых. А раз начало было положено, продолжение не заставило себя ждать, и за первым погромом быстро последовали другие. Всего разграбили до 25 хуторов.

Действия крестьян носили известную систематичность, и во главе шаек громил, к которым примыкало почти все население сел, стояли отдельные личности — главари, носившие у местных жителей название «Куропаткиных» и «Линевичей». Успеху агитаторов содействовал ложно понятый крестьянами манифест, истолкованный в том смысле, что дана полная свобода и можно все делать, а равно ходившие в народе нелепые слухи вроде того, что «царь уехал за границу и дал до января сроку бить жидов и панов». Как бы то ни было, а в значительном районе крестьяне поднялись на помещиков и начали даже распределять между собою усадьбы. Обыкновенно погромы происходили в два приема: в первый — только громили и буйствовали, во второй — грабили, увозили и затем жгли то, чего нельзя было увезти.

Для прекращения беспорядков в северные уезды были стянуты войска и туда выехал вице-губернатор Родионов. Благодаря умелым действиям последнего погромы немедленно прекратились и спокойствие начало восстановляться, хотя настроение крестьян было еще очень возбужденным.

Таким резким образом проявилось аграрное движение из северных уездов только в Суражском. В соседнем, Мглинском, спокойствие не было нарушено; в Стародубском был погром еврейский, а не аграрный; в Новгород-Северском далее порубок леса дело не пошло, и только Новозыбковский оказался в более или менее серьезном положении. Там

уже издавна велась пропаганда, в которой видное участие принимал один местный интеллигентный крестьянин — Медведовский. Особенно обостренное отношение между крестьянами и помещиками существовало в селе Куршановичах, где всю осень происходили отдельные насильственные действия, и в середине октября приезжал вице-губернатор, арестовавший 50 человек, которых отправили в Новозыбковскую тюрьму. После манифеста в Новозыбкове очень резко проявилась революционная партия, освободившая заключенных в тюрьме участников куршановичского и других погромов, произведшая антиправительственную демонстрацию и сумевшая даже на короткое время захватить в свои руки власть в городе. Но немедленно после этого начался еврейский погром, тотчас же перешедший в уезды. Впрочем, к приезду вице-губернатора и здесь погромы утихли.

Такой же стремительный и стихийный характер носило движение в другом центре беспорядков: Городнянском и частью Черниговском уездах.

Население этого района, несомненно, богаче, чем на севере губернии. Здесь расположены большие села, крупные усадьбы, много казаков. Близость к губернскому городу оказывает выгодное экономическое влияние, но, с другой стороны, оно же имеет и некоторые дурные стороны — главным образом, обилие неблагонамеренных элементов. Под покровительством губернской управы, главным образом в лице председателя А. А. Свечина и члена ее Малявко, в уезде действовал целый ряд учителей, устраивавших вечерние классы для взрослых, на которых вели социалистическую пропаганду. Среди последних выделился особенно один — Теремец, скрывшийся в начале погромов и арестованный лишь около середины ноября. К сожалению, вредное направление проникло и в иные слои общества, и мне жаловались на странное поведение земского начальника Селецкого и некоторых священников и черниговского [?] уездного предводителя [дворянства] Карвольного-Гриневского.

Аграрные беспорядки выразились в ряде погромов, уничтоживших семь усадеб, расположенных на одной линии. Начавшись в ночь 24/25 октября с разгрома великолепного имения английского подданного Мортона, беспорядки длились четыре дня, причем исчезли с лица земли чудные усадьбы Свечина и Дунин-Борковского. По счастью, в среде местного населения нашлись и здравые элементы. Шайки громил, покончив с помещиками, перешли к насильственным действиям против своих же богатых казаков, чем страшно возбудили против себя, и, когда на выручку одного хутора было послано 15 солдат, к ним присоединилась толпа крестьян, начавшая избивать громил. После этого первого поражения громил началась реакция, и, прежде чем власти успели вмешаться, было убито самосудом до 50 человек. С прибытием войск и начатием следствия порядок вполне восстановился.

Что касается до остальных местностей губернии, то там беспорядки носили характер более случайный.

Аграрные беспорядки происходили еще на границе Нежинского и Козелецкого уездов. В этом районе происходили бесчинства в нескольких местах; кой-где же движение приняло полуреволюционный характер. В селе Мринах орудовал господин, носивший особый наряд и на-

зывавший себя «главным контролером стачки», под которою, как известно, подразумевают разгромы, а в селе Олешевке жители сместили старшину и прочих сельских властей и выбрали новых. В этой местности усиленную пропаганду вел сельский учитель Шрамченко и фельдшерица Теремец, а также был замешан один из учеников черниговской гимназии Бронтницкий. Порядок был восстановлен благодаря энергии непременного члена Шрамченко, прошедшего по уезду с эскадроном драгун.

Из других случаев необходимо упомянуть о беспорядках, происшедших в г. Нежине, где в дни, последовавшие за антиправительственной демонстрацией, в которой участвовала еврейская и учащаяся молодежь, происходили погромы еврейских жилищ, и толпа преследовала так называемых «демократов», вследствие чего администрации пришлось подвергнуть их временному аресту, чтобы избавить от мщения толпы.

Движение г. Конотопа, где ныне введено военное положение, сводится главным образом к рабочему, так как в городе сосредоточены железнодорожные мастерские с многочисленными служащими. Здесь особенно выделялся своею вредной деятельностью агент Московского стачечного союза Шор, скрывшийся в начале погрома.

В последнее время моего пребывания в Черниговской губернии произошли беспорядки на юге, почти на границе Киевской губернии, в селе Гоголеве (Остерского уезда). Село это всегда пользовалось дурной славой как полное смутьянов и бунтарей. Порядок там был восстановлен после того, как туда прибыл с войсками непременный член Шрамченко и арестовал 41 зачинщика.

Такова была картина губернии в момент моего прибытия. На почве недовольства крестьян своим существованием разрослось крупное движение, руководимое и поддерживаемое преступной пропагандой, которой покровительствовало местное земство. Все дело народного образования, дело воспитания будущего поколения находилось всецело в его руках, и оно старалось всеми мерами устранять от дела представителей администрации. Инспектора народных училищ годами не попадали на уличищные советы; запрос полиции о благонадежности назначаемых учителей никогда не делался; требования администрации об удалении вредных лиц часто не приводились в исполнение, и, наконец, летом этого года земство послало делегатов на съезд учителей, происходивший 9 сентября в Москве, и устраивало доклады этих делегатов о решениях съезда, организовавшего незаконный «Всероссийский союз учителей и деятелей школьного дела».

В отношении войск Черниговская губерния была поставлена довольно удовлетворительно, так как в помощь местным войскам были для прекращения беспорядков командированы еще [следует перечисление] *). Главную массу местного войска представлял из себя Острожский пехотный полк в составе военного времени, но, к сожалению, мобилизованный минувшим летом в Черниговской губернии во время сильно возбужденного состояния умов. Поэтому администрация решалась лишь с крайней осторожностью посылать этот полк на усмирение.

*) Указанных сведений в отчете не имеется.

Тем не менее, не могу не упомянуть об исключительном и безупречном поведении 9-й роты этого полка, которая под командой кап. Августа Табенецкого с редким рвением и находчивостью подавляла беспорядки в Городнянском же уезде, откуда нижние чины были сами набраны, блестяще опровергая ходячее мнение, будто мобилизованные за последнее время войска ненадежны. Всего в Черниговской губернии в момент моего прибытия находилось 31½ рота, 7 эскадронов, 7½ сотен, не считая артиллеристов, стоящих в г. Нежине, и частей, предназначенных специально для охраны железной дороги.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Непрекращавшееся в течение всего 1905 г. крестьянское движение с особенной силой вспыхнуло почти по всей России после всеобщей октябрьской стачки вследствие чего ряд губерний был объявлен на положении усиленной охраны. Кроме того для подавления крестьянских восстаний в конце октября 1905 г. в некоторые губернии царем были посланы генерал-адъютанты, наделенные особыми полномочиями: в Черниговскую, Курскую, Орловскую и Полтавскую губернии — Ф. В. Дубасов, замененный после своего назначения московским генерал-губернатором — А. И. Пантелеевым, в Тамбовскую и Воронежскую губернии — А. П. Струков, в Саратовскую и Пензенскую губернии — В. В. Сахаров; после убийства последнего в конце ноября 1905 г. его заменил К. К. Максимович. Телеграммы и отчеты царю указанных генерал-адъютантов см. в книге В. Семенникова «Революция 1905 г. и самодержавие». М.—Л. 1928 г.

2) Огарев, Петр Николаевич, сенатор гражданского кассационного департамента сената, родственник по матери автора публикуемых записок.

3) С 20-х чисел октября 1905 г. крестьянское движение охватило всю Черниговскую губернию. С особой силой оно проявилось в уездах: Городнянском (42 случая за октябрь), Суражском (15), Новозыбковском (9), Черниговском (8); отдельные случаи разгромов усадеб и экономий были в Нежинском, Мглинском, Стародубском, Козелецком, Глуховском, Остерском, Новгород-Северском и Сосницком уездах. На подавление крестьянского восстания были направлены войска из соседних губерний. 29 октября вся Черниговская губерния была объявлена на положении усиленной охраны. 1 ноября «Черниговские губернские ведомости» известили о командировке ген.-адъютанта Дубасова с диктаторскими полномочиями. Дубасов выехал из Петербурга 2 ноября; 4 ноября был уже в Черниговской губернии и 6 ноября выпустил обращение к населению, в котором требовал: 1) «чтобы все виновники беспорядков, т. е. подстрекатели, зачинщики, руководители и все участники, принесли повинную и возвратили награбленное и похищенное имущество» и 2) «чтобы все лица, стоящие у власти, и все благомыслящие члены населения указывали виновников беспорядков и обнаруживали степень их участия в таковых». В обращении указывалось, что «виновные, которые не повинятся, равно как и их укрыватели, будут наказаны с неумолимою строгостью».

4) Родионов, Николай Матвеевич, с января 1903 г. — черниговский вице-губернатор; в январе 1906 г., после покушения на черниговского губернатора А. А. Хвостова, был назначен на его место.

5) Малахов, Михаил Николаевич, непременный член Черниговского губернского присутствия (1905—1907 гг.); активный участник дубасовских расправ с крестьянством. В отчете царю Дубасов указывал, что Малахов и другой член того же присутствия — Шрамченко «личною своею деятельностью много способствовали успокоению». («Красный архив», т. XI—XII, стр. 186).

6) Хвостов, Алексей Алексеевич, черниговский губернатор с 1902 г. В 1905 г. особенно покровительствовал местным черносотенцам. 2 января 1906 г. был ранен бомбою, брошенною членами летучего боевого отряда с.-р. В том же году был назначен сенатором департамента герольдий.

7) Передаваемый Татищевым случай в с. Медведове (а не Медведкове), Стародубского уезда, о расправе с крестьянами, разгромившими усадьбу помещицы А. В. Бороздны, происходил не так, как об этом рассказывал Хвостов. Прежде всего, арестованная им «громада» состояла не из «полуторы тысячи» человек, а всего из 113; выехал Хвостов не с «полусотнею» казаков, а с целою сотнею и со стражниками. Не Хвостов придумал «остроумный выход» (арест всего схода), а сами крестьяне, которые, не позволяя аресто-

вать отдельных «зачинщиков», требовали ареста всех присутствовавших. Арестованные крестьяне в составе 113 человек были отправлены сначала в Новозыбковскую тюрьму, а затем были размещены, кроме Новозыбковской, в тюрьмах Новгород-Северска, Городни и Мглина. См. подробнее ст. В. Ефимовского, Крестьянское движение на Черниговщине в 1905 г. — «Летопись революции» 1925, II, стр. 181 и сл. — Об имении помещицы Бороздны см. ниже.

8) Утром 18 октября 1905 г. в Новозыбкове местный земский врач Иванов, нотариус Боголюбов и местный житель Анбиндер получили из Киева за подписью Образцова телеграмму: «Высочайшим манифестом дарованы все права, поздравляю с конституцией, свободами». В тот же день в Новозыбкове произошла демонстрация, участники которой силою освободили всех содержавшихся в тюрьме. Семь наиболее активных участников демонстрации были впоследствии преданы суду. В ответ на демонстрацию 18 октября — 19 октября была организована черносотенная манифестация, перешедшая при участии властей в еврейский погром. Обвинительный акт по делу о демонстрации в Новозыбкове напечатан в «Известиях Гомельского губкома» 1924 г., № 66, стр. 78—82.

9) Директором народных училищ Черниговской губернии с 1904 г. по 1912 г. был П. А. Войцеховский.

10) Рудов, Николай Петрович, полковник, начальник Черниговского губ. жанд. управления с 1899 г. по 1912 г. После отъезда Дубасова ему принадлежала главная роль в подавлении крестьянского восстания (в декабре 1905 г. — в Конотопе и Конотопском уезде, в январе-феврале 1906 г. — в Новозыбковском и Суражском уездах), когда он, согласно инструкциям министерства вн. дел, применял «самые крайние меры», «уничтожая [огнем] усадьбы главных агитаторов» и «беспощадно силою оружия истребляя бунтовщиков при малейшем неповиновении и сопротивлении». За это был произведен из полковников в генерал-майоры и получил благодарность царя и «адрес» от местных землевладельцев. Его деятельность вызвала в I Госуд. думе срочный запрос «о произведенных по приказанию должностных лиц поджогах строений в некоторых селах Суражского и Стародубского уездов». Разъяснения, представленные Рудовым министру вн. дел по этому запросу, в выдержках напечатаны в указанной выше статье В. Ефимовского, стр. 200—204.

11) Автор записок в 1906 г. поступил на службу в Переселенческое управление, где быстро сделал карьеру. В июне 1906 г. (печатаемые записки написаны в сентябре того же года) сопровождал начальника управления Г. В. Глинку во время его командировки по переселенческому делу в Сибирь и Степную область.

12) Шрамченко, Михаил Николаевич, землевладелец Козелецкого уезда, бывш. земский начальник; с 1901 г. по 1907 г. непременный член Черниговского губернского присутствия. Специализировался по части усмирения крестьян розгами и военной силой. Впоследствии—нижегородский и вологодский губернатор. Расстрелян в Чернигове за контрреволюционную деятельность при советской власти.

13) Конспект отчета Дубасова царю о поездке в Черниговскую губернию напечатан в «Красном архиве» т. XI—XII, стр. 183 и сл., и в книге В. Семенникова «Революция 1905 г. и самодержавие», М.—Л., 1928 г., стр. 108—112. К рукописи печатаемых здесь записок приложен черновик полного отчета, составленный А. А. Татищевым, с поправками Дубасова. Первая часть этого отчета как содержащая общие сведения печатается нами полностью в приложении; вторая же часть, дающая сведения о самой поездке, нами опущена, так как по сравнению с конспектом отчета и записками Татищева в ней ничего нового не содержится.

14) Из дела канцелярии имп. главной квартиры «О командировании лиц свиты государя императора в разные места» (№ 28—1905 г., ЛОЦИА) видно, что Дубасова сопровождали: Андрей Петрович Половцов и Лев Валерианович Молоствов. Первый — ротмистр Кавалергардского полка (род. 1868 г.), участник русско-японской войны; в апр. 1905 г. назначен адъютантом к командующему имп. главной квартирою бар. Фредериксу, а в 1906 г. — штаб-офицером для поручений у него же. Вместе с братом, Николаем, владел имением в 3 500 десятин с конским заводом в Черниговской губ. Последнее обстоятельство и объясняет причину его поездки: на казенный счет осмотреть свое имение и благодаря Дубасову — попытаться оберечь имение от разгрома. Второй—Лев Вал. Молоствов (род. в 1875 г.) был в 1905 г. штаб-ротмистром л.-гв. Гусарского полка; командирован был «по высочайшему повелению», о чем 1 ноября 1905 г. бар. Фредерикс известил главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского округа.

15) Параделов, Евгений Пантелеевич; с 1900 г. по 1907 г. старший чиновник особых поручений при черниговском губернаторе. Об его участии в карательной экспедиции в с. Лиственное весною 1905 г. для усмирения крестьян см. в книге И. Г. Дроздова «Аграрные волнения в Черниговской губернии в годы первой революции». М.—Л. 1925, стр. 87—88.

16) Листовский, Иван Иванович, совладелец крупной усадьбы при п. Ущерпье (Суражского уезда), председатель Суражской земской управы, гласный Черниговского губернского земства; в 1905 г. — земский начальник Суражского уезда. Правнук по женской линии фаворита Екатерины II графа П. В. Завадовского.

17) Еврейские погромы в октябрьские дни 1905 г. достигли в Черниговской губернии очень больших размеров. В Новгород-Северске погром, возникший 18 октября, продолжался четыре дня; в Нежине и Новозыбкове погром происходил 19-го; в Сураже, Стародубе, Клинцах — 21-го; в Козельце — 22-го и в Чернигове — 23-го; затем погромы перебросились в местечки и села. Подробнее см. в указанной статье В. Ефимовского, стр. 191 и сл.

18) Об усмирении крестьян губернатором Хвостовым в имении А. В. Бороздны в с. Медведове говорилось выше. Поводом возбуждения крестьян против владелицы были спорные земли (около 100 десятин), неправильно вписанные при генеральном межевании и во владение помещицы и во владение крестьян. В середине апреля 1905 г. крестьяне запахали спорную землю, а 25 апреля 1905 г., по распоряжению приехавшего вице-губернатора Родионова, эта же земля была перепахана помещицею и засеяна новыми семенами. Когда же наступило время уборки, крестьяне самовольно свезли хлеб помещицы к себе. Это и вызвало описанную выше экспедицию Хвостова, в результате которой 26 человек крестьян было предано суду. С осени 1905 г. начались поджоги помещичьего имущества, а в ночь на 28 ноября 1905 г. вся усадьба была сожжена. См. обработку анкет «Аграрное движение в России в 1905—1906 гг.» в «Трудах Вольно-экономического общества» 1908, IV—V, стр. 355.

19) Наиболее крупными из разгромленных в конце октября 1905 г. усадеб Городнянского уезда были: усадьба при с. Бегач великобританского подданного Л. Мортона, усадьбы с большим винокуренным заводом, принадлежавшие городнянскому уездному предводителю дворянства М. Д. Карвольному-Гриневскому; при с. Куликовке — председателю Полтавской губ. земской управы Лизогубу; при с. Великом Листвене — Д. В. Дунину-Борковскому; при с. Тупичеве с большим винокуренным заводом — председателю Черниговской губ. земской управы — А. Свечину; при с. Петровке — одному из сыновей крупного землевладельца В. Я. Каневского-Оболонского.

20) Татищев говорит здесь о вызвавшей в свое время ряд статей так называемой «Выхвостовской трагедии», во время которой 8—31 октября 1905 г. в с. Тупичеве, в с. Выхвостове и в других местах Городнянского уезда кулаками-землевладельцами зверски было убито до 60 крестьян, которые после разгрома помещичьих усадеб пытались захватить и усадьбы кулаков, владевших в среднем от 50 до 100 десятин, а некоторые — до 500 и более десятин. О событиях в с. Выхвостове см. указанную книгу И. Г. Дроздова, стр. 98—99, и черносотенную статью «Крестьянские беспорядки в Черниговской губ.» («Истор. вестн.» 1913, т. VI, стр. 870—871), написанную черниговским прокурором А. С. Ющенко.

21) Манифест 3 ноября 1905 г. о сложении выкупных платежей.

22) В черновике отчета царю Дубасова приведена полностью эта формула приговора: «Выслушав от командированного по высочайшему повелению генерал-адъютанта Дубасова царское слово и раскаиваясь во всем нами содеянном, постановили принести полную повинную, впредь жить мирно и никакого своеволия и бесчинства не производить, повиноваться во всем законам и властям, от государя поставленным, а порочных членов наших (таких-то), как зачинщиков и подстрекателей, передаем в распоряжение правительства».

23) О деятельном участии в революционной пропаганде среди крестьян с. Великолиственное и Тупичево земского учителя Д. П. Теремца говорится в указанной статье А. Ющенко («Истор. вестн.» 1913, т. VI, 855) и в названной выше книге И. Г. Дроздова, стр. 83—86.

24) В 1905 г. черниговским полицеймейстером был Г. В. Гиршфельдт, а директором Черниговской гимназии — Ив. Дм. Марков.

25) Более активное и враждебное отношение населения к Дубасову в Конотопе объясняется тем, что Дубасов встретился в Конотопе не только с крестьянами, но и с рабочими конотопских железнодорожных мастерских, среди которых была сильна социал-демократическая пропаганда. В указанной книге И. Дроздова (стр. 109—113) подробно говорится о движении в Конотопе и Конотопском уезде тотчас после отъезда Дубасова, когда 10 декабря 1905 г. весь Конотопский уезд был объявлен на положении чрезвычайной охраны вследствие крупной железнодорожной забастовки, на подавление которой был брошен упоминаемый выше жандармский полковник Рудов. О влиянии конотопских рабочих на крестьян Путивльского уезда (Курской губ.) говорится в статье Э. Черномордика «Революционное движение в Курской губ.» («Известия Курского общества краеведения» 1928 г., т. III (9), стр. 44—45) и в сборнике «1905 год в Курской губернии», Курск, 1905 г. В последнем сборнике указывается, что крестьянское движение в Путивльском уезде, близко соприкасавшемся с Конотопом, благодаря коно-

топским рабочим и социал-демократической пропаганде, носило более организованный и планомерный характер с ярко выраженными политическими требованиями. См. еще сборник «1905 год на Конотопщине. Материалы и воспоминания», Конотоп, 1925 г., и статью С. Минца «Из воспоминаний о 1905 г. в Конотопе» — «Летопись революции» 1925, т. IV (13), стр. 21—24.

26) В противоположность Черниговской губернии крестьянские восстания в Курской губернии носили более революционный характер. Из 15 уездов Курской губернии только три не были охвачены восстанием. Почти все крестьянские восстания в Курской губернии сопровождались вооруженным сопротивлением стражникам, казакам и присылаемым войскам, чего совершенно не было в Черниговской губернии. Наконец, в Курской губернии, кроме обычных форм — лесные порубки, потравы, захват хлеба, отказ от выполнения арендных условий, поджоги и разгромы усадеб, — крестьянские восстания сопровождались снятием с работ сельских рабочих, забастовочным движением, изгнанием местных властей, отказом платить подати. Необходимо также отметить, что в Курской губернии и войска были затронуты революционной пропагандой. В указанной выше статье Э. Черномордика и сборнике «1905 г. в Курской губернии» отмечаются факты отказа солдат стрелять в восставших крестьян, «беспорядков» среди солдат, возвратившихся с фронта, подготовлявшегося восстания белгородского гарнизона.

27) Гордеев, Николай Николаевич, курский губернатор в 1902—1905 гг.; Борзенко, Виктор Михайлович, с 1897 г. управляющий канцелярией губернатора, с 1908 г. непременный член Курского губернского присутствия по земским и городским делам; в 1905 г. — курский вице-губернатор; в 1906—1907 гг.—курский губернатор.

28) Более подробно об этом эпизоде говорится в отчете Дубасова царю: «Когда в Обоянском уезде земский начальник Кондрашов вместе со взводом солдат объезжал селения и читал манифест 3 ноября, то чтение это вызвало на некоторых сходах насмешливое заявление, что позволяют покупать землю, которую уже себе и без того взяли, а кой-где не дали даже дочитать манифеста. Тому же отряду пришлось отступать из одной усадьбы, когда туда явилась громадная толпа с целью, по ее словам, взять земского и прикончить его».

29) Сахаров, Виктор Викторович, генерал-адъютант, с февраля 1904 г., после назначения Куропаткина командующим Манчжурской армией, управлял военным министерством; ранее был начальником главного штаба. В октябре 1905 г. был командирован царем в Саратовскую губернию для подавления крестьянского восстания. Убит в Саратове 22 ноября 1905 г. с.-р. А. Н. Биценко.

30) Лукин, Василий Васильевич, непременный член Курского губернского присутствия с 1894 г. по 1907 г.

31) Долгов, Александр Александрович, полковник. За участие в подавлении восстания в Курской губернии в январе 1906 г. был назначен командиром 4-й резервной арт. бригады, а в апреле 1906 г. произведен в генерал-майоры.

32) Телеграммы от 2 и 12 января 1906 г. и конспект отчета царю за период с 21 ноября 1905 г. по 17 февраля 1906 г. бывшего командира корпуса жандармов генерал-адъютанта А. И. Пантелеева, сменившего Дубасова, см. в книге В. Семенникова «Революция 1905 года и самодержавие», М.—Л., 1928 г., стр. 103—108, 196—198, 204—205.

33) После октябрьских баррикад харьковские революционные организации повели усиленную пропагандистскую работу среди войсковых частей, расположенных в Харькове. Были организованы массовки и митинги, происходили отдельные солдатские выступления (15 ноября — в Луцком полку, 17 ноября — в Богодуховском), и, наконец, под руководством «Военного совета Харьковского гарнизона» 24 ноября (как раз в день приезда Дубасова в Харьков) произошла грандиозная вооруженная демонстрация, в которой участвовали рабочие и солдаты почти всех полков, расположенных в Харькове (Богодуховский, Старобельский, Лебединский, Воронежский). В этот же день служащие Харьковского железнодорожного узла начали забастовку. См. подробнее о ноябрьских событиях в статьях: С. Брайнина, «Октябрь-декабрь 1905 г. в Харькове» («Летопись революции», 1925, т. V—VI (14—15), стр. 114—122); П. Ткачукова «1905 год в Харькове» («Пути революции», 1925, III, стр. 5—19) и воспоминания О. Линцера «Харьков в ноябре-декабре 1905 г.» («Пути революции», 1925 г., т. III, стр. 21—28).

34) Инженер путей сообщения Леонид Соколов был арестован вместе с железнодорожниками Морозовым и Лазаренко 19 октября 1905 г. в крепости Кушка (Закаспийской обл.) за активное участие в железнодорожной забастовке. В связи с объявлением крепости на осадном положении все они были преданы военно-полевому суду и приговорены к смертной казни. Под угрозой объявления рабочими новой всеобщей железнодорожной забастовки приговор был отменен.

35) «Инструкция генерал-адъютантам его императорского величества, командируемым по высочайшему повелению в губернии, охваченные беспорядками.

1. Генерал-адъютанту, в видах водворения общественного порядка и спокойст-

вия в губернии, вверяется главное начальствование над всеми войсками и полицией, находящимися в губернии.

2. На время пребывания его в губернии гражданские, правительственные и общественные учреждения, за исключением судебного и государственного контроля, обязаны исполнять все требования и распоряжения генерал - адъютанта.

3. Генерал - адъютант имеет право, в целях водворения общественного порядка и спокойствия в губернии: а) устранять от занятий всех служащих по найму в правительственных и общественных учреждениях губернии; б) подвергать личному задержанию всех лиц, признаваемых им опасными для общественного порядка и спокойствия; в) закрывать винные лавки, торговые и промышленные заведения; г) приостанавливать издание газет, журналов, объявлений, брошюр и т. п.; д) издавать обязательные постановления по предметам, до охранения общественного порядка и спокойствия относящимся.

4. Распоряжения о применении мер, указанных в предыдущей статье, сохраняют силу втечение пребывания генерал - адъютанта в губернии.

5. В случаях сомнения, при применении правил сей инструкции, генерал - адъютант имеет обращаться за разъяснениями к временно управляющему министерством внутренних дел.»

Командующий имп. главною квартирою, бар. Фредерикс, известив Дубасова 30 октября о командировке по приказанию Николая II в Черниговскую губернию «для расследования возникших в оной беспорядков и для принятия от имени его императорского величества немедленно мер для прекращения таковых», указал, что ему «надлежит немедля явиться к председателю Совета министров ст. - секр. гр. Витте для получения от него соответствующих указаний и представиться его величеству». Одновременно бар. Фредерикс известил Витте о назначении Дубасова и просил «не отказать в возможно скором доставлении письменных указаний для составления имеющей быть выданною инструкции, строго определяющей права и полномочия генерал-адъютантов при исполенении возложенной на них командировки». При этом Фредерикс добавил, что «так как означенным генерал-адютантам будет предоставлено право отдавать соответствующие приказания от имени его величества, то государю императору благоугодно, чтобы права их были бы достаточно обширны и точно определенны». Печатаемая выше инструкция 1 ноября была вручена Дубасову, Сахарову и Струкову. Как инструкция, так и сведения о ней взяты из дела канцелярии имп. главной квартиры «О командировании лиц свиты государя императора в разные места» (№ 28 — 1905 г. — ЛОЦИА).

Броненосец „Кн. Потемкин Таврический“ в Одессе.

«Восстание в Одессе и переход на сторону революции броненосца «Потемкин» ознаменовали новый и крупный шаг вперед в развитии революционного движения против самодержавия...

Броненосец «Потемкин» остался непобежденной территорией революции и, какова бы ни была его судьба, перед нами на-лицо несомненный и знаменательнейший факт: попытка образования ядра революционной армии» — писал Ленин в июне 1905 года [1]).

Восстание в Черноморском флоте было подготовлено всем ходом революционного кризиса в стране.

Среди пролетариата, после III съезда нашей партии, установившего, что «движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания», все решительнее зрела идея революционного штурма. Под давлением растущего движения передовые представители народных масс дошли до высших форм борьбы.

Восстание во флоте началось раньше, чем в сухопутных частях, отчасти потому, что в его составе была сильна рабочая прослойка. Восставший броненосец «Потемкин» из Тендеровской бухты пришел в Одессу именно потому, что здесь в это время развертывалась героическая стачечная борьба пролетариата.

В публикуемых документах: в докладе командующего войсками ген. Каханова военному министру и в отчете царю графа Игнатьева описание событий, связанных с прибытием революционного броненосца в Одессу, начинается с характеристики рабочего стачечного движения в Одессе. Силу этого движения в период одесской всеобщей стачки не могли не признать даже эти военные генералы и полицейские чиновники.

На движение в войсках и во флоте влияло также развертывавшееся крестьянское движение. Как видно из дел департамента полиции [2]), на Черноморском побережьи и в частности в Одесском округе летом и осенью 1905 г. развернулось революционное движение крестьян, которое не могло не оказывать своего влияния и на матросов, связанных с деревней.

Вокруг Одессы крестьянское движение быстро росло и вширь и вглубь. Несмотря на присланные специально для усмирения казачьи части, помещики разбегались из своих имений. Одесский уездный исправник в августе 1905 года слезно молил генерал-губернатора по возможности продлить военное положение.

Это сочетание в Одесском округе рабочего и крестьянского революционного движения, под руководством пролетариата, острота и продолжительность всего этого движения, показывали всю глубину революционного кризиса в стране. Однако «для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому» [3]).

---

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. VII, стр. 379 и 380.
[2]) Д. П., о. о, 1905 г., д. № 2550, 9 и др.
[3]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 244.

Публикуемые документы показывают всю растерянность и неспособность верхов жить и управлять по-старому, их бессилие там, где вспыхнуло революционное пламя.

Командующий войсками Одесского военного округа генерал-от-кавалерии Каханов, этот «герой Кавказа», безжалостно расстреливавший горцев в 1865 году, отступил перед силами революции. Страх перед восставшим броненосцем, проявление новой силы пролетариата вынудили его отдать Одесский порт в распоряжение революционеров. Этот «бравый генерал» был совершенно неспособен сколько-нибудь ясно оценить создавшуюся обстановку. Его рапорт блещет такими «открытиями», как положительное утверждение, что условия жизни для рабочих крупных промышленных предприятий в Одессе «гораздо благоприятнее для них, чем заграницей». В своем рапорте ген. Каханов, желая оправдать себя перед начальством, показывает на фактах «полное бессилие полицейских и административных властей справиться даже с малейшим проявлением недовольства рабочих». Он рисует картину панического страха у командующих верхов и буржуазии перед мыслью о том, что «Потемкин» начнет стрелять по центральной части города, где были сосредоточены правительственные учреждения и дома городских богачей. Он описывает, как эскадра бежала от идущего ей навстречу революционного броненосца, и по этому поводу развивает теорию о том, что сухопутные силы бессильны против военно-морских. Он подтверждает, что «гражданские власти не пользуются ни малейшим авторитетом среди населения», — иными словами вскрывает беспомощность военного командования и гражданских властей и их полную растерянность, когда поколебалась одна из основных опор царизма — армия и флот.

Докладная записка председателя одесского биржевого комитета Анатра вскрывает, как нелепо проводилось царским правительством военное положение в городе, какую панику это военное положение создавало среди обывателей. Даже буржуазия вынуждена была просить отменить это военное положение, боясь, с одной стороны, как бы это не вызвало новой, еще более высокой волны революционного движения, с другой, — не желая нести материальные убытки, связанные с нарушением торговли и производства.

Эти документы показывают, какие громадные возможности были у восставшего броненосца, если бы руководство восстанием было в крепких большевистских руках, если бы восставшие действовали решительней, если бы они переходили в наступление, а не оборонялись.

«Но не хватало выдержки, отсутствовало ясное сознание задачи: не хватало достаточного понимания того, что только самое энергичное продолжение вооруженной борьбы, только победа над всеми военными и гражданскими властями, только ниспровержение правительства и захват власти во всем государстве является единственной гарантией успеха революции» [1]).

Несмотря на поражение, значение восстания на «Потемкине» как одной из первых попыток образовать «ядро революционной армии» — огромно, его уроки были учтены нашей партией и огромная роль флота в победе Октябрьской революции служит этому очевидным доказательством.

М. Иноземцев.

[1]) В. И. Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 350—351.

Отчет о действиях войск во время беспорядков в Одессе в июне месяце 1905 г. [1]).

Печальные события, разыгравшиеся в средине минувшего месяца в Одессе, завершили собою ряд более или менее крупных беспорядков среди рабочего населения, начавшихся за несколько месяцев перед тем, приблизительно около пасхи. Трудно сказать, чем вызывались эти беспорядки: люди компетентные — фабричные инспектора, например, — положительно утверждают, что условия, в которых находятся рабочие здешних фабрик, заводов и др. крупных промышленных предприятий, гораздо благоприятнее для них, чем за границей; в то же время опыты бывших в прошлые годы забастовок показали полную бесполезность и даже вред их для рабочих. А между тем и в текущем году забастовки следовали непрерывной вереницей одна за другой, внося расстройство в обычную жизнь и порождая беспокойство и чувство неуверенности в завтрашнем дне среди населения. Бастовали поочередно фабричные рабочие, ремесленники разных цехов, портовые рабочие, судовые команды коммерческого флота. В огромном большинстве случаев забастовки протекали сравнительно мирно: забастовщики собирались толпами, вели более или менее шумные переговоры с хозяевами и в конце концов мирились на каких-либо сравнительно маловажных уступках со стороны последних. Но бывали также случаи, когда из толпы слышались требования более общего, политического характера, сопровождаемые зачастую ругательствами по адресу властей и неуважительными возгласами о верховной власти. Это обстоятельство нисколько однако не изменяло общего характера и хода забастовки: пошумев, погалдев несколько дней, толпа успокаивалась на тех уступках, которые хозяева находили возможным сделать ей.

Как ни безобидно, в общем, протекали эти беспорядки, тем не менее приходилось принимать меры против распространения их одновременно на более обширный район и на большее число общественных групп. И здесь-то совершенно очевидным стало полное бессилие полицейских и административных властей справиться даже с малейшим проявлением недовольства среди той или другой группы рабочего населения города. Было ясно, что гражданские власти не пользуются ни малейшим авторитетом среди населения и совершенно бессильны удержать проявления недовольства рабочих в законных границах. Никто не сознавал этого лучше самих гражданских властей: при первом же признаке волнений среди рабочих того или другого завода, даже при малейшем подозрении о возможности их, власти тотчас же обращались за помощью к военному начальству. И вот за последние четыре-пять месяцев не проходило дня, чтобы войсковые части из состава гарнизона не вызывались в помощь гражданским властям. Обыкновенно появление войск на месте беспорядков производило успокоительное и отрезвляющее действие на «бунтующих», но изредка приходилось и силою разгонять собравшихся, а раза два за все время пущено было в ход оружие. Зато, с другой стороны, нередки были случаи, что вызванные в помощь полиции войска целыми часами

[1]) Центр. военно-истор. архив, 1905 г., ф. главного штаба, д. № 223. Заголовок подлинника.—Текст публикуемого документа подготовил к печати А. К. Бочков.

стояли на месте, не видя «бунтовщиков», и уходили, наконец, домой, не понимая, зачем их вызывали.

Непрерывные, изо-дня в день повторявшиеся требования войск в помощь гражданским властям не могли не отразиться самым вредным образом на воспитании и обучении войск, отвлекая их от регулярных занятий. Но с этим приходилось мириться, раз для поддержания порядка в населении большого города не имелось в наличии другой достаточно внушительной и авторитетной власти. И наряды войск в помощь полиции продолжались попрежнему изо-дня в день, все увеличиваясь и увеличиваясь с течением времени. Все части войск одесского гарнизона имели в постоянной готовности дежурную часть, которая во всякое время могла быть вызвана через градоначальника туда, где возникали или ожидались беспорядки; вызов мог быть произведен по телефону при посредстве особого секретного условного ключа, изменяемого ежедневно.

На случай вызова для подавления беспорядков всего гарнизона имелась инструкция, в которой каждой части, входящей в состав его, указаны были места расположения и возлагаемые на нее задачи по охранению путей движения и важнейших казенных и общественных зданий; общее начальство над вызванными в этом случае войсками вверялось начальнику 52 пехотной дивизии.

В июне месяце брожение среди рабочего населения как на заводах, так и в порту приняло как будто еще большие размеры: по крайней мере, наряды войск в помощь гражданским властям в городе делались все сильнее и чаще. Газеты мало писали о забастовках и волнениях среди рабочих и о действиях войск против них. Тем не менее в городе носились самые тревожные слухи: говорили, что готовятся еврейские погромы, что евреи чуть не поголовно вооружены, что в оружейных магазинах нельзя достать револьвера, так как все поступающее в магазины оружие раскупается тотчас же евреями; говорилось смутно о готовящихся покушениях на высших должностных лиц города. Населению Одессы было как-то не по себе, чувствовалась какая-то неуверенность в будущем, беспокойство и опасение чего-то. Многие покидали город.

Уже 13 июня беспорядки в разных частях города, а особенно на Пересыпи, приняли столь значительные размеры, что, помимо пяти сотен 8 Донского казачьего полка, пришлось вызвать еще 2 роты 205 пех. Измаильского и 5 рот 273 пех. Дунайского полков. Этим частям повсюду удалось восстановить порядок, рассеять толпы бесчинствующих рабочих и арестовать по указанию полиции наиболее шумевших из них. При этом в двух случаях пришлось употребить в дело оружие: 1) на Пересыпи у завода Гена полусотня казаков, встреченная камнями и револьверными выстрелами, вынуждена была спешиться и дать два залпа, в результате коих двое рабочих оказались убитыми, в сотне ушиблены камнями более или менее серьезно два офицера и 10 казаков; 2) у электрической станции рота 205 пех. Измаильского полка, прибывшая для охраны ее, подверглась нападению толпы, стрелявшей по солдатам из-за железного решетчатого забора из револьверов; залп головного взвода рассеял толпу, причем, за темнотою, нельзя было разобрать, был ли кто из толпы убит или ранен.

14 июня.

Утром в газетах было напечатано официальное извещение градоначальника об убитых двух рабочих и приглашение публики не собираться в толпы и расходиться по первому требованию полиции. Тем не менее день прошел крайне тревожно. В городе на главнейших улицах появились толпы, состоявшие главным образом из подростков евреев обоего пола, пытавшихся произвести разгром некоторых магазинов и остановить движение конок, омнибусов и пригородных трамваев. Благодаря энергичным действиям казаков и войсковых частей из магазинов пострадало только помещение Crédit Lyonnais, в котором были выбиты ценные витрины; опрокинутые же толпою вагоны конножелезных дорог и омнибусы тотчас же поднимались, и движение их восстановлялось.

Тем не менее движение омнибусов и конок шло с перерывами, а магазины, особенно крупные, предпочитали оставаться целый день запертыми.

В 2 часа дня признано было нужным усилить войска, находившиеся в городе: из лагеря были вызваны еще четыре роты 205 пех. Измаильского полка; эти роты прибыли к 4 часам пополудни и были размещены частью по полицейским участкам, частью стали биваком в центре города, на Соборной площади. Вместе с тем войска были предупреждены, что может последовать вызов в ружье всего гарнизона.

Несмотря на непрерывные столкновения войск с толпами бесчинствующих, оружие было употреблено в дело только один раз: полурота 205 пех. Измаильского полка, посланная на Мещанскую площадь разогнать толпу рабочих, устроивших нечто вроде баррикады из досок и телеграфных столбов, была встречена с 250 шагов револьверными выстрелами; после залпа, данного по баррикаде одним отделением, толпа разбежалась, баррикада была разобрана, и те из защитников ее, которых успели схватить, были препровождены в полицейский участок.

В 8 часов вечера в Одессу прибыл броненосец «Князь Потемкин Таврический» с одним миноносцем и стал на рейд в нескольких десятках саженей от брекватера. Приход его прошел незамеченным властями города. Точно так же прошло незамеченным и насильственное присоединение к броненосцу утром 15 июня военного парохода «Веха», желавшего войти в порт и остановленного командой броненосца на рейде.

События этого дня, толпы, безобразничавшие на этот раз не на окраинах города, а в самом центре, на лучших улицах — Дерибасовской, Преображенской, Екатерининской, Ришельевской,—усилили тревожное настроение населения города. Многие боялись уже выходить из дому и с тревогой ожидали, что-то будет дальше.

В 10 час. 15 мин. вечера по городу раздался оглушительный звук как бы пушечного выстрела или взрыва. Оказалось, что на Соборной площади, в центре города, еврей Мордко Цицкин бросил бомбу в городового, который хотел задержать его. Судя по направлению, в котором шел Цицкин, можно предполагать, что бомба предназначалась тем ротам 205 пех. Измаильского полка, которые в это время стояли биваком на Соборной площади. Преждевременный взрыв бомбы оказался роковым лишь для городового и самого преступника, которые были убиты на месте. Весть об этой первой брошенной в Одессе бомбе скоро

разошлась по городу и встревожила еще более и без того уже неспокойных в душе жителей.

15 июня.

С раннего утра толпы черни со всех концов города потянулись в порт. Было ли это случайным совпадением, что порт сделался ареной беспорядков как раз в день прибытия броненосца «Князь Потемкин Таврический» или между обоими событиями существовала известная связь, до сих пор с точностью не установлено. Но уже к 6 часам утра скопление черни в порту приняло такие размеры, что вызвана была на всякий случай в порт 1-я полусотня 3-й сотни 8 Донского казачьего полка. Между тем около 6 часов утра от броненосца «Князь Потемкин Таврический» отвалил катер, который доставил на берег, на оконечность Нового мола, труп убитого матроса. Труп был положен на землю; на груди его была приколота записка, в которой значилось, что матрос этот безвинно убит старшим офицером броненосца. Оставшиеся возле трупа вооруженные матросы заявили находившимся здесь чинам полиции и тотчас же собравшейся толпе, что команда броненосца, не желая более терпеть несправедливости, взбунтовалась, перебила офицеров и теперь приглашает всех присоединиться к ней и начать восстание. При этом прибавлялось, что всякие попытки со стороны властей, полиции и войск помешать действиям и распоряжениям команды броненосца повлекут за собой обстреливание войск судовой артиллерией и бомбардирование города.

Весть о прибытии катера с телом матроса на Новый мол и о бунте команды на броненосце разнеслась с быстротою молнии в порту; черные целыми толпами повалила со всех концов порта к Новому молу и скоро так запрудила его, что, когда около 10 часов утра к Новому молу была вызвана находившаяся в порту полусотня, ей за теснотою места не было ни малейшей возможности действовать, и она должна была отойти с мола назад, не успев разогнать толпы.

Между тем в толпе появились агитаторы, преимущественно из еврейской молодежи обоего пола. Они вошли в сношение с командой броненосца и уверили ее в готовности войск и населения Одессы присоединиться к ней. К собравшейся на Новом моле толпе агитаторы обращались с зажигательными речами, приглашая население к восстанию и уверяя его в безнаказанности под защитою пушек броненосца. Агитаторы не ограничивались одними речами; вооруженные револьверами разгоняли судовые команды с пароходов, стреляли в протестующих и, пользуясь отсутствием в должном числе полиции и войск, вели себя хозяевами положения. Под их влиянием толпа волновалась и шумела все более и более.

Не подозревая еще ничего о происшедшем на броненосце «Князь Потемкин Таврический», но опасаясь новых крупных беспорядков ввиду огромного скопления черни в порту, градоначальник уже в 6 часов утра отправил к командующему войсками записку, в которой просил вызвать для занятия города весь гарнизон. Во исполнение этой просьбы командующим войсками тотчас же были отданы соответствующие распоряжения. Но вслед затем, около 8 часов утра, к командующему войсками явился от градоначальника полицейский чиновник и передал показавшееся всем невероятным известие, что команда прибывшего накануне броненосца «Князь Потемкин Таврический» взбун-

товалась, перебила своих офицеров и теперь хозяйничает в порту: нагружается углем и забирает провизию, а в то же время с помощью агитаторов подбивает чернь к восстанию, обещая присоединение к бунтующим всей остальной Черноморской эскадры и угрожая городу бомбардированием, если власти решатся помешать силою распоряжениям и действиям восставших. Тотчас же вслед за этим в 9¼ часов утра к командующему войсками явился сам градоначальник, подтвердил известие о бунте броненосца и передал военной власти все полномочия по водворению и сохранению порядка в городе. Из только что изложенного видно, что градоначальник до 6 часов утра 15 июня ничего не знал о бунте на броненосце «Князь Потемкин», и этот последний простоял более полусуток, считаясь вполне благонадежным. Как впоследствии оказалось, руководители возмущения на броненосце провели эту ночь в совещаниях со своими сообщниками в городе, о каковых совещаниях гражданские власти ничего не подозревали.

При таких условиях, предвидя возможность распространения беспорядков по всему городу, сознавая затруднительность для гарнизона бессменно нести службу по охране порядка и имея в виду возможность действия матросов с броненосца, командующий войсками решил усилить гарнизон Одессы другими войсками округа, а для борьбы с броненосцем соорудить, если окажется возможным, близ города береговые батареи с тяжелой артиллерией. Во исполнение этих предположений тотчас же были отданы распоряжения о немедленной перевозке в Одессу 206 пех. Ларго-Кагульского, 274 пех. Ставучанского и 275 пех. Хотинского полков из Бендер, 133 пех. Симферопольского полка из Екатеринослава, 23 драгунского Вознесенского полка из Бельц и шести батарей 15 артиллерийской бригады из Тирасполя. Вместе с тем был приглашен к командующему войсками начальник артиллерии округа для совещания о мерах защиты города против бомбардирования. О бунте команды броненосца «Князь Потемкин Таврический» было тогда же утром 15 июня донесено на высочайшее имя и военному министру и сообщено главному командиру Черноморского флота.

Между тем весть о бунте на броненосце «Князь Потемкин Таврический» и огромном скопище черни в порту быстро разнеслась по всему городу. Население, крайне возбужденное событиями последних дней и ожиданием еще больших беспорядков в будущем, дошло до состояния, близкого к панике. Хотя в самом городе в этот день все было спокойно, большие магазины оставались однако закрытыми, движение по улицам поредело, население попряталось по домам. Ожидание с часу на час бомбардировки заставило очень многих покинуть город или, по крайней мере, удалить из него свои семьи. Все дороги, ведущие из Одессы, покрыты были уезжающими; на вокзале железной дороги и на станциях паровых трамваев места брались с бою; многим приходилось ожидать своей очереди целыми часами. Всем рисовался призрак весьма вероятной бомбардировки города. И нельзя сказать, чтобы в данном случае опасения были неосновательными. Всем было известно, что броненосец находится в руках взбунтовавшихся матросов, людей неинтеллигентных, легко поддающихся своим страстям, неспособных руководствоваться в своих поступках исключительно здравым и трезвым взглядом на вещи, чему лучшим доказательством был самый факт бунта. Весьма вероятно было также существование анархии на корабле, где не было одной воли, одной всеми призна-

ваемой власти. При таких условиях, особенно в первый день появления броненосца перед Одессой, когда для опьяненных успехом матросов еще не могло выясниться положение дел в городе и истинное настроение войск и населения, всегда можно было ожидать, что малейшее противодействие властей, малейшее вмешательство войск могут вызвать у какого-либо шалого бунтовщика мысль отвести душу разгромом города. Раз команда не остановилась перед бунтом и убийством офицеров, сразу ставившими ее вне закона, нельзя было думать, что бомбардирование города находится вне пределов вероятия. И население вполне и справедливо верило в возможность его, и все, кто только мог, старались спасти себя и своих близких от угрожающей опасности.

Для командующего войсками, на которого с 9¼ часов утра 15 июня легла ответственность за сохранение в целости города и его населения, и для всех здравомыслящих людей было совершенно ясно, что в этот день хозяевами положения были безусловно взбунтовавшиеся матросы броненосца «Князь Потемкин Таврический».

Возбужденные успехом бунта на броненосце, они на первых порах охотно поддавались убеждениям агитаторов, уверявших их, что начатое ими дело восстания встретит горячую поддержку в войсках и населении Одессы; многотысячная толпа черни в порту, встречавшая каждую шлюпку с матросами криками «ура», как бы подтверждала справедливость заявления агитаторов. И, конечно, появление при таких условиях войск в порту для рассеяния черни могло быть принято матросами за действие, враждебное против них и их дела, и вызвать с их стороны обстреливание войск судовой артиллерией и бомбардирование города в виде репрессивной меры. Обе эти операции они могли произвести совершенно безнаказанно, так как в городе не было даже полевой артиллерии. Сухопутные войска были бессильны против броненосца; если кто и мог справиться с ним, то только Черноморская эскадра. Можно было быть уверенным, что главный командир Черноморского флота, извещенный по телеграфу о происшедшем, примет немедленно надлежащие меры к приведению в покорность возмутившихся. Нужно было, значит, только выиграть время. Таким образом, перед командующим войсками утром 15 июня обстановка поставила такую дилемму: или немедленно же по прибытии войск из лагеря направить их в порт для рассеяния скопищ черни, последствием чего несомненно было бы бомбардирование города, расстрел войск в порту судовой артиллерией и распространение беспорядков по всему городу, или же оставить порт временно во власти черни, преградить войсками выход из него в город, локализировать беспорядки и выжидать для подавления их добровольного или вынужденного ухода с Одесского рейда возмутившегося броненосца. Едва ли могли быть какие-либо колебания в выборе того или другого решения, и уже утром командующий войсками на вопрос градоначальника, намерен ли он принять меры к водворению порядка в порту, ответил, что войска в порт в это время введены не будут, дабы не дать этим повода команде броненосца привести в исполнение свою угрозу относительно бомбардирования города, но вместе с тем будут приняты все меры, чтобы не дать распространиться беспорядкам на весь город.

Согласно с этим решением, в распоряжении войск, вызванных из лагеря и занявших к 1 часу пополудни места согласно инструкции для

вызова войск, были произведены некоторые изменения с целью совершенно прекратить сообщение города с портом, не допустить туда дальнейшего прилива беспокойных элементов и не дать возможности бунтовщикам из порта проникнуть в город. Во исполнение этого из общего резерва были направлены ко всем спускам в порт войска, частью для занятия их вновь, а частью для усиления уже находившихся там частей. Войска, оцепившие таким образом весь порт, были поделены по участкам обороны, и начальникам участков было дано приказание одиночных или небольшие группы людей, пытающихся проникнуть из порта в город или обратно, задерживать, обыскивать и направлять в ближайшие полицейские участки; всякие же попытки прорыва в ту или другую сторону больших масс подавлять самым энергичным образом, не стесняясь действовать огнестрельным оружием.

Согласно этим распоряжениям войска окончательно заняли указанные им места на выходах из порта в город к 5 часам пополудни.

Тем временем в порту матросы броненосца перегружали на броненосец уголь с захваченной ими утром баржи. Между броненосцем и толпою на берегу установились оживленные отношения: то и дело шлюпки с агитаторами обоего пола, почти исключительно евреями, шныряли от берега к броненосцу и обратно. На берегу у трупа матроса был поднят красный флаг; ораторы с импровизованных кафедр обращались к толпе с зажигательными речами, разъясняя по-своему смысл происходивших событий, побуждая толпу к восстанию. Толпа, руководимая агитаторами, волновалась, кричала, остановила всякие работы в порту и разогнала все судовые команды с пароходов. Было несколько случаев убийств и избиений. Так продолжалось все утро. Но после полудня беспорядки стали принимать другой, более острый характер. Около 3 часов пополудни были разбиты бочки со спиртными напитками. Чернь быстро перепилась, а затем около 4 часов пополудни бросилась грабить пакгаузы и склады. Масса народа, мужчины, женщины и дети, подбирали все, что находили подходящим для себя, и тащили в город на руках, на извощиках, на шлюпках. Но к этому времени порт уже был оцеплен войсками, и грабители попадали в их руки; особенно много подобных лиц было задержано на улицах Пересыпского и Петропавловского участков, причем многие из них оказались пьяными.

Но дело не остановилось на грабеже порта: около 8½ часов вечера начались поджоги складов, сараев, пакгаузов, пароходов, контор и агентств. Толпа обливала их горючими веществами и поджигала, и скоро запылал весь новый порт, несколько пароходов, деревянные пристани, железнодорожная эстокада.

Стало очевидным, что если утром беспорядки в порту носили хотя до некоторой степени революционный характер, то уже с трех часов, когда главным деятелем в драме стала опьяневшая и озверевшая толпа грабителей и поджигателей, в действиях ее исчезли всякие признаки политического движения. Пожар и грабеж в порту несомненно дискредитировали все дело агитаторов-революционеров и наверное восстановили против них и их дела даже малокультурных людей, неспособных самостоятельно разобраться в проповедуемых ими учениях. И если утром к беспорядкам в порте многие относились с тем безразличием, которое так характерно для русских людей, то вечером

публика испытывала лишь чувство отвращения и озлобления к деятелям в порту. Что грабеж и поджоги повредили их делу, это отлично сознавали сами агитаторы; любопытное, хотя и запоздалое подтверждение этому можно найти в газете «Рассвет» (цитируется по № 151 «Нашей жизни» за текущий год), где указывается, что именно евреи, говорившие толпе вещи, от которых «волос дыбом становится», чуть не на коленях упрашивали толпу не грабить.

В 9 час. 30 мин. вечера от вице-адмирала Кригера командующим войсками была получена телеграмма, извещавшая, что против броненосца «Князь Потемкин Таврический» выслана эскадра в составе 2 броненосцев, 1 минного крейсера и 4 миноносцев под командой контр-адмирала Вишневецкого.

Хотя, как сказано выше, беспорядки в порту вылились вечером уже в форму исключительно грабежа и поджогов, тем не менее присутствие на рейде взбунтовавшегося броненосца, о настроении команды которого не имелось никаких новых сведений, а также ожидание скорого прибытия к Одессе эскадры Вишневецкого не позволяли изменить принятого образа действий. К тому же с начала пожара чернь все в больших и больших массах с награбленным имуществом стала надвигаться из порта на войска с целью прорваться в город; с другой же стороны, и в городе стали собираться толпы, пытавшиеся, в свою очередь, прорваться в порт или, по крайней мере, оттеснить войска с занятых ими позиций. Это повело к целому ряду столкновений войск с чернью в разных пунктах кольца, охватывавшего всю территорию порта.

Особенно упорно напирала толпа из Екатерининской улицы к Николаевскому бульвару. Здесь около 9½ часов вечера в казаков, преграждавших путь к бульвару, были брошены две бомбы, осколками которых ранено 6 казаков и 8 лошадей. Когда, наконец, казаки оказались бессильными сдерживать здесь напор толпы, была вызвана от стоявшей на Николаевском бульваре 1 роты 205 пех. Измаильского полка полурота, которая совместно со спешенными казаками после продолжительных безуспешных предупреждений все более и более напиравшей, кричавшей и ругавшейся толпы около 11 часов вечера дала по ней два залпа. Только тогда, оставив на месте несколько убитых и раненых, толпа с криком и руганью разбежалась.

Точно так же две с половиной роты, занимавшие район Карантинной гавани и здания таможни, принуждены были открывать по поджигателям разновременно между 10½ и 12 час. вечера то залповый, то одиночный огонь.

Пехотные части, охранявшие Польский и Ланжероновский спуски, стреляли частью для самообороны, так как по ним был открыт револьверный огонь из толпы и с крыш и из окон соседних домов.

С Николаевского бульвара, охраняемого двумя ротами, около 1 часу ночи был открыт огонь по двигающимся в порту и на Приморской улице отдельным людям и целым группам громил и поджигателей, старавшихся поджечь не охваченные еще огнем здания и части эстокады. Стрельба по ним поддерживалась около часу. Много грабителей было задержано в то время, как они из порта поднимались на бульвар; всех их отправляли в полицейский участок вместе с награбленным ими добром. Роты, занимавшие бульвар, также подвергались обстреливанию из револьверов с крыш близлежащих зданий.

Против Военного спуска, в Практической гавани, где пожар бушевал особенно сильно, около 12 часов ночи собралась огромная толпа черни, двинувшаяся навстречу занимавшей спуск роте. После неоднократных предупреждений рота, сначала одна, а затем с двумя другими подоспевшими на подкрепление ротами, дала несколько залпов по толпе, после которых толпа, оставив на месте человек 15 убитых и 20 раненых, отхлынула обратно в порт. Задержано здесь было до 120 человек.

На Надеждинском и Торговом спусках, где по местным условиям грабители из порта могли подниматься лишь по одиночке, было задержано за ночь до 100 человек.

Наконец, на Пересыпском участке, где выходы из порта охранялись четырьмя ротами и куда направилось наибольшее число грабителей, втечение ночи приходилось неоднократно прибегать к действию огнестрельным оружием и отбрасывать их обратно в порт.

К утру здесь было насчитано в полосе, ближайшей к расположению рот, до 20 человек убитых и столько же раненых. Роты эти также подвергались обстреливанию из револьверов со стороны громил.

Обстреливался также револьверными выстрелами и двор дворца из четырех окон третьего этажа соседнего дома; по стрелявшим из окон стреляли несколько казаков, посланных на крышу дворца.

Стрельба, за исключением одиночных выстрелов, прекратилась по всей линии только к 4 часам утра 16 июня; в войсках, за исключением раненых взрывом бомб казаков, потерь убитыми и ранеными не было.

Была сделана также попытка ограничить распространение пожара в порту посылкою туда по инициативе военного начальника городских пожарных команд, но попытка эта не удалась вследствие отсутствия солидарности в действиях военных и гражданских властей. Первое предложение послать пожарные команды — одну на Таможенную площадь, другую в противоположный конец порта, к Пересыпи—встретило решительный отказ со стороны и. д. полицеймейстера. На повторенное от имени командующего войсками предложение пожарная команда выехала к Таможенной площади, не дождавшись назначенной ей в прикрытие роты; вследствие этого она на Ланжероновском спуске была остановлена толпой, забросавшей ее камнями. Путь ей был очищен находившейся вблизи ротой, занимавшей Польский спуск. Вслед затем к пожарной команде присоединилась и рота, назначенная ей в прикрытие. Но тут вскоре прибыл помощник градоначальника г. Дамаскин и после препирательства с командиром роты приказал пожарной команде удалиться, что та и исполнила.

На Пересыпский участок пожарная команда была отряжена лишь к 3 часам ночи и только тогда приступила к тушению пожара.

Гражданское начальство весь день 15 июня давало неверные сведения о положении дел. Так, в 9 часов вечера прибыл к командующему войсками градоначальник с заявлениями, что броненосец «Князь Потемкин Таврический» смиряется и что прибывший военный пароход «Веха» наблюдает за ним; в подтверждение этого привели с собою проживающего в Одессе князя Долгорукова, который только что вернулся с «Потемкина». Когда же командующий войсками объявил им, что, по его сведениям, «Веха» не наблюдает за броненосцем, а находится в плену у него, то князь Долгоруков признал себя введенным

в заблуждение и сознался, что он не был не только на броненосце, но что и на пароход «Веха» его не пустили. Подобные неосновательные сведения давались градоначальником не раз.

16 июня.

Между тем во дворце командующего войсками с нетерпением ожидали ответа на посланные утром телеграммы. Ночью получилась телеграмма министра внутренних дел об объявлении Одессы и Одесского уезда на военном положении; об этом приказано было тотчас объявить по гарнизону и городу. В 3 часа утра пришла телеграмма от государя императора следующего содержания: «Примите немедленно самые жесткие решительные меры к подавлению восстания как на «Потемкине», так и среди населения порта. Каждый час промедления может в будущем стоить потоков крови». Подписано: «Николай».

Против грабителей и поджигателей были приняты меры: многие из них были убиты и ранены, масса была арестована в эту же ночь с 15-го на 16 июня; аресты продолжались и в следующие дни. Затеи политических агитаторов были дискредитированы, с тех пор как беспорядки приняли форму грабежей, убийств и поджогов, а замыслы их могли считаться совершенно неудавшимися; несколько бунтовщиков попали в руки полиции. Но принять какие-либо меры против броненосца «Князь Потемкин Таврический» было очень трудно; вся надежда в этом отношении была на Черноморскую эскадру, об отправлении которой командующий войсками, как выше сказано, был извещен в 9½ часов вечера 15 июня. В 9½ часов утра 16 июня начальник штаба главного командира, контр-адмирал Данилевский, сообщил по телеграфу, что посланную из Севастополя эскадру можно ожидать в Одессе к 3 часам дня 16 июня. Таким образом, предстояло по отношению к бунтовщикам «Потемкина» продолжать держаться прежнего образа действий и не подавать им повода привести в исполнение свою угрозу бомбардировать город.

В это же время, т. е. около 9—9½ часов утра, к командующему войсками явилась депутация с броненосца «Князь Потемкин Таврический» в лице священника (игумена Пармена) и трех матросов. От священника были получены первые более точные сведения о том, что произошло на броненосце, причем оказалось, между прочим, что убиты не все офицеры, а только семь человек; остальные же содержатся под арестом, и судьба их еще не решена. Депутация просила разрешения командующего войсками похоронить убитого матроса в присутствии выборных от взбунтовавшейся команды лиц. Ввиду принятого по отношению к броненосцу образа действий, разрешение было дано с тем, чтобы похороны состоялись после полудня.

Около 11 часов дня к командующему войсками совершенно неожиданно явились оставшиеся в живых офицеры броненосца «Князь Потемкин Таврический» в числе девяти человек. Они дополнили новыми подробностями то, что раньше было известно из рассказа священника о бунте на броненосце, и, между прочим, подтвердили, что накануне, около 5 часов вечера, на броненосце все было готово к бомбардированию, орудия были наведены на город, и прислуга стояла у орудий; некоторое время команда носилась даже с мыслью высадить десант и попытаться совместно с бунтующей чернью занять город. Но голос более благоразумных из них, и особенно прапорщика Алексеева, одер-

жал верх, и ни то, ни другое намерение не было приведено в исполнение. Офицеры эти заявили также, что с началом стрельбы в городе заправилы беспорядков на броненосце хотели начать бомбардирование города, но не привели это в исполнение вследствие заявления офицеров и предположения части команды, что звук выстрелов происходит от взрывов взрывчатых веществ в складах порта, что, действительно, и случалось в начале пожара. Лишившимся всего своего имущества офицерам командующий войсками приказал выдать пособие и дать возможность уехать из Одессы.

Похороны убитого матроса состоялись около 4 часов пополудни, причем обряд погребения совершался без ведома начальства и портовым священником, так как игумен броненосца не пожелал на него возвратиться и остался в городе; на отпевании его в Портовой церкви присутствовало 12 матросов, которые и проводили затем покойника на кладбище. Благодаря принятым мерам собиравшаяся несколько раз за гробом толпа, состоявшая преимущественно из евреев и державшая себя крайне возбужденно, была разогнана войсками, так что порядок нарушен не был.

Весь день в городе прошел в общем спокойно; на улицах было более пусто, чем обыкновенно, а магазины были закрыты. Тем не менее и в этот день не обошлось без употребления в дело оружия. На Пересыпи близ Нарышкина спуска около полудня собралась толпа подозрительных людей, державшая себя крайне вызывающе по отношению к стоявшему здесь посту пехоты. После многократных предупреждений и требований разойтись пост дал по толпе три залпа, и толпа разбежалась, унося с собою убитых и раненых.

Точно так же в другом конце города, на Польском и Лефашевском спуске, пришлось открыть огонь, чтобы удержать толпу, пытавшуюся прорваться в порт.

До какой степени правильно было соображение, что при данном настроении бунтовщиков на броненосце бомбардирование города лежит в пределах вероятности, ярко показал случай, имевший место вечером этого дня. Около 7 часов вечера с броненосца было сделано пять выстрелов — три холостых, а два боевых по городу из орудий 6-дюймового калибра. Одним снарядом разбиты крыша и часть стены дома на Нежинской улице, в центре города, близ расположения общего резерва; другой снаряд повредил дом в предместьи Бугаевка; человеческих жертв, по счастью, не было. Чем была вызвана эта стрельба, до сих пор не выяснено; во всяком случае, со стороны властей не было подано к этому ни малейшего повода. Тем не менее она не обошлась без печальных последствий для матросов. Как раз в это время подъезжали по Карантинному спуску к порту на извощиках возвращавшиеся с похорон матросы. Видя, что броненосец открыл пальбу по городу, начальник войск, охранявших этот участок, приказал матросам остановиться, причем трижды был сыгран сигнал стрелять; так как они не останавливались, то был дан залп, после которого остались на месте два матроса убитыми, двое были задержаны, а остальные разбежались, кроме еще трех, которые прибежали сдаваться тотчас после похорон.

В 9 часов вечера к командующему войсками явилась новая депутация матросов с требованием, чтобы для переговоров явились на броненосец командующий войсками, градоначальник и городской голо-

ва. Разумеется, это нелепое предложение было отклонено; оно свидетельствует о дерзкой наивности взбунтовавшихся, очевидно, совершенно не дававших себе отчета в безумии затеянного ими дела.

Между тем эскадра, прибытие которой было обещано к 3 часам пополудни 16 июня, не прибывала. Только в 11 часов вечера командующему войсками стало известно, что контр-адмирал Вишневецкий прибыл на Тендру и просит командира порта дать ему сведения о месте стоянки броненосца и о настроении его команды. Телеграмма на имя командира порта с этим запросом была получена на почтово-телеграфной станции в девятом часу вечера, но так как командира порта не могли разыскать, то начальник почтово-телеграфной конторы в одиннадцатом часу вечера дал знать о получении этой телеграммы по телефону во дворец командующего войсками, который потребовал копию с этой телеграммы, и эта копия была доставлена в 11 часов вечера; самая же телеграмма была помощником командира порта доложена командующему войсками в час ночи, когда уже два часа тому назад все требуемые ею сведения были посланы.

Просимые сведения, как сказано выше, были даны тотчас по получении с почтово-телеграфной конторы копии с телеграммы на имя командира порта, причем просилось поспешить прибытием в Одессу; в то же время главному командиру Черноморского флота также была послана телеграмма с просьбой поторопить контр-адмирала Вишневецкого прибытием в Одессу.

Таким образом, опасность с стороны броненосца продолжала висеть тяжелым кошмаром над городом и заставляла опасаться возможности повторения беспорядков, если не в порту, где уже не было ни души, то в других местах города. Поэтому приходилось, несмотря на утомление войск, держать тот же усиленный наряд их по всему городу.

Поздно вечером стали прибывать в город части, вызванные из других пунктов округа. В 11 час. 50 мин. ночи прибывшие из Тирасполя 6 батарей 15 артиллерийской бригады под прикрытием двух рот заняли позиции на Ланжероне, в городском парке; им было приказано в случае, если броненосец откроет огонь, стрелять по палубе преимущественно шрапнелью.

В 10 час. вечера 206 пех. Ларго-Кагульский полк, прибывший в Одессу около 3 часов пополудни, был направлен на Соборную площадь в общий резерв, почти совсем израсходованный за предыдущие день и ночь.

17 июня.

Втечение ночи с 16-го на 17 июня в Одессу продолжали прибывать войска, вызванные из других пунктов округа: полки 274 пех. Ставучанский, 275 пех. Хотинский и 23 драгунский Вознесенский полк. По мере прибытия они сменяли в городе утомленные части 52 пехотной дивизии и 8 Донского казачьего полка и принимали на себя поддерживание порядка в городе.

В 4 часа утра к командующему войсками явился офицер, прибывший на миноносце с Тендры от контр-адмирала Вишневецкого за сведениями о положении дел. Наконец, в 8½ часов утра эскадра с Тендры показалась у Большого фонтана; в это же время и броненосец «Князь Потемкин Таврический» снялся с якоря и немедленно двинулся, было, навстречу эскадре; но к 10 часам утра он вернулся и стал

на прежнее место у брекватера. В 12 час. 30 мин. прибыла к Большому фонтану и соединилась с эскадрой контр-адмирала Вишневецкого эскадра вице-адмирала Кригера, так что образовалась довольно внушительная сила из четырех броненосцев, одного минного транспорта и 8 миноносцев, которая направилась к Одесскому рейду.

В то же время «Князь Потемкин Таврический» снялся и полным ходом пошел навстречу эскадре. Начались непонятные с берега эволюции эскадры, продолжавшиеся около 1½ часов, в результате которых эскадра в 2 часа пополудни ушла в море, а «Князь Потемкин Таврический» и с ним другой броненосец, как оказалось потом «Георгий Победоносец», направились обратно к Одессе и стали на ее рейде. Вице-адмирал Кригер не счел нужным поставить командующего войсками в известность о том, что произошло на море между эскадрой и взбунтовавшимся броненосцем. Было только очевидно, что эскадра цели не достигла и что броненосец «Князь Потемкин Таврический» попрежнему остается перед Одессой; стало даже хуже, так как оказалось, что и «Георгий Победоносец» также взбунтовался, высадил своих офицеров на берег у Дофиновки и присоединился к «Князю Потемкину Таврическому».

Приходилось подумать, нельзя ли собственными силами дать некоторый отпор взбунтовавшимся броненосцам в случае, если бы они вздумали начать враждебные действия против города. К сожалению, пришлось лишний раз убедиться, что сухопутные войска совершенно бессильны против броненосца. Тем не менее было решено: 1) вернуть батареи 15 артиллерийской бригады на позицию у Ланжерона, откуда их сняли, было, ввиду ошибочного предположения, что «Потемкин» сдается эскадре; 2) приступить к постройке на Жеваховой горе батареи на восемь 9-дюймовых мортир, имевшихся в особом запасе и находившихся в Одессе, для чего вызвать из лагеря при д. Морозовке 11 саперный батальон; 3) снаряды для них в числе 200 пироксилиновых бомб привезти из Очакова; 4) выписать из Севастополя, если можно, мины Уайтхеда и решетки для спуска их; 5) принять меры к недопущению закупки матросами провизии в городе и ближайших окрестностях; 6) усилить охрану берегов в ближайшем соседстве с Одессой с целью помешать броненосцам высадить десант в том, впрочем, маловероятном случае, если бы они решились на эту операцию; 7) послать одну батарею 15 артиллерийской бригады под прикрытием одной роты в д. Беляевку у м. Маяки, чтобы предохранить водопроводную станцию, снабжающую Одессу водой, от покушений взбунтовавшегося миноносца. Согласно этим предположениям, в течение 17 июня были отданы соответствующие приказания и распоряжения.

В 2 часа пополудни прибыл из Екатеринослава 133 пех. Симферопольский полк.

Рано утром, в первом часу пополуночи, в городе в двух пунктах, в д. № 99 на Приморской улице и в Александровском парке, замечены были переговоры сигналами при помощи цветных фонарей с броненосцем «Князь Потемкин Таврический». При попытке задержать сигнализирующих из дома № 99 открыта была стрельба из револьверов по подходящим войскам, на которую войска ответили залпом; здесь были задержаны три вооруженных револьверами еврея. Посланная в Александровский парк рота задержала 9 человек. Кроме того

у ворот ограды Петропавловской церкви часовым застрелен подозрительный человек, на котором найдено четыре бомбы. За исключением этих случаев войска оружия более не употребляли, и с рассветом 17-го числа беспорядки можно было считать окончательно подавленными, войскам не пришлось ни в этот день, ни в последующие сделать ни одного выстрела, и служба их свелась к конвоированию арестованных и поддержанию порядка патрулированием. В городе весь день прошел спокойно; общественное внимание целиком было поглощено взбунтовавшимися броненосцами и действиями эскадры адмирала Вишневецкого и Кригера.

18 июня.

Согласно сделанным накануне распоряжениям, 11 саперный батальон, выступив из лагеря у д. Морозовки в 6 часов утра, к 4½ часам пополудни прибыл в г. Одессу и занял свои казармы. В этот же день одна рота его была отправлена на Жевахову гору для постройки батареи на восемь 9-дюймовых мортир, где и стала биваком.

В 2 часа дня батарея 15 артиллерийской бригады под прикрытием одной роты выступила в д. Беляевку для охраны водопровода.

Около 10 часов утра явилась к командующему войсками депутация с броненосца «Князь Потемкин» и просила о разрешении закупить в городе перевязочные средства и лекарства для больных, а также провизию для команды обоих броненосцев и угля. В пропуске матросов в город было отказано, равно как отказано и в закупке провизии для команды и угля; что же касается до перевязочных предметов и лекарств для больных, то они были высланы в порт распоряжением командующего войсками, где и переданы высланным с броненосца матросам. Получено было сведение, что команда броненосцев, не получив провизии в городе, заказала поставку ее в с. Дофиновке через одного еврея; сделаны распоряжения о задержании этой провизии казаками.

Около 12 часов дня явилась снова депутация с броненосца «Князь Потемкин Таврический» с требованием выдачи всех арестованных матросов и доставки на броненосец провизии, с угрозой, что при невыполнении этого требования в 9 часов вечера начнется бомбардирование города; депутаты были прогнаны. Между тем получены были сведения, что сначала шлюпка, а затем миноносец появились у с. Дофиновки для забора заказанной броненосцами провизии, но как та, так и другой, видя угрозу казаков стрелять, возвратились обратно, не выполнив своего поручения; заготовленная и доставленная в Дофиновку провизия была арестована, как оплаченная уже матросами. В 4 часа пополудни броненосец «Георгий Победоносец» вошел в порт; так как причины его входа не знали, то ввиду заявленной депутатами броненосцев угрозы бомбардировать город полагали, что броненосец этот вошел именно с этою последнею целью. Вследствие такого предположения вызвана была с Ланжерона одна батарея на Николаевский бульвар и поставлена около городской думы; из резерва же усилены войска в передовой линии. Когда войска были размещены, то на Николаевский бульвар явился к командующему войсками градоначальник с докладом, что, по полученным им из порта сведениям, броненосец поставлен боцманом на мель, и команда его желает сдаться, и что нужно послать две роты для смены команды на броненосце.

Вследствие такого уверенного доклада градоначальника командующий войсками разрешил послать две роты, но когда явился боцман со знаменем, то из его доклада оказалось, что он только унес знамя, что броненосец на мели не стоит и что полагается возможным появлением двух рот заставить команду сдаться. Как и прежде, заявление градоначальника оказалось легкомысленным, и потому командующий войсками отменил посылку двух рот, а начальнику Бульварного района генерал-майору Карантозову приказал проехать к броненосцу и удостовериться, насколько команда его готова сдаться.

Около 6 часов пополудни генерал-майор Карангозов направился к броненосцу, и в то же время для угрозы броненосцу на Николаевский бульвар был выдвинут один батальон 133 пех. Симферопольского полка, а батарея с позиции у думы переведена на бульвар к памятнику Ришелье. Генерал-майор Карангозов, не сходя с берега, переговорил с командой броненосца и убедился из этих переговоров, что команда броненосца готова сдаться, о чем по возвращении генерал Карангозов доложил командующему войсками. Тогда командующий войсками разрешил генерал-майору Карангозову отправиться вновь к броненосцу с батальоном, посаженным на баржу, и, если будет возможность, то занять броненосец батальоном. Генерал Карангозов вновь отправился на броненосец и, войдя на его палубу, поздоровался с матросами, на что получил дружный ответ; на предложение же высадиться на берег команда выразила отказ и, изъявляя полную готовность сдаться, просила прислать к ним их прежнего командира и прежних офицеров, которые лучше знают, кто из матросов виноват и кто нет. Генерал Карангозов, возвратившись, доложил о всем происшедшем командующему войсками. В 11 часов вечера явились, по требованию командующего войсками, трое выборных с броненосца, которые заявили полную свою покорность, искреннее раскаяние и упование на монаршее милосердие. Тогда же командующим войсками о случившемся донесено телеграммой государю императору и сообщено телеграммой же главному командиру Черноморского флота с просьбой к последнему прислать офицеров для принятия броненосца.

Что касается броненосца «Князь Потемкин Таврический», то он вскоре после входа «Георгия Победоносца» в порт снялся с якоря и ушел в море, сначала по направлению в Фонтанам, а затем, простояв некоторое время у Малого фонтана, скрылся совершенно.

Этим закончились тревожные для населения Одессы дни, когда с минуты на минуту можно было ожидать бомбардирования города. Население стало успокаиваться, и жизнь вошла постепенно в свою колею.

С 19 по 28 июня.

Утром 19 июня по всему городу были расклеены объявления градоначальника, извещавшие, что опасность миновала и что население может спокойно отдаться своим обычным занятиям.

Водворившееся в городе спокойствие, сдача «Георгия Победоносца» и оставление «Потемкиным» Одесского рейда позволили приступить к постепенному уменьшению наряда войск на охрану города; 21 июня наряд был уже уменьшен до 3 батальонов и 3½ эскадронов (сотен). Но, пока «Потемкин» не сдался, можно было всегда опасаться возвра-

щения его на рейд, а потому те меры, которые были предположены для противодействия ему, не могли быть отменены.

С позиции у Ланжерона 19 июня были сняты четыре батареи, которые и отправлены в казармы.

20 июня в начале 8-го часа утра прибыли на пароходе «Эриклик» командир и офицеры броненосца «Георгий Победоносец», которые вместе с назначенным командующим войсками священником, под охраной батальона пехоты, в начале 10 час. утра отправились на броненосец «Георгий Победоносец», где, после выдачи командой зачинщиков и главных виновников бунта, вся команда присягнула на верность службе, а арестованные матросы переведены в город в особые для них помещения.

Вслед за сим и последние две батареи 15 артиллерийской бригады убраны с позиции.

На Жеваховой горе рота сапер в 4 часа пополудни 19 июня приступила к постройке двух временных береговых батарей на четыре 9-дюймовых мортиры каждая. Одна из этих батарей была закончена и вооружена к 24 июня, другая осталась невооруженною. Кроме самых батарей саперам пришлось здесь еще разрабатывать дорогу в 650 саж., уложить 150 саж. переносной железной дороги, устроить ход сообщения между батареей и пороховым погребом в 45 саж. длиной, устроить земляные платформы для разгрузки артиллерийского имущества и устроить пороховой погреб. Все эти работы была закончены к 28 июня, когда рота была отозвана в казармы.

21 июня сообщено по телеграфу военному министру о необходимости снять и доставить в Одессу 20 девятидюймовых мортир и 4 шестидюймовых пушки с Нижне-Викторовских батарей у Очакова и четыре одиннадцатидюймовых пушки из Керчи. Орудия эти признано необходимым иметь в Одессе для противодействия попыткам бомбардировать город. С 21 июня началась постепенная отправка вызванных частей войск в места постоянного их квартирования.

22 июня, в 12 часов дня, прибыл в Одессу вице-адмирал Кригер с броненосцами «Ростислав» и «Синоп» для отвода в Севастополь сдавшегося броненосца «Георгий Победоносец»; адмиралу Кригеру сдано было хранившееся у командующего войсками знамя этого последнего броненосца. Около 3-х часов дня вся эскадра вице-адмирала Кригера, за исключением миноносок №№ 272 и 273, снялась с якоря и ушла в Севастополь; миноноски же №№ 272 и 273, по просьбе командующего войсками, были оставлены в Одессе на случай нового появления броненосца «Князь Потемкин Таврический». Так как при появлении броненосца «Князь Потемкин Таврический» днем миноносцы неминуемо были бы броненосцем потоплены, не проявив ожидаемую от них пользу, то они, по приказанию командующего войсками, были отправлены в Очаков с тем, чтобы они, по телеграмме, в первую за появлением броненосца ночь прибыли в Одессу и во что бы то ни стало потопили броненосец.

25 июня «Потемкин» сдался румынским властям в Констанце.

Вследствие этого 26 июня были прекращены работы по постройке и вооружению батарей на Жеваховой горе, а к 4 июля мортиры и артиллерийское имущество отсюда были обратно доставлены в склад крепостного артиллерийского имущества в Одессе.

В настоящее время в Одессе, кроме ее обычного гарнизона, осталось только 7 рот 275 пех. Хотинского полка; эти роты оставлены в Одессе на случай беспорядков при приведении в исполнение приговора над осужденными с броненосца «Князь Потемкин Таврический», так как исполнение этого приговора, согласно высочайшего повеления, как то сообщил главный командир Черноморского флота, должно состояться в г. Одессе.

Начальник штаба, генерал-лейтенант Безрадецкий[1]).

Из отчета генерал-адъютанта гр. Игнатьева царю о командировке его в г. Одессу 18 июля 1905 г.[2]).

Город Одесса давно уже занял видное место среди наиболее опасных в революционном отношении центров. Один из первых в России по вывозной торговле портов, город этот по своему разношерстному населению представляет необыкновенно благоприятную почву для революционной пропаганды...

Забастовки всякого рода, распространившиеся по всей России по почину Петербурга преимущественно между рабочими на фабриках и заводах, здесь протекали сравнительно благоприятно, но деятельность градоначальника, одесской полиции, войск одесского гарнизона была в высшей степени напряжена, в особенности с пасхи нынешнего года. Достойно внимания при этом, что при обсуждении мер, которые предполагалось принять ввиду ожидавшихся беспорядков, один из командиров пехотного полка заявил в присутствии градоначальника, что у него крайне слабый наличный состав людей, так как до 800 человек разъехались в отпуски, большая часть без разрешения.

Особенно обострились волнения на заводе Гена и беспорядки в городе Одессе втечение 12, 13 и 14 июня; в разных частях города происходили уличные беспорядки, даже устраивались баррикады. Ранено при этом было до 10 человек полицейских; толпа остановила поезд, шедший на Лиман, опрокидывала вагоны трамвая, била витрины в банкирских конторах, магазинах и т. п.; войска, разбросанные по отдельным частям города, в распоряжение полицейских властей, не всегда действовали с надлежащей энергией, как заявляет градоначальник; так, например, казачий офицер у Пересыпи отказался разгонять толпу народа, говоря, что «она ничего дурного не делает». Но были случаи употребления в дело оружия: казаки (в числе 12 человек) стреляли в рабочих у завода Гена, причем было 2 убитых и несколько раненых, но достаточного действия это не произвело, а только озлило народ.

Вечером 14 июня появился на наружном рейде г. Одессы броненосец «Потемкин» с миноносцем № 267; прибытие его было замечено всеми, но никакого впечатления не произвело.

Только при помощи самых тщательных расспросов мне удалось уста-

---

[1]) Настоящий отчет командующим войсками Одесского военного округа ген. Кахановым был представлен военному министру 1 июля 1905 г. за № 16297.

[2]) ДП, II, 1905 г., д. № 41, ч. 3, лл. 121—128.—Тексты печатаемых ниже документов подготовила к печати М. А. Сыромятникова.

новить, какой порядок существует в Одесском порте относительно приема военных судов; оказывается, что твердо определенных правил нет, все формальности (карантинные, таможенные и другие) к военным судам не применяются, а лоцман выходит лишь по требованию военного судна. Командир вновь прибывшего судна съезжает на берег, когда ему это удобно (в данном случае это могло совершиться лишь на следующее утро), и является к начальнику порта, которому представляет сведения о судне, и командующему войсками; по заявлению генерала Каханова, и эта формальность не особенно точно выполнялась морскими офицерами. Тем не менее выяснилось, что портовое начальство (в лице одного из помощников начальника порта) должно было выехать к броненосцу и опросить его. В данном случае, по объяснению старшего помощника Герасимова, этого не было сделано потому, что всем было ясно, что пришел именно «Потемкин», а опрошена была команда миноносца № 267, которая 14-го же числа вечером заходила в порт за провизией; отсутствие офицера на миноносце не бросилось никому в глаза, а команда на предложенные вопросы отвечала ложными показаниями, называя и командира миноносца барона Клод-фон-Юргенсбурга (в то время уже арестованного взбунтовавшейся командой «Потемкина») и командира «Потемкина» — капитана 1-го ранга Голикова.

Так или иначе, но до утра 15 июня никому в городе не было известно о происшедшем на «Потемкине» бунте и о значении, которое с этой минуты получил названный броненосец.

Ночь с 14-го на 15-е прошла довольно спокойно, но градоначальник потребовал на следующий день наряд войск и рано утром лично объехал многие места расположения воинских частей и сделал надлежащие распоряжения.

В то же время (около 5 часов утра) с броненосца «Потемкин» было вывезено тело убитого командиром судна матроса Омельчука (Вакальчука) [1]) и положено на конце Нового мола, причем над ним был устроен шатер из паруса и на груди положена известная записка, объясняющая происхождение трупа; при этом вооруженные матросы дерзко заявляли собравшимся любопытным, что если кто-либо осмелится тронуть труп, то город Одесса будет уничтожен бомбардированием; та же угроза повторялась и впоследствии, при каждом новом требовании со стороны мятежников.

Весть об этом быстро понеслась по городу, и прилагаемая при сем прокламация ходила по рукам. Градоначальник получил извещение о случившемся немедленно через полицейского чиновника из порта и тотчас сообщил командующему войсками о необходимости вызова из лагеря в город всех войск гарнизона, что и было исполнено. С этого момента, согласно ранее утвержденной инструкции, командование и распоряжение всеми войсками сосредоточилось в руках командира 2-й бригады 8-й кавалерийской дивизии генерал-майора Карангозова; градоначальник же, продолжая быть ответственным распорядителем

---

[1]) Настоящая фамилия убитого матроса Вакулинчук; он был членом Крымского союза РСДРП; известен под кличкой «Владимир». См. корреспонденцию из Одессы в газ. «Пролетарий» № 7, от 10 июля 1905 г. («Вперед» и «Пролетарий», изд. Исгпарта ЦК ЬКП(б), вып. III, стр. 145).

по гражданской части, ограничивался втечение целого дня неоднократными ходатайствами по телефону, и даже лично перед генералом Кахановым об ограждении порта и о посылке войск для изолирования портовой территории.

К прискорбию должен отметить, что начальник порта, носящий громкое морское имя, генерал Перелешин, отсутствовал все утро (он живет на хуторе, в 20 минутах езды от порта) и затем, появившись на время около 2—4 часов дня, снова исчез; командующий войсками мне лично заявлял, что, получив сведения о телеграмме, полученной на имя генерала Перелешина от адмирала Кригера, он долгое время не мог найти начальника порта и вынужден был потребовать копию с этой телеграммы (по содержанию, впрочем, незначительной). Внезапное обнаружение условий, в которых броненосец «Потемкин» стоял на рейде города Одессы, как громом, поразило всех живущих в г. Одессе, начиная с высших властей; угрозы же бомбардирования города были приняты на веру, и я втечение недели при расспросах лиц самых разнообразных ведомств и состояний встретил лишь отдельные единицы, которые теперь считают угрозы эти лишенными оснований, и то, главным образом, потому, что, имея перед глазами уже совершившиеся факты, как-то: отсутствие стрельбы с броненосца, когда ночью решились допустить войска к действию оружием, и столкновение того же броненосца с войсками под Феодосией. Во всяком случае, признание высшим военным начальством опасности бомбардирования города со стороны броненосца «Потемкин» имело решающее влияние на все последующие распоряжения и действия властей в злополучные дни 15 и 16 июня.

Не решаясь обременять вашего императорского величества последовательным изложением всех событий, происходивших в эти дни в Одессе, которые уже известны вашему величеству из донесений отдельных ведомств, я приемлю долг упомянуть лишь о некоторых случаях, которые могут выяснить деятельность властей различных ведомств в эти беспримерные в истории дни.

Как указано выше, тело убитого матроса было выставлено на Новом моле, и тотчас толпа любопытных стала расти около него с изумительной быстротой; полиция, слабая по составу своему вообще и не подчиненная начальнику порта, не только не пыталась остановить прилив публики, но вскоре, по требованию командующего войсками, была градоначальником вовсе отозвана с портовой территории; такой же участи подверглась и полусотня казаков, находившаяся там в наряде; есть указание, что полусотня эта, завидев поднятый на броненосце красный флаг, быстро самовольно ускакала, но военное начальство отрицает этот факт и утверждает, что казаки были выведены по приказанию свыше.

Таким образом, вся портовая территория была предоставлена стекающейся туда толпе, в первых рядах которой не преминули появиться крайне революционные деятели в самых разнообразных одеяниях, главным образом в форме учащихся, студентов и т. п. Тут происходила отчаянная революционная вакханалия; произносились самые возмутительные, дерзкие речи по адресу не только правительства, но и нашего государственного строя; крик «Долой самодержавие!» изобиловал...

Никаких мер к ограждению порта от прилива посторонней толпы из города принято не было, и, когда около 10-ти часов утра градоначальник усиленно просил об этом генерала Карангозова, доказывая ему, что опасность со стороны броненосца для войск не так велика, что благодаря эстокаде, огибающей портовую территорию, и многим укрытиям в виде строений и стен возможно незаметно подвести войска и окружить порт, генерал Карангозов ответил решительным отказом, добавив при этом, что пусть их набираются в порт, мы их оттуда не выпустим, а перестреляем. На деле однако вышло иначе: в порте безнаказанно бесчинствовали революционеры; они остановили выход срочного парохода и сгоняли посредством угроз команды с пароходов; между молами разъезжали катера с вооруженными матросами с «Потемкина», дерзко подбадривавшими толпу на бесчинства; сообщение порта с мятежным судном было беспрепятственно; паника овладела, повидимому, многими, если не всеми, стоявшими у власти, на радость и торжество бесчинствовавших революционеров, которые не преминули воспользоваться этим, чтобы показать народу слабость и неспособность правительства. По мнению градоначальника, а также многих распорядителей пароходных предприятий, а в особенности выдающегося своим хладнокровием, честностью и преданностью старшего лоцмана Романенко, достаточно было бы в промежуток от 10 до 12 часов послать две роты на Новый мол, чтобы напором штыков сбросить всю неистовствующую публику и тем спасти порт от разгрома.

Генерал-от-кавалерии Каханов твердо стоял на своем, что он должен спасти город от бомбардировки и сберечь войска вашего величества; очевидно, что, задавшись такою мыслью, он вовлечен был в необходимость предоставить порт своей судьбе.

Около 3 или 4-х часов дня началось разграбление товаров и складов; сначала толпа набросилась на приготовленные к отправке ящики с казенной водкой, и опьяненная чернь, потеряв сознание, с ожесточением стала громить склады и грабить товары; однако нельзя сказать, чтобы грабили одни так называемые «босяки», — нет, среди пестрой толпы виднелись и дамские шляпы, и дети, и прилично одетые мужчины, — все тащило, что могло ухватить и вынести; говорят, что многие шли на добычу, запасшись мешками и другими способами вынести награбленное, причем добро вывозилось даже на лошадях и на лодках. Ни малейшего противодействия никем оказано при этом не было.

Вечером около 10-ти часов запылал пожар; погода была как нарочно безветренная, что с особенной ясностью давало возможность судить о том, что пожар разрастался не от стихийной силы, а именно сознательными поджогами... Несомненно, что ближайшими исполнителями поджогов были так называемые «хулиганы», мальчишки с диким криком и визгом перебегавшие от одного строения к другому. Очевидным доказательством того, что пожар был результатом намеренных поджогов, представляются два случая: дом Русского общества пароходства и торговли, в котором помещались семейные служащие, начинал уже загораться, когда исступленные от страха женщины с мольбой пощадить их бросились к поджигателям; смягченные мольбою бедняков, они признали справедливым пощадить это строение, и оно уце-

лело, причем загоравшийся уже угол был немедленно потушен самими поджигателями. Личному влиянию и просьбам настоятеля портовой церкви следует приписать сохранение этого храма с окружающими его постройками и складами угля.

Огонь распространялся с неимоверной быстротой и силою, картина была страшная; ее созерцал весь город во главе с командующим войсками и комендантом города, покинувшими дворец и все время пребывавшими на Николаевском бульваре. Площадь, истребленная огнем, с обозначением главнейших уничтоженных огнем строений, изображена на представляемом при сем плане; последствия же пожара можно усмотреть из альбома фотографий, исполненных одесским фотографом, турецким подданным Александром Иордановым [1]).

Только ночью начались попытки удержать дальнейшее распространение пожара; исполнявший должность помощника градоначальника начальник карантина врач Дамаскин по телефону испросил у градоначальника разрешение употребить в дело карантинную роту (налицо было всего 40 человек), и с этою горстью людей он решился на отчаянную попытку отстоять склады Русского общества, в которых хранились сахар (уже загоравшийся), а далее громадный запас спирта (до 1 100 бочек) и легко воспламеняющиеся вещества. Сознавая недостаточность карантинной роты, Дамаскин обратился за содействием к двум ротам Дунайского и Измаильского полков, которые были еще раньше выдвинуты на Таможенную площадь и залегли там. Вначале роты эти, ссылаясь на воспрещение командующего войсками, стрелять отказывались, а затем, по распоряжению прибывшего для общего командования отрядом штаб-офицера, одна рота была выдвинута вперед; нескольких выстрелов, выпущенных вольноопределяющимися, было достаточно, чтобы разогнать поджигателей и отстоять названные склады, а затем и всю остальную, самую ценную часть порта, в которой находились весьма опасные склады спирта, иностранный отдел, карантин и таможня, — все это спасено, можно сказать, благодаря выдающейся энергии и горячей преданности своему служебному делу начальника карантина Дамаскина.

С этого времени и до самого утра началась стрельба залпами и в одиночку в разных местах города, преимущественно с Николаевского бульвара и Таможенной площади, в сторону порта. Самые тщательные расспросы не дали мне возможности составить себе ясный отчет, насколько целесообразна была эта стрельба; стреляли в народ, в публику, находящуюся в порте, по преимуществу, покидающую порт, и тут стрельба эта — смею думать — была уже сильно запоздавшею. Нельзя того же сказать про действия войск в верхней части города; тут также происходили беспорядки, в войска и в полицию стреляли из револьверов из домов, с крыш. Дерзость преступников доходила до того, что стреляли во дворе дворца, так что казаки должны были взобраться на крышу, чтобы оттуда отстреливаться от бунтовщиков; из дома на Екатерининской площади была брошена бомба в разъезд казаков Донского полка, занимавших эту площадь, которою ранено семь человек. Толпы грабителей из порта пытались пробраться в город, но

[1]) Указанного плана в деле не оказалось; не обнаружен и упоминаемый в публикуемом документе альбом фотографий.

были рассеяны войсками; особенно удачно было дано 3 залпа на Екатерининской улице против толпы, стремившейся сверху пробраться на большую лестницу Николаевского бульвара; вообще стычек с полицией и с войсками было множество, и беспорядочная стрельба не умолкала во всю ночь; едва ли кто-нибудь из жителей заснул в эту ночь, освещенную заревом громадного пожара; ночь эту одесситы прозвали «красною», в отличие от следующей «черной ночи» (с 16-го на 17 июня), когда в городе не было ни электричества, ни газа.

Втечение первых суток броненосец «Потемкин» стоял на своем месте, и о происходившем на нем мне не удалось получить каких-либо сведений, кроме описанных сношений с революционерами в порте; можно думать, что безнаказанность происходивших бесчинств революционеров и толпы вскружила голову мятежникам, и они возымели невероятную дерзость прислать депутацию на Николаевский бульвар, требуя объяснений с командующим войсками. Генерал Каханов поручил генералу Карангозову принять мятежников, и вот, публично, на бульваре совершилось нечто неслыханное: заслуженный боевой генерал, известный свою доблестною службою, вынужден был перенести тяжелое унижение — объясняться с мятежными нижними чинами, которые при этом держали себя более чем свободно и самоуверенно. Генерал вначале слушал их сидя. Они требовали, чтобы командующий войсками, градоначальник и городской голова явились к ним на броненосец, и притом настаивали, чтобы им доставили определенное количество провизии: генерал Карангозов объявил им, что требования их удовлетворены быть не могут, и отпустил их с миром.

Втечение 16 июня особо выдающихся событий не было; пожар догорал; пожарная команда, которую втечение дня 15 июня толпа не допустила тушить пожар, работала над догорающими постройками; местами продолжалось похищение товаров, не унесенных накануне. Прискорбно при этом отметить заявления, сделанные мне начальством некоторых пароходных предприятий, что на Новом и Военном молах того же 16 июня утром было ими замечено несколько нижних чинов, предававшихся также хищению; с особенным удовлетворением убедился я в том, что войсковые части не были вовлечены в участие в грабеже.

В ночь на 16 июня получено было по телеграфу распоряжение о введении в городе Одессе и уезде военного положения, что и было объявлено жителям 16 июня утром; генерал Карангозов назначался временным генерал-губернатором. В тот же день явилась новая депутация с «Потемкина» к генералу Карангозову, требовавшая, чтобы тело матроса Омельчука [1]) было предано земле на кладбище с подобающей церемонией, и это желание мятежников было удовлетворено. При участии высланной с броненосца депутации тело было перенесено в портовую церковь, где совершено отпевание, и затем похоронное шествие двинулось, согласно указаниям начальства, через окраины города на кладбище; толпа, сопровождавшая тело, достигла, говорят, нескольких тысяч. Но особых происшествий при этом не случилось, если не считать нескольких зажигательных речей, произнесенных над

[1]) Вакулинчука.

могилою. Из депутации с «Потемкина» трое матросов уклонились и явились к начальству с заявлением, что они не желают возвратиться к мятежникам, а два убиты выстрелами в то время, когда они проезжали на извозчике вдоль фронта пехоты, расположенной на Таможенной площади. Вечером с броненосца «Потемкин» было произведено 3 холостых выстрела по случаю погребения матроса, а затем выпущено два снаряда из 6-дюймового орудия в город; из них один зарылся в землю на окраине города, а другим поврежден карниз дома по Нежинской улице, принадлежащего Фельдману.

Втечение ночи команда «Потемкина», очевидно, опасалась минной атаки и неутомимо работала прожекторами, причем для предосторожности окружила себя частными пароходами.

Хотя иностранные пароходы (английский и 2 других) были осмотрены на рейде перед выходом своим жандармским ротмистром Севериновским, но ничего подозрительного на них не найдено, и вообще отношение их к броненосцу «Потемкин» осталось не выясненным.

17 июня появилась эскадра контр-адмирала Кригера, которую с замиранием сердца ожидали одесситы, но каково было их разочарование, когда после встречи и переговоров с «Потемкиным» эскадра совершила непонятный поворот и ушла в море, оставив броненосец «Георгий Победоносец» близ «Потемкина». Никто не мог себе отдать ясного отчета, что случилось, была минута, когда думали даже, что «Потемкин» сдался «Георгию».

Выяснить истинное положение дела вызвался старший лоцман Романенко, который на паровом катере вышел на рейд к «Георгию»; встреченный площадною бранью, он не смутился, а простою речью объяснил им, что он — служащий и исполняет приказания начальства, которое поручило ему узнать, не нужно ли чего-нибудь на броненосце; пристыженные матросы отвечали ему, что начальство их на «Потемкине» и чтобы он отправился туда, пригрозив ему за неисполнение наведенным на него орудием. На «Потемкине» Романенко был принят в кают-кампании сидевшими там мятежниками, с Матюшенко во главе. Они его расспрашивали, что нового в городе, «что слышно про наши головы», много ли перебито казаков, и когда он отрицал это, то один из матросов (повидимому, не настоящий) с неудовольствием оспаривал его и утверждал, что много побито казаков. Когда Романенко упрекнул их в том, что они стреляли в беззащитный город, что благодаря им разграблен и сожжен порт, то они старались доказать, что они в этом не виноваты, а выстрелы хотели пустить лишь во дворец, причем Матюшенко разразился бранью на наводившего орудие матроса. Затем мятежники стали требовать снова доставления провизии, на что Романенко потребовал от них письменное заявление, которое обещал представить командующему войсками. Генерал Каханов не согласился отпустить провизии, а ограничился отправлением небольшого количества молока, красного вина, сыра и хлеба исключительно для больных.

Ужас объял одесситов, когда им стало ясно, что «Георгий» присоединился к мятежникам и безопасности города угрожали уже два броненосца. 18 июня Романенко повез провизию для больных на броненосцы; при приближении катера с обоих броненосцев давали ему

сигналы, призывая его пристать к борту; Романенко решился начать с «Георгия», причем несколько человек команды вскочили к нему на катер, умоляя его помочь им освободиться от «Потемкина»; предвидя опасность, он потребовал удаления их с его катера, а дал им совет быстро поднять пары, сняться с якоря и войти в порт по его указаниям; сам же решился как можно дольше отвлечь внимание мятежников команды «Потемкина», что ему в известной степени и удалось... Пока Матюшенко и его товарищи, по совету Матюшенко, писали требование на имя командующего войсками, вбежавший матрос доложил, что «Георгий» снялся с якоря и идет под нос «Потемкина»; взбешенный Матюшенко вскочил, выругал Романенко и послал команду по орудиям; лоцман Романенко, воспользовавшись суматохой, быстро спустился в свой катер, направился к «Георгию» и провел его в порт, где поставил на мелком месте. Тут же боцман Кузьменко и несколько других нижних чинов заявили и. д. помощника градоначальника Дамаскину, что у них происходит борьба партий, что необходимо поскорее прислать вооруженную команду, чтобы оградить кассу и оружие, и тогда, несомненно, команда изъявит покорность. Взволнованный таким известием Дамаскин просил по телефону градоначальника разрешить ему посадить имеющуюся вблизи роту на приготовленные им баркасы, но командующий войсками колебался, опасаясь ловушки. Наконец, разрешение это было дано, но вскоре же и отменено. Для объявления об этом генералом Карангозовым послан был случайно находившийся при нем состоящий на льготе есаул Новосельцев. Дамаскин был сильно возбужден и оскорблен тем, что все его попытки воспользоваться психологическим моментом и удержать команду «Георгия» оказались тщетными, и он, отменив свое распоряжение, высказал неудовольствие Новосельцеву; тут произошло весьма печальное событие — Новосельцев, обиженный тоном и выражениями Дамаскина: «Какой вы царский слуга, когда позволяете себе так выражаться?», ударил по лицу исправляющего должность градоначальника.

Между тем командующий войсками поручил генералу Карангозову отправиться на броненосец «Георгий» и удостовериться лично в положении вещей; встреча генерала была исполнена по всем правилам; с рапортом подошел к нему врач, управлявший судном, а команда громко и дружно ответила на приветствие; слова боевого генерала, видимо, подействовали на матросов, они изъявили раскаяние и просили возвратить им офицеров, свезенных ими накануне на берег.

От команды «Георгия» была отправлена к командующему войсками депутация, которую его высокопревосходительство принял во дворце. Как только выяснилось положение, занятое «Георгием», на «Потемкине» подняли якорь, и он быстро скрылся в море. Одесса вздохнула свободнее.

Со времени этих печальных событий прошел уже месяц, ровно месяц действует военное положение, а между тем приходится сознаться, что оно не оказало того подавляющего влияния на крамолу, которого следовало ожидать. Объявление об этой чрезвычайной мере произвело сильное впечатление на население; я имею основание думать, что некоторая часть неблагонадежного элемента поспешила покинуть охва-

ченную военным положением местность. Жители Одессы, преданные порядку и жаждущие успокоения, ожидали крутых мер, способных доказать силу и уверенность власти после тех возмутительных происшествий, которым они были невольными свидетелями. В действительности до сих пор выслано из города лишь довольно значительное число заведомо неблагонадежных лиц; обязываюсь при этом заметить, что, по имеющимся сведениям, охранное отделение безошибочно наметило таких лиц. В особенности неблагоприятное для власти впечатление произвели денежные штрафы (по 3 тысячи рублей), наложенные на домовладельцев Бродскую и Ашкинази, в домах которых обнаружены были бомбы... Естественное чувство справедливого возмездия подсказывало необходимость конфисковать или, по крайней мере, временно наложить секвестр на те дома, из которых бросали бомбы и стреляли в войска во время беспорядков или где хранились бомбы; в такие минуты нет места тонкому разбору действительной виновности домовладельцев; чрезвычайные обстоятельства требуют и чрезвычайных мер...

То же обязываюсь доложить вашему императорскому величеству и по отношению предания анархистов военному суду по законам военного времени; ожидаемая от такой меры репрессия может оказать должное воздействие лишь в том случае, когда она применяется быстро и без колебаний; втечение истекшего месяца, к общему изумлению, еще не было ни одной смертной казни. Попытки мои ускорить производство соответствующих дел встретили непреодолимые препятствия — в особенности в значительном некомплекте чинов военно-судебного ведомства, на что указывал мне и генерал Каханов. Смею думать, что ввиду современных событий необходимо подвергнуть пересмотру и некоторые статьи свода военных постановлений, которыми обязаны руководствоваться в подобных случаях чины военносудебного ведомства.

Несомненным для меня является и то, что в предстоящих работах особого совещания, состоящего под моим председательством, по пересмотру исключительных законов необходимо будет обратить особое внимание на правила о военном положении.

Беседуя с временным генерал-губернатором, я счел себя обязанным высказать ему свой взгляд на недостаточную ощутительность военного положения и на запоздалость воздействия...

Указанные недочеты едва ли могут быть отнесены к недостатку энергии и воли со стороны храброго и деятельного генерала Карангозова. Их надо искать в недостаточном знакомстве его с гражданскими законами, с административными порядками, в неопределенности законов и в отсутствии точных руководящих указаний из Петербурга.

Всеподданнейше докладывая вашему величеству об исполнении возложенного на меня поручения, не могу умолчать о некоторых недостатках, обнаружившихся по поводу одесских событий в организации взаимных отношений сухопутного военного ведомства и морского, а также в портовом управлении.

Прибытие военных судов на рейд и даже в порт Одессы недостаточно обставлено определенными правилами, гарантирующими от внезапного появления враждебного судна.

Ни в штабе округа, ни у начальника порта не имеется секретной сигнальной книги, так что сигналы, которыми обменивались «Потемкин» с «Георгием» и с эскадрою, не могли быть понятны на берегу.

Командующий войсками не имеет в своем распоряжении ни парохода, ни даже катера, так что в минуты крайнего напряжения, когда необходимо было послать офицера к броненосцам, приходилось прибегать с просьбами к тому или другому пароходному обществу, и то, как оказалось, безуспешно.

Наконец, в Одессе, при открытом порте, не только не имеется нескольких миноносцев, но даже нет плавучих мин, хранение и употребление которых весьма легко было бы приурочить к 5-й саперной бригаде.

Относительно управления портом бросаются в глаза недостаточность личного состава и неподчинение начальнику порта местной полиции. В свою очередь портовое начальство, повидимому, не стоит в достаточной связи с градоначальником.

Генерал-адъютант граф Игнатьев 2-й.

Докладная записка председателя одесского биржевого комитета А. А. Анатра ген.-ад. графу А. П. Игнатьеву от 25 июля 1905 г. [1]).

Во исполнение поручения вашего сиятельства имею честь представить нижеследующие соображения о современном положении одесской торговли и промышленности.

Первою причиною экономического кризиса, охватившего не только одесскую, но и всю южную торговлю, послужили военные события, неожиданно разразившиеся на Дальнем Востоке. Независимо от непосредственного ущерба, причиненного одесской торговле потерею крупного дальневосточного рынка, с которым Одесса вела оживленные торговые сношения, война внесла общее расстройство в весь ход торговой жизни. Особенно на первых порах возникли опасения за возможность международных осложнений (для Одессы ближайшее значение могли иметь перерыв морских сообщений с иностранными рынками и закрытие вывоза хлеба), падения курса рубля, массовых банкротств и пр. Эти-то опасения вызвали сокращение кредитов, сдержанность торговцев как в закупках товаров, так и в отпуске таковых в провинцию в кредит; иностранные фирмы, с которыми Одесса особенно тесно связана, также проявляли чрезвычайную осторожность и в заключении сделок с русскими купцами и в открытии им каких-либо кредитов. Мало-по-малу однако выяснилось, что опасения эти были в некоторой степени преувеличены. Правда, слабые фирмы, которые могли существовать только при свободном кредите, должны были сойти со сцены, но более солидные безостановочно, хотя и в значительно меньших размерах, продолжали свои торговые операции. Торговая жизнь стала понемногу приспособляться к новым условиям, и сама по себе война не повела бы к тому печальному состоянию нашей торговли и промышленности, которое явилось следствием другого фактора — внутренних смут.

Эти последние породили такое тревожное настроение во всех кру-

[1]) ДП, II, 1905 г., д. № 41, ч. 3, лл. 67—68.

гах общества, а особенно в торговых, создали такую неуверенность во взаимных отношениях торговцев и промышленников, такую необеспеченность личной и имущественной безопасности, а беспрерывные рабочие забастовки внесли такое потрясение в правильный ход фабрично-заводской жизни, что настоятельной и насущнейшей потребностью нашей торговли в настоящее время является прежде всего внутреннее умиротворение страны (в частности, удовлетворительное разрешение рабочего и аграрного вопросов).

Одесские события явились лишь частным проявлением общего расстройства внутренней русской жизни и приняли исключительно острую форму только вследствие некоторых случайностей (бунт на броненосце), имевших последствием разгром нашего порта — этого жизненного нерва одесской торговли. Когда после пережитых страшных дней наступило некоторое успокоение и торговый класс стал подводить итоги убыткам, причиненным беспорядками в порту, то обнаружилось, что убытки эти, сравнительно мало затронувшие интересы частных лиц, сами по себе ни в коем случае не могли серьезно отразиться на положении одесской торговли. Но объявление города на военном положении и принимаемые по законам военного времени чрезвычайные меры по охране порядка создали такую страшную панику и в местном населении и в населении городов, поддерживающих с Одессою постоянные торговые отношения, и вызвали в печати, особенно иностранной, столь невероятно преувеличенное представление о тревожном состоянии одесской жизни, что нашей торговле этим наносится огромный удар, а при затяжке этого положения нелегко поправимый ущерб преимущественно морального свойства: к одесским торговцам утрачивается доверие в финансовых и коммерческих кругах.

Ярким выражением этого недоверия служат, для примера, такие факты: некоторые иностранные фирмы отказываются высылать товары даже с уплатою их стоимости против коносаментов в Одессе, а требуют перевода всех денег еще до отправки товаров в Одессу; на первых порах иностранные покупатели нашего хлеба не верили в возобновление деятельности нашего порта и уклонялись от заключения сделок и теперь еще предъявляют нашим экспортерам стеснительные условия; не только иностранные банки, но и русские до крайности сократили операции по учету векселей и даже по выдаче ссуд под товары, а некоторые совсем прекратили их. Такое положение вещей пагубно отражается на одесском торгово-промышленном классе, и я глубоко убежден, что восстановление доверия к одесской торговле является вопросом не только местного, но и общегосударственного значения, если принять во внимание, что Одесса была до сих пор первым отпускным портом империи. А это доверие к одесской торговле вернется лишь тогда, когда всему торговому миру станет известно, что исключительное положение города признано ненужным, и правильное течение общественной жизни окончательно восстановилось. Посему от имени одесского торгово-промышленного сословия почтительнейше ходатайствую перед вашим сиятельством об оказании содействия к отмене в городе Одессе военного положения [1]).

Председатель одесского биржевого комитета и старшина одесского купеческого сословия статский советник Анатра.

[1]) Военное положение в Одессе было снято 30 сентября 1905 г.

Дневник А. Н. Куропаткина

(31 марта—20 ноября 1904 г.) [1])

3 августа.

Несколько дней, как идет дождь. Дороги испортились. Японцы против южного фронта вперед не двигаются. На восточном фронте происходит передвижение японцев к северу к Тайдцыхе. Отряд в 1 500 человек, при нескольких орудиях, уже перешел на правый берег и двигается против Мадритова у Даниндушаня (в 30 верстах к югу от Синцзин-тина).

Принимаем меры на случай движения Куроки в обход Ляоянских позиций к Мукдену или на случай движения к Ляояну правым берегом Тайдцыхе.

Вчера, 2 августа, совершенно счастливый уехал вел. кн. Борис Владимирович [2]).

Наедине рассказывал мне с огорчением, как трудно им, членам царской семьи, иметь дело с государем. Что под влиянием разных лиц он часто меняет мнения. Так, когда ему, Борису Владимировичу, пришлось оставлять лейб-гусарский полк, государь ему два раза сказал, что мундир ему сохраняется, и чтобы он передал о том Енгалычеву. Но потом оказалось, что мундир не сохранили, и когда вел. кн. Владимир Александрович сказал государю об его обещании, то государь ответил, что такого обещания не давал. Тут не договорено главное: кажется, Борис Владимирович не сам ушел из полка, а его попросили уйти. Оставлять ему при этих условиях мундир не было основания.

4 августа. Ляоян.

Переехал сегодня в Ляоян; осматривал укрепляемую нами передовую позицию. Для 1 корпуса может быть укреплено очень сильно. Для 3 корпуса много слабее. Работаем войсками [?] усердно. Китайцев работает только 100 с небольшим человек. Идет сильный дождь. Дороги совершенно испортило. Река Тайдцыхе поднялась против ординара на 11 футов. Снесло мост козловый, выше устроенный для Слу-

---

[1]) См. «Красный архив», т. LXVIII, стр. 65—96. — Подлинник хранится в ГАФКЭ, особ. отд., ф. 1112, тетрадь № 22.

[2]) Плансон, начальник дипломатической канцелярии при наместнике Алексееве в своем дневнике (см. «Красный архив», т. XLI—XLII) сообщает следующее: 15 марта «приехал в. кн. Борис Владимирович... Куропаткин, говорят, встретил его холодно и, вообще, не хочет иметь его у себя». 10 августа: «Узнаю, что в Ляояне в. кн. Борис Владимирович ухаживал за сестрой милосердия княгиней Гагариной. Она дала ему пощечину и пожаловалась Куропаткину. Он призвал его и сделал замечание. Тот обиделся: «Вы забываете, генерал, что вы говорите с великим князем». Куропаткин рассердился: «Молчать, руки по швам!» Тогда вел. князь выстрелил в него из револьвера, ранил в руку легко. Куропаткин запросил государя, как поступить. Государь ответил: по закону. Следовало расстрелять. Составили комиссию-экспертизу умственных способностей. Признали ненормальным, увезли в Россию».

чевского, и козлами этого моста сломало у нас шесть мостов, устроенных для Ляоянской укрепленной позиции. Остался один железнодорожный. Для армии — это очень мало. Надо спешить построить или, вернее, возобновить их. Деятельный противник мог бы нас прижать к реке. В Восточном отряде и 10 корпусе некоторые части, стоящие на позиции, отрезаны от своего тыла разлившимися речками, ставшими без бродов. Удерживаю стремление итти назад, но понимаю, что японцам еще хуже нашего, ибо их путь сообщения еще менее обеспечен.

Большое нас опять постигло несчастье. Наш флот, вышедший из Порт-Артура, чтобы прорваться во Владивосток, не достиг этой цели. Подробности еще неизвестны, но уже известно, что «Цесаревич» укрылся в Киао-Чао. Витгефт убит, много миноносцев погибло. «Аскольд» выведен из строя [1]). Есть также смутное известие, что и эскадра Владивостокская потерпела тяжелое поражение.

Мы, если все это верно, почти лишились Тихоокеанской эскадры. Положение сухопутной армии усложняется. Война затянется. Без превосходства на море победить Японию очень трудно. Мы можем оттеснить ее армию до Фузана, а эта армия сядет на суда и высадится где-либо у нас в тылу. Надо усиливать железную дорогу и прибавлять войска. Сегодня получил депешу, что государь соизволил на мое представление и приказал мобилизовать 8 армейский корпус и послать нам 61-ю резервную дивизию, 8 сиб. резервных батальонов и 8 сибирских дружин ополчения. Боюсь, что всего этого окажется мало. Мы уже из третьего источника получаем известие, что японцы довели численность своих дивизий до 22 000 чел. в каждой, а гвардейских — до 27 000.

Но что меня всего более пугает — это как бы у нас не явилось желание покончить войну кое-как, только бы покончить. Это будет тяжелый непоправимый удар для России. Мы можем кончить войну только тогда, когда станем п о л н ы м и победителями. Надо воевать несколько лет, но победить. Надо сейчас же делать заем на постройку новой эскадры. Главное, надо усиливать железную дорогу. Надо класть вторую колею и общее число поездов доводить до двадцати четырех, в том числе шестнадцать воинских. Мы попали из-за фантазии негодяев Безобразовых, Абазы, Вогака и пр. в скверную историю. Война и ныне ненавистна. Но если она не окончится победно, то положение внутреннее России так ухудшится, что можно будет ждать огромной важности внутренних беспорядков.

Очень тревожат меня мои ближайшие помощники — командиры корпусов. Не вижу должной в них опоры. Не вижу, чтобы они при равных условиях с полным успехом могли бы бороться в этой чуждой для них обстановке с японцами. В Европейской России на полях

[1]) Порт-артурская эскадра, в составе 6 броненосцев («Цесаревич», «Ретвизан», «Победа», «Пересвет», «Севастополь», «Полтава»), 3 крейсеров («Аскольд», «Паллада», «Диана») и 8 миноносцев, под флагом командующего эскадрой в.-адм. Витгефта, 28 июля 1904 г. вышла из Порт-Артура, чтобы прорваться во Владивосток. Встретившись с японской эскадрой адм. Того, она вступила с ней в бой, окончившийся полным разгромом русской эскадры. Из состава последней «Цесаревич» с поврежденной машиной и рулем пошел в немецкий порт Киао-Чао, «Аскольд» — в Шанхай, «Диана» — в Сайгон. Остальные принуждены были вернуться в Порт-Артур.

Польши, Литвы, Волыни они были бы не только не хуже, но лучше наших средних корпусных командиров, но тут, среди гор или даже в море гаоляна, они чувствуют себя сбитыми с толку, несколько потерянными и после первого неудачного для них столкновения с японцами начинают их усиленно побаиваться.

10 августа.

Вчера государь прислал мне депешу, в которой в день крещения наследника цесаревича выразил желание произвести из начальников частей манчжурской армии одного в генерал-адъютанты, одного в свиты генерал-майоры, одного в флигель-адъютанты. Приказал назвать по три кандидата на каждое назначение. В тот же день я телеграфировал ответ: на генерал-адъютанта назвал: Бильдерлинга, Зарубаева (отбившего японцев у Дашичао) и Стесселя; на свиты генерал-майора: Мищенко, Фока и Горнгросса; на флигель-адъютанта командира Барнаульского полка Добротина, штыками отбившего все атаки японцев под Дашичао, Лечицкого, командира 24 Вост.-сиб. стр. полка, наиболее отличившегося в делах Восточного отряда, и войскового старшину Гаврилова, командира казачьей батареи, неоднократно отличившегося в отряде ген.-майора Мищенко.

Очень меня огорчает поведение командира 10 арм. корпуса Случевского. О нем высокого мнения государь, и, несомненно, голова у него устроена недурно, и есть творческие мысли, — правда, в мелочах. Но в военное время оказывается, как я предвидел и на Курских маневрах, никуда негоден. Нерешителен, все хочет выдумать что-то новое, разбрасывается, все хочет занять; несмотря на все указания, оставляет слишком недостаточные резервы и расходует их чрезвычайно быстро. Дух плох. Все думает об отступлении, непрерывно находит себя в критическом положении. Вчера, по рассказам лазутчика-китайца о сборе против правого фланга нашей позиции 30 тыс. японцев, всего из трех батальонов своего о б щ е г о резерва выслал два и забил тревогу о присылке ему подкреплений. В то же время из присланной по моему требованию схемы расположения частей корпуса увидел, что он занимает войсками одновременно две параллельных одна другой позиции в расстоянии одна от другой в 5 верст. Совершенно не справляясь с вверенным ему корпусом, Случевский в то же время часто телеграфирует Гессе для доклада государю свои высшие соображения то об образовании стратегических резервов, то о разных новшествах, необходимых армии. Но и тут главною его заботой является отход назад к Ляояну. Так, в доставленной мне депеше от 5 августа он «признает необходимым скорейшее сосредоточение армии в районе Ляоян—Мукден по соображениям стратегическим, тактическим, хозяйственным, санитарным и для облегчения всесторонней подготовки армии к общему переходу в наступление».

Вероятно, придется отставить Случевского от командования 10 корпусом, если нервы его не успокоятся.

14 августа.

Третий день японцы ведут против нас наступление. Мною решено было отходить к Ляояну, но важно было выиграть две недели вре-

мени для сосредоточения 1 арм. корпуса. Поэтому я приказал дать японцам отпор на всех наших позициях. Подкрепив 3 и 10 арм. корпуса 28 батальонами 17 корпуса, я рассчитывал, что Куроки будет отражен. На Ляндасянской позиции 3 Сибирского корпуса он и был отражен, но у Случевского после успешного в общем боя Тамбовский полк был сбит с позиций у Пегоу с потерей 6 орудий, что обнажило левый фланг расположения 10 корпуса и угрожало пути отступления. Необходимо было разрешить этому корпусу отойти за Танхе, что, в свою очередь, повело к отступлению 3 Сибирского корпуса и корпусов южного фронта.

19 августа.

17 августа начался на передовых Ляоянских позициях бой. Велся с большим напряжением с двух сторон. Выпущено нами в два дня 100 000 орудийных патронов. Противник выпустил вдвое более. Расход непредвиденный, и мы крайне теперь стеснены. Надо наступать, а запас патронов ничтожный (разумеется, особый запас, сверх комплекта и паркового запаса, которые все пополнены). Надо в будущем считать необходимым по 3 000 патронов на орудие, ибо 400 снарядов выпускается совершенно свободно, а выпускали и до 800. Заведующий артиллерийской частью ген.-майор Михеев плакал, когда докладывал, что все его расчеты разрушены. К нам выслано 160 тыс. патронов орудийных с пассажирскими поездами, но не прибыли.

Войска дрались геройски. Все до одного штурма были отбиты с огромными для японцев потерями. Массы их трупов покрывали подступы к нашим позициям. Волчьи ямы были завалены трупами доверху. Нам досталось много оружия. Наши воспользовались обувью японцев. Доходило до штыкового удара. 17-го атака велась главным образом на 3 корпус Иванова, а 18-го на 1 корпус Штакельберга. Наши потери за эти два дня свыше 7 000 чел. убитых и раненых. Настроение войск приподнятое. Все же в наступление нельзя было перейти, ибо армия Куроки начала переправляться на правый берег Тайдцыхе у Сыквантуня, в переходе от Ляояна. Силы 17 корпуса слишком незначительны, чтобы удержать эту армию. Нельзя было допустить тактический обход. Надо, напротив того, было воспользоваться владением нами берегами Тайдцыхе, чтобы попытаться разбить Куроки.

В этих видах я вчера ночью, совершенно не тревожимый противником, отвел войска с передовых позиций на главную и ночью же и частью рано утром переправил на правый берег $2^1/_2$ корпуса войск (1, 10 и часть 5-го). Для обороны оставлены 4 и 2 (одна дивизия), бригада 10-го; 3 корпус оставлен на левом берегу, но должен служить резервом для войск двух берегов.

Эта сложная операция удалась вполне. Составляем соображение о движении завтра вперед. Против авангарда Бильдерлинга развертываются японские войска. Помоги нам бог!

25 августа. Мукден.

Наша первая наступательная операция окончилась неудачно. Причин тому было много, но главная из них заключается в том, что колонна ген.-майора Орлова, составлявшая левый фланг наступления и со-

стоявшая из 13 батальонов (1 Сретенского полка, 4 батальона Псковского полка, 8 бат. 54 див., полки Ижорский и Бузулукский), потерпела без оснований поражение и отступила в самом полном беспорядке. По донесению ген. Штакельберга, никакие увещания не могли остановить их, и большая часть частей 54 дивизии дошла, чтобы не сказать добежала, до ст. Янтай. Орлов вел дело неумело. Приглашенный Бильдерлингом, помимо меня, к содействию, послал вперед два батальона и начал атаку, не дождавшись подхода колонны 1 корпуса, которая находилась уже совершенно близко. Два батальона вынуждены были отступить, попали в гаолян и там пришли в полное расстройство. Оставшиеся 6 батальонов на высоте у Янтайских копей, не атакованные противником, а только обстреливаемые им, отступили и тоже пришли в беспорядок. Тверже других держались Псковцы и особенно батальон Сретенского полка. В своем донесении Штакельберг указывал на беспорядочное отступление *всего отряда* и подчеркнул это два раза. Прибыв на другой день на позицию Штакельберга, я задал ему вопрос: «Неужели и Псковцы вели себя плохо?». Штакельберг ответил: «Да, так же, как и другие». Только по повторенному вопросу он признал, что Псковцы вели себя «несколько лучше». Войска в гаоляне совершенно потерялись, стреляли друг в друга и ходили друг на друга в штыки. Крепко побранил оба полка резервных и не поздоровался с ними. Поздоровался с Псковцами, ибо не верил, что они так плохо себя вели, как Ижорцы (эти вели себя хуже всех), но побранил и их крепко, конечно, без брани. На станции в Янтае комендант ген.-майор Шатилов подтвердил, что в беспорядочном отступлении к станции принимали участие и Псковцы, но в меньшем числе, чем в других полках. Ранее, чем укорять Псковцев, я выслушал доклад назначенного временно командовать всем отрядом ген.-майора Столицы, который тоже подтвердил, что и Псковцы отступали в беспорядке, но все же вели себя лучше других. Представленный им мне Псковский полк был в слабом составе, но сильнее Бузулукского. Почти не оказывалось Ижорцев. Все они добежали до Янтая. Это поражение повело к важным последствиям. Я утратил Янтайские возвышенности, которые должны были послужить осью для захождения армии, дабы обрушиться на правый фланг японцев, переправившихся на правый берег Тайдцыхе. Мы потеряли прекрасную позицию, а японцы, распространившись за ночь на север, заняли весь ряд высот до Янтайских копей и приобрели очень сильную позицию.

Вторая причина заключалась в том, что Штакельберг, в сущности, никем еще не угрожаемый, с отступлением Орлова признал свое положение опасным, прислал донесение, в котором доносил: «Я без серьезной поддержки положительно не могу не только перейти в наступление, но и принять бой. Ввиду сего я решил ночью отступить на Лиенгоу, где и буду ждать дальнейших распоряжений». Послал приказание держаться и не нервничать.

Донесение Штакельберга получено в 3 часа 40 м. утра на 21 августа, а было послано 20 августа в 11 ч. вечера. Еще не ведя боя, он уже думал, что боя вести не может.

Третья причина заключалась в неудаче Бильдерлинга при взятии Сыквантунской позиции, потерянной накануне Нежинским полком, ко-

торый японцы атаковали ночью. Кроме 20 батальонов 17 корпуса, Бильдерлингу были подчинены все войска 10 корпуса. Подготовка позиций велась неумело. Терпиловский, командир одной из бригад 17 корпуса, стрелял зря. Ввели плевневский прием: от какого-то часа молчать, там стрелять, опять молчать, опять стрелять. Перед атакою почти не стреляли. Атаку повели без общего руководства. Назначили ее в 5 часов пополудни. К наступлению темноты овладели горным массивом 131, но впереди осталось еще главное: выход к северо-востоку от с. Сыквантунь. Долго не могли взять высшей части этой сопки. То мы брали, то японцы. Бильдерлинг имел: 20 батальонов 17 корпуса, сводную бригаду ген.-майора Экка из Чембарского и Выборгского пех. полков и бригаду 31 пех. дивизии — итого 36 батальонов. Я ему послал на подкрепление Елецкий полк и еще бригаду 9 пех. дивизии. Итого он имел 48 батальонов. Высоты, наконец, взяли. Бильдерлинг в 1 ч. 30 м. ночи явился ко мне, чтобы доложить это известие, а утром, в 5 часов утра, получил его записку (без часа) от 21 августа, что вчера поздно вечером и ночью войска были отбиты из Сыквантуня и очистили даже позади лежащие высоты. Вместо наступления Бильдерлинг отступил. В то же время Зарубаев из Ляояна просил подкрепления и доносил, что патроны к орудиям на исходе и в бригаде при 5 дивизии кончились.

Ранее Случевский, 19 августа, в 8 час. 30 м. вечера, доносил, что у него в 21 батальоне всего 12 000 штыков. Штакельберг доносил 20 августа в 1 ч. 55 мин., что у него в 1 корпусе (24 батальона) 10 000 штыков. И это до тяжелых потерь боя 21 августа. Принимая во внимание, что ген. Михеев со слезами вновь доложил, что ему нечем пополнять патроны в артиллерии, и трудность повторения атаки расстроенными боем войсками, я приказал начать отступать к Мукдену. Оставаться в Ляояне боялся, ибо, по моим счетам, я еще не видел введенными в бой 4—5 дивизий из армии Куроки (главным образом из резервных войск).

Наступление японцев со стороны Янтайских копей, куда они продвинулись, охватывая наше расположение, к железной дороге на 6 верст, могло бы поставить левый фланг армии в критическое положение.

Рядом принятых мер и боем ночным у Кутядцы (Кондратович и 4 стр. полк) мы вышли благополучно из этого положения и ушли из-под удара во фланг армии Куроки.

Бригада 9 дивизии Кондратовича состояла всего из 2 800 штыков. В 35 полку осталось 1 020 чел. и 10 офицеров.

Пришлось переживать тяжелые дни.

Вчера приехал на свидание со мною на ст. Шахе наместник. Совершенно изменил тон. Вполне сознал серьезность обстановки. Признал, как был я прав, указывая на значительность сил японцев и достоинство их армий. Сделал вывод: надо несколько укомплектовать войска, дать им отдых, пополнить и сделать з а п а с ы п а т р о н о в, дождаться с р е з к и г а о л я л а и уже тогда итти вперед.

Теперь приходится принимать трудное решение: драться ли у Мукдена или отходить к Телину, где иметь арьергардный бой, а главные усилия употребить на отстаивание Куаньденьсянской позиции.

Позиция у Мукдена укреплена, но она плоха тем, что не имеет достаточной глубины, что мосты могут быть обстреливаемы с левого берега, а в тылу войск, защищающих позиции, лежит река Хунхэ, которая в эти дни в брод непроходима (через несколько дней броды откроются).

Сейчас по телефону начальник штаба 4 корпуса ген.-майор Вебель передал, что у них в корпусе есть роты, в которых осталось лишь по 30 рядов. Есть полки, где налицо 10 офицеров. Енисейский полк переформирован в шестиротный батальон. В 9 дивизии 35 стр. полк переформирован в пятиротный батальон. В 10 корпусе в строю в двух дивизиях всего два генерала. Один убит, остальные больны.

29 августа.

Войска выспались, отдохнули и снова готовы в бой. Но наличный состав очень слаб: особенно недостаток в офицерах. Многие дивизии дают только половинный состав штыков. Местность, по отсутствию карт, нам мало известна. Производим спешно многочисленные разведки. Противнику особо выгодно наступать против нашего левого фланга к Фушуну, лежащему на $1^1/_2$ перехода ближе к Телину, чем Мукден. Принимаю меры, чтобы быть сильным на Фушунском направлении. Ставлю туда 3 корпус, усиленный частями 5 корпуса, всего с передовыми отрядами — 36 батальонов. Выдвигаю к Фаншену 2 корпус, в состав которого включаю и 6 батальонов — авангард у Фаншена — 18 батальонов. Итого 54 батальона. В поддержку им может быстро прибыть 2 Сибирский корпус, который будет стоять между Мукденом и Телином. В общий резерв собираю 1 арм. и 4 Сибирский корпуса. Собралась уже вся 22 пех. дивизия. Остальные части 1 арм. корпуса приостановлены сосредоточением вследствие загромождения южной ветви Восточно-Китайской железной дороги.

Из 4 Сибирского корпуса пришлось одну бригаду отправить в Телин для охраны этого пункта. Позицию (укрепленную на левом берегу Хунхе) занимает 10 корпус. В поддержке к нему стоит 17 корпус. Часть 5 корпуса охраняет правый фланг расположения армии.

6 сентября.

Японцы, хоть и медленно, но собираются двинуться на нас. Все силы Куроки уже на правом берегу Тайдцыхе. Прочие армии тоже переправляются. Нас отделяет от японских главных сил 35 верст. Передовые части в непосредственном соприкосновении. Мы не потеряли времени даром. Массовою работою офицеров генерального штаба мы составили четырехверстную карту (существовало только несколько маршрутов), изучили пути, выбрали и укрепили несколько позиций, построили мосты и, главное, составили план расположения войск, который возможно выгоднее отвечал бы обстановке и наиболее парализовал бы невыгоды нашего положения. Опасное положение Фушуна возможно обеспечивается. В командование ген.-лейт. Иванова дано 62 батальона, но все же его расположение, как осаженное назад сравнительно с Мукденскою позициею, опасно. К сожалению, при отыскании позиций в зависимости от путей отхода Иванов решает расположить войска 2 корп. (12 батальонов) у Сяофаншина в 7 верстах западнее позиции 3 корпуса у Фушуна. Опасаюсь воспретить это де-

лать, ибо не могу дать иного совета. Прибавил вчера в состав отряда Иванова бригаду 4 Сибирского корпуса, которая занимала Телин и сменяется там бригадою 6 Сибирского корпуса, присланною, по моему ходатайству, наместником. Советую эту бригаду 4 корпуса держать за левым флангом расположения 4 корпуса уступом позади и восточнее сего фланга, дабы лучше парировать обход левого фланга. Орановский ответил мне, что у них будет 20 батальонов в резерве.

Войска 10, 17 корпусов и отряда Дембовского объединены под начальством ген. Бильдерлинга. 2 Сибирский корпус занимает укрепленную позицию у Фулина и составляет связь между войсками Бильдерлинга и Иванова. В общем резерве армии оставляю 4 Сибирский корпус — 24 батальона и 1 арм. корпус, уже собравшийся полностью, — 32 батальона. По совету начальника штаба Сахарова, который я одобрил, 1 армейский корпус будет расположен на пути Хелундян—Телин, западнее верст 18 станции (железнодорожной) Усытхой в местности Шутайзы — Шутинпу. С этих мест корпусу по обрекогносцированным путям возможно будет подать помощь Иванову, Штакельбергу и Бильдерлингу. Расстояние до Фушуна от дальней дивизии однако до 20 верст. Выход из дивизии, расположенной у Хушинпу, к пути отступления Иванова около 15 верст. Полезное действие подхода будет обнаружено уже через 10 верст. Для подачи помощи Штакельбергу надо будет сделать 15 верст.

4 Сиб. корпус будет мною, вероятно, расположен на Мандаринской дороге у сел. Эртайдзы. Отсюда корпус этот тоже может быть направлен к Фушуну.

План японцев возможен следующий: демонстрация против нашего правого фланга, на правом берегу Хунхе. Нападение на железную дорогу. Атака с фронта армиею Оку. Куроки и Нодзу действуют против нашего левого фланга. Первое время две или три дивизии Нодзу составляют общий резерв Ойямы за правым флангом расположения японцев или в зависимости от путей — за центром.

Готовлюсь дать упорный бой под Мукденом, и бой этот может иметь самые решительные последствия. Если нам удастся отразить японцев, на что я надеюсь, то перейду в наступление немедленно, чтобы использовать победу.

На случай неудачи все распоряжения к отступлению к Телину и Кайюаньсяню сделаны. Пути выбраны, исправлены, этапные пункты определены. Позиция у Телина хорошо укреплена. У Кайюаньсяня определена, но еще не укреплена. Это было бы новым, тяжелым испытанием, но перенесем и это испытание, с твердостью уповая непреклонно в наш конечный, победный исход.

Но если японцы замедлят наступлением, то я сам перейду против них в наступление. В штабе армии идет разработка соображений, но ранее получения сих соображений я таковую предварительную разработку уже произвел. Очень буду рад, если и мои помощники так же решат вопрос. Очень буду рад принять их мнение, если оно покажется мне для дела выгоднее.

Я смотрю на дело так: три японских армии занимают главными силами линии от Ляояна до Бенсиху, всего около 50 верст длиною. На

правом фланге расположена армия Куроки, которая передовою дивизией прочно занимает Беньяпузу, в 20 верстах к северу от Тайдцыхе. Позиция у этого важного узла путей укреплена. Янтайские копи с высотами у них сильно заняты. Высоты укрепляются. Первоначальной целью наших действий должно быть поставлено: сбросить японцев с правого берега Тайдцыхе. Главный наш удар направить для сего против армии Куроки. Вероятно, овладение узлом путей у Беньяпузы составит первый эпизод наших наступательных действий.

Распределение войск будет сделано соответственно существующему ныне распределению: отряд Иванова (62 батальона) и Штакельберга (24 батальона) пойдут против Куроки. Бильдерлинг (с 10, 17 корп. и отрядом Дембовского) пойдет с фронта. Резервы (4 Сиб. и 1 арм. корпуса) останутся в моих руках, но 4 Сиб. корпус будет предназначен к движению, хотя и уступом позади 1, 2 и 3 Сиб. корпусов по пути Мукден—Беньяпуза, бывшему этапному на Бенсиху.

1 арм. корпус пойдет по Мандаринской дороге.

Пойдем первоначально ощупью, делая до 5 верст в день.

Ощупав противника, будем атаковать его. Опасаюсь повторных ошибок Келлера, Орлова, Бильдерлинга и Штакельберга, сделанных ими при наступательных действиях.

Продовольствие войск обдумал. Войска, следующие по равнине, будут обеспечены подвозом по железной дороге. Для обеспечения 100 тысяч ртов и 25 тысяч лошадей, которые пойдут по гористой местности, будут работать транспорты армии, поднимающие ныне до 100 тысяч пудов одновременно. Пока сделал расчет кругооборота транспорта лишь на два перехода, что достаточно до р. Тайдцыхе. Определил пункты расходных магазинов для каждого из корпусов. Принимаю меры, чтобы воспользоваться рекою Хунхе для подвоза запасов к Фушуну. Буду пользоваться и веткой железной дороги к Фушунским копям с целью облегчить довольствие 2 и 4 Сибирских корпусов.

Состав корпусов несколько усилился, но все еще очень слаб. Наше горе, что укомплектование офицерами и нижними чинами у нас совершенно не обеспечено. В то время как японцы могут держать свои части в полном составе, мы их ныне держим почти в половинном. Но японцы не могут возместить убыль своих офицеров. Этим мы и должны воспользоваться, чтобы посылать в армию наши лучшие силы и этим взять перевес над японцами. Мы стараемся сбыть, что похуже. Особенно слабы у нас некоторые командиры корпусов, но и между ними есть хорошие, к которым отношу Штакельберга, Иванова и, быть может, даже Засулича. Хорош и спокоен Зарубаев. Есть хорошие начальники дивизий. Очень мало хороших бригадных генералов. Есть уже выдавшиеся полковые командиры. Масса лучших ротных командиров уже выбыла из строя, но вырабатываются хорошие боевые офицеры.

К сожалению, масса офицеров тяготится войной, участвует в делах без боевого одушевления, а многие, даже в крупных чинах, стремятся притвориться больными и уехать в тыл. Из крупных начальников я тотчас отчисляю от должностей, кто плохо заявил себя в этом отношении.

Масса нижних чинов хороша. Но тоже война им чужда. Одушевления

нет. Новая обстановка действует на них подавляющим образом. Они более нервны, чем 27 лет тому назад, более рассуждают, требуют более решительного с ними образа действий и примера. Сибирские войска, несомненно, лучше себя заявили, чем прибывшие из Европейской России. Наравне с сибирскими можно поставить только полки: Козловский, Воронежский (31 див.) и полки Зарайский и Моршанский (35 див.). Эти полки уже более года на Дальнем Востоке и укомплектованы из обязательного срока службы молодежью. Запасные в общем хуже кадровых. Из запасных наиболее ненадежны старшие возрасты (40 и более лет от роду).

9 сентября. Фулин. (Императорские могилы).

Фулин — стоянка 1 Сиб. корпуса и позиция сего корпуса, обеспечивающая левый фланг позиции у Мукдена. Позиция на реке Хунхе очень сильная и прекрасно укрепленная. Есть ходы сообщения, блиндажи. Стоянка войск редкая: кругом рощи, вблизи река, почва сухая, лес хвойный и лиственный. Санитарное состояние войск отличное. Успел пополнить ряды дивизий 8,5 — 9000 чел. Офицеров еще мало. Передал сегодня, после освящения, четыре знамени четырем полкам 9 стр. дивизии. Картина была величественная: стоя близ позиции, которую нам придется защищать, клялись накануне решительных боев. Серьезны и вдумчивы у всех были лица. К сожалению, слова присяги неудачно редактированы. Больше говорится об интересе и личности государя, чем о великом государевом деле по отношению всей России. Неудачны особенно слова «споспешествовать». Трудно произносить, трудно повторять, еще труднее понять: зачем в хорошую русскую речь и для такого торжественного и важного, как присяга, дела вставлять такие словечки?

9 дивизия, к которой я с некоторым недоверием отнесся, когда смотрел ее в первый раз, вынесла серьезное боевое испытание и прочно сплотилась.

Угостил завтраком 50 офицеров 9 дивизии, а вечером после объезда позиции посетил лагерь 9 дивизии, где принял чай от офицеров. Играли хоры музыки, пели песельники, кричали «ура». Осмотрел заповедную рощу и могилу императоров. Содержаны небрежно. Забор обваливается. Внутри заповедной рощи паслись китайские лошади и мулы. Смотритель заповедной рощи, много лет занимавший эту должность, посажен в тюрьму за продажу из заповедной рощи лесных материалов жителям Мукдена. Как раз вчера я отвечал адмиралу Алексееву на протест китайского правительства, обвинявшего нас в порубке у Фулина деревьев в заповедной роще, в проложении по ней дорог и пр. Обвиняли еще в том, что мы заняли в Мукдене все правительственные учреждения.

Дороги мы, действительно, привели в порядок и кое-что вырубили, чтобы открыть обстрел с наших укреплений, но сделали это, отнюдь не трогая заповедной рощи, помещенной в ограде.

10 сентября.

Сегодня вел длинные переговоры с ген.-лейт. Жилинским. Он сообщил мне, что неожиданно для них последовало по главному штабу

от военного министра высочайшее повеление о сформировании второй армии из 6 Сиб., 8 арм., 5 стрелковых бригад и других частей войск, командующий армией еще не назначен, — кто будет, неизвестно, но, по мнению Жилинского, вероятно, не Линевич. Что на мой запрос: что делать первой манчжурской армии — дожидаться ли совместных действий со второй армией и бездействовать или, ввиду крайней невыгодности такого бездействия и даже невозможности, если не мы пойдем вперед, а пойдут вперед японцы, д е й с т в о в а т ь, как я и предполагал, и в этом последнем случае что будут делать 6 и 8 корпуса: будут ли бездействовать или помогут нам, — наместник поручил ген.-лейт. Жилинскому передать мне, что он признает необходимым 6 Сиб. и 8 корп., по мере прихода их, направить на театр военных действий, не дожидаясь сформирования 2 армии, что это даст мне возможность отстоять Мукденские позиции. Жилинский прибавил мнение наместника, что если бы нам удалось при наступлении японцев на Мукден нанести им хороший удар, то, вероятно, не понадобилось бы и сформирование 2 армии.

6 Сиб. корпус привел ген.-лейт. Соболев. Совершенно непригоден к командованию строевой частью. Слаб и фантазер. Строя не знает.

Еще одним негодным корпусным командиром будет больше.

Жилинский прибавил требование наместника, чтобы 6 корпус не дробить по мелким отрядам, а чтобы он действовал в совокупности. Я ответил, что это не должно касаться бригады, оставляемой в Телине на охране сообщений, с чем согласился и ген. Жилинский.

12 с е н т я б р я.

Сегодня утвердил основные данные для перехода в наступление. В общем, по докладам Сахарова и Харкевича, они совпали с моими, ранее изложенными. Если японцы нас не атакуют, мы пойдем к ним навстречу. Штакельберг будет командовать, направляясь против Куроки, 1, 2, и 3 Сиб. корпусами. При этом 2-й и 3-й будут действовать против правого фланга Куроки и в обход его (считая фланг этот в Бенсиху), 1-й корпус пойдет с фронта.

Бильдерлинг поведет 10 и 17 корпуса и отряд Дембовского против фронта, занятого армиями Оку и Нодзу (Ляоян—Янтайские копи). Крайний левый фланг будет охранять Ренненкампф с 14 батальонами и 18 сотнями (Экк будет ему подчинен). Еще восточнее будет действовать Мадритов. На крайнем правом фланге будет действовать Косаговский.

В резерве в моем распоряжении, уступом позади, в пол. перехода, будут двигаться 4 Сиб. и 1 арм. корпуса (56 батальонов).

В Мукдене будет собираться 6 корпус, имея бригаду в Телине.

Идея операции — сбросить японцев с правого берега Тайдцыхе на левый; средство: теснить левый фланг Куроки. При успехе — отрезать его от гор и все армии японцев прижать к рекам на западе.

Начало действий — овладение позициями у Беньяпузы.

16 с е н т я б р я.

Вчера подписал, перекрестясь, диспозицию для перехода в наступление.

Первоначальною задачей наступления я поставил: сбросить противника с правого берега р. Тайдцыхе. Средствами для сего выбрал наступление с фронта с обходом правого фланга. Фланги предположены: левый несколько западнее г. Ляояна, восточный — несколько западнее Бенсиху (на Тайдцыхе). Первоначально бой за Беньяпуза. Этот бой и первые дни марша и рекогносцировки должны выяснить группировку сил противника. Если бы оказалось, что противник растянулся, предполагая охватить наши фланги, то, быть может, приму решение прорвать его расположение. Оба корпуса, составляющие мои резервы, будут двигаться уступом позади центра боевого порядка наступления, готовые подать помощь левому, правому флангам или рвать центр. Когда выяснится, что на флангах мы не имеем значительных сил, то я притяну к себе и 6 Сиб. корпус, который будет расположен (сосредоточится к 28 сентября пехотою): 24 батальона у Мукдена и 8 батальонов у Телина.

Первоначально 10 и 17 корпуса будут действовать демонстративно: по взятии Беньяпуза и выяснении расположения противника решатся для них задачи. Первые переходы будут незначительны. На третий день движения и, вероятно, на четвертый произведем рекогносцировку. Мы так недостаточно знаем о расположении японцев и сделанных ими укреплениях, что не могу рисковать производством неожиданного для них нападения после форсированного марша. Нам надо верную победу. Колонные начальники неопытны в совершении наступательных движений и будут действовать в восточной части в гористой местности, а в западной — в гаоляне. Многие войсковые части (1 и 6 корп.) еще не были в деле. Все это обязывает к осторожности. Особенно боюсь за Бильдерлинга и Случевского. Первый, как и 20 августа, может вторично не выдержать экзамена. Возможно, что японцы атакуют нас ранее: я назначил перейти в наступление 22 августа (бой под Ловчей) [1]). Может случиться, что мы одновременно перейдем в наступление. Тогда столкнемся между Тайдцыхе и Хунхе. Готовимся и к этому случаю.

Сего числа в 1, 2, 3, 4 и 5 Сибирских, 1, 10 и 17 армейских располагаю 151 000 штыков. В 6 Сиб. корпусе, вероятно, 27 000 штыков.

По корпусам эта цифра, в зависимости от потерь убитыми и ранеными, распределяется так:

1 Сиб. корп.	— 19 700,	
2 » »	— 7 100	(5 стр. див.)
3 » »	— 16 700	
4 » »	— 20 000	(?)
5 » »	— 19 000	(?)
1 арм. »	— 27 000	
10 » »	— 19 000	
17 » »	— 23 000	
Итого	151 500	

6 Сиб. корпус дан мне без включения в состав армии, с условием не дробить его по отрядам.

[1]) Бой под Ловчей происходил 22—23 августа 1877 г. Куропаткин принимал в нем участие, находясь в отряде кн. Имеретинского.

Вчера донес государю, что утвердил основания для наступления. Офицеры не пополнены. Продовольствие, патроны есть. Санитарные средства есть. Транспорты до Тайдцыхе достаточны. Шанцевый инструмент не пополнен. Потеря его была очень большая. Ежедневно прибывает выздоравливающих 500—600 человек. Отправляем заболевших 300—400 человек.

17 сентября.

Приказом войскам манчжурской армии 15 сентября № 8, в наступлении примут участие:

Западный отряд.

Ген.-от-кав. бар. Бильдерлинг:

64 бат., 184 ор., 40 эск. и сот., 6 конн. ор., 2 сап. бат.

Восточный отряд.

Ген.-лейт. бар. Штакельберг:

73 бат., 32 пулем., 130 ор., 16 горн. ор., 6 морт., 34 сот. и эск., 6 конн. ор., 6 кон.-гор. ор., 3 сап. батальона.

Общий резерв.

Ген.-лейт. Зарубаев:

24 бат., 48 ск. ор., 36 поршн., 30 морт., 5 сот., 1 сап. батальон.

Ген. бар. Мейендорф:

32 бат., 96 ор., 4 сот., 12 кон. ор., 1 сап. батальон.

Ген.-майор Мищенко:

11 сот., 6 кон. ор., 2 кон.-гор. ор.

Охрана флангов.

Правого:

Ген.-майор Дембовский:

12 бат., 18 ск. ор., 8 поршн., 16 сот., 6 кон. ор., 1 сап. бат., 1 понт. батальон.

Ген.-майор Косаговский:

6½ бат., 16 ор., 9 сотен.

Левого:

Ген.-лейт. Ренненкампф:

13 бат., 20 ор., 16 сот., 4 конн.-гор. ор., 1 рота сапер.

Мадритов:

1 бат., 2 кон. охот. ком., 2 сот., 2 ор.

Охрана тыла:

6 Сиб. корп.: 32 бат., 96 ор., 6 сот., 1 сап. батальон.

Всего для наступления мною собрана сила: 257 бат., 610 скорострор., 143 эск. и сот., 30 конн. ор., 9 сап. бат., 32 пулемета, 16 горн. ск. ор., 48 поршн. орудий, 36 полевых мортир, 12 конно-горн. ор., 2 горн. ор. Всего 754 орудия.

Надеюсь, с божьей помощью, с этою силою одолеть японцев.

21 сентября.

Сегодня двинулись вперед войска левого фланга. Завтра начинает наступление вся армия.

Согласно имеющимся сведениям, группировка сил противника следующая: главные силы, до 6 дивизий, могут быть собраны за линиею

станции Янтай — копи Янтай. Две дивизии на линии Бенсиху—Беньяпуза и две дивизии западнее железной дороги. Непрерывно доносят о движении японских войск к востоку, но результаты этого движения нам неизвестны.

Принимая указанную выше группировку сил, я наступательный план наш определяю следующим образом:

1) Демонстрировать против главных сил японцев корпусами 10 и 17-м.

2) Атаковать превосходными силами 1, 2 и 3 Сиб. корпусов (Восточный отряд) правый фланг противника, с охватом этого фланга с востока. Первоначальною целью для действий поставить овладение позициями у Беньяпуза.

3) Резервом (1 арм. и 4 Сиб. корп.) двигаться между группами войск Западного и Восточного отряда, уступом позади, в готовности поддержать как восточную, так и западную группы.

4) 6 Сиб. корпусу оставаться в Мукдене в готовности, двигаться или к одному из флангов или в состав общего резерва войск, действующих против фронта Ляоян—Бенсиху.

5) Отрядам, охраняющим фланги, прежде всего заниматься этою задачею.

24 и 25 сентября, вероятно, пройдут в рекогносцировках расположения противника, которые и должны дать нам данные для определения дальнейших действий.

Готовлюсь, если бы японцы стянули главные силы к своему правому флангу, сделать попытку прорвать центр их расположения в направлении на Янтайские копи, употребив для сего, кроме 10 и 17 корпусов, еще 4 Сиб. и 1 арм. и притянуть в резерв к ним 6 Сибирский.

22 сентября.

Сегодня вся армия двинулась вперед. Делает небольшой переход. Завтра выступаю и я с 4 Сибирским корпусом за серединою фронта наступающих корпусов, дабы поспеть, куда потребуют обстоятельства. Вероятно, ранее всего придется ехать к Беньяпуза. Но если главные силы японцев, стоящие против фронта наступления 10 и 17 корпусов, зашевелятся и перейдут сами в наступление, то нам придется ввести в дело свои резервы, и тогда я буду с 10 или 17 корпусом.

Сегодня утром служил молебен о даровании победы. Крепко молился о послании мне богом разума. Победа необходима. Надо спешить выручкою Порт-Артура. Есть предел всякому геройству. Гарнизон уже потерял 14 000 убитых и раненых. Мало снарядов. Все меры, мною принимаемые для доставки в крепость снарядов и продовольствия, удаются только отчасти. Послали уже несколько транспортов с орудийными патронами. Недавно один захвачен хунхузами близ монгольской границы. Разграблено 300 (триста) арб со снарядами. Продовольствия еще имеется на несколько месяцев.

Крепко надеюсь разбить японцев. Для них оборона дело новое.

5 октября.

Не нашел времени занести что-либо в дневник эти дни. Наступление началось благополучно, но Восточный отряд в гористой местности за Беньяпуза встретил трудности и не мог овладеть двумя перевалами, чтобы войти в связь с другими корпусами. Вышла задержка. Японцы

воспользовались неудачею действий Восточного отряда и перешли против нас в наступление. Мы действовали неискусно и не с должным упорством. К сожалению, были случаи, когда мы отступали перед слабейшими численно японцами. Некоторые корпусные командиры — Случевский, отчасти Зарубаев, — не испытав все средства борьбы, отступали от вверенных их обороне позиций, а Случевский отступил, даже не предупредив своего соседа Мейендорфа, чем поставил его в тяжелое положение. Отступил без основания. В особенности, к сожалению, не особенно твердыми оказались полки 1 арм. корпуса. Два дня тому назад Петровский и Вильманстрандский полки отступили, почти бежали при нападении японцев ничтожными силами ночью на наше расположение. У многих была паника. Забежали очень далеко. Из Новочеркасского полка, комплектуемого петербуржцами, после боя масса людей ушла в тыл. Их теперь собирают. При двух ночных атаках японцев на расположение 17 и 10 корпусов мы потеряли 46 орудий. Стыдно. Обидно для русского оружия писать эти строки. Теперь к ночи отвозят орудия несколько более в тыл.

Лучше других дрались полки 4 Сиб. корпуса и 1, 2 и 3 Сиб. корпусов. Недурно вел себя 6 Сиб. корпус. Хуже всех дрались полки 1 арм. корпуса, но и тут были исключения. Я пишу эти жесткие строки, ибо очень требователен. По общепринятому масштабу, все войска дрались самоотверженно. Мы ведем восемь дней непрерывный бой и потеряли свыше 45 000 чел. убитыми и ранеными в пехоте. Это число надо считать на 160—170 тысяч пехоты. Но некоторые части потеряли половину и даже две трети своего состава и продолжают драться. Некоторые роты имеют по 20 человек и все еще дерутся. Многие полки составляют только слабые батальоны. Вчера осматривал 36 Вос.-сиб. стр. полк. Он пришел из боевой линии в составе менее 400 чел. Но многие унесли раненых, и начальник дивизии рассчитывает, что соберется до 700 чел. В 4 Вост.-сиб. стр. полку в одном из боев одна (левофланговая) полурота осталась в составе 20 чел., но не оставила порученную ей позицию и, израсходовав все патроны, била японцев камнями, когда они лезли к расположению роты на штурм.

Третьего дня мы взяли обратно у японцев сопку с деревом. Ввели в бой свыше 24 батальонов. Японцев была бригада на позиции и полк или два в поддержке, но не близкой. После ожесточенного боя и рукопашной схватки мы взяли все уже укрепленные японцами позиции и захватили 11 орудий и 1 пулемет. Войсками командовал ген. Путилов (командир 1 бригады 5 стр. див.). Посещенные мною позиции носили следы борьбы грудь с грудью. В некоторых траншеях лежали наши и японские трупы в большом числе. Многие заколоты. Многие заколоты и у нас. Несколько офицеров убито в штыковом бою. Оружие убитых солдат наших окровавлено. Видел изломанные приклады, следы сабельных ударов на японских ружьях (офицерская и фельдфебельская работа). Видел погнутые и изломанные штыки наши и ножи японские.

Донося государю об этом молодецком деле, указал как на наиболее отличившийся 19 стр. полк, который бросился в штыки без выстрелов. Просил наградить ген.-майора Путилова георгиевским крестом. Сегодня

государь прислал мне теплую депешу и предоставил наградить Путилова Георгием. Послал ему сейчас свой крест.

Приказываю ежедневно: самый упорный, отчаянный бой. Приглашаю командиров корпусов давать личный пример. Духом тверд и неизменно верю в нашу победу.

От страшной орудийной пальбы из 1 000 орудий была вызвана сильная гроза и проливной дождь. Дороги испортились.

7 октября.

Вчера охотники 20 стр. полка ночью проникли к неприятельскому расположению и вывезли еще три японских орудия. Сегодня охотники 35 стр. полка вывезли еще одно орудие. Японцы, повидимому, сильно потерпели, если не принимают даже мер спасти орудия, что могли бы сделать.

Сейчас получил донесение командира 10 корпуса (№ 1574, 7 октября) из Даянельтуня, в котором наличный боевой состав 9 пех. дивизии изображен так:

В 33 Елецком полку	офиц. 18,	н. чин.	1 736
В 34 Севском »	» 14,	» »	1 224
В 35 Брянском »	» 14,	» »	1 080
В 36 Орловском »	» 12,	» »	866
Итого во всей дивизии	58	» »	4 906 чел.

Итого в дивизии 5 000 штыков.

Наш корпус войск ныне менее японской дивизии, если укомплектование дивизий японских идет так успешно, как о том нам доносят. Но по книжкам пленных и убитых офицеров (ротных командиров) видно, что в некоторых ротах по 220 чел., а в некоторых 120 чел. Все же рот по 55 чел., как у нас кругом в Орловском полку, нет.

Сидел сейчас у меня Мейендорф, командир 1 арм. корпуса. Огорчен, что в его корпусе не все в порядке. Не было достаточно стойкости. Масса нижних чинов ушла в тыл, и теперь ее возвращают. Два начальника дивизий — Афанасевич и Чекмарев — заболели. Последний грыжею, требующей клинического лечения. Афанасевич ссылается, что у него открылись раны, которых он не получал. Поручил Мейендорфу сего же числа написать мне о болезни начальников дивизий, чтобы представить того и другого к отчислению от должности. В 31 дивизии генерал Мау тоже никуда не годится, и Случевский, тоже очень плохой корпусный командир, прикрывает его из слабости. Отличный бригадный — 9 пех див. Рябинкин, выдающийся кандидат на дивизию, смертельно ранен.

По донесению Янжула Бильдерлингу, начальник 35 дивизии Добржинский, которому были подчинены два полка 3 пех. дивизии, делал с ними опасные глупости. Буквально заставлял несколько раз брать лбом каменные стены д. Лишимпу. С огромными потерями все штурмы были отбиты, ибо артиллерийской подготовки не было. Наши стояли в нескольких шагах от противника в траншеях, наполненных водою. К ним нельзя было подвезти горячую пищу. Расположение наших обстреливалось с фронта и с фланга (правый фланг 17 корпуса). В Великолуцком полку, по донесению Янжула, осталось 400 чел. Ген. Тизенгаузен, которого я запросил по телефону по сему донесению, ответил, что оно преувеличено, что наличный

состав больше. Я приказал траншеи улучшить, сделать блиндажи, ходы сообщения, обязательно подносить пищу. Для артиллерийской подготовки мортирами, осадными орудиями и поршневыми батареями предложил отвести наши роты из-под Лишимпу несколько назад.

Для характеристики беспорядка в 1 арм. корпусе можно привести и тот факт, что вот уже четвертый день не могут разыскать одной роты Нейшлотского пех. полка.

19 октября.

Послал вчера депешу наместнику и военному министру о малой стойкости войск 1 армейского корпуса, о замене двух начальников дивизий этого корпуса другими лицами и об отозвании ген. бар. Мейендорфа. Стал очень нервен. Лично мужествен, но не понимает обстановки и путает. Не понимает корпуса. По заявлению, сделанному Сахарову Лашкевичем, начальником штаба корпуса, и согласному с мнением родного сына Мейендорфа, надо немедленно отослать его в Петербург, что некоторые его распоряжения могут вызвать «панику» в корпусе.

Сейчас у меня сидел полковник князь Трубецкой, родственник Мейендорфа. Командует с успехом 7 Сиб. полком, составляющим корпусную конницу 1 арм. корпуса. Он близкое участие принял с 1 арм. корпусом в деле 1 октября и со слезами на глазах говорил о малой стойкости войск 1 арм. корпуса. Особенно его удивил Петровский полк. Его, Трубецкого, не предупредив, пехота бросила 1 октября с двумя казачьими батареями, которые он с большим трудом вывез из огня. В ночь на 29 сентября, когда Двурогая сопка с кумирнею была взята ночною атакою японцев, к Мейендорфу прибежали в страхе артиллеристы, и паника готова была быстро распространиться,— он, Трубецкой, со своими казаками охранял штаб-квартиру корпуса, так все растерялись. По его мнению, если и теперь японцы ударят ночью, мы в 1 арм. корпусе не выдержим и дадим тыл.

Сейчас получил от ген. Гриппенберга депешу следующего содержания: «Душевно приветствую и поздравляю вас с предстоящим назначением главнокомандующим». Не радуюсь.

11 октября.

Сейчас государь император прислал мне депешу, в которой назначает меня главнокомандующим всех сил, собранных на Дальнем Востоке. Указывает на сформирование трех армий. Адм. Алексеева отзывает в Петербург для обсуждения политических дел. Требует соображений по сформированию армий и предназначению командующих сими армиями. Если войска проявят должное и всегда присущее русским войскам упорство, то не сомневаюсь в победе довольно скорой. Если же мы попрежнему будем слишком нервны и станем массами оставлять поле сражения преждевременно, то борьба затянется и, хотя в победном исходе ее я не сомневаюсь, но потребуется много жертв для окончания ее.

Полагаю ответить государю, что я полагал бы 1-ю манчжурскую армию составить из 1, 2, 3 и 4 Сибирских корпусов; 3-ю манчжурскую — из 10 и 17 армейских, 5 и 6 Сибирских. В первой армии будет 108, в 3-й—128 батальонов, 1-й армейский корпус оставить как резерв армий в моем распоряжении. Командующим 1-й армиею просить

ген. Линевича, командующим 3 армиею ген. барона Каульбарса. Тыл оставить в своем ведении, обратив всех чинов, при мне состоящих по званию командующего армиею, в чинов, органы главнокомандующего. Полевые управления трех командующих армиями создать применительно к штатам для отдельных корпусов очень усиленного состава.

14 октября.

Сегодня государь утвердил мое предположение о распределении корпусов по армиям и выбор командующими армиями: 1-й—ген. Линевича и 3-й — ген. Каульбарса.

17 октября.

Эти дни получались усиленные донесения и сведения об ослаблении японцев на их левом (особенно) крайнем фланге (очищено даже Сахепу) и передвижениях к центру и правому их флангу. Повидимому, готовится переход в наступление против нашего центра и даже правого фланга расположения Восточного отряда.

Дабы быть в силах отразить удар, мне предстояло или перейти в наступление, начав движение правым флангом, с целью охватить левый фланг противника, или, сократив фронт и растянутое расположение армии, убрать в общий резерв 6 Сиб. корпус, пока в составе 24 батальонов и одного казачьего полка. Теперь у меня в резерве: 1 Сиб. корпус — 24 батальона; 6 Сиб. корпус — 24 батальона и 10 батальонов 1 арм. корпуса. Всего 58 батальонов. С этим резервом я чувствую себя спокойным, куда бы противник ни двинулся. Готовлюсь к продолжению наступления, но надо для сего подождать прибытия 61 див., сбора 1 Сиб. дивизии. Там решу: двигаться ли с этими подкреплениями вперед или подождать еще 8 арм. корпуса. Главное же, очень важно, чтобы войска повел Линевич, Гриппенберг и Каульбарс, а не случайные начальники бароны: Бильдерлинг, Штакельберг, Мейендорф.

Просил на-днях государя о командировании Мейендорфа в Петербург, чтобы почетно убрать его из армии.

Из моих личных сношений с этим прекрасным служакой и человеком вынес убеждение, что ни обстановки, в которой действует вверенный ему корпус, ни корпуса он не понимает. Говорил мне чепуху, совершеннейший набор слов.

19 октября.

Оставляю Мейендорфа до нового боевого испытания. Повидимому, надо будет ему дать другого начальника штаба.

Вчера уехал из Харбина в Петербург адм. Алексеев. Обменялись довольно теплыми депешами. В последнее время Алексеев был ко мне очень предупредителен. Думаю, что мне было бы тяжелее, если бы главнокомандующим назначили великого князя Николая Николаевича, с его бешеным характером, нелюбовью к людям и лошадям (любит только собак) и самомнением. Линевич и Каульбарс отозвались тепло и с благодарностью. На-днях Линевич выезжает к нам. Приготовляю для него штат. В начальники штаба ему наметил, и он согласился, Харкевича. Дежурным генералом берет Клодта. Генерал-квартирмейстером, вероятно, будет просить Орановского. Придется согласиться.

Скрыдлов просил тоже приехать ко мне доложить по делам флота.

На ближайшее время мною принято работать, дабы получить следующее распределение войск:

Правый фланг.

Западный отряд: 10, 17 корпуса, 5 корпус из 54 и 61 дивизии, отряд Косаговского.

Центр.

1 арм. корпус, 4 Сиб. кор.[1]), бригада 5 стр. див.

Левый фланг.

а) Восточный отряд: 2 Сиб. корпус: 1 бриг. 5 див.— 6 бат., 1 Сиб. дивизия — 16 бат. = 22 батальона. 3 Сиб. корпус. б) Отряд Ренненкампфа — 12 батальонов 71 дивизии.

Тыл.

3 рез. батальона в Мукдене, 4 рез. батальона у Забелина с гарнизоном в Телине.

Резерв армии:

1 Сиб. корп.	24	бат.
6 Сиб. корп.	32	»
Бригада 4 Сиб. корп.	8	»
Итого	64	бат.

Кавал. резервы:

Сводная дивизия Мищенко

а) Забайк. бригада	11	сот.
б) Уральск. бригада	8	»
в) Кавказск. бригада	12	»
	31	сотня.

23 октября.

Посылал депешу государю, прося взять Случевского, даже с производством в Военный совет, но освободить 10 корпус. Государь сегодня ответил, прося не высылать Случевского из армии и устроить иначе, если не годится как командир корпуса. Указал, что если я согласился сохранить в армии Мейендорфа и Орлова, то можно сохранить и Случевского. Государю неизвестно, что первые два были лично мужественны, но сказать это про Случевского нельзя.

24 октября.

Послал депешу государю, прося все же отобрать корпус войск у Случевского, назначив его в мое распоряжение по инженерной части.

В армии без перемен. Целые дни и ночи идет редкая орудийная, временами ружейная пальба. В моей штаб-квартире все это слышно. Просыпаясь по ночам, первое, что делаю, это зову ординарца, высылаю его наружу послушать, идет ли стрельба и где. Если идет, спрашиваем по телефону. Телефоном я связан со всеми корпусами и передовыми позициями. Первый Сибирский и 6 Сибирский корпуса, составляющие мой резерв, всегда наготове двинуться по моему приказанию. С ними отражу всякое нападение. Вчера была буря и начался снег. Японские часовые ночью были в башлыках и стали менее внимательны. Ночью доходило до 8° мороза. День был солнеч-

[1]) Без одной бригады (Прим. в подлиннике).

ный и относительно теплый. Приказал на биваках петь песни, играть музыке.

Начинают пухнуть у нижних чинов ноги. Не снимают сапог много недель, не ложатся, не моют ног, и все это от нашего невнимания. Можно было и снимать обувь и мыть ноги. Приказал наблюсти за этим.

30 октября. С. Цан-сау-мутун.

Третьего дня приехал ко мне на новую стоянку адмирал Скрыдлов. Печален и расстроен. Весьма мрачно смотрит на будущее с морской точки зрения. Флота Тихоокеанского, по его словам, не существует. Представил мне депешу командующего эскадрой в Порт-Артуре Вирена, где содержится заявление, что «всякая новая попытка прорваться во Владивосток неизбежно кончится потерею остатка нашей эскадры».

Во Владивостоке остался из четырех только один крейсер. «Богатырь» чинится плохо. Крепко течет. «Громобой» требует еще починки втечение двух месяцев. Недавно приткнулся у Посьета на скалу. Остается только один крейсер «Россия». Относительно Порт-Артурской эскадры Скрыдлов одного мнения, что ей надо держаться в Порт-Артуре сколь возможно долее и, когда крепость будет уже близка к падению или порт совершенно не защищен, выйти в море. Скрыдлов считает, что лучше погибнуть в море, чем достаться в руки японцев.

Адмирал Вирен, командующий эскадрой в Порт-Артуре, несколько смело заявил в своем донесении, что если бы эскадра не возвратилась в Порт-Артур после неудачной попытки прорваться во Владивосток, то Порт-Артур не устоял бы. Помощь Порт-Артуру была, действительно, оказана существенная передачею на вооружение свыше 100 скорострельных орудий разных калибров, в том числе 16 шестидюймовых.

1 ноября.

Скрыдлов очень пессимистически настроен относительно эскадры Рожественского. Считает, что успех мало вероятен. Что эскадре надо пройти 8 месяцев, что масса случайностей, но что, даже прибыв в воды Тихого океана, эскадра эта будет слабее японской — особенно в числе миноносцев. Что японцы, хотя и поистрепали свою эскадру, но быстро усиливают ее новыми судами. Что еще недавно из верфей Японии выпущено 12 новых миноносцев.

Очень сокрушается о судьбе Владивостокской эскадры. Был против последнего ее движения, которое окончилось гибелью «Рюрика». «Богатырь» починен очень плохо. Не было механиков. Чинил портовой инженер, 30 лет тому назад учившийся и совершенно незнакомый с новыми усовершенствованиями в технике. Не было рабочих. Теперь рабочие присланы. Придется переделывать все вновь. «Громобой» будет чиниться тоже два месяца. Снова повторил, что остается только один крейсер «Россия».

Когда возникла необходимость послать на Сахалин в пост Корсаковский укомплектование в 550 чел., для развертывания местной команды в батальон, то Скрыдлов отказался дать конвоира к транс-

порту, который должен был везти это укомплектование, считая это дело опасным. Посылка укомплектования отложена до весны...

Скрыдлов очень недружелюбно относится к Алексееву. Говорит, что это фальшивый человек. Всегда ведет игру. Армянин, и кровь сказывается. Несчастлив в своих начинаниях. Что ни начнет, все на гибель. Погубил наш Тихоокеанский флот. Но Скрыдлов признает, что Алексеев был отличным командиром судна. Держал все в большом порядке. Что служба у него на первом месте. Очень бранил его за политику на Дальнем Востоке, за корейское дело, которое привело нас к войне с Японией.

Рекомендовал мне капитана Русина, бывшего военного агента в Японии, на должность докладчика по морским делам. Я слышал о Русине много хорошего и согласился на это.

Вчера приезжал ко мне получить последние указания ген. Линевич. Я его благословил на новый подвиг. Оба были тронуты, несколько раз обнимались, и я его проводил в Хуаньшань, где он вчера и вступил в командование 1-й манчжурской армиею. Слава богу, мне будет теперь за левый фланг спокойнее.

Начали прибывать в Мукден головные эшелоны 8 арм. корпуса. Прибыл саперный батальон и почти весь Волынский полк. Устраиваю их в землянках за укреплениями левого берега р. Хунхе у Мукдена и зачисляю в резерв всех армий. Готовлю колонные пути, по которым 8 корпус может быть двинут как на правый, так и на левый фланг нашего расположения. Пути к центру готовы.

Санитарное состояние армии прекрасно. Укомплектования, хотя и медленно, но прибывают. Укрепление позиций продолжается. Оборонительно мы стали весьма сильны. Начинаю усиленно готовиться к продолжению наступления. Порт-Артур крепко меня тревожит.

3 ноября. Станция Суятунь.

Осматриваю позиции 5 и 17 корпусов. Сегодня осмотрел 12 батальонов разных полков 54 и 61 дивизии, составляющих общий резерв 5 Сиб. корпуса у Пендианзы. Еще не устроились. Много предстоит работы. Особо энергичной работы не видел. Укомплектования, прибывшие в 5 корпус, остаются в своей форме. Очень необходимо, чтобы все полки имели запас погон, петлиц.

Участок главной позиции Куанлинпу—Кудязы, мною осмотренный, тоже требует еще усиленных работ. Нехватает проволоки. Дер. Куанлинпу, особенно батареи к западу от нее, недостаточно прикрыты. Местных препятствий с фланга не устроено. Проволочная сеть узка. Приказал по всему осмотренному мною участку между проволочной сетью и укреплениями проложить несколько рядов волчьих ям. Устроенные два опорных пункта между Куанлинпу и Кудязы очень слабы. Один занят всего полуротою. Приказал значительно усилить их.

Войска стоят на позиции, обстреливаемой противником, бодро. Видел [?] Инсарского полка. Видел на позиции две батареи. Хорошо укрыты. Цели для стрельбы несколько неопределенны. Обед привозят, как мне доложил командир батальона, в 3 часа утра, чтобы не обстреливали. Можно привозить до 6 часов утра. Дух войск хороший. Привыкают к опасности. Тут же расположены и части 61 дивизии, только что прибывшей и постепенно втягиваемой. Начальствует бое-

вою линиею ген. Артамонов с большим рвением. Храбрый, энергичный, но склонен преувеличивать опасность.

В боевой части под его начальством состоит 12¾ бат. пех., 4 охот. команды, 6 батарей, 1 сотня казаков. Всего 9 589 штыков, 44 ор., 68 шашек.

Силы на боевых позициях распределены так:

Передовой пункт у Вудуонина 1 323 штыка. Передовые позиции Далиангунь—Шоулинза 4 383 штыка. Главная позиция Сыфонтай—Куанлинпу — 2 398 шт., 36 орудий. Резервы у Пендианза 1 485 шт., 8 оруд., 68 каз. Приказал позицию у Далиангуня усиленно укреплять и, когда она станет сильна, то защищать ее упорно, считая частью главной позиции.

Осмотрел 17 корпуса — Зарайский и 12 Великолуцкий полки. Зарайцы, да и Великолужцы, смотрят молодцами. У Зарайцев — 1 900 штыков. Надо скорее прислать укомплектование. У Великолужцев еще меньше. Переформировали полк в трехротный батальон. Теперь офицеры прибыли, и я приказал развернуть и четвертый батальон. Начали устраиваться. 3-й день работают. Кое-что успели сделать, но землянки плохи, темны. Пробовал пищу одной из батарей. Ячная крупа не разварилась.

Ранее осматривал части 6 Сиб. корпуса и 1 Сиб. корпуса. Лучшее впечатление по бравому, молодецкому виду производит 1 стр. дивизия. Хорошо представились и части 6 корпуса. Очень заботлив Соболев. Многое делает умело и энергично. Дает больше, чем я ожидал. Люди 6 корп. имеют очень бодрый вид. Начальствующие лица довольно хорошо подобраны.

Наибольшую бодрость видел на передовой позиции на Путиловской сопке. Роты Орского полка, которые окарауливали главную квартиру, мелки, некрасивы, Оренб. губ., но имеют надежный вид. Вчера на смену к ним пришли две роты Волынского полка. Эти выглядят хуже всех. Укомплектованы уроженцами Бессарабской губернии. Мелки, некрасивы, хилы. Офицеры надежны. Надо будет ввести их в дело с осторожностью. Все осмотренные батареи имеют отличный личный состав.

Ген. Дембовский и его начальник штаба Яковлев производят надежное впечатление.

Сегодня Бильдерлинг совсем ясно просил о представлении его к Георгию 4 степени за удержание занимаемых им позиций под напором армии Оку. Ответил, что не могу представить, ибо отступил и потерял орудия. Смелость великая — говорить о своих подвигах.

Бильдерлинг хвалит Волкова в роли командира 17 корпуса, но я еще не знаю, был ли он на месте в минувших тяжелых делах, выдержанных 17 корпусом.

Сам Бильдерлинг как корпусный будет на месте. Он тоже признает Случевского неподходящим корпусным командиром. Говорил об упадке у него энергии.

Лично Бильдерлинг непрочь итти вперед и подал дельную записку, тоже указывающую на атаку левого флаига японцев.

Осмотрел дивизионный лазарет, санитарный поезд, питательный пункт Красного креста, перевязочный пункт Красного креста. Работают усердно. Готовы принять раненых.

10 ноября.

Осмотрел вчера три полка 14 пех. дивизии и 41 арт. бригаду. Житомирского [полка]еще не видел. Лучше других представились Минцы. Молодцеватый наружный вид, бодрые ответы. Комплектование из Бессарабии и южных губерний невидное, много слабых, болезненных. Много евреев. Начали устраиваться довольно солидно в фанзах и в землянках. Еще много работы. Землянки темны, в некоторых один вход. Обмундирование, обозы, в порядке. Теплая одежда тоже. Лошади хороши. Командиры, начиная с начальника дивизии ген. Русанова, внушают доверие. Офицерский состав, кажется, надежен. 12 сап. батальон представился хорошо. Землянки тоже темны и тоже с одним входом. 40(?) арт. бригада только что пришла. Наружный вид людей очень хорош. Части надежны.

11 ноября.

Вчера государь прислал мне депешу, в которой, указывая на тяжелое положение Порт-Артура, просит, чтобы я сообщил ему предположения относительно облегчения положения крепости.

Сегодня послал ответ, прилагаемый к этой книге в копии.[1]) Я ответил, что действительно положение гарнизона серьезное, но что держаться можно даже с потерей фортов № 2 и № 3, что многое зависит от упорства обороны, что начальники, начиная со Стесселя, ведут себя героями, что продовольствие есть еще на 5 месяцев, но что крепость больше всего может быть выручена действиями нашей армии с суши и действиями 2-й Тихоокеанской эскадры с моря. Поэтому важен каждый день. Но ранее, чем помочь Порт-Артуру, надо разбить три японские армии. По мере нашего усиления усиливаются и японцы. Развертывают свои резервные бригады в дивизии (третьи батальоны), быстро укомплектовывают свои части до боевого состава. Мы до сих пор не пополнили своих Ляоянских потерь. Многие полки очень слабы. По числу батальонов мы и теперь много сильнее японцев, но по числу штыков наше превосходство недостаточно для решительной победы. У нас будет 320 батальонов (по приходе всех частей 8 корпуса) с 210 000 штыков. У японцев от 220 до 240 батальонов и штыков до 170—190 тысяч. К началу декабря мы еще усилимся укомплектованием на 15—20 тысяч и можем довести среднюю силу каждой роты до 150 человек. Для лучшего обеспечения успеха нам выгодно было бы ждать прибытия первой очереди частей 2 армии, а именно прибытия трех стрелковых бригад и частей 16 корпуса, но это произойдет лишь в середине января. Поэтому надо для выручки Порт-Артура рискнуть (итого, рисковать будем третий раз: 1) Вафангоу, 2) бой на Шахе) и двинуться в наступление в первых числах декабря, дождавшись прибытия головной стрелковой бригады или даже не дожидаясь сего. Признавал желательным, чтобы Каульбарс и Гришенберг прибыли к армии. Распределить между ними, временно, войска полагал в депеше государю так:

1 армия: 2, 3 и 4 Сиб. корп. и отряд Ренненкампфа — 104 бат., 67 000 штыков;

2 армия — 5 и 6 Сиб. и 8 арм. корп. — 96 бат.;

3 армия — 1, 10 и 17 арм. корп. — 96 бат.;

мой резерв — 1 Сиб. корп. — 24 бат.

[1]) К подлиннику приложены в копиях телеграмма Николая Романова Куропаткину от 10 ноября 1904 г. и донесение Куропаткина.

В конце депеши испросил указания государя по изложенным в депеше моим предположениям.

Во 2 армии штыков — 73 000.

В 3 армии штыков — 53 000.

Всего 320 бат. — 210 000 штыков.

14 ноября.

Наши охотники становятся все смелее. Японцы уступают. Мы начинаем снимать часовых, прогонять сторожевое охранение, брать пленных. На-днях я приказал по всему фронту потревожить противника, чтобы добыть пленных и по ним определить присутствие и расположение различных дивизий на фронте противника. Взяли 14 пленных. Особенно отличились оренбургские казаки и охотники Бузулукского полка и 4 Сиб. корпуса. Вчера отличились охотники Новочеркасского полка. Очень смело работают стрелки 3 Сиб. корпуса и стрелки 5 Сиб. дивизии. Стали отлично работать охотники 10 корпуса. Все еще не разошлись охотники 17 корпуса. В отряде Ренненкампфа у Цинхечена третий день идет бой. Противник силою свыше бригады тщетно атакует наши весьма слабого состава батальоны 71 дивизии с 18 орудиями, 6 сотнями казаков. Просил упорно держаться. Послал в подкрепление бригаду стрелков 6 дивизии, дав Линевичу взамен бригаду 9 стр. дивизии [1]). Сегодня пришел первый эшелон Замостьского полка, последнего из 8 Сиб. [?] корпуса. Сосредоточение этого корпуса запоздало на неделю времени. Очень опасаюсь, как бы японцы не овладели Санцзинтиньмо. Это богатый район, и, кроме того, лежит на фланге нашей позиции у Мукдена.

19 ноября.

У Ренненкампфа дела поправились. Японцы отбиты у Цинхечена и отступили. Похоронено 230 японских тел, взято более 100 ружей и пр. Затем, преследуя их, мы сбили их с двух перевалов, захватили 7 пленных, 50 ружей и похоронили еще 33 трупа.

Если бы начали ранее преследовать, то взяли бы и орудия. Но не будем судить Ренненкампфа. У него 6½ бат. по силе составляли едва 4 батальона боевого состава. В преследовании приняла участие и бригада 6 Вост.-сиб. стр. дивизии.

20 ноября.

Сосредоточение 8 арм. корпуса на-днях закончится, но укомплектования еще идут капля по капле. Принимал начальников 14 и 15 дивизий Русанова и Иванова. Особо надежное впечатление производит последний. Из 15 дивизии видел еще мало частей войск. Поеду на-днях.

Вчера встречал возвращающийся с работ Подольский полк. Командир очень энергичный — полковник Васильев, генерального штаба; получив от штаба дивизии проведенную цветным карандашом черту по нашей весьма неточной двухверстной карте, составленной большей частью по глазомерным съемкам, принял эту черту как священную

[1]) Послал ранее Дрисский полк и два батальона резервных. Вновь посылаю еще два резервных батальона, два Забайкальских батальона, два батальона 1 Сиб. див. и 3 700 чел. запасных (Прим. в подлиннике).

и вопреки природе именно по ней разрабатывал дорогу... Признался мне, что по сторонам этой черты было бы гораздо легче работать, но он не смел этого сделать. Разработка получилась, конечно, неудовлетворительная, и придется работать вновь.

Объезжал эти дни тыловые учреждения и этапы. Этапы в Саалиндзы и Бейтопу нашел в порядке, но ныне недостаточно иметь возможность принимать по 1 000 чел. в день. Приказал развить их каждый для приема в день по 2 000 чел. Больше все приспособлены фанзы, но есть и землянки. В Бейтопу осмотрел бригаду, там расположенную, 6-го корпуса: полки Мценский и Кирсановский. Все начальство было на местах. Устроились в землянках хорошо. Вид людей хороший, но слишком пожилые. Говорил с войсками о необходимости напрячь все силы, дабы победить японцев. Что итти домой, не победив, — нельзя. Отвечали сознательно. Офицеры производят довольно надежное впечатление. Немного хотя, но полки эти в деле уже были. Мало еще, в сущности, но обстреляны.

Осмотрел три батареи 10 арт. бригады. Очень надежны. Тоже и 1 морт. батарея Сибирского полка. Осмотрел два парка. Все представились хорошо.

Позабыл прибавить, что при осмотре сегодня Подольского полка был удивлен очень малым ростом людей 16 роты, бессарабских уроженцев. Назначил войскам 6 Сиб. и 8 арм. корпусов небольшую практику на боевых позициях, приказав выделять для сего от каждой дивизии сих корпусов по два батальона в передовые линии: 5 батальонов в 10-й и 2 батальона в 17-й корпуса. Смена через 4 дня. Охотничьи команды пустить вперед с старыми охотничьими командами.

Осмотрел подвижные госпитали и дивизионные лазареты 1 арм., 6 Сиб. и 10 арм. корпусов. Стоят почти без дела. Имеют по нескольку больных, и это нравильно, дабы иметь свободные места для ожидаемых раненых. Но что неправильно, это то, что мы не пользуемся огромною рабочею силою, представляемою командами сих лазаретов и особенно ротами санитаров. Кое-что сделали, когда могли сделать многое. Приказал начать готовить фанзы на 210 мест для каждого госпиталя, а когда окончат эту работу, то развернуть их еще вдвое. Материалы (не хитрые) есть под рукой. Мастеровых можно найти в войсках. Если при этом подвижные госпитали и тронутся вперед, то приготовленные ими помещения пригодятся для запасных госпиталей или для жилья войск. При своих объездах встречал и осматривал команды выздоравливающих. Две из них втечение 4-х последних дней нашел без теплой одежды и должен был сам распорядиться о доставке теплой одежды из склада с моими адъютантами на этапный пункт Саалиндзы, где эти команды были мною задержаны. Приказал произвести расследование. Этапного коменданта в Мукдене подп. Каменского арестовал на 7 суток. Так как его очень хвалят, поэтому ограничился таким слабым взысканием.

В с. Бейтопу почтово-телеграфная контора найдена мною не в порядке (от полевого телеграфного управления). Чиновники помещаются в той же фанзе, где и работают. Особенно грязно помещение нижних чинов.

Интендантство пока кормит армию успешно. Санитарное состояние армии тоже продолжает оставаться очень хорошим.

Морозы были до 10°, но эти дни погода стоит хорошая.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абаза, А. М., контр-адм. свиты е. в., упр. делами Особого комитета по делам Дальнего Востока.

Безобразов, А. М., статс-секретарь, член Особого комитета по делам Дальнего Востока.

Вогак, К. И., ген.-майор свиты е. в., военный агент в Китае.

Гессе, П. П., ген.-ад., дворцовый комендант.

Гернгросс, А. А., ген.-лейт., ком. 1 Сиб. корпуса.

Гриппенберг, О. К., ген.-от-инф., с 1901 г. — команд. войсками Виленского военного округа, в октябре 1904 г. был назначен командующим 2 Манчжурской армией.

Дембовский, Л. М., ген.-от-инф., ком. 5 арм. корпуса.

Зарубаев, Н. П., ген.-лент., ком. 4 Сиб. корпуса.

Каульбарс, А. В., бар., ген.-от-кав., ком. войсками Одесского военного округа; с 22 октября 1904 г. командующий 3 Манчжурской армией.

Клодт, Э. К., ген.-м., дежурный генерал полевого штаба наместника на Дальнем Востоке.

Косаговский, В. А., ген.-м., состоял в распоряжении командующего Манчжурской армией, был начальником Ляохейского отряда, начальником Ляоянского гарнизона, ком. Сиб. каз. дивизией.

Линевич, Н. П., ген.-от-инф., с 1903 г. — ком. войсками Приамурского военного округа; в октябре 1904 г. был назначен командующим 1 Манчжурской армией; с 3 марта 1905 г. —главнокомандующий сухопутными и морскими вооруженными силами, действ. против Японии; уволен от этой должности 3 февраля 1906 г.

Мадритов, А. С., полк. ген. штаба, команд. отдельным отрядом.

Мейендорф, Ф. Е., бар., ген.-от-кав., ком. 1 арм. корпуса.

Орановский, В. А., ген.-майор, ген.-квартирмейстер штаба главнокомандующего Манчжурской армии.

Русин, А. И., кап. 2 ранга, б. военный агент в Японии.

Соболев, Л. Н., ген.-от-инф., ком. 6 Сиб. корпуса.

Харкевич, В. И., ген.-лейт., начальник полевого штаба 1 Манчжурской армии, затем начальник штаба главнокомандующего ген. Линевича.

Янжул, Н. И., ген.-лейт., ком. 3 пех. дивизии.

К тридцатилетию иваново-вознесенской всеобщей стачки

(25/12 мая—14/1 июля 1905 г.)

Публикуемые ныне резолюция и четыре письма иваново-вознесенских рабочих были посланы в мае—июне 1905 г. в заграничные большевистские органы «Вперед» и «Пролетарий», но перехваченные жандармами, эти письма не попали по назначению и впервые появляются в печати [1]). Под письмами, простыми по стилю и выражениям, стоят до сих пор окончательно нераскрытые инициалы «Ю. Ю.» и «Рабочий К. А.».

Публикуемые документы, написанные 30 лет тому назад, представляют значительный интерес. Они снова подтверждают, что в 1905 году Ивановская с.-д. организация («Иваново-Вознесенская группа Северного комитета РСДРП») была сплошь большевистской, распространяла большевистские прокламации и была в постоянных сношениях с редакциями сначала «Вперед» и затем «Пролетарий». Просматривая комплекты этих газет, мы видим, что за время с 8 марта (23 февраля) по 2 августа (20 июля) 1905 года корреспонденции из Иваново-Вознесенска были помещены в номерах 9 и 17 «Вперед» и в номерах 1, 2, 4, 5, 9, 10 и 13 «Пролетария»; итого 9 корреспонденций за 5 месяцев. А сколько корреспонденций не дошло по назначению, мы, конечно, не знаем...

На «Кровавое 9 января» очень быстро откликнулись и ивановские рабочие: уже с 26 (13) января рабочие по отдельным фабрикам начинают предъявлять фабрикантам различные требования и подкрепляют их забастовками. Боевое настроение повышается. Парторганизация стремится отдельные выступления рабочих превратить во всеобщую стачку.

Первое письмо (без даты) говорит о маевке 1905 года, которая приподняла на значительную высоту революционное настроение рабочих. На маевке, при «громовых криках одобрения», единогласно была принята резолюция, которая имеет историческое значение.

«Интересы самодержавия и рабочего класса, — говорится в резолюции, — несовместимы; политической свободы мы добьемся только тогда, когда будет низвергнуто самодержавие и созвано Учредительное собрание на основе всеобщего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права... Долой же упивающееся кровью народной преступное самодержавие!.. Да здравствует восьмичасовой рабочий день!.. Долой войну!.. Да здравствует немедленное вооружение народа для восстания!.. Да здравствует российская революция!.. Вперед, товарищи, на борьбу под знаменем нашего бойца — авангарда пролетариата — Российской социал-демократической рабочей партии!».

Последующие три письма от 21(8) июня, от 3 июля (20 июня) и 6 июля (23 июня) 1905 г (дата последнего письма определяется по содержанию) — описывают отдельные моменты всеобщей ивановской забастовки.

После маевки «революционное настроение масс переходит в революционный подъем масс» (Ленин).

---

[1]) «Революция иваново-вознесенских рабочих» была напечатана за подписью «Северный комитет» во 2-м номере «Пролетария» от 3 июня/21 мая 1905 г.

Уж слишком безрадостна и тяжела была в то время жизнь ивановских рабочих: низкая заработная плата (8—15 руб. в месяц), продолжительный рабочий день (у ситцепечатников 11½-часовой, не считая сверхурочной работы), невозможные жилищные условия, полный произвол фабрикантов и пр. ивановцы стремятся выйти из своего тяжелого положения и по отдельным фабрикам продолжают предъявлять свои требования.

Вечером 11 мая с.-д. организация созывает конференцию с участием представителей фабрик и заводов (всего 72 участника). Конференция выдвигает 27 требований, которые должны быть предъявлены фабрикантам, а затем, учитывая боевое настроение масс, назначает всеобщую забастовку на 12 мая. В назначенный день весть о предстоящей забастовке, точно электрическая искра, пробегает по всем предприятиям: к вечеру 12 мая встают все фабрики и заводы с общим числом рабочих в 30 000 чел. К рабочим затем присоединяются ремесленники, прачки и даже домашние работницы. А на следующий день Иваново представляло собой удивительную картину: фабрики и заводы не дымят, все спешат на городскую площадь, к зданию городской управы. На площади — море голов (по заявлению полицеймейстера — до 40 000 чел.), а в раскрытые окна городской управы смотрит на рабочих разное начальство.

Война родит героев. Так и эта грандиозная стачка выдвинула на первое место целый ряд рабочих — Е. А. Дунаева [1]), М. И. Лакина [2]), И Д. Косякова [3]), Марту Саламантову и др.), — которые своим простым, но красочным языком умели говорить с массой и влиять на нее. А когда рабочие Дунаев и Лакин взбирались на стол и даже на плечи товарищей и с горячими речами обращались к 40-тысячной массе, то все умолкало... все готовы были итти за ними.

Для сбора пожертвований на стачечников были пущены шапки: посыпались медяки, которые в общей сложности дали несколько сотен рублей. Весть о героической стачке быстро распространилась по всей пролетарской России. Из разных городов были получены деньги для стачечников. Всего было собрано до 15 000 руб.

Перед ивановскими большевиками стала новая задача, небывалая по своей важности и трудности. Это — задача политического руководства 30—40-тысячной массой. И ивановские большевики, постоянно работавшие в массе и бывшие плотью и кровью этой массы, с честью выполнили эту задачу.

Для руководства массой, для ее организационного объединения тут же на улице собравшиеся рабочие разбились по предприятиям и выбрали депутатов от каждой фабрики. Всех депутатов было выбрано 150 человек, из коих большевики составляли более ½, а остальные депутаты были беспартийные и сочувствующие большевикам. Тотчас же был сконструирован президиум в составе председателя А. Е. Ноздрина [4]), секретарей Н. П. Грачева, Добровольского и Суховского и казначея Царского. Так образовался Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов, который был не только стачечным комитетом, но и органом пролетарской власти, прообразом тех Советов, которые позднее, в октябре — ноябре 1905 г., возникли в Питере, Москве и др. значительных городах. Как ивановские рабочие, так и рабочие окрестных фабричных поселений, а также крестьяне потянулись к Совету, видя в нем своего защитника, свою рабочую

---

[1]) Дунаев («Александр») умер в г. Горьком (Нижнем-Новгороде) 27/14 марта 1919 г.

[2]) Лакин убит черносотенцами в конце 1905 г. около ст. Ундол Моск.-Нижегор. ж. д.

[3]) Косяков убит в Иванове во время октябрьского черносотенного погрома 1905 г.

[4]) Ноздрин род. в 1862 г., 11 лет поступил на фабрику, гравер с 32-летним стажем, был в ссылке, пролетарский поэт, краевед, в настоящее время работает по «Истории фабрик и заводов» в Иванове.

власть. Один из видных участников этой стачки по этому поводу говорит: «В Совет поступали самые разнообразные просьбы и жалобы от рабочих ближайших городов и местечек на притеснения со стороны хозяев, поступали жалобы от крестьян на помещиков и на сельское начальство; от рабочих соседних городов и местечек часто приезжали делегаты за советами и со всякого рода жалобами на своих хозяев. Их приглашали на заседания Совета, выслушивали, давали им необходимые указания, а часто и посылали с ними на места членов Совета и партийных работников для организации стачек» [1]).

Создание единого рабочего фронта было большой угрозой как для предержащих властей, так и для фабрикантов; по правилу «разделяй и властвуй» они всячески стремились разбить этот фронт и убедить рабочих вести переговоры по отдельным предприятиям, но рабочие не пошли на эту уловку. Посредником между рабочими, с одной стороны, и фабрикантами и властями — с другой, явился хитроумный и ловкий старший фабричный инспектор В. Ф. Свирский, но и уговоры этого «дипломата» не подействовали на рабочих. Рабочие крепко держались за свой Совет, а Совет р. д. работал в полном контакте и под руководством ивановской партийной организации.

Первые заседания Совета рабочих депутатов происходили в здании мещанской управы. Были обсуждены и одобрены требования, которые затем были предъявлены фабрикантам: восьмичасовой рабочий день, минимум зарплаты — 20 руб., квартирные деньги, улучшение санитарных условий труда и пр. Были предъявлены также и требования политического характера: свобода слова, союзов, стачек, неприкосновенность личности и жилища и пр.

В ожидании ответа на свои требования рабочие продолжали собираться на городской площади, как свои рабочие, так и приезжие, и местные партийные работники профессионалы: М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов и др. каждый день произносили здесь речи.

Так продолжалось несколько дней, пока собрания на городской площади не были запрещены губернатором. После этого рабочие перешли за город, на речку Талку, где и продолжали собираться. Среди рабочих распространялись листки-бюллетени, которые печатались в тайной партийной типографии и сообщали сведения о ходе забастовки, а профессионалы кроме агитационных речей начали читать лекции по «политграмоте». Так образовался на речке Талке «социалистический университет», который имел громадное значение для развития классового самосознания ивановских рабочих.

Полиция всячески стремилась арестовать руководителей (в особенности ненавистного для нее Дунаева), но это ей не удавалось. Изредка рабочие появлялись в городе с флагами и революционными песнями.

Наконец, фабриканты через Свирского прислали рабочим долгожданный ответ: «принято быть не может» — отвечали они на экономические требования; «не подлежит нашему обсуждению» — таков был ответ на политические требования. Тогда Совет рабочих депутатов за многочисленными подписями посылает министру внутренних дел заявление с политическими требованиями и продолжает настаивать перед фабрикантами на экономических требованиях. Фабриканты в паническом страхе уехали в Москву, покинув свои фабрики на управляющих, а начальство продолжало стягивать в Иваново войска. Город был похож на военный лагерь: прибыли батальоны пехоты, эскадрон драгун, сотни уральских и астраханских казаков.

15(2) июня на улицах появляется объявление губернатора о запрещении собраний на Талке. Уже три недели продолжалась стачка. Рабочие, сидевшие всю

[1]) Ф. Самойлов, Первый Совет рабочих депутатов.

жизнь на полуголодном пайке, проели все, что имели. Страшный призрак голода подходил вплотную, а фабриканты в счет будущих заработков согласились выдать каждому рабочему на харчи только по 2—3 рубля. Рабочие дошли до полного истощения и решили еще раз собраться 16(3) июня, чтобы окончательно решить, продолжать ли забастовку или же возвратиться на фабрики. О собрании они уведомили начальство. Но полицеймейстеру Кожеловскому (с благословения вице-губернатора Сазонова) хотелось разделаться с непокорными рабочими.

В тот момент, когда безоружные рабочие на Талке спокойно обсуждали создавшееся тяжелое положение, на них без всякого предупреждения набросился полицеймейстер Кожеловский с казаками. Засвистали казацкие нагайки, послышались выстрелы. Рабочие бросились в разные стороны, а вечером было оборваны телефонные и телеграфные проволоки, запылали дачи фабрикантов.

Число убитых и раненых стоустая молва исчисляла десятками, в действительности же никто не был убит, ибо казаки стреляли в ноги. В течение 16(3) июня был арестован 81 чел. (из них 44 чел. были задержаны на Талке), в том числе председатель Совета Ноздрин и секретарь Грачев, который был избит казаками.

Расстрел 16(3) июня не поколебал и не сломил голодающих рабочих: с еще большей настойчивостью они продолжали забастовку. Снова начались собрания на Талке. Рабочие потребовали суда над виновниками расстрела и освобождения арестованных, которые и были освобождены. Фабриканты пошли на некоторые уступки: согласились увеличить плату до 7%. Напряженное настроение продолжалось до 7 июля (24 июня), а ночью на 8 июля (25 июня) начался разгром лавок и мучного склада; снова запылали дачи фабрикантов. Как установлено, в разгроме приняли участие не только некоторые изголодавшиеся рабочие, но также деклассированные элементы и даже казаки.

Далее терпеть голод и насилия со стороны казаков было уже невозможно: рабочие подали заявление фабричному инспектору о прекращении забастовки 14(1) июля. С этого дня всеобщую стачку следует считать законченной, хотя отдельные забастовки кое-где возникали на отдельных ивановских фабриках еще в течение месяца.

15(2) июля ивановцы в последний раз собрались на Талке и затем в организованном порядке с революционными песнями разошлись по фабрикам, говоря: «Поработаем, подкрепимся и снова вступим в борьбу».

Экономические завоевания рабочих были невелики (сокращение рабочего дня у ситцепечатников на 1 час и повышение зарплаты не более 10%), но моральная победа осталась за рабочими: они вернулись на фабрики с просветленным классовым сознанием, с более широким политическим горизонтом; они пришли с Талки «не покорными рабами, а сознательными людьми, готовыми дать отпор произволу и насилию и в повседневной фабричной жизни» (Ноздрин). Недаром после этой стачки создалась поговорка: «Фабрика-то Куваева [1]), да порядки-то на ней — Дунаева».

Из Иванова пламя стачки перекинулось в окружающие фабричные местности — в Шую, Тейково, Середу, Кострому и пр.

Сергей Шестернин.

---

1) Фабрика т-ва Куваевский м-ры, в 1905 г. 1849 рабочих, ныне «Большая Ивановская м-ра (БИМ)», или фабрика им. Молотова.

Письмо Ю. Ю. из Иваново-Вознесенска в редакцию газеты «Вперед» [1]).

1 мая мы устроили массовку за городом. Накануне буквально весь город был усыпан листовками Б[юро] к[омитетов] б[ольшинства] и редакции «Вперед» (двух сортов) и ЦК.

Массовка была организована неважно: многие не нашли места, так как пришлось собраться подальше, ввиду грандиозных приготовлений полиции.

Присутствовало около 200 организованных рабочих. Причины сравнительной немногочисленности собравшихся: 1) много фабрик и отделений еще не начинали работать после пасхи — рабочие еще не вернулись из деревень; 2) около 1/2 организованных рабочих социал-демократов было выброшено хозяевами на улицу (по малейшему подозрению, по доносу); 3) много рабочих поступило на другие заводы, много разошлось в поисках за работой, многие не розысканы. Количество участников могло легко дойти до 700 (число организованных рабочих).

В общем массовка прошла очень хорошо, произвела, по общим отзывам, большое впечатление. Жалеют только, что многие не попали.

Грандиозные приготовления полиции, рассказы жителей окрестных деревень о «тысяче вооруженных рабочих», справлявших 1 мая, наконец, переливающееся от участников маевки в массу возбуждение — все это создает сотни легенд, массу разговоров и приподнятое настроение в самых широких массах.

Привожу принятую на маевке резолюцию, отдельные пункты которой покрывались громовыми криками одобрения.

Ю. Ю.

Посылаем по 3-м адресам. На свои письма ответа от вас не имею. Получили ли вы их?

Резолюция массовки иваново-вознесенских рабочих 1 мая 1905 г.

Празднуя 1 мая, мы, иваново-вознесенские рабочие, выражаем свою солидарность с пролетариями всех стран в борьбе за социальную революцию.

Да здравствует социализм, который выведет нас из омута нищеты, унижений, невежества на широкую дорогу к светлой человеческой жизни! Тогда все фабрики, машины, созданные руками рабочего класса, земля перейдут в общую собственность. Тогда все человечество будет трудиться на общую пользу, а не на кучку капиталистов. Тогда не будет стоять перед нами и тысячами наших товарищей призрак безработицы и голодной смерти на улице. Не будем мы, чьими руками создается все необходимое для человечества, ходить и униженно, из милости просить работы.

Мы знаем, что захватить орудия производства нам удастся только тогда, когда пролетарские массы станут сознательными, когда объединятся в одну мощную партию. Мы видим хорошо, что не сможем достигнуть этого, пока не будет политической свободы — свободы устраивать стачку, собираться, говорить, писать правду, соединяться в союзы и т. д. Та кровь, которую пролило и проливает царское правительство за малейшую попытку со стороны рабочего класса добиться лучшей жизни, убеждает нас еще и еще раз, что интересы самодержа-

[1]) Центр. архив революции, фонд деп. полиции, о. о., 1905 г., д. № 5, ч. 51, лит. А. — Текст документов подготовил к печати В. В. Далаго.

вия и рабочего класса несовместимы, что политической свободы мы добьемся только тогда, когда будет низвергнуто самодержавие и созвано Учредительное собрание на основе всеобщего, тайного, прямого и равного для всех избирательного права.

Долой же упивающееся кровью народной преступное самодержавие!

Да здравствует Всенародное учредительное собрание!

Да здравствует 8-часовой рабочий день!

Мы требуем немедленного прекращения ненужной народу войны, затеянной придворной и правительственной шайкой из-за своих алчных интересов и в угоду кучке капиталистов.

Долой войну, убившую и искалечившую сотни тысяч наших братьев, оставивших на произвол судьбы свои семьи, сирот-детей!

Мы требуем немедленного освобождения измученных царским правительством наших товарищей из тюрем и ссылки.

Мы требуем прекращения всех политических дел.

Довольно подставлять спины под нагайки царских башибузуков, довольно выходить на улицу с голыми руками и подставлять открытую грудь под царский свинец!

Да здравствует немедленное вооружение народа для восстания!

Да здравствует российская революция!

Слава и честь товарищам, погибшим в бою за свободу! Вечная славная память петербургским товарищам, зверски расстрелянным царским правительством 9 января!

«На бой кровавый,
Святой и правый
Марш, марш вперед,
Рабочий народ!».

Вперед, товарищи, на борьбу под знаменем нашего бойца, авангарда пролетариата — Российской социал-демократической рабочей партии!!!

Письмо рабочего К. А. из Иваново-Вознесенска в редакцию газеты «Пролетарий» 8 июня 1905 г.

На фабрике Бакулина [1]) 7 числа [2]) рабочие требовали получки денег, ходили всей толпой к хозяину в контору, но последний отказал до 11 числа, т. е. в среду. По выходе из конторы рабочие решили в другой раз итти в контору, но не с тем, чтобы требовать денег 7 числа, а заявить свои нужды. Выставили 7 требований и заявили: если их требования не будут удовлетворены к 11 числу, то не станем работать. Узнавши на других фабриках, что бакулинские рабочие требуют улучшения своих прав, решили присоединиться к ним и выставить свои нужды. Так, 11 числа бросили работу ткацкая фабрика Бурылина [3]), ткацкая и ситцевая Дербенева [4]), ситцевая Маракушева [5]). 12 числа, к

[1]) Ткацкая и прядильная ф-ка Бакулина, в 1905 г. было 1 130 рабочих, ныне дом промышленности.

[2]) Указанные в письме числа относятся, к 7 и 11 мая, а не к июню по старому стилю.

[3]) Ткацкая ф-ка Бурылина, 636 рабочих, ныне дом промышленности.

[4]) Ф-ка т-ва Н. Дербенева С-вья, 2 103 рабочих, ныне ф-ка им. С. М. Кирова.

[5]) Ф-ка торгового дома «З. Кокушкин и К. Маракушев», 1 185 раб., ныне «Новая Ивановская мра (НИМ)», им. А. С. Бубнова.

1 часу дня, соединившись, все вышесказанные фабрики направились к ткацкой фабрике К° [1]), но их во двор не допустила полиция. Простояв до трех часов, направились в город, а в это время вышли на ситцевой фабрике А. И. Гарелина [2]). Присоединившись к другим рабочим, направились по другим фабрикам с целью того, чтобы прекратить работу. К вечеру вызвали ткацкие: Зубкова [3]), Полушина и К° [4]).

На другой день, 13 числа, к обеду встал весь город. Встали все фабрики и заводы, мелкие мастерские, кузницы, портные, сапожники и депо при станции. Последние, прогуляв 6 дней, стали проситься у рабочих, чтобы им позволили работать. Так как они за одни экономические требования бастовать не хотят, а от себя выставлять свои политические требования не желают, рабочие позволили, они принялись [за работу].

Рабочие держат себя мирно. Казенки закрыты. В начале забастовки полиция пыталась забирать некоторых, более выдающихся рабочих, но безуспешно: рабочие не допустили. Рабочие всей массой сходились в числе 60 тысяч [5]) на площадь, ораторы говорили речи, изъясняли требования (общие требования 27 пунктов). Пробыв на площади до 3 часов, рабочие решили в 5 часов сойтись за городом у реки Талки для того, чтобы сообща обсудить свои нужды и предназначить депутатов для переговоров с хозяевами.

14 числа рабочие, сойдясь на площади, передали свои общие требования в 31 пункт, кроме частных. Старший фабричный инспектор заявил, что депутаты могут итти на переговоры каждый к своему хозяину, но рабочие не пожелали, заявив, что они желают переговаривать со всеми фабрикантами и в присутствии всех депутатов в числе около 200 человек [6]).

Ораторы говорили речи экономического характера, говорили и то, что необходима для рабочих свобода слова, печати, союзов, собраний. Одни говорили, что «да, нужно», а другие, зная, что это — требования не экономические, а политические, и опасаясь, чтобы не вмешалось правительство, говорили, что «преждевременно». 15-е число прошло спокойно. Рабочие сходились на площади, поговорили между собой, послушали ораторов и расходились, а вечером депутаты сходились в здании мещанской управы в присутствии старшего фабричного инспектора.

16 числа на площади передали рабочим ответы на их требования. Вечером сошлись на Талке. Просмотрев, что никаких уступок со стороны фабрикантов нет, послали эти бумаги обратно. Инспектор сказал, что фабриканты на общие переговоры итти не желают. Вечером 16 чис-

---

1) Ф-ка Компании Иваново-Вознесенской ткацкой м-ры, 4 562 раб., ныне «Большая Дмитровская м-ра (БДМ)», или фабрика им. С. И. Балашева, который в 1911 г. был сослан по суду на поселение и умер в Москве в ночь на 3 февраля 1925 г.

2) Ф-ка т-ва м-р И. Гарелина С-вья, 3 324 раб., ныне ф-ка им. Федора Зиновьева, убитого в Иванове во время расстрела рабочих в 1915 г.

3) Ф-ка Зубкова, 2 383 раб., ныне ткацкая ф-ка вошла в комбинат им. Ф. Дзержинского, а ситцевая переделана в склады, в гараж, в клуб БДМ.

4) Ф-ка Полушина, 1 896 раб., ныне ткацкая ф-ка «Малая Дмитровская м-ра», или фабрика им. Н. К. Крупской, а бывшая ситцевая—ныне завод искусственной подошвы.

5) Число участников собраний на площади не превышало 30—40 тыс. человек, так как на всех ф-ках и заводах рабочих было 30 тыс., а всех жителей в Иванове в то время было 80 тыс.

6) Число избранных депутатов не превышало 150 чел.

ла расклеили по городу объявления, чтобы в городе и на улицах не сходиться. На следующем собрании рабочие решили не ходить в город, а сходиться каждый день на Талке. 19 числа фабричный инспектор в лице всех фабрикантов приглашал депутатов в здание мещанской управы и гарантировал неприкосновенность депутатов, но последние почему-то не пожелали, — должно быть, потому, что пришлось бы отстранить некоторых лиц, а собирались на реке Талке. Администрация не касалась, арестов не было, настроение превосходное, ораторы говорили речи с.-д. характера, после слов ораторов пели революционные песни.

22 числа на депутатском собрании решили 23 числа итти всем рабочим на площадь, чтобы получить ответ от фабрикантов. Полиция и казаки разгоняли публику, не давали сходиться на площади. К 12 часам дня на площадь толпой пришли все депутаты и другие организованные рабочие и стали требовать, чтобы им позволили переговорить с хозяевами, но полицеймейстер сказал, чтобы расходились без всяких переговоров, иначе станет разгонять силой и пустит в ход нагайки. После некоторых споров раздраженная публика направилась обратно из города на Талку с флагом и пением революционных песен (демонстрация).

Пришедши на Талку, ораторы говорили речи чисто политического характера, кричали: «Долой проклятое... [самодержавие]!». Через полчаса по приходе из города приехал надзиратель из одного из участков города, сказал, что «фабриканты желают вести с вами переговоры, а для этого выберите из своих депутатов 5 человек для переговоров с уполномоченным от фабрикантов — городским головой Павлом И. Дербеневым». Последние сходились, но безрезультатно.

23 числа на депутатском собрании решено послать министру внутренних дел бумагу с правовыми требованиями, 8 требований (8-часовой рабочий день, свобода слова, печати, собраний). Настроение рабочих превосходное. 27 числа днем на станции задержали во время расклейки листовок к солдатам, а ночью на 28 число арестовали одного из московских ораторов. 28 числа на Талку приезжали инспектор и полицеймейстер. Первому сказали, чтобы он сказал фабрикантам: «Не пойдем работать, покуда не удовлетворят наши требования». От полицеймейстера требовали, чтобы он освободил 3-х товарищей. Тот сказал, что он не знает: «справлюсь и дам ответ». Рабочие решили дожидаться ответа, но полицеймейстер не прислал ответ. На другой день послали к нему депутатов 6 человек, чтобы получить ответ. Прежде чем принять депутатов, их тщательно обыскали, но ничего не нашли, кроме прокламаций у некоторых товарищей. Сказали, что «ваши товарищи усланы сегодня в 8 утра во Владимир, и вы их не получите, а если желаете, то приходите на площадь, гостинец всем будет готов, солдат много».

Вечером 2 июня расклеили объявления, в которых говорится, чтобы рабочие больше не сходились на Талке, иначе будут подвергаться ответственности судебным порядком, но так как решений еще никаких нет от фабрикантов, то рабочие решили собраться на Талке 3 числа, а для предосторожности послали заявление полицеймейстеру, чтобы тот позволил собраться в последний раз для того, чтобы решить окончательно, следует ли продолжать забастовку или итти на работу при

старых условиях. Но вместо ответа приехали в Талку 12 человек казаков. Через несколько минут приехал полицеймейстер в сопровождении нескольких сот солдат и казаков, приказал всем напасть на рабочих (без ответа), велел всех пороть и убивать, подтверждая, что ничего не будет. Всех рабочих перепороли, многих убили и ранили [1]) — число не выяснено, — стреляли из винтовок. 80 человек арестовали. Из них много освободили, а другие сидят. Ораторы целы.

Пришедшие в город рабочие начали рвать телефоны, бить полицию, несколько убито, сожгли 2 квартиры на фабрике Бандурина, механика и управляющего. На пожаре пришлось столкнуться с войсками, несколько убито и ранено, других арестовали, выбили стекла у дома городского головы Дербенева. На другой день начали жечь дачи по окрестностям местных фабрикантов, и так повторяется каждый день. Вот уже 8 число, настроение рабочих одушевленное. Много сожжено дач, складов, лесов, разбито казенных винных лавок и лавок, которые не давали в долг во время забастовки.

Рабочие тайно сходятся по лесам и окрестностям.

Рабочий К. А.

Письмо рабочего К. А. из Иваново-Вознесенска в редакцию газеты «Пролетарий» 20 июня 1905 г.

Уведомляю, забастовка продолжается. В городе попрежнему тихо. Рабочие сходятся ежедневно на Талке для обсуждения своих нужд. 14 числа освободили 7 человек, в том числе несколько депутатов и оратора рабочего Лакина. Особенных происшествий нет. Переговоров с фабрикантами не имеем. Уступок нет кроме тех, которые я сообщал: 1 р. 25 к. — до 12 р. 50 коп., 1 р. 50 к. — до 25 р. и 7% более 25 руб. [2]).

20 числа решено всей массой рабочих, по предложению оратора, итти на другой день (21 числа) на фабрики и требовать полной платы за время забастовки. Утром 20 числа разъезжали по улицам казаки и сообщали, что в г. Иваново-Вознесенск приехал министр внутренних дел с тем, чтобы узнать подробности 3 июня, а в том числе и сделать баллотировку рабочих ввиду того, что много народу просят по городу и желают работать. Для этого назначили сойтись рабочим в противоположной стороне от места собраний, на ярмарке за Новой улицей, и обещались охранять рабочих, желающих итти на работу, казаками и солдатами, чтобы не помешали им другие рабочие, не желающие работать на старых условиях. Но эти проделки не удались, на ярмарку рабочие никто не пошел. Только пришли несколько человек, около

---

[1]) Автор письма преувеличивает, говоря, что «всех рабочих перепороли, многих убили и ранили». Убитых не было, так как стреляли в ноги, тяжело раненых было 3, а легко раненые разошлись по домам.

[2]) Прибавка была: 1 р. 25 к. для тех, кто зарабатывал до 12 р. 50 к. в месяц; 1 р. 50 к. для зарабатывавших до 25 р. и 7% для тех, кто зарабатывал больше 25 руб. в месяц; наибольшие уступки сделала ф-ка Покровской м-ры Грязнова (от 3 руб. до 7%), 1 203 раб., ныне объединена с ф-кой т-ва м-р И. Гарелина С-вья (2 445 раб.) в «Сосневский комбинат», причем бывшая Гарелинская ф-ка теперь составляет фабрику-школу им. О. А. Варенцовой.

100 из граверов, слесарей и мастеров; их другие рабочие разогнали, но не били [1]).

Ночью по городу разъезжают патрули, арестов нет.

Примечание: в позапрошлом письме писали, что убито 28 и 260 человек ранено, убито 2 маленьких детей и несколько человек ранено, но много меньше вышесказанного.

Затем прощайте.

К. А., рабочий.

Полиция собирает подписи в защиту Кожеловского [2]) и виновников 3 июня, и рабочие, в свою очередь, собирают.

Был в отъезде около 2-х недель, на-днях напишу о конференции группы Северного комитета, о забастовке солдат в Костроме и т. д.

Ю. Ю.

Ваши письма печатаются гектографированно. Присылайте на второй запасной адрес, данный вам для писем.

Ю. Ю.

Письмо рабочего К. А. из Иваново-Вознесенска в редакцию газеты «Пролетарий».

Забастовка продолжается.

Вчера, 22 числа, все рабочие ходили по своим фабрикам, в другой раз требуя полной платы за время забастовки. Фабриканты, не ожидая, что к ним придут и станут так настойчиво требовать, сильно перепугались и попрятались, куда придется, не показываясь рабочим, а заведующие отвечают, что все фабриканты уехали в Москву и в другие города. На всех фабриках рабочие требовали платы за время забастовки или — лично фабрикантов. Это было 21 числа. 22 числа был тоже ответ один: по телеграмме, платы за время забастовки не будет. Только и показались рабочим 2 фабриканта—Дербенев Петр и Щапов. Первый сказал, что «я не в состоянии уплатить вам за забастовку, а если желаете, то по 1 рублю дам вам на хлеб». Рабочие получили по рублю, а за время забастовки — подай!

Другой фабрикант — Щапов, увидавши своих рабочих, затрясся, что опять пришли к нему рабочие, требуя платы за время забастовки. Сказал: «Как люди, так и я», убежал в дом, а из окна выкинул 5 рублей. «Возьмите и ждите». Но рабочие отвечали, что «котам (нищим) по 5 копеек даете, а нам и по 1 коп. не достанется, мы не сбирать пришли». (Деньги лежат на земле.) При этом выкинул еще 5 рублей, но рабочие ответили то же, не поднимая денег. Рабочие опять потребовали, чтобы тот вышел к ним на улицу (двор). Щапов вышел из дома и дал при этом еще 5 рублей, т. е. 15 руб., но рабочие ответили: «Давай хоть миллион, а за забастовку не минешь платить». Дал еще 3 руб-

---

[1]) Слесаря в общей массе были передовыми, были верны рабочему движению и не откалывались от товарищей. За прекращение забастовки были гравера, раклисты, фабричные пристава, табельщики и др. обеспеченные группы рабочих, но их было так мало, что они не могли оказать никакого влияния на остальные массы рабочих.

[2]) Кожеловский — полицеймейстер г. Иваново-Вознесенска, организатор зверского избиения бастовавших рабочих 3 июня 1905 г.

ля. — «Только, Христа ради, уйдите!». Потребовал казаков, пришел на помощь надзиратель. Хозяин последнему жалуется, что рабочие замучили, не уходят. Потом обратился к рабочим. Видя, что не сдаются, взял у них деньги 18 рублей и выдал всем по 1 рублю. При этом сказал: «Как люди, так и я» [1]).

На третий день рабочие, 23 числа, собрались утром на Талке и решили итти в город, требуя от фабрикантов настоящих уступок, в противном случае отказывались бы от фабрик. Пришедшие на площадь рабочие заявили, что «требуем переговоров с фабрикантами», заявив, что «если станете проводить время, то за последствия не ручаемся». Настроение рабочих озлобленное. Рабочие все сели против управы, заявив, что «не уйдем, покуда не удовлетворите наши требования, а если не удовлетворите, то станем бить и громить!». Старший фабричный инспектор заявил: «Фабриканты давно желают вместе с вами переговора, но боятся вас». Рабочие дали гарантию фабрикантам, что не тронут никого. Старший фабричный инспектор Свирский, в лице всех фабрикантов, сказал, чтобы рабочие шли домой, «а завтра мы вам пришлем настоящий ответ на Талку». Рабочие, конечно, направились с площади на Талку, демонстративно несли 2 красных флага и один черный. Первый с надписью: «Долой самодержавие!», второй: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», а черный: «3 июня». Пели революционные песни. Настроение рабочих озлобленное, так что приходилось принимать депутатам и ораторам все усилия, чтобы сдержать массу. Пришедши на Талку, ораторы говорили речи, рабочие кричали отчаянно: «Долой войну! Долой самодержавие, царя и убийц!». Одним словом, настроение революционное.

Рабочий К. А.

---

[1]) Совет Р. Д. с осуждением относился к тем немногим рабочим, которые ходили по фабрикам и выпрашивали рубли у фабрикантов, а также к тем рвачам, которые собирали деньги на стачечников и не передавали их по назначению. Таких рвачей судили на Талке товарищеским судом.

Из истории борьбы за рабочий контроль.

Публикуемые ниже документы о конфликте между рабочими и владельцем Петроградского механического завода В. И. Рыкаткиным рисуют один из эпизодов ожесточенной классовой борьбы периода от Февраля к Октябрю 1917 года.

В. И. Рыкаткин — типичный представитель многочисленной группы ловких авантюристов военного времени.

Он принадлежал к группе «промышленников», основывавших предприятия в годы империалистической войны с целью вымогательства денег у различных ведомств и организаций под видом работы на «оборону».

Продажность интендантских чиновников облегчала новоиспеченным фабрикантам и заводчикам возможность получать бесчисленные авансы под «срочные» военные заказы, которые ими не выполнялись.

За сравнительно небольшой период времени, с ноября 1915 г. до апреля 1917 г., Рыкаткин получил в счет военных заказов от различных ведомств авансами около 800 тысяч рублей, от некоего Храмченкова взаимообразно 114 тысяч рублей, от завода Айваз на приобретение оборудования для производства штыков — 178 тысяч рублей, всего свыше одного миллиона рублей. Однако Рыкаткин, нахватав значительные суммы денег, не думал выполнять взятые на себя обязательства. Получавшиеся им остродефицитные материалы для нужд производства он сбывал на сторону. За все время работы на оборону Рыкаткин выполнил заказов номинально на 100 тысяч рублей, фактически же стоимость сданных им изделий, ввиду их низкого качества, была гораздо меньше.

В годы империалистической войны грабили казну и надували интендантство все заводчики и фабриканты, выполнявшие военные заказы, и проводили это обычно в замаскированной форме ссуд на оборудование, высоких цен и различных перерасчетов. Рыкаткин же, в своем стремлении нажиться на военных поставках, прибегал к открытому жульничеству. На эти жульнические проделки обратил внимание Центральный военно-промышленный комитет — организация, призванная служить интересам капиталистического обогащения на «оборонной» работе, — характеризовавший Рыкаткина как «недобросовестного поставщика». Ввиду этого заслуживает особого внимания та волокита, которая умышленно велась заинтересованными ведомствами вокруг настойчивого требования рабочих о секвестре завода Рыкаткина. По закону 17 августа 1915 г. заводское совещание имело право смещать правление и секвестровать предприятие, злостно не выполняющее военные заказы и подрывающее производство. И в отношении завода Рыкаткина заводское совещание, до возникновения конфликта с рабочими, стало на этот путь. Оно вынесло постановление о секвестре завода (см. док. № 2).

Правда, постановление это было «условное», оно было рассчитано на «исправление» Рыкаткина. Но после этого постановления Рыкаткин не исправился, и практика работы заводских совещаний знает примеры, когда в таких случаях условный секвестр превращался в фактический.

В «нормальных» условиях эта участь постигла бы и Рыкаткина, но 1917 год не был нормальным годом для русской буржуазии.

Под руководством большевистской партии в стране все больше и больше усиливался революционный натиск рабочего класса на империалистическую буржуазию, обострялась борьба между трудом и капиталом, надвигалась пролетарская революция. Руководимые большевиками фабрично-заводские комитеты превращались в боевые штабы развернувшейся борьбы рабочего класса против попыток русской буржуазии подавить «костлявой рукой голода» нарастающее революционное движение.

Против фабрично-заводских комитетов и проводившегося ими рабочего контроля поэтому и были брошены главные силы наступающей контрреволюционной буржуазии. В этой борьбе предприниматели выступали сплоченным фронтом под общим руководством своих воинствующих организаций — Союза объединенной промышленности и Общества заводчиков и фабрикантов.

Коалиционное Временное правительство помогало контрреволюционной буржуазии в ее борьбе против революционного пролетариата и его боевых организаций — фабрично-заводских комитетов, что ярко иллюстрируется публикуемыми ниже документами.

Рыкаткин срывал выполнение военных заказов. До Февральского переворота буржуазная общественность считала это тяжким грехом, потому что она была тогда заинтересована в выполнении военных заказов не только ради огромных сверхприбылей, но и для усиления боеспособности русской армии и флота, воевавших за аннексионистские цели русского империализма. Но после Февраля буржуазия смотрела уже другими глазами на подобные преступления. По мере того как в стране поднималась революционная волна, усиливалось революционное брожение в армии, усиливался и саботаж предпринимателей, не останавливавшихся перед срывом военных заказов в интересах борьбы с революционным движением.

Против преступного хозяйничания Рыкаткина выступили рабочие его предприятия во главе со своим завкомом. Рабочие посягнули на «святую святых» капиталистического строя — на право частной собственности. Они «самочинно» отстранили Рыкаткина от управления своим собственным заводом и завладели «чужой собственностью». Обычно в таких случаях организованный капитал, при поддержке правительственных учреждений и различных министерств, поднимал невообразимый шум о вмешательстве рабочих в дела предприятия и добивался восстановления нарушенного на предприятиях правопорядка в интересах якобы обеспечения нормального хода производства необходимых для армии предметов. Но вокруг конфликта на заводе Рыкаткина неудобно было разводить такую демагогию. Слишком били в глаза вопиющие безобразия и преступления владельца.

Нельзя было, не разоблачая себя, открыто выступить против рабочих завода.

Рабочие вначале требовали от Совета рабочих депутатов, заводского совещания и других организаций, чтобы они произвели обследование деятельности Рыкаткина, направленной к подрыву производства, к разлаживанию заводского хозяйства.

Рыкаткин, после того как завком вскрыл перед Советом и правительственными организациями его мошеннические проделки, решил избавиться от своих рабочих и заменить их солдатами. С этой же целью Рыкаткин прибегал к гнусной провокации, воровал рабочие инструменты, обвиняя в воровстве своих рабочих.

Но этот маневр не удался и не мог удаться. Количество рабочих, занятых на заводе, было невелико, но они были хорошо организованы и дисциплинированы. Об этом свидетельствует та стойкость и самоотверженность, с которой рабочие вели борьбу с владельцем завода и стоявшими за его спиной органи-

зациями. Рабочие и завком, узнав о краже инструментов, не растерялись и применили правильную тактику борьбы с предпринимателем-вором. Добившись признания Рыкаткина в воровстве, рабочие отстранили его от заведывания заводом, и завод временно перешел в руки рабочих.

Рабочие требовали секвестра завода и передачи его некоему Храмченкову. Последний был неофициальным совладельцем завода, вложившим в него значительные средства, и поэтому был заинтересован в восстановлении нормальной работы завода. Чтобы спасти свои капиталы, Храмченков соглашался вести производство под контролем заводского комитета.

Какие аргументы можно было выдвинуть против поведения рабочих на протяжении всего конфликта? Что можно было возразить против удаления с завода Рыкаткина? Против этого нельзя было возражать еще и потому, что рабочие после отстранения Рыкаткина наладили под руководством завкома производство завода: заказы выполнялись, несмотря на тяжелое наследство, оставленное бывшим владельцем (расшатанное оборудование, отсутствие денег и остродефицитных материалов).

Но удовлетворение требования рабочих о секвестре завода было бы равносильно оправданию примененной ими революционной тактики борьбы против саботажа предпринимателя. Кроме того революционные действия рабочих завода Рыкаткина в случае победы рабочих могли стать заразительным примером для рабочих других предприятий.

Заинтересованные ведомства не хотели передать завод Храмченкову, соглашавшемуся, исходя из своих личных интересов, подчинить свою хозяйственную деятельность рабочему контролю, против которого буржуазия в то время вела наступление сплошным фронтом.

Эти-то обстоятельства и наложили особый отпечаток на ход конфликта на Петроградском механическом заводе.

Рыкаткина никто официально не берет под защиту, против «захватчиков чужой собственности» никто не выступает — более того, им сочувствуют. Но, по странной «случайности», завод, который раньше был перегружен заказами, теперь теряет один заказ за другим. Если раньше заказчики выдавали авансы Рыкаткину, когда он не сдавал им никакой продукции, то теперь заказчики отказывались платить заводу за изготовленные и сданные изделия.

Заводоуправление Айваз требует от завкома завода Рыкаткина удостоверения от бывшего владельца на право распоряжаться заводом и его фондами.

Все правительственные комиссии, обследовавшие завод, приходили к выводу, что Рыкаткина не следует возвращать на завод, что единственным выходом из создавшегося положения является секвестр завода. Но секвестровать завод все ведомства отказываются. Заводское совещание, ввиду «малого значения завода для обороны», отсылает рабочих в реквизиционную комиссию. Последняя по формальному поводу отказывается от секвестра завода и находит, что секвестровать завод может министерство торговли и промышленности или министерство труда. Министерство труда, в свою очередь, решительно отказывается от секвестра завода и направляет дело в министерство промышленности.

Чтобы обмануть рабочих, находившихся в начале конфликта еще под влиянием соглашательских партий, министры-«социалисты» посылают отношение о секвестре к заклятому врагу рабочего класса, помощнику министра торговли и промышленности Пальчинскому. В действительности они хорошо знали, что Пальчинский ничего не сделает. Когда министерство торговли и промышленности и главное артиллерийское управление отказались от секвестра завода и предложили сделать это министерству труда, министры-«социалисты» показали свое настоящее лицо. Министерство труда не искало формальных поводов для отказа от секвестра завода.

Министр труда и его помощник принадлежали к партии меньшевиков, рассматривавших революцию 1917 г. как буржуазную. По теории меньшевиков, основная задача русской революции заключалась в том, чтобы расчистить путь для беспрепятственного развития в стране капитализма, подобно тому, как это сделали буржуазные революции в Западной Европе. Они поэтому осуждали каждое мероприятие, направленное к ограничению всевластия капитала. Неудивительно поэтому, что меньшевики яростно выступали против рабочего контроля, угрожавшего интересам предпринимательской прибыли.

Эта принципиальная установка меньшевизма проходит красной нитью через всю деятельность министров-«социалистов» во всех составах Временного правительства. Из этой принципиальной установки своей партии они исходили при разрешении конфликта и на заводе Рыкаткина.

Министр-«социалист» не только отказался секвестровать завод, но и не пожелал разговаривать на эту тему с рабочими, просидевшими 6 часов у его кабинета.

Несмотря на все вопиющие преступления Рыкаткина и саботаж им производства, министры-«социалисты» обвинили рабочих в том, что они отстранили владельца завода (см. документ № 12).

Рабочие месяцами бились за сохранение и упорядочение производства завода. Они требовали, чтобы соглашательский совет рабочих депутатов, заводское совещание и соответствующие министерства пресекли преступную деятельность Рыкаткина, предотвратили расхищение им остродефицитных материалов и имущества предприятия.

Но все указанные организации оставались глухими к требованиям рабочих.

Рыкаткин, ободренный бездеятельностью и попустительством соглашательского совета и органов Временного правительства, перешел в наступление на рабочих, не останавливаясь перед явными подлогами (воровство инструментов).

Если бы рабочие не разоблачили и не отстранили Рыкаткина, они сами были бы уволены.

И при этих условиях «социалист» Гвоздев считал «отстранение» владельца предприятия необдуманным действием рабочих.

Министры-«социалисты» хотели проучить рабочих Петроградского механического завода за их «необдуманные действия» на конкретном примере, т. е. на голоде и страданиях рабочих завода Рыкаткина показать рабочим других предприятий, «чего можно добиться» методами рабочего контроля и захвата предприятий. Эти свои мнения Гвоздев выразил открыто.

На указания рабочих, что их «проигрыш сильно отразится на мелких предприятиях», владельцы которых после победы Рыкаткина «категорически станут отвергать все попытки рабочих улучшить свое положение, что и заставит рабочих обратиться к вам», они получили в ответ: «Ничего. Вы попытали и узнали, легко ли это дается и чего можно добиться. Другие, это узнавши, подумают, можно ли это делать...».

В момент ожесточенных классовых боев, нарастания революционного движения и борьбы за власть советов министры-«социалисты» поучают рабочих: «С сильным не борись, с богатым не судись».

Не правда ли, перл меньшевистской премудрости! Но рабочие по достоинству оценили политику министров-«социалистов» — этих агентов буржуазии, пытавшихся парализовать революционную борьбу пролетариата.

Документ № 12 — наиболее интересный в публикуемом материале. Он показывает, как министры-«социалисты» нуждой и голодом заставили рабочих стать на путь соглашения со своим владельцем, заставили рабочих согласиться вернуть Рыкаткина на предприятие. Министры-«социалисты» выполнили ту мис-

сию, которую не решился выполнить министр-капиталист Пальчинский, по заданию которого специальная комиссия обследовала завод Рыкаткина. Какой ценой рабочие должны были платить за соглашательскую политику министров-«социалистов», показывает документ № 17.

Рыкаткин использовал соглашательскую политику министров-«социалистов», чтобы нанести сокрушающий удар своим рабочим, и если ему это не удалось, то только благодаря революционному нажиму рабочих этого завода на соответствующие ведомства и организации.

Трехмесячная борьба многому научила рабочих завода Рыкаткина. Конфликт показал рабочим, что политика саботажа есть общая политика всей буржуазии, пытающейся взять рабочих измором, разгромить революцию. Рабочие убедились, что Временное правительство поддерживало и прикрывало саботаж предпринимателей и брало под свою защиту даже таких отъявленных авантюристов, как владелец их завода Рыкаткин.

Они увидели настоящее лицо соглашателей и поняли, куда ведет рабочий класс их политика соглашения с контрреволюционной буржуазией.

Они на собственном опыте убедились в том, что победить разруху, сломить саботаж предпринимателей пролетариат сможет только тогда, когда он завоюет политическую власть. Характерно, что в документах, относящихся к июню и июлю, не чувствуется больше оборонческих настроений, которые были у рабочих завода Рыкаткина в первые дни возникновения конфликта.

Борьба рабочих Рыкаткина — маленький эпизод той грандиозной борьбы, которую русский пролетариат вел под руководством большевистской партии с буржуазией и Временным правительством [1]).

Г. Белкин.

---

1. Заявление заводского комитета завода В. И. Рыкаткина в комитет по возобновлению работ, в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов и морскому министру [2]).

Исполнительный заводский комитет при заводе Рыкаткина, находящемся на Петровском острове (Петровский пр., 1), сим обращается к вам с просьбой назначить немедленно комиссара для контроля ведения дел в заводе, работающем на оборону: ковка штыков — заказ Айваза — и ударные трубки образца 1915 г. — заказ морского ведомства, в количестве 100 000 штук, — ввиду того, что заказ на ударные трубки начат исполнением с сентября 1916 г. и по сие время сделано и сдано всего 5 000 трубок. Медленность исполнения заказов объясняется отсутствием материала, так как для коробок материал отливается на заводе, а для мелких деталей материала нет и не приобретается, так что во всех действиях владельца сквозит явное стремление тормозить работу. За последнее же время владелец завода старался натравить работающих в смену солдат на рабочих и, в заключение всего, 4 мая с. г., обобрав ночью инструменты с ящиков от рабочих, бросил обвинение

---

[1]) Подлинники публикуемых ниже документов хранятся: а) №№ 1—11, 14—18 — в Центральном архиве профдвижения (ф. 10, 1917 г., д. № 188); (б №№ 12, 13, 19 — в Центральном архиве Октябрьской революции (ф. 472, 1917 г., д. № 71.)

[2]) В документах №№ 1, 2, 6, 11, 12 и 13 даты отсутствуют, нет также подписей в документах №№ 1, 2, 10.

рабочим в воровстве, что свидетельствуют из прилагаемой в копии протокола [1]).

Ввиду вышеизложенного заводский комитет сим извещает вас, что комитетом владелец завода от участия в работах завода отстранен и работы производятся под руководством исполн. комитета завода. Для дальнейшего продолжения работ, ввиду полного отсутствия материала, нефти и пр., заводский комитет обращается к вам с призывом прислать немедленно комиссара для контроля дела завода.

Ввиду того, что завод все время финансировался В. А. Храмченковым [2]), знающим все дела завода, просим означенного Храмченкова назначить комиссаром с тем, чтобы последний управлял заводом под непосредственным наблюдением заводского комитета.

Такая наша просьба основывается на том, что заводу необходимы денежные средства, каковые вышеозначенный Храмченков согласен на таких началах дать, отсутствие же средств вынудит деятельность завода прекратить.

Заявление с просьбой назначить следственную комиссию было подано 28 марта в отдел труда Совета раб. и солд. депутатов, в апреле в комитет по возобновлению работ. Обследовала работы фронтовая комиссия солдат, которыми был составлен протокол, но до сего времени никакой следственной комиссии в заводе не было, и на заводе полное отсутствие работ. Исполнительным комитетом завода налаживается работа штыков. Начать же работу деталей ударных трубок за отсутствием материала не представляется возможным до назначения комиссаром Храмченкова, могущего немедленно отпустить средства.

2. Заявление заводского комитета завода В. И. Рыкаткина в комитет по возобновлению работ, в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов и морскому министру.

В дополнение к нашему заявлению по делу завода Рыкаткина и в подтверждение того, что г. Рыкаткин как раньше, так и впредь не в состоянии нормально управлять заводом и выполнять заказы на оборону, мы считаем своим долгом довести до вашего сведения, что г. Рыкаткиным за период войны было получено несколько важных заказов на изготовление разных предметов обороны и ни один из заказов не был им исполнен.

Во избежание голословных заявлений мы приводим фактические данные о получении г. Рыкаткиным заказов на оборону, об их исполнении и отношении к нему учреждений, давших ему заказы.

1) Так, в 1915 г. Рыкаткиным был получен заказ главного военно-технического управления на молотки; заказ не был исполнен.

2) Заказ главного артиллерийского управления через завод Айваз на 300 000 штук штыков и 300 000 штук колец исполнялся Рыкаткиным до устранения его от управления заводом крайне небрежно и неаккуратно; эта неаккуратность в изготовлении штыков вызывала неоднократные недоразумения между Рыкаткиным и заводом Айваз,

---

[1]) Протокол, направленный в комиссариат Петроградской стороны 4 мая 1917 г., как совпадающий с публикуемыми ниже документами здесь опускается.

[2]) В. А. Храмченков был одно время директором завода и неофициальным компаньоном В. И. Рыкаткина.

следствием чего явилось условное постановление заводского совещания о секвестре завода и передаче его Айвазу.

3) Заказ Земгора на подковные ключи, несмотря на полученный Рыкаткиным аванс, не был исполнен и был Земгором аннулирован.

4) Два заказа Центрального военно-промышленного комитета — один на зажимы, другой на пулеметные коробки — не были исполнены Рыкаткиным, несмотря на всевозможные льготы и отсрочки исполнения Центрального военно-промышленного комитета.

5) По заказу главного военно-технического управления на 1 085 баб и 1 085 капровых принадлежностей исполнено было только 18 баб, и те не сданы.

6) Заказ главного интендантского управления на задвижки «Лудл», несмотря на 3 000-й аванс, не был исполнен.

7) Заказ главного управления кораблестроения (100 000 ударных трубок), с авансом в 150 000 рублей, исполнялся Рыкаткиным крайне небрежно и неаккуратно; по договору все 100 000 трубок должны были быть сданы в декабре 1916 г., сдано же в действительности до сих пор, т. е. через 4½ месяца после срока исполнения всего договора, всего 5 000 штук трубок.

Такое неаккуратное и небрежное отношение к заказам на государственную оборону имеет в себе все признаки государственного преступления, что и подтверждает заявление главного управления кораблестроения и главного технического правления, что Рыкаткин, неисправный подрядчик, и Центрального военно-промышленного комитета, что Рыкаткин даже недобросовестный поставщик.

Заявление Рыкаткина комиссии, бывшей на заводе 17 сего мая, что неаккуратность исполнения заказов зависела от отсутствия необходимых материалов, является чистейшим вымыслом. Материал Рыкаткиным не закупался в надлежащем количестве и в надлежащее время. Так, например, заказ на бабы и капровые принадлежности главного военно-технического управления был получен в мае 1916 г., материал же начал закупаться в ноябре 1916 г., а когда он был закуплен, то он не мог попасть в завод, потому что Рыкаткин своевременно не послал аккредитива для оплаты его. Материал же на штыки подавался и подается заводом Айваз, и потому в отношении изготовления штыков заявление г. Рыкаткина об отсутствии материала является абсолютно неправильным.

Между тем за весьма короткий срок, с сентября 1916 г. по апрель 1917 г., Рыкаткиным были получены следующие суммы: аванс главного управления кораблестроения 150 000 руб., заимообразно от Храмченкова 114 000 руб., от завода Айваз до 75 000 руб., мелких авансов и займов еще на несколько тысяч рублей. Судя же по той небрежности и неаккуратности исполнения, а лучше сказать: неисполнения заказов, вряд ли можно считать, что деньги эти обращены г. Рыкаткиным на те цели, на которые они были им получены.

Исходя из изложенного и принимая во внимание неспособность Рыкаткина заведывать заводом и выполнить заказы на оборону, за отсутствием достаточных способностей и знаний, а также денежных средств, крайне небрежное его отношение в деле расходования авансов и заимообразных сумм — мы считаем оставление завода и заказов на государственную оборону в руках г. Рыкаткина недопустимым и крайне вредным в интересах государственной обороны.

Поэтому мы считаем необходимым вторично указать, что завод может правильно функционировать без всяких недоразумений и выполнить имеющиеся заказы только в том случае, если Рыкаткин будет устранен от управления заводом и будет назначен комиссар.

В предыдущем своем заявлении мы просили назначить комиссаром г. Храмченкова, что мы поддерживаем и теперь по следующим основаниям: нам известно, что если заводом Рыкаткина было кое-что сделано на оборону из многочисленных заказов, то это благодаря энергии, настоянию и денежным средствам г. Храмченкова, который и после устранения нами г. Рыкаткина за бездействие его в деле исполнения заказов и крайне грубую и оскорбительную для рабочих выходку, во избежание приостановления деятельности завода и распада организованной промышленной ячейки, работающей на оборону, предоставил в распоряжение заводского комитета 14 000 рублей на оплату 2-недельной заработной платы рабочих и на покупку топлива, вследствие чего, несмотря на возникшее между рабочими и Рыкаткиным недоразумение, после устранения г. Рыкаткина деятельность завода не только не прекращалась, а наоборот, усилилась, доказательством чего служит подача заводу Айваз штыков больше установленной по договору нормы.

Согласие г. Храмченкова на финансирование завода и на заведывание им под непосредственным наблюдением заводского комитета является залогом, что мы с ним сумеем наладить в ближайшие дни интенсивную работу как по изготовлению штыков, так и трубок, столь необходимых для армии и флота.

3. Из заявления мастеров завода В. И. Рыкаткина в совет союза мастеров, заведующих и техников фабрично-заводских предприятий от 20 мая 1917 г.

2 мая.

Рыкаткин встречает во дворе завода заведующего В. А. Здановича и говорит: «Г. Зданович, возьмите за месяц вперед и уйдите». А Зданович ему в ответ: «Заявите это нашему представителю, тогда мы посмотрим, я только подчиняюсь постановлению мастеров».

Заявление Рыкаткина Здановичу мы объясняем тем, что Рыкаткин чувствовал, что атмосфера на заводе сгущается, а Зданович был в курсе всех дел, поэтому он хотел от него избавиться как от вредного в будущем для него, т. е. Рыкаткина.

3 мая.

Рыкаткин вторично сказал Здановичу, почему он не оставляет службу? Ответ был тот же.

4 мая.

С 3 на 4 мая в ново-механической мастерской в ночную работали 5 человек солдат (изготовл. ударн. труб.), и когда утром пришли на работу, то обнаружилось, что тут был полный беспорядок:

1) Ново-механическая мастерская находится в распоряжении мастера Жукова.

2) Жуков открывает конторку мастерской — замок, конечно, цел, а внутри расхищение, не оказалось несколько разных цепных инструментов, которые тут хранились.

3) Жукову заявляют один за другим установщики; где обобраны со станков резцы, где переломаны, станки попорчены.

4) Жукову заявляет токарь, что у него из шкафа исчезли штангель, пальмир, резцы и много других инструментов, но замок на месте, исправный.

5) Жуков направился об этом заявить находившемуся тут Рыкаткину. На заявление Жукова Рыкаткин ответил, что он ничего не знает, и добавил, что «куда девалась политура из кладовой, туда девалось и остальное».

Примечание. Политура была получена Рыкаткиным во время революции каким-то окольным путем и находилась в кладовой, а в один из нерабочих дней Рыкаткин ее перевез в другую кладовую, а сам пустил слух, что она исчезла.

6) Жукову как старосте заявил Зданович, что сторож заявил, что было распоряжение Рыкаткина не пропускать в завод Здановича (но он его пропустил).

7) Жуков вторично обращается к Рыкаткину с запросом, на каком основании было дано распоряжение сторожу о Здановиче. Ответ был таков: «Я так хочу». Но Жуков ему заявил, что он не вправе так поступать, и притом же еще им не был дан ответ на заявление и требование мастеров от 1 мая. В ответ на это Рыкаткин сказал: «Требование — одно, а это другое».

8) Через полчаса, по постановлению исполн. заводского комитета, Рыкаткин был арестован домашним арестом.

9) По прибытии на завод А. Ф. Авдонкова (директор конторы) вопрос был выяснен.

10) Авдонков присутствовал при всем ограблении Рыкаткиным, на что он выдал, как нам известно, исполн. комитету завода письменное заявление, что все инструменты, пропавшие из ящиков, находятся у В. И. Рыкаткина и взяты им, Рыкаткиным.

11) После заявления Авдонкова Рыкаткин был освобожден.

12) Исполн. комитет завода принял меры для того, чтобы работы производились нормально, а Рыкаткина в завод больше не допускать.

13) На заводе полный порядок, работы идут интенсивнее, чем при Рыкаткине.

5 мая.

Исполнительный комитет завода принялся энергично хлопотать о секвестре завода и передаче его В. А. Храмченкову, т. е. просил назначить В. Храмченкова комиссаром завода, с тем, что Храмченков принимает на себя ведение дел завода под непосредственным наблюдением исполнительного комитета завода.

6, 7, 8 и 9 мая.

Ничего выдающегося не произошло.

10 мая.

Мы собрались и обсудили положение дел завода, и так как исполнительный заводский комитет обсуждал все происшедшее без участия представителей от мастеров, то мы выбрали из своей среды В. А. Здановича и послали в исполн. заводский комитет с заявлением о нашем постановлении. Хотя по настоящий день мы и не получили ответа, но Зданович присутствовал на главном заседании комитета.

С 11 по 20 мая.

1) Был чиновник из комитета по восстановлению работ (инженер).
2) Были от министерства торговли и промышленности окружной фабричный инспектор и два участковые.
3) В среду 17 мая была комиссия из следующих лиц: два представителя из комитета по возобновлению работ, генерал Залесский — от главного артиллерийского управления, фабричный инспектор нашего участка и приемщик от главн. управления кораблестроения А. Г. Прокудин, а со стороны Рыкаткина присутствовал адвокат.

Все эти комиссии — следственные, и из их слов можем сказать, что какой-либо результат будет в конце будущей недели.

Ввиду всего вышеизложенного, мы обращаемся к вам, товарищи, и просим оказать нам содействие и дать какие-либо советы и указания. И притом же просим союз оказать нашему исполн. заводскому комитету содействие в секвестре завода и назначении комиссаром В. А. Храмченкова, а о дальнейшем прохождении дела завода будем вас осведомлять.

Примечание. В. А. Храмченков, за которого ходатайствуем о назначении комиссаром нашего завода, был нашим директором завода и неофициальный компанион, который много потратил денег, а теперь он сам идет нам навстречу и снабжает деньгами сейчас и принимает на себя финансирование завода в будущем. Мы, мастера, видим его как человека справедливого и желаем с ним работать.
Копия настоящего заявления передана в исполн. заводский комитет.
Петроград, 20 мая 1917 г.

К. Жуков, Н. Ястржембский, В. Харламов, Л. Ялошев, В. Зданович.

4. Отношение отдела общих дел главного управления кораблестроения в министерство труда от 15 мая 1917 г.

Отделом общих дел был дан 3 июня 1916 года, за № 9726, наряд В. И. Рыкаткину на изготовление на его заводе донно-ударных трубок. Все платежи, по закону, должны производиться владельцу завода или тому учреждению или лицу, которому контрагент передоверяет платежи. До последнего времени все уплаты производились В. И. Рыкаткину — владельцу завода.

8 мая 1917 г. отделом общих дел было получено заявление от исполнительного комитета при заводе Рыкаткина такого содержания:

«Вследствие возникших недоразумений на заводе В. И. Рыкаткина, основанных на почве стремления владельца завода тормозить исполнение вашего заказа (100 000 ударных трубок образца 1915 г.), отсутствия необходимых материалов, мы просим, впредь до разрешения возникшего недоразумения и ревизии завода комитетом по возобновлению работ, никаких денег и ассигновок владельцу завода В. И. Рыкаткину не выдавать, по выданным же ассигновкам платежи приостановить. Вместе с сим заявляем, что владелец завода Рыкаткин от управления и распоряжения работами пока устранен. Мы же, несмотря на это, приняли и принимаем все меры к тому, чтобы деятельность

завода по изготовлению трубок не прекращалась, наоборот — усилилась.

Председатель исполнительного комитета.
Члены заводского комитета» [подписи].

12 мая владелец завода В. Рыкаткин препроводил в отдел общих дел такое заявление:

«Настоящим прошу главное управление кораблестроения все причитающиеся мне платежи за изготовленные и сданные ударные головные трубки, согласно наряда отдела общих дел от 3 июня 1916 г., за № 9726, производить Обществу взаимного кредита средней и мелкой промышленности и торговли в Петрограде. Мещанин города Луги В. И. Рыкаткин».

Ввиду возникшего между владельцем завода и рабочими конфликта отдел общих дел просит министерство труда выяснить, кому же производить уплаты и кто будет отвечать по долгу, который лежит на контрагенте, морскому ведомству в сумме 150 000 рублей, выданных авансом под залог завода и заводского имущества.

Копия с настоящего отношения препровождается в министерство торговли и промышленности.

И. д. начальника отдела общих дел
капитан I ранга А. Барец.

5. Заявление заводского комитета завода В. И. Рыкаткина в главное управление кораблестроения от 11 июня 1917 г.

Исполнительный заводский комитет сим имеет честь просить вашего содействия о секвестре завода В. И. Рыкаткина в ведение главного управления кораблестроения и сохранении заказа на ударные трубки образца 1915 г. в количестве 100 000 шт., каковые могут быть исполнены на заводе втечение 6 месяцев со дня секвестра завода. Материал для коробок и головной втулки отливается на заводе. Дело о расследовании причин секвестра находится в министерстве труда.

Председатель Н. Виллевальдт.
Члены заводского комитета: Р. Спинцлер, Д. Платонов, В. Болт,
Секретарь Кузьмин.

6. Заявление заводского комитета завода В. И. Рыкаткина министру труда М. И. Скобелеву.

Сим имеем честь довести до вашего сведения, что рабочими завода В. И. Рыкаткина владелец завода В. И. Рыкаткин отстранен от ведения дел завода 4 мая с. г. и работы в заводе ведутся исполнительным комитетом завода.

Рабочими завода неоднократно возбуждались просьбы пред Исполнительным комитетом совета раб. и солд. депутатов и комитетом по возобновлению работ о назначении следственной комиссии для рас-

следования причин торможения исполнения работ, а также работы обследовала фронтовая делегация солдат, которыми был составлен протокол и которые находили необходимым производство расследования положения работ завода. За последнее время, т. е. после революции, владелец завода пытался всячески сократить количество работающих на заводе, в то же время вводя смену солдат, каковых в заводе до революции работало 9 человек, а теперь 63 человека, причем по заявлению владельца (представителю от работающих солдат) у него было намерение вытеснить рабочих солдатами. И, наконец, в ночь с 3 на 4 мая владелец из закрытых ящиков рабочих похитил инструмент, что видно из копии [заявления], написанного в комиссариат.

Дело об отстранении владельца завода Рыкаткина было направлено в отдел труда Исполнительного комитета, откуда было передано в Военно-промышленный комитет, а там была сделана надпись А. И. Гучковым о направлении дела министерству торговли и промышленности или же министерству труда.

Ввиду того, что в то время министерство труда еще не было оформившись [1]), дело было передано в министерство торговли и промышленности, которым в настоящее время производится расследование.

Председатель исполн. комитета Н. Виллевальдт.

Секретарь Спинцлер.

7. Заявление рабочих штыкового отдела завода Айваз в министерство труда [2]) от 19 мая 1917 г. [3]).

По постановлению общего собрания рабочих штыкового отдела завода Айваз, было решено выбрать 2-х человек — Д. Уварова и Артамонова — для выяснения вопросов, связанных с производством на двух заводах — Айваз и Рыкаткина. Из доклада от завода Рыкаткина представителя Кузьмина было видно следующее: заводовладелец г. Рыкаткин был устранен от дела заводоуправлением ввиду его общей неисправности, как-то: недоставки штыков в завод Айваз на основании условного договора с 15 декабря 1916 г., причем мы, рабочие завода Айваз штыкового отдела, принимая во внимание тот совершившийся факт, что после устранения г. Рыкаткина коллектив завода Рыкаткина, который фактически взял на себя обязанность этого дела, был достаточно исправен, что показала нам ведомость завода Айваз обработанных штыков от 24 апреля по 19 мая заводским коллективом завода Рыкаткина. Но суть в том, что [так как] договор о доставке штыков в завод Айваз был сделан с г. Рыкаткиным, то заводоуправление завода Айваз отказалось от доставки материала и средств для дальнейшего производства заводскому коллективу завода Рыкаткина, предлагая им обратиться к г. Рыкаткину с тем, чтобы он выдал им доверенность. Но так как он им ее не выдает, то мы, рабочие означенных заводов Рыкаткина и Айваз, особенно в этом заинтересованные, обращаемся с заявлением в министерство труда и требуем немедленно вашего распоряжения о том, чтобы фактически утвердить

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Министерство труда было образовано в начале мая 1917 г.

[3]) На подлиннике резолюция карандашом товарища министра труда Гвоздева: «Предложите Пальчинскому реквизировать завод Рыкаткина на Петровском острове. Гвоздев. 23 мая 1917 г.».

заводский коллектив Рыкаткина, выдать им уполномочие для получения материала и необходимых средств в продолжении производств от завода Айваз, в чем правление завода Айваз со своей стороны заявило, что не будет иметь никаких претензий, если коллектив завода Рыкаткина получит таковое от министерства труда или от артиллерийского управления. Причем предлагаем с своей стороны, как рабочие с завода Рыкаткина и Айваз, вызвать немедленно г. Рыкаткина и временно от него отобрать все существующие договоры по этому делу, которые передать означенному коллективу завода Рыкаткина, дабы не затормозить работу в заводе Айваз.

Президиум:

Председатель Арк. Засыпкин.
Секретарь В. Тюков.

8. Письмо министра труда М. И. Скобелева наимя товарища министра торговли и промышленности Н. И. Пальчинского от 30 мая 1917 г.

Ввиду устранения заводовладельца г. Рыкаткина и отказа заводоуправления завода Айваз от доставки материала и средств заводскому коллективу завода Рыкаткина, имею честь просить вашего распоряжения о реквизиции завода Рыкаткина как единственного способа установить нормальный ход работ на заводе, работающем на оборону.

При сем препровождаются 2 копии заявлений заводского комитета.

Министр труда Скобелев.

9. Письмо товарища министра торговли и промышленности Н. И. Пальчинского министру труда М. И. Скобелеву от 2 июня.

Милостивый государь, Матвей Иванович.

Вследствие письма вашего от 30 минувшего мая, за № 164, уведомляю вас, что мною вместе с сим поручено Петроградскому заводскому совещанию произвести обследование завода Рыкаткина.

Примите уверение в совершенном моем уважении и преданности.

Н. Пальчинский.

10. Заключение заводского совещания Петроградского района по вопросу о реквизиции завода В. И. Рыкаткина от 10 июня 1917 г.

По обсуждении в общем собрании вопроса о реквизиции завода Рыкаткина ввиду малого значения завода для обороны, особенно сократившегося в настоящее время в связи с аннулированием главным артиллерийским управлением данного заводу Айваз заказа на штыки, изготовление колец к которым производилось на заводе Рыкаткина, заводское совещание реквизицию такового признало в интересах обороны нецелесообразной.

Однако, принимая во внимание поданное непосредственно в заводское совещание ходатайство фабрично-заводского комитета о назначении комиссаром г. Храмченкова, вложившего, согласно заявлению комитета, большие суммы в предприятие и изъявившего согласие и на дальнейшее финансирование его, заводское совещание постановило

сообщить комитету, что если со стороны г. Храмченкова будет возбуждено ходатайство о реквизиции завода Рыкаткина в его пользу непосредственно перед реквизиционной комиссией при Особом совещании по обороне государства, то, по существу и не касаясь юридической стороны, с точки зрения работы для нужд обороны, к сему препятствий бы не видело.

11. Из заявления заводского комитета завода В. И. Рыкаткина в министерство труда.

Вследствие возникших недоразумений между рабочими завода В. Рыкаткина и владельцем завода и невозможности продолжать работу на заводе при прежнем владельце заводский комитет возбудил перед заводским совещанием ходатайство о секвестре завода.

Заводское совещание, обсудив наше ходатайство о секвестре завода, не нашло возможности его секвестровать, но постановило, что если со стороны г. Храмченкова будет возбуждено ходатайство о реквизиции завода Рыкаткина в его пользу непосредственно перед реквизиционной комиссией, то по существу заводское совещание, «с точки зрения работы для нужд обороны, к сему препятствий бы не видело».

Согласно этому постановлению и для ускорения установления нормального хода работ на заводе, работающем на оборону, г. Храмченков, с нашего согласия, возбудил перед реквизиционной комиссией при Особом совещании по обороне государства ходатайство о реквизиции в его пользу завода и принудительном занятии помещения, ныне занимаемого заводом.

Однако реквизиционная комиссия, несмотря на столь ясно выраженную точку зрения заводского совещания о желательности реквизиции завода Рыкаткина в пользу Храмченкова, по формальным соображениям в ходатайстве Храмченкову о реквизиции в его пользу завода отказала, порекомендовав нам обратиться в министерство труда или торговли и промышленности с ходатайством о реквизиции одним из сих министерств завода Рыкаткина в свою пользу, а затем уж передаче его г. Храмченкову.

Какими бы формальными соображениями реквизиционная комиссия ни руководствовалась, положение завода от этого нисколько не изменяется, и рабочие и производство на заводе остаются в том же печальном положении, в каком они очутились два месяца тому назад, в начале конфликта с владельцем завода.

Рабочие и служащие завода находятся в крайне тяжелом положении вследствие отказа владельца завода уплачивать заработную плату и отпускать средства на материалы, и заводскому комитету, по постановлению общего собрания рабочих, приходится под свою ответственность брать деньги у г. Храмченкова, которому завод Рыкаткина задолжал уже около 175 000 руб.

Между тем владелец завода Рыкаткин, по признанию целого ряда заинтересованных в обороне ведомств, признан недобросовестным поставщиком, и дальнейшее оставление в его руках как завода, так и заказов на оборону недопустимо.

Старший фабричный инспектор Петроградской губернии, обследовавший недавно завод Рыкаткина, признал неспособность Рыкаткина

организовать и наладить дело и исполнение заказов на оборону и необходимость так или иначе изъять из его рук завод.

В настоящее время Рыкаткин всячески старается восстановить наименее сознательных товарищей рабочих на заводский комитет, полагая таким путем изгнать нас всех из завода.

Деятельность Рыкаткина все время характеризуется провокационными выходками.

Вследствие всего изложенного приходится признать, как это признал и министр труда в своем письме на имя товарища министра Н. И. Пальчинского от 30/V с. г., что единственным способом установить нормальный ход работ на заводе Рыкаткина является реквизиция завода.

Завод представляет готовую промышленную ячейку, разрушение коей крайне нежелательно как с точки зрения обороны, так и [с точки зрения] интересов рабочего персонала и служащих, достигающего при нормальной работе до 200 человек.

Принимая во внимание неоднократно высказанное целым рядом учреждений положение о необходимости изъятия завода из рук Рыкаткина и в целях скорейшего разрешения создавшегося положения на заводе Рыкаткина, мы просим министерство труда реквизировать оборудование завода Рыкаткина в свою пользу и принудительно занять помещение на три года, а засим уже передать означенный завод В. А. Храмченкову, который и ранее финансировал завод и продолжает и теперь. Такой выход окончательно положит предел всем нашим мытарствам и предоставит нам возможность спокойно и добросовестно работать на пользу обороны.

Такой выход еще желателен и потому, что он допустим и с формальной стороны, как указала реквизиционная комиссия.

Если же однако министерство труда не имеет полномочий реквизировать предприятия для себя, то мы ходатайствуем перед министерством о возбуждении им ходатайства о реквизиции завода и занятии принудительно помещения с дальнейшей передачей завода Храмченкову перед министерством торговли и промышленности.

Члены заводского комитета: Г. Кузьмин. М. Крастынь. В. Болт. К. Жуков.

12. Заявление заводского комитета завода В. И. Рыкаткина в районный совет рабочих и солдатских депутатов Петроградской стороны, в центр. правление союза «Металлист» и центр. совет фабрично-заводских комитетов.

Исполнительный заводский комитет при заводе Рыкаткина доводит до сведения товарищей, что рабочими владелец завода, после неоднократных обращений в отдел труда при исполнительном комитете Совета раб. и солд. депутатов о расследовании дел в связи с конфликтами, возникавшими на заводе, 4 мая, после провокационной выходки по отношению к рабочим, был арестован при заводе до производства обыска в заводе в связи с обнаруженным воровством в ночь с 3 мая на 4 мая с. г. После же того, как управляющим завода было заявлено, что весь пропавший инструмент взят ночью

владельцем и находится у него, что управляющим письменно подтверждено, то владелец из-под ареста был освобожден, причем ему было предложено в нерабочее время в завод не ходить, в рабочее же время в завод ходить можно, но не распоряжаться работами, т. е. не касаться технической части завода. Но владелец в завод ходить вовсе не стал и отказался платить рабочим за работу. Работа в заводе продолжается по сие время под управлением заводского исполнительного комитета и отправляется на завод Айваз, так как заказ завода Айваз — ковка штыков, и с 29 апреля по сие время отправлено 30 000 штыков. Леньги же, по просьбе комитета, Айваз владельцу не платит, а также не платит и комитету, так что рабочие не получали получки за работу с 27 апреля по сие время. Исполнительным заводским комитетом взято от постороннего лица заимообразно 31 000 руб. для выдачи рабочим аванса в счет получек 13 мая и 27 мая. В счет настоящей получки, которая должна быть 10 июля, денег нет, и занять негде.

По настоящему делу 6 мая обратились в отдел труда исполн. комитета, откуда были направлены в Центральный военно-промышленный комитет, откуда Гучковым были направлены в министерство торговли и промышленности, которое при посредстве фабричного инспектора произвело расследование дел завода и дало свой вывод о том, что владелец продолжать ведения дел завода не может и завод следует секвестровать, но при этом взять завод в ведение министерства торговли и промышленности отказалось, ссылаясь на то, что завод в интересах промышленности не представляет ценности, предлагая его взять главному артиллерийскому управлению как имеющему заказ на заводе при посредстве завода Айваз. Главное артиллерийское управление взять завод отказалось на основании того, что заказ на штыки оно аннулирует, и препроводило дело в министерство труда. На неоднократное обращение к товарищу министра труда Гвоздеву он согласился принципиально о секвестре завода в ведение министерства труда с передачей на осн. ст. 4 полож. о секв. в аренду лицу, указанному рабочими, и высказал предположение, что коллеги по министерству с ним не согласятся и завод взять в ведение министерства откажутся, причем он переговорил о взятии завода в ведение с начальниками главного интендантского и главного военно-технического управления, откуда у нас также есть заказы, но всюду получается отказ.

8 июня Гвоздев сообщил по телефону, что коллеги его, во главе со Скобелевым, взять завод в ведение министерства труда отказались, и предложил уже обратиться не к нему, а к Скобелеву. При записи на прием у секретаря Скобелева секретарь сообщил, что по нашему делу Скобелевым решено окончательно и что Скобелев раньше вторника 15 июня принять не может. На настойчивое требование принять секретарь ходил к Скобелеву и после ухода Скобелева заявил, что Скобелев поручил принять Гвоздеву, который принял нас в количестве 10 человек около 8 часов вечера. Таким образом, просидев в министерском коридоре 6 часов, были приняты товарищем министра, который заявил, что коллеги взять завод в ведение министерства труда отказались.

Тогда один из товарищей рабочих заявил: «Вы этим самым играете

на-руку буржуазии». Тогда Гвоздев говорит: «Если мы играем на-руку буржуазии, то зачем вы к нам ходите?». Другой товарищ говорил: «Мы к вам идем как к прежнему товарищу». На что товарищ Гвоздев заявил: «Если я «прежний» товарищ, то я с вами больше говорить не стану», и сделал движение подняться и говорит: «Поступили необдуманно, заварили кашу, а вините других, что не могут ничего сделать». На это товарищ Виллевальдт сказал: «Мы не поступили необдуманно, а наоборот, очень много об этом думали. Если вы знакомились с содержанием бумаг, то вам известно, что с марта месяца мы неоднократно просили отдел труда произвести следствие о заводе. Не наша вина, что никто этого не сделал». Товарищ Гвоздев говорит, что «только и делов у нас, чтобы разбираться в заводских делах». Товарищ Виллевальдт отвечает, что «вот результаты того, что не хотели разобраться в деле, когда просили. Но знайте, что наш проигрыш сильно отразится на мелких предприятиях, где положение и без того хуже, чем у нас на заводе. Безусловно, что владелец, состоя членом союза мелких и средних предприятий, поделится со своими сотоварищами о его победе, и, конечно, они категорически станут отвергать все попытки рабочих улучшить свое положение, что и заставит рабочих обратиться к вам».

На это товарищ Гвоздев заявил: «Ничего. Вы попытали и узнали, легко ли это дается и чего можно добиться. Другие, это узнавши, подумают, можно ли это делать...». Тогда товарищ Виллевальдт предложил товарищу Гвоздеву подписать отношение рабочих к заводу Айваз: за сданные и сдаваемые штыки уплатить деньги для расплаты с рабочими за время с 27 апреля. На это Гвоздев ответил, что он этого сделать не может, не посоветовавшись со своими коллегами. На это последовало несколько возражений товарищей, которые говорили: «Ваша нерешительность и губит все дело. Раз взялись, так надо действовать решительно».

Товарищ Виллевальдт заявил, что «владелец все-таки должен будет понести наказание судом за его деяние, так как мы дело передаем в суд». На это товарищ Гвоздев говорит: «Ну, знаете, как это говорится по-божески: с сильным не борись, а с богатым не судись». На что товарищ Виллевальдт говорит: «Позвольте, это при старом порядке так было, а теперь этого не должно быть. И предприниматели так поняли это, поэтому они стали теперь искать возможности создать такое положение, чтобы вызвать рабочих на конфликты, чего и добился предприниматель и, видя теперь ваше бессилие, безусловно торжествует».

На сделанный товарищами ряд замечаний по этому поводу товарищ Гвоздев вскочил со стула и заявил: «Я с вами и говорить больше не буду». После чего рабочие не нашли нужным дальше оставаться в министерстве и ушли.

Председатель исполн. комитета Н. Виллевальдт.

Члены зав. комитета: В. Болт. М. Крастынь. Д. Платонов. Я. Озолин. Р. Спинцлер.

Секретарь Г. Кузьмин.

13. Обращение служащих завода В. И. Рыкаткина в совет старост служащих фабрично-заводских предприятий.

Товарищи!

Доводим до сведения вашего постановку дел на нашем заводе.

Владелец наш как известный по своей непопулярности до революции стоял на очень худой дороге, т. е. человек тот, про которого каждый знающий его скажет, что он способен творить все, не останавливаясь даже перед преступлением.

Дела велись по обороне так небрежно, что это должно считаться чуть ли не изменой перед страной. Например, все заказы брались с целью только получить авансы, а как таковые только получались, так и исполнение заказа прекращалось.

Отношение к служащим.

Служащих менял, как ему только нравилось, и даже похвалялся, что «менял и буду менять, как перчатки».

После переворота.

Рабочие в лице заводского комитета с марта месяца начали ходатайствовать о назначении следственной комиссии и, конечно, не дождались. А владелец в это время принимал разные меры, чтобы как-нибудь осложнить положение дел на заводе, прибегая вплоть до провокации (натравлял солдат, работающих в заводе, на рабочих). И, наконец, в ночь с 3 на 4 мая в мастерской, в которой никогда не было ночной смены, нанял 5 человек солдат и в присутствии их был всю ночь сам и все ящики с инструментами, также кладовую мастера, вскрыл и весь ценный инструмент обобрал. А утром 4 мая, когда пришли рабочие на работу и стали осматривать, то оказалось, что инструменты обокрадены, а замки на местах. А когда обратились к нему, то он бросил обвинение на рабочих, после чего рабочие были возмущены его проделкой и арестовали его до выяснения, в чем по соглашению с ним его доверенный Авдонков выдал комитету расписку, что весь инструмент взят Рыкаткиным и находится у него. И Рыкаткин тогда был освобожден.

После этого конфликта заводский исполнительн. комитет постановил, чтобы Рыкаткин в нерабочее время не ходил на завод. Тогда заводский исполнит. комитет начал ходатайствовать о секвестре завода и передаче его бывшему директору завода. Согласно всех этих ходатайств были разные комиссии, а результат и по настоящее время в воздухе. Наконец, 8 июня делегация в лице 10 человек посетила товарища министра труда Гвоздева. И вот, товарищи, результат таков, что все свелось к тому, что Гвоздев сказал, что «с сильным не борись, а с богатым не судись».

И вот согласно всего вышеизложенного мы, служащие завода, очутились около разбитого корыта.

Владелец завода Рыкаткин с 4 мая в завод ходить не стал и нам ничего не заявил, что и как нам быть. Жалованье за май не получено, и на предъявленные требования от 1 мая ответы не получены.

Товарищи, ввиду вышеизложенного мы просим вас обратить на это внимание и помочь нам выбраться из этой ямы.

Делегат Кузьмин.

14. Отношение товарища министра труда К. А. Гвоздева председателю центр. примирительной камеры В. А. Плансону от 30 июня 1917 г.

Препровождая при сем заявление исполнительного заводского комитета завода В. И. Рыкаткина, адресованное центральной примирительной камере, честь имею просить вас назначить это дело к разбирательству в возможно ближайший срок ввиду чрезвычайно тяжелого материального положения рабочих названного завода. Владелец завода был устранен рабочими от управления заводом 4 мая сего года, причем работы на заводе продолжались за ответственностью заводского комитета. Ныне рабочие пришли с владельцем к соглашению по вопросу о возвращении его на завод, причем остался несогласованным вопрос об уплате владельцем заработной платы рабочим за время, втечение которого он был устранен от управления.

Ввиду того, что этот вопрос не удалось урегулировать примирительным разбирательством при министерстве, я предложил сторонам направить дело в центральную примирительную камеру.

Примите уверение в совершенном уважении.

Гвоздев.

15. Заявление заводского комитета завода В. И. Рыкаткина на имя министра труда М. И. Скобелева от 1 июля 1917 г.

Заводский комитет при заводе В. И. Рыкаткина сим просит вас, ввиду заявления В. И. Рыкаткина членам заводского комитета 30 июня о непризнании примирительной камеры, поданное ходатайство Храмченковым о реквизиции завода Рыкаткина в его пользу не разрешать до разбора дела центральной примирительной камерой, куда дело, по просьбе рабочих завода и с согласия, данного Рыкаткиным товарищу министра труда К. А. Гвоздеву, передано.

Просьба наша — не предрешать вопроса о реквизиции завода — сводится к тому, что если Рыкаткин откажется подчиниться постановлению центральной примирительной камеры, то он покажет действительную свою личность. Кроме того Рыкаткин уже сейчас принимает все меры к тому, чтобы сорвать борьбу, которая ведется между ним и рабочими, а не как он рисует, что будто борьба идет двух капиталистов. Борьба началась между ним, Рыкаткиным, и рабочими с первых дней по возобновлении работ после революции. Исполн. заводский комитет только после отказа Рыкаткина с 27 апреля по 9 мая выдать получку 13 мая обратился с просьбой об одолжении требуемой суммы к В. А. Храмченкову как лицу, стоявшему близко к делам завода.

Члены заводского комитета: Н. Виллевальдт. М. Крастынь. Я. Озолин. В. Болт.

16. Заявление Е. Рыкаткиной в заводский комитет завода В. И. Рыкаткина от 19 июля 1917 г.

[В] так называемый заводский комитет.

В качестве доверенной владельца завода В. И. Рыкаткина объявляю всем служащим и рабочим, что В. И. Рыкаткин отвергает предложение разобраться в примирительной камере, так как никакого «конфликта» между сторонами не вышло, а вышло насилие одной стороны над другой.

В связи с этим предлагаю, согласно требованию начальника милиции, безотлагательно приступить к сдаче завода и материалов по описи мне, а всех рабочих прошу немедленно оставить завод, так как В. И. Рыкаткин не может работать с лицами, допустившими над ним насилие, и содействующими этому насилию служащими и рабочими.

Лица, имеющие к нему денежные претензии, которых он за собой не признает, могут обратиться в суд.

В качестве доверенной Е. Рыкаткина.

17. Отношение комиссариата городской милиции Петроградской стороны в исполнительный заводский комитет завода В. И. Рыкаткина от 20 июля 1917 г.

Исполняя приказ г. начальника милиции от 19 сего июля за № 36/с, предлагаю исполнительному комитету завода Рыкаткина сдать ключи от заводских помещений Екатерине Ивановне Рыкаткиной, имеющей полную доверенность от владельца завода гражданина Рыкаткина. Предлагаю исполнительному комитету и рабочим завода покинуть захваченный ими завод.

Исполняющий об. комиссара Д. Кропотов.

18. Из отношения министерства труда в заводское совещание Петроградского района от 20 июля 1917 г.

В конце июня сего года фабрично-заводский комитет пришел с г. Рыкаткиным к соглашению по вопросу о его возвращении на завод, но вопрос об уплате заработной платы рабочим за время, втечение которого он был устранен от управления, остался несогласованным. Министерство труда предложило сторонам направить дело в центральную примирительную камеру и 30 июня сего года обратилось к его председателю с письмом, копию которого прилагаем.

Г. Рыкаткин на разбирательство, назначенное на 17 июля, в центральную примирительную камеру не явился, а его сестра Е. Рыкаткина сегодня, 19 [1]) июля, прислала в фабрично-заводский комитет заявление (копию прилагаем), в котором от имени г. Рыкаткина категорически отказывается от разбора дела в примирительной камере.

Принимая во внимание тяжелое материальное положение рабочих и их вполне лойяльное поведение за все время конфликта, с одной стороны, и упорное нежелание г. В. Рыкаткина вступить через центральную примирительную камеру в переговоры с рабочими, с другой, — министерство труда имеет честь просить вашего распоряжения о реквизиции завода как единственного способа установить нормальный ход работ на заводе, работающем на оборону.

Товарищ министра труда Гвоздев.

---

[1]) Так в подлиннике.

19. Сообщение представителя заводского комитета завода В. И. Рыкаткина о приостановке выселения рабочих от 22 июля 1917 г.

Представитель заводского комитета т. Кузьмин сообщает, что с 20 июля с. г. по предписанию начальника милиции рабочих выселяют с завода, так как предприниматель заявил, что завод захвачен анархическим путем, что неверно. Предприниматель не признает центральной примирительной камеры. Дело передано в реквизиционную комиссию заводского совещания, и выселение отложено до решения зав. совещания. Передать товарищам, находящимся в зав. совещании, о реквизиции завода. Кроме того, есть заказ на клейма для шпал в количестве 850 000 шт., что хватит на 3 месяца. Материал дает заказчик — железнодорожное ведомство.

[Подпись.]

Допрос Е. Пугачева в Москве в 1774—1775 гг.

Емельян Иванович Пугачев был родом донской казак Зимовейской станицы. Семнадцати лет он пошел в первый раз в поход. Он участвовал в Семилетней войне, был ординарцем походного атамана. В первые годы царствования Екатерины II был послан в казачьем отряде в Польшу ловить беглых. В первой войне с Турцией был при осаде Бендер в чине хорунжего. Пугачев участвовал во многих сражениях. По болезни он был послан на Дон, в 1771 г. стал хлопотать об отставке. На Дону долго Пугачев не высидел и задумал бежать на Кубань или Терек, где жилось привольней. На Терек Пугачев и его родные стремились от притеснения и насилий царских чиновников и помещиков. Он был зачислен в Терское казачье войско и стал подговаривать казаков выбрать его в атаманы. Казаки трех станиц согласились на это, но в 1772 г. в Моздоке он был арестован за набег с Дона. Пугачеву удалось бежать из-под ареста, и он вернулся домой. Здесь его снова арестовали за набег, но с помощью взятки он избавился от заключения и бежал к раскольникам.

Уже эти факты рисуют Пугачева как человека бывалого, лично храброго, видавшего виды и упорно ищущего выхода из-под крепостного ярма. После неудачной попытки выбраться на Терек Пугачев пробует связаться с раскольниками и через них найти выход к свободной, лучшей жизни. Пугачев узнал в Стародубе в старообрядческом монастыре, что русским, добровольно вышедшим из Польши в Россию, дают паспорта и свободный проход, куда кто пожелает. Пугачев явился в пограничный пост Добрянку и назвал себя польским выходцем, до получения паспорта он должен был пройти карантинный пункт. В карантине Пугачев знакомится с беглым гвардейским гренадером Семеновым, они вместе ходили на поденную работу к купцу Кожевникову, и Семенов предложил Пугачеву назваться Петром III. Пугачев на допросе показывал, что, когда обедали они после работы у Кожевникова, Семенов, смотря ему в глаза пристально и не говоря ничего, «вдруг сказал Кожевникову: этот человек точно как Петр III, а на то слово он, Емельян, сказал: «Врешь, дурак...». И оный Семенов говорил: слушай, Емельян, я тебе не шутя говорю, что ты точно как Петр III». Пугачев им доказывал, что он донской беглый казак, бежал от притеснений и произвола, на что Кожевников посоветовал Пугачеву: «Возьми на себя это имя, а тебя де там (на Яике) примут», и при этом Кожевников прибавил: «И как тебя тамо примут, то ты отпиши ко мне, я тебе хотя тридцать тысяч рублей тотчас пришлю, у меня столько своих денег сыщется. А буд де этих мало будет, то у протчих приятелей достать можно сколько потребуешь». Это окончательно убедило Пугачева принять решение итти на Яик, поднимать казаков и звать их на Кубань. Кожевников снабдил Пугачева письмами и адресами к своим друзьям и игумену Филарету. Пугачев и Семенов заявили добрянскому коменданту о своем желании поселиться на Урале, получили документы и двинулись в путь, останавливаясь по адресам, данным им Кожевниковым, были в Кабаньей слободе, были в Луганске.

На остановках они рассказывали о своем предприятии, им сочувствовали, обещали присоединиться и поддержать и давали на это дело деньги. Пугачев эти деньги не тратил, он собрал по дороге несколько сот рублей. Приехав в Мечетную слободу, в староверческий монастырь, Пугачев явился к игумену Филарету, передал ему поклоны от Кожевникова и рассказал о цели своего приезда. Игумен одобрил все его планы и принял горячее участие в судьбе Пугачева. Выслушав его, он, как рассказывал Пугачев на допросе, сказал: «Нет, ты на покойного государя не похож. Я его знал. Однако ж это хорошо. Яицкие казаки этому проверят, потому что ныне им худо жить...». Филарет устроил Пугачева, и последний начал агитировать среди казаков, но был схвачен и в оковах отослан в Казань в тюрьму. Из тюрьмы ему удалось завязать связи с казанским купцом, единомышленником Филарета. Купец добился облегчения положения Пугачева, его расковали и стали пускать в город на работу. Из казанской тюрьмы Пугачев бежал и снова принялся за агитацию. Уговаривая казака Ильяного привлечь на его сторону казаков, Пугачев обещал каждому дать на подъем по двенадцати рублей. У меня, сказал Пугачев, «на границе тысяч тридцать и более есть да сверх того там у меня и товар лежит, а коли и этого мало покажется, то мы сыщем хоть до ста тысяч...».

Вокруг Пугачева очень рано появилась та группа казаков, которая потом прошла с ним весь его путь. Одними из первых стали поддерживать Пугачева Чика-Зарубин и Почиталин.

После побега из казанской тюрьмы Пугачев, скрываясь, ведет агитацию и собирает сторонников. Казаки обещают поддержку и помощь. Пугачев начинает готовиться к выступлению, готовит знамена. Казаки его одели, дали ему шапку, бешмет да кафтан и шелковый кушак. Почиталина он назначает своим секретарем. Он связывается с кочующими казаками, которые присылают к нему двух своих представителей.

Пугачев обладал большим талантом организатора и был крупным вождем, не теряющим головы в минуты опасности. На хутор, где скрывался Пугачев, наехали посланные правительством команды. Пугачев первый дал приказ: «Казаки, на кони!»; в степени он первым оправился и спросил Зарубина и Почиталина: «Куда же это мы едем?». И на то (они) сказали: «Ехать больше некуда как поедем на хутор к Толкачевым». Эту поездку можно считать началом открытого восстания. Подъезжая к хутору, в степи Пугачев велел Почиталину написать «хорошенько». Казаки остановились, и Почиталин написал первый манифест. На хуторе Толкачева Пугачева приняли. К нему явились башкиры, и был написан второй манифест к башкирам.

Во время хода самого восстания Пугачев не раз появлялся в самых опасных местах, неоднократно лично участвовал в рукопашных боях и всегда сам руководил боем. Он сорганизовал вокруг себя военную коллегию, в работах которой участвовал и сам. Он выступал с речами перед восставшими крестьянами, сам судил захваченных в плен офицеров-помещиков.

Пугачев прекрасно понимал, где надо было искать силы, на которые можно было опереться в борьбе против Екатерины II и дворян. Он понимал значение национально-освободительной борьбы для развертывания крестьянской войны и с первых своих шагов привлекал к себе угнетенные национальности Приуралья и Поволжья, а под конец своей борьбы попытался поднять Украину и здесь найти новые силы.

★

1 октября 1774 года скованный Пугачев вместе с семьей под конвоем двух рот пехоты, при двух орудиях и двух сотнях казаков под командой Суворова был привезен из Яицка (Уральска) в Симбирск.

Сюда приехал гр. Панин, который приказал вывести скованного Пугачева на площадь и публично избил его. В Симбирске Пугачева допрашивал П. Потемкин. По приказу Панина в Симбирске с Пугачева был нарисован портрет, который потом был сожжен публично в Казани. Пугачева держали под усиленным караулом в оковах прикованным на цепь к стене.

В Симбирске Пугачев пробыл до 25 октября. 4 ноября 1774 года он был привезен в Москву. Для заключения Пугачева был приготовлен особый дом в Охотном ряду, здесь в оковах прикованного цепью к стене его держали до казни. Огромные толпы народа ждали привоза Пугачева и толпились вокруг дома. «Народу в каретах и дам столько было у Воскресенских ворот, — доносил кн. Потемкин Екатерине II, — что проехать с нуждою было можно, только что глядят на палаты. Я думаю, что они ожидали, не подойдет ли злодей к окошку».

В Москве велось следствие и суд над Пугачевым. Для допросов Пугачева в Москву из Петербурга приехал сам начальник тайной канцелярии обер-секретарь Шешковский. Для определения судьбы Пугачева был создан особый чрезвычайный суд. Судить Пугачева было поручено верхушке дворян-помещиков, державших в своих руках основные нити государственного аппарата. Судебная коллегия была составлена из соединенного присутствия сената, синода, президентов всех коллегий и особ первых трех классов. Руководил всем ходом дела генерал-прокурор кн. Вяземский. Екатерина приказала обращаться с Пугачевым бережно при допросах, опасаясь, чтобы он не умер до суда и до казни. Кн. Вяземский писал Московской следственной комиссии: «Было бы весьма неприятно ее величеству, если бы кто из важных преступников, а паче злодей Пугачев, от какого изнурения умер и избегнул тем заслуженного по злым своим делам наказания».

Первое заседание суда над Пугачевым и его ближайшими товарищами началось в Кремлевском дворце 30 дек. 1774 г. в 9 ч. утра. В суде участвовало 29 человек крупнейших помещиков, сенаторов, генералов, епископов. На заседание 31 декабря был привезен Пугачев. Судьи, опасаясь обратить внимание столичных низов на судьбы Пугачева, потребовав «представить пред собрание Пугачева, приказали», чтобы не произвести в народе излишних разговоров, привезти его в Кремль в особую комнату, близкую от присутствия, до рассвета, где и пробыть ему весь день, и отвезти обратно вечером. Пугачев был настолько замучен и физически и душевно допросами, что кн. Вяземский и П. Потемкин опасались, что вызов его на судебное заседание может окончательно его убить. Кн. Вяземский доносил Екатерине: «По совету П. С. Потемкин выходил из собрания, чтобы осмотреть злодея, в каком он состоянии, и приказал привести в ближайшую комнату и там обождать, чтобы по его робкому характеру впущением вдруг в собрание не сделалось ему припадка». Когда Пугачева ввели на заседание суда, его заставили стать на колени, и князь Вяземский предложил ему сначала пять вопросов, «признает ли он себя казаком Емельяном Пугачевым? Он ли Зимовейской станицы беглый донской казак Емельян Иванов сын Пугачев?» Пугачев признался, что он донской казак и подтвердил сказанное на допросе. После этого кн. Вяземский спросил: «Имеешь ли чистосердечное раскаяние во всех содеянных тобою преступлениях»? — «Каюсь богу, всемилостивейшей государыне и всему роду христианскому», — вынужден был ответить измученный Пугачев, после чего его увели и суд занялся подысканием подходящих статей закона для предания его казни. Суд приговорил Пугачева и Перфильева четвертовать и потом тела сжечь, остальных участников казнить смертной казнью через повешение, а Чике-Зарубину отрубить голову.

10 января в Москве на Болоте при огромном стечении народа состоялась казнь. Посредине выстроенных в четыреугольник войск был сделан высокий в четыре аршина эшафот. В санях с высоким помостом были привезены на казнь Пугачев и Перфильев. Пугачев держал в руках две свечи и кланялся по дороге

собравшемуся народу. К эшафоту внутрь войскового каре, где совершалась казнь, пропускали только крупных сановников-дворян, за частоколом штыков стоял народ. Пугачеву был прочитан приговор. Пугачев стоял молча и крестился. Когда чтение приговора был окончено, Пугачев сделал несколько земных поклонов и стал прощаться с народом.

«Простой народ православный, отпусти мне, в чем я согрубил перед тобою...», — сказал он. По знаку экзекутора палачи бросились на Пугачева, порвали на нем одежду, повалили на помост и отрубили голову. После этого мертвое тело было четвертовано и отрубленные части были разнесены по четырем частям Москвы. 12 янв. 1775 г. колеса вместе с телом и эшафот были сожжены. Современники из дворян, присутствовавшие при казни, отмечают разницу в настроении и в отношении к событиям собравшихся вокруг эшафота помещиков и стоявшей за стеной солдат народной толпы. «Были многие в народе, — пишет в своих записках Болотов, — которые думали, что не воспоследует ли милостивого указа и ему прощения, и бездельники того желали, а все добрые того опасались».

«Дворян и господ пропускали всех без остановки, и как их набралось тут превеликое множество, то, судя по тому, что Пугачев наиболее против их восставал, то и можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем», — пишет присутствовавший при казни Пугачева Болотов (т. III, стр. 488).

Пугачева неоднократно допрашивали в Москве и вызывали на очные ставки. Допросы его сохранились. Он указал, кто он и откуда, рассказал свою полную приключений и борьбы жизнь. На допросах он не скрывал своей роли в восстании, он рассказывал много фактов. По допросам нельзя установить, насколько ясно политически он понимал и оценивал события. Но одно он понимал точно, что был он в плену у лютых своих врагов. Допрос участников восстания велся с применением пыток. К каким приемам прибегала следственная комиссия, показывает описание допроса Чики-Зарубина. П. Потемкин писал Екатерине II: «Я никогда не мог вообразить толь злого сотворения быть в природе. Через три дня, находясь в покаянной, нарочно мною сделанной, где в страшной темноте ничего не видать, кроме единого образа, перед которым горящая находится лампада, увещал я его всеми образами убеждения и совести, но ничего истинного получить не мог».

Допросы Пугачева, особенно его допрос в Москве, почти не были использованы историками. Их не изучали. А между тем для характеристики личности Пугачева и для понимания крестьянской борьбы, с которой так тесно и неразрывно связана роль Пугачева, это один из перворазрядных источников. Три больших допроса Пугачева дают очень много материала историку. Их сравнительное изучение не только приоткрывает картину, как держал себя скованный Пугачев на допросах, но и дает много данных для разрешения вопроса о степени достоверности тех показаний, которые вырвали у него помещики. Пугачев в тенетах следственной комиссии боролся долго и упорно; достаточно откровенный о своей биографии, он неохотно и под большим нажимом говорит о своих сторонниках, об их роли и часто берет свои показания назад. Сами тюремщики отметили эту его стойкость — до конца Пугачева им сломить не удалось.

Допросы Пугачева представляют запись, сделанную следователями во время допроса. Они написаны поэтому в третьем лице. Все существенное из сказанного им конечно внесено в текст. Пугачев менял свои показания, постоянно добавлял, иногда отказывался от уже сказанного. Как источник они, несомненно, заслуживают большого внимания, и нельзя сомневаться в их достоверности. Допросы Пугачева дают ряд новых материалов и обращают внимание на вопросы, до сих пор мало интересовавшие историков. Они дают новые сведения для

разрешения вопроса о стихийности и организации крестьянской войны. Они показывают характер организаторов, их политический уровень, оценку ими своей собственной роли. Допрос Пугачева подчеркивает необходимость пристальней заняться изучением отношения к крестьянской войне тех слоев купечества, которые вышли из крестьянства, изучением роли солдат в армии Пугачева и особенно изучением роли национальностей — башкир, казаков — в крестьянской войне.

С. Пионтковский.

Допрос Е. И. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 г. *).

1774 года ноября 4 дня присланной из Синбирска от генерала-аншефа графа Панина пойманной государственной злодей и бунтовщик Емелька Пугачов, за караулом лейб-гвардии Преображенского полку капитана Галахова, в Москву в Тайную експедицию привезен пополудни в 9-м часу, и того ж числа в присутствии генерала-аншефа сенатора лейб-гвардии конного полку подполковника, ея императорского величества генерала-адъютанта, разных орденов кавалера князь Михайлы Никитича Волконского в Тайной експедиции обер-секретарем Шешковским о учиненных оным злодеем Пугачевым злодействах и о чом надлежало роспрашиван.

А в допросе сказал: отец его Иван Михайлов сын Пугачев был Донского войска Зимовейской станицы казак, от коего он слыхал, что ево отец, а ему, Емельке, дед Михайла, — а чей сын не знает и не помнит, — был Донского ж войска Зимовейской же станицы казак, и прозвище было ему Пугач. Мать ево, Емелькина, была Донского ж войска казака Михайлы дочь, но чей он сын не знает, и звали ее Анна Михайлова. И оные отец его и мать померли, а имянно — отец помер лет с пятнадцать, — а подлинно не помнит, — а мать его умерла тому ныне третей год, а имянно после побегу его, Емельки, из дому.

Он, Емелька, родился, как слышал он от помянутой матери своей Анны Михайловой — тому было тогда тритцать лет, а ныне щитает он от роду себе тритцать третей год. Родился ж он в помянутой Зимовейской станице в доме показанного деда своего Михайлы, где он и вырос. Брат ему родной одного отца и матери Дементей Ивановему большой, оной же станицы казак, но жил с ним в разделе, в своем доме, и женат на казачей же дочери Кабылянской станицы казака Никифора Хомутихина, зовут ее Настасья Никифорова. У оного брата ево два сына: один — Никита, а другого как зовут, не знает, и две дочери, а как зовут, не помнит, — только обе малолетние.

Слыхал он, Емелька, от отца своего и матери, что он крещен в показанной Зимовейской станице в церкве Казанския богородицы священником Тимофеем Авдеевым, которой был ему и отец крестной, а мать крестная была казачья дочь по отечеству Игнатьева, а прозванием Ермолова, но как ей имя, не помнит. С самого ево малолетства в церковь божию он, Емелька, ходил и отца духовного имел и святых тайн ежегодно причащался, и отца духовного имел он показанной церкви Казанския богородицы священника Федора Тиханова, которой и ныне жив.

Жил он, Емелька, в помянутом доме отца своего безотлучно до семнатцати лет, где кормился он, пахав сам свой казацкой участок земли,

*) Текст публикуемого допроса подготовлен к печати А. А. Сергеевым и М. В. Жижкой.

а в самом бывши малолетстве боронил за отцом своим землю. Как же ему минуло от роду семнатцать лет, то он еще при отце своем и при матере женился [на дочери] Есауловской станицы казака Дмитрия, а чей сын, не знает, но по прозванию Недюжев; отечества ж тестя своего не знает он, Емелька, потому, что теща ево, а жены его мать, Аксинья Кононова, вышла, когда уже он женился, за другова мужа, казака ж, Королева. Жену ево, Емелькину, зовут Софьею Дмитриевою, венчан он с оною своею женою по церковному чиноположению в Есауловской станице в церкве Михаила архангела священником, а как зовут, не помнит, — оная ж станица, в коей он женился, от Зимовейской станицы в десяти верстах.

По женитьбе ж, пожив он с оною своею женою одну неделю, выслан он с протчими казаками в каманде казацкого полковника Ильи Денисова, есаула Романа Пименова, в пятисотной каманде, в Пруссию чрез Киев, и по приходе сперва в Тарун, а потом в Познань главной же над сею камандою камандир был граф Захар Григорьевич Чернышов, где и бывал он, Емелька, под предводительством помянутого полковника Денисова с протчими своею братьею, рядовыми ж, как и он, Емелька, казаками, против неприятеля на Шермицах. Но однако ж ничем не ранен. По кончине ж покойныя государыни, когда мир у России заключен с Пруссиею [2]), то оная пятисотная команда и другие полки под командою ж графа Чернышева по указу покойного государя Петра Федоровича отданы оне все были прусскому королю, где оне и были месяца с полтора, ибо они поход свой продолжали до Пруссии, кажетца, около четырех месяцев, а потом, как перевели их команду за Одер, то получили указ, что ея императорское величество изволила принять престол российской, и велено уже короля прусскаго почитать попрежнему неприятелем [3]), и потом вся их пятисотная команда в походной церкве приведена в верной ея императорского величества службе к присяге, где и он, Емелька, с протчими своею братьею казаками полковником Денисовым был привожен, и целовал крест и святое евангелие, и потом вскоре после сей присяги та их пятисотная команда отпущена домой на Дон. По приходе ж домой получен в войско указ, что его императорское величество государь Петр Федорович скончался [4]), о чем и во всех станицах были указы ж, которой и ему, Емельке, ото всех живущих казаков на Дону сказывано было, ибо он, Емелька, грамоте ни на каком языке ни читать, ни писать не умеет и никогда не учился, потому что как он, Емелька, так и отец его, как выше он показал, были простые казаки.

По приходе ис Пруссии жил он в доме своем года с полтора, в кое время жена его родила сына Трофима, которой и крещен в церкве Казанския богородицы священником, помянутым отцом его духовным, Тихановым, а восприемником был живущей в их станице в работниках малороссиянец Алексей, а чей сын и прозвания и откуда он в их Зимовейскую станицу пришол, не знает. Из своей же братии казаков в кумовья не позвал для того, что в то время была пора рабочая, и все были в поле. Выжив же в доме своем полтара года, был камандирован он в каманде есаула Елисея Яковлева в Польшу для выгнания бывших тамо беглых раскольников [5]), коих оной есаул и привел в Черниг**ов, но, сколько было числом тех раскольников, он не знает, а ис Чернигова отпущен оной есаул с командою, так, как и он, в домы на Дон, где и был он года с три или четыре, а подлинно не упомнит, откуда

посылыван бывал в разныя партии, но не более бывал в тех партиях где месяц, где два и потом возвращался паки в дом свой [6]).

А потом как объявлена была с турками война [7]), то командирован он, Емелька, в каманде полковника Ефима Кутейникова, атамана Тимофея Грекова, с другими его братьею казаками в Бахмут, где и зимовали, а по наступлении весны пошла сия каманда под Бендеры, где были с турками и сшибки, но как Бендер взять было неким, что мало людей, то и отошла сия каманда прочь. По прошествии того лета оной полковник Кутейников с оною камандою зимовали на реке Донце в двух селах — Веревкине и Протопоповке, а по прошествии зимы весною пошел полковник Кутейников с своею камандою под Бендеры в каманду графа Панина, а ис под Бендер, по взятии оных, в Елисаветград пришла сия казачья каманда на зимовыя квартиры, и стояла оная каманда в селе Голой Каменке [8]), где он, Емелька, был весьма болен, и гнили у него грудь и ноги. Перед сырною ж неделею прислан был из армии к полковнику Кутейникову ордер, чтоб из оной каманды для исправления казакам лошадьми отпустить при старшине сто человек, по которому ордеру в числе ста человек и он, Емелька, отпущен за показанною болезнию, и был харунжим, а в оной чин выбран он, Емелька, был помянутым полковником Кутейниковым.

По наступлении ж весны, как оные отпущенные казаки стали збирается попрежнему итти з Дону в поход, то он, за означенною своею болезнею, в тот поход итти не мог, а вместо себя нанял он Лазуновской станицы казака, Бирюкова, коему он за то дал две лошади с седлами, саблю, бурку-зипун синей, харч всякой и денег двенатцать рублев, а сам он, Емелька, остался в доме своем и лежал болен ногами и грудью, кои у него, как и выше он показал, гнили без мала год. А как он остался дома, то старые казаки, приходя его навещать в болезни, советовали ему, Емельке, просится в отставку и ехать в Черкаск, по коему совету и что он уже столько времени был болен выпросил у станишного атамана Трофима Фомина пашпорт, поехал в Черкаск на собственной своей лотке водою, а жену свою и упомянутого сына Трофима и двух малолетних дочерей Аграфену и Крестину, коим от роду — Аграфене шестой, а Крестине четвертой год, а сыну десять лет или двенатцатой год, оставил в доме своем. По приезде в Черкаск, и имянно спустя после Петрова дни дней двенатцать или тринатцать, стал он на квартиру к казацкой жене вдове Скоробогатой, а имяни и отечества ее не знает (у которой сын Иван, и оной сын служил с ним вместе под Бендерами, почему оная вдова ему и знакома), и как оная Скоробогатая спросила ево, зачем он в Черкаск приехал, то он, Емелька, сказал ей, что приехал проситца за болезнию в отставку, и, сказав оной Скоробогатой, тот же самой день пошол он, Емелька, в войсковую канцелярию и по приходе в канцелярию данной ему станицы пашпорт подал войсковому дьяку Калпакову, и оной Колпаков спросил ево, Емельку: «Зачем ты сюда, Пугачев, приехал?». И он ему сказал: «Я, батюшка, приехал сюда просится за болезнию своею, что у меня гниют ноги и груть, в отставку», на что Калпаков сказал: «Тебя прежде отставить нельзя, как надобно тебе лежать здесь в лазарете и лечить, и когда уже тебя вылечить будет нельзя, то тогда отставят». На что он, Емелька, отвечал: «Нет, я в лазарет не пойду, а лутче стану на своем коште лечитца». И потому, поклонясь оному Калпакову, пошол из войсковой вон. Но в то ж время и есаул вой-

сковой, а кто он таков по имени и прозванию, не знает, говорил ему, Емельке: «Да на што тебе отставка? Вить коли ты болен, так тебя на службу не пошлют, а коли выздоровиешь, так отставить нельзя».

И потом, простясь они с оным есаулом, пошел в квартиру показанной Скоробогатой, а как он пришол, то сказал ей: «Вот меня не отставляют, а говорят, чтоб лечитца в лазарете». На что оная Скоробогатая говорила: «Нет, Пугачев, не ходи в лекарство, вить оно очень трудно, покажи-ка мне ноги-та», — и он, Емелька, ей те раны на ногах и показал, и она, посмотря на те раны, говорила: «Лечись ты из убитых баранов лехким и прикладывай то лехкое к ранам, то тебе лехче будет». По коим словам, он, покупая лехкое, три дни к ногам прикладывал, отчего и стало ему несколько лехче.

Быв он в городе Черкаске только четыре дни, захотелось ему повидатца с сестрою его родною Федосьею Ивановою, коя в замужестве за донским казаком Симоном Никитиным сыном Павловым, и жил оной его зять в одной с ним Зимовейской станице, но как война турецкая началась, то оного зятя перевели на вечное житье в Таганрок, почему нанял он, Емелька, у оной вдовы Скоробогатой лошадь за два пуда пшена и за два ж пуда муки, кою он привез с собою из дому в лотке, поехал в Таганрок, и по приезде к Таганроку наведался о показанном зяте своем чрез стоящих на карауле казаков, что он живет в третей роте, куда и поехал. Приехав к нему в дом, увидел и помянутую сестру свою, и у оного зятя своего жил он две недели.

Во время сего житья зять его говорил ему, что де здесь жить трудно: во-первых, заведены полковники, ротмистры, и совсем уж не так с казаками поступают, как на Дону, второе — лесу нет и ездят за лесом недели по две, и оттого многие уж казаки бегут. «Да и я уж согласился с четырью *) казаками бежать». И он, Емелька, спросил зятя: «Да куда же ты хочешь бежать-та?» И оной ему сказал: «Коли де в Русь побегу, то з женою, а естьли без жены, то хоть в Сечь Запорожскую». И он, Емелька, говорил: «Как тебе туда бежать? В Прусь не попадешь, а на Руси поймают, в Запорожье ж коли один пойдешь, то по жене стоскуешься, а приедешь за ней, так тебя схватают. И так, коли уж бежать, так бежать на Терек, там наши семейные живут, а сверх того тамошнему атаману Павлу Михайловичу дан указ, чтоб таких тако принимать». На что оной зять его сказал: «И ведомо, это лутче, што мы будем все жить вместе». И после сих слов сестра ево, по совету мужнему и его, выпросилась у ротмистра как бы для свидания с матерью своею в показанную Зимовейскую станицу, которой и дал ей билет, с коим она обще с ним, Емелькою, и поехала, условясь з зятем, чтоб он с показанными товарыщами своими тремя человеки бежал после их спустя неделю-другую, для того, что естьли он скоро за женою побежит, то ротмистр догадается, что и жена бежала с ним вместе, то пошлют в погоню, и их тотчас схватают, за что и ему достанется так, как подговорщику.

И потом он с сестрою своею поехал, взяв с собою и дочь оной сестры малолетную Парасковью, на двух зятних лошадях. И как они были в дороге с сестрою только дней с пять и проехали Черкаск, то оной зять ево с помянутыми товарищами, ис коих один Зимовейской же станицы, а те двое, которых станиц и как зовут, не знает, его догнали и сказали, что оне все четверо бежали, и он, Емелька, говорил: «Што вы это на-

*) Так в подлиннике.

делали? Вить тово и смотри, што нас поймают! Вить я говорил, штоб помешкать недели две, погубили вы меня и себя». Однакож поехали оне все вместе, но, не доезжая до Зимовейской станицы, сестру и троих беглецов оставил в степи, а зятя взял с собою в Зимовейскую станицу, в дом свой, ночью, для того, чтоб не увидели соседи зятя его. И пришед матери своей, которая тогда еще была жива, и жене говорил: «Вот, матушка, знаешь ли, вить зять хочет из женою бежать на Терек да и меня зовут с собою». Мать и жена, услыша эти вести, стали плакать, на что он, Емелька, сказал: «Нет, матушка, не бось, я только их провожу чрез Дон, а сам никуда не поеду».

И поговоря об оном, тою ж ночью он з зятем поехал в степь, где оставлена была сестра его и зятнины товарищи. А по приезде, взяв он, Емелька, сестру свою, поехал в дом свой, а зятя оставил в степи, сказав притом, что де вам днем ехать никак нельзя, а разве приезжайте ночью. По приезде в дом сестра, побыв у матери ево часа з два, поехала к свекру своему, а он остался дома. Жена и мать уговаривали, ево, Емельку, чтоб он за Дон тех беглецов не перевозил, что за ето будет и ему беда, на что он и согласился было. И как зять из степи приехал к нему ночью, то ему сказал: «Как ты хочешь, я не поеду, потому что жена твоя у отца, и как я ее возму, так догадаютца в станице, што вы бежали». Оной его зять тою ж ночью пошел к отцу своему, сказал ему, што будто он приехал за женою, и потом, начевав у отца, детей своих — двух дочерей (ибо одна жила все у отца ево), оставя, взял жену, сказав, что он поехал в Таганрок, но вместо того поехал он в степь, где оставались означенные товарыщи его. Как же пришла ночь, то оной зять его опять к нему приехал и как постучался у ворот, то жена ево, Емелькина, вышла к воротам и, не хотя, чтоб он от нее з зятем ехал, увидев зятя, сказала: «Што вы ездите? Вас уже ищут и знают, что вы бежали».

Зять испужавшись пошел от ворот прочь, но чрез три дни ночью паки оной зять его з двумя уже товарищами приехал к нему (а о третьем сказал, что де он отстал и пошол на родину) и по приезде просил ево, чтоб он конечно их за Дон с товарищами перевез да и сам бы с ними поехал. И он, Емелька, видя такую неотступную прозбу и хотя оного зятя своего тем потешить, несмотря на слезы матери и жены (коих он однако ж уверил, что он с зятем не побежит и статное ли дело, чтоб он оставил отечество и поехал бы на Терек), взяв свою лотку и, посадя в оную зятя, сестру и показанных двух товарыщей, сел в оную лотку и сам и, спустясь на нис по Дону от дому своего верст с семь, против Зимовной луки перевез на нагайскую сторону, а по перевозе, высадя всех их на берег, сам с лоткою от берегу отвалил. Зять, увидя, что он с ними на берегу не остался и их оставил, кинулся, обнажа саблю, в воду и хотел ево, Емельку, срубить, но однако ж он уехал. Оной зять гнался за ним с серцов, потому что он ево обманул, ибо, как оне вознамерились бежать на Терек, то он, Емелька, обнадеживал зятя, что и он с ними туда поедит. И потом, тою ж ночью приехав домой, сказал жене и матери, что зятя и сестру проводил, и жил в доме своем после сего проводу месяца с полтора.

А после сего времени услышал он, Емелька, что сперва сестра, а потом и зять пришли в их станицу, и казаки, приходя к нему, сказывали, что уже зять его отведен в станишную канцелярию и показывает на него, Емельку, что он ево перевез за Дон и с ним обще также хотел

бежать, чего он, Емелька, испужавшись, зная, что всем казакам под казнию объявлено, чтоб за реку беглецов не перевозить и самим не бегать, почему и боялся он, Емелька, наказания, из дому своего взяв лошадь, бежал и шатался на Дону по степям две недели.

А как стало ему скушно, да и хлеб, который взял с собой, весь съел, приехал ночью в дом свой к жене. А по приходе в дом жена ево сказала ему, што мать ево, также и зять, взяты в Черкаск. Он, услыша о сем, из дома поехал сам тот же день в Черкаск и торопился ехать для того, чтоб прежде ему приехать туда матери и зятя с таким намерением, что бутто он человек правой, то сам явился в Черкаск. Пришед явился дьяку Калпакову и сказал: «Я де слышу, што про меня говорят, бутто я бежал, а я де не бегал», и показал тому дьяку пашпорт станишной самой тот, с которым он приходил того ж лета, как выше он показал, к дьяку Калпакову для отставки. Калпаков, посмотря пашпорт, сказал: «Кой же чорт пишут, что ты бежал, а у тебя пашпорт!» И потом ево, Емельку, отпустил.

На другой день привезли в Черкаск мать и зятя и, как зять показал, что он ево провожал и с ним бежать хотел, то и велели ево, Емельку, в Черкаске искать. Он, прослыша о сем, из Черкаска бежал в дом свой и только переначевал одну ночь, то пришли ис станишной избы и его из дому взяли. О приходе ж ево домой проведали так скоро потому, как он домой приехал, то пришла к нему повидатца сестра ево родная Ульяна (которая замужем той Зимовейской станицы [за] казаком Федором Григорьевым сыном Брыкалиным), а повидавшись с ним, пошед домой, сказала мужу своему, а муж объявил в станишной избе. В станишной избе держался он только две ночи, а в третью ночь, боясь, чтоб не отослали ево в Черкаск, оттуда бежал и лежал в камышах в болоте двои сутки. Но как есть ему было нечего, также и холодно, ибо сие время было в Филипов пост, на третий день пошел в дом свой и пришед сказал жене, чтоб она никому о нем не сказывала.

И прожил он в доме своем почти весь Филипов пост скрытно, — в доме ж ево не сыскивали, потому что не могли старшины думать, штоб, наделав столько побегов, осмелился жить в доме ж своем. А за два дни до христова рождества, взяв лошадь и приказав жене, чтоб приготовила харчю, что она и исполнила, он, Емелька, сказав жене своей, что он поедет на Терек, и кали ево тамо примут, то он и за нею приедет, и потом он поехал чрез Дон по льду верхом с тем намерением, чтоб ехать на Терек. Ехал он семь дней и, не доехав до Кумы, занемог, а лошадь пала, почему он лег и лежал, а отдохнув чрез великую силу пошел к Куме, а дошедши до берега, не мог больше ступать ногами, лег на берегу и лежал трои сутки, не видав ни одного человека. Чрез три дни пришли к нему три человека с ружьями, русские, и спросили ево, что он за человек. Он сказал им о себе, что он донской беглой казак. Оные два человека были на лошадях. Сжалившись над ним, посадили ево на лошадь, а сами сели на одну двое и поехали с ним по зделанному идущими в то самое время ис Кизляра донскими казаками мосту чрез реку Куму, и, отъехав от реки верст с тритцать, привезли ево оные два человека в зделанной шалаш, где он, Емелька, лежал недели з две. Кормили ж ево оные люди зверями, яблоками и терном. Оные ж люди сказывали ему о себе, что они беглые из Сибири з заводов и, наделав там бед, бежали. «Мы де были и в Астрахани, да там де публиковано о нас, так мы и оттуда ушли».

Как же ему стало полехче, то увидел он, што оные два человека режут ис прутьев жеребейки, то он их спросил: «Што вы, братцы, пульки штоли режите и ети прутики свинцовыя што ли?» На что оне сказали ему: «Это не свинец, но золото». И он их спросил: «Да где ж вы берете?» На что оне ему сказали: «Да мы нашли здесь этова сокровища множество, да жаль де, что всемилостивейшая государыня етово не знает. Мы де бывали на многих государевых заводах, да только такого сокровища не видали. И он, Емелька, спросил их: «Да как же де вы нашли?» И они сказывали ему: «А вот как. Увидели мы де лисицы и погнались за нею, хотели застрелить, и мы де к ней, а она от нас, и так она отвела нас от шелаша нашева верст з двенатцать и вдруг де бросилась в нору почти при наших глазах. Мы де стали ту нору рыть, а как де порыли аршина два в глубину, то и нашли тут это золото». И он, Емелька, спросил их, что не можно ли мне это место указать. И оные люди сказали: «Пожалуй, покажем, пусть во время, коли случится, то хотя ты детям своим покажешь». После чего оне все трое и пошли и, отойдя от шелаша как верст двенатцать, взошли как бы на какой невысокой вал и ту нору ему показали и рыли, где он, Емелька, то золото видел, и потом ту нору зарыли и заравняли и пошли попрежнему в шелаш.

После сего, пожив в шелаше дней с пять, стоскнулось ему по жене и детях, а к тому ж и на Терек попасть за болезнию ево нельзя, то, простясь с теми людьми, не спрося их ни о именах, ни о чинах, пошел к реке Куме и, перешед по тому ж мосту, шол прямо на Дон и в свой дом две недели. Но не дошед своего дома, зашол он в Нижнюю Курмоярскую станицу к казаку Дмитрию Плохову, у коего он переночевав дал ему, Емельке, до дому ево доехать лошадь, на которой он в те ж сутки приехал в дом свой [9]).

По приходе ж ево жена, сына и двух дочерей взяв, отнесла в дом к брату ево родному Дементью Пугачеву и оставила у жены ево, ибо брат его тогда был в армии. Детей же жена ево из двора увела для тово, чтоб они о приходе ево домой не разболтались. Жене ж своей, видя, что она плачет, то, обманывая ее, говорил: «Я де был на Тереке, и меня принять семейныя хотят, а как у них теперь нет атамана, а я человек честной, то оне меня и атаманом выберут». Но жена сим словам не верила и плакать не переставала, что видя он, Емелька, сказал жене: «Ну ин, коли так, так поди и скажи про меня, што я пришол». Жена пошед сказала братьниной жене, а оная сказала казакам, кои тот час пришли и взяв отвели ево к атаману, а атаман на другой день поутру послал ево не скованного в Чирскую станицу в розыскную каманду к старшине Михайле Федотову, — прозвания не знает, — куда его чрез три дни и привезли.

А как привезли, то оной Федотов наедине говорил ему, Емельке: «Ну, Пугачев, дай мне сто рублев, так я напишу тебя в службу, чтоб ты вину свою заслужил, и в Черкаск тебя не пошлю». За что он благодарил и сказал, что «у меня ста рублев нет, а пятьдесят рублев дам». И потом отпустили его за караулом Чирской станицы к старшине Карпу Денисову, к коему пришед он сказал, что надобно подарить старшину Федотова за то, что он не хочет его послать в Черкаск, а хочет определить для заслужения вины своей в службу. И оной Денисов сказал: «На, возьми и отнеси. Это хорошо, кали он тебя запишет в службу». Он, Емелька, взяв денги, понес Федотову, а как стал

Федотову деньги отдавать, то Федотов спросил ево: «Где ты денги эти занял?» И он, Емелька, сказал: «Я де эти денги занял у Карпа Петровича Денисова».

И оной Федотов сказал: «Нет, коли ты денги эти занял у нево, то я у тебя их не возму. Он де свой брат полковник, так как он о этом сведает, что, я с тебя взял, то он на меня донесет, и меня за это разжалуют. Поди де вон». И он, Емелька, вышед от него, тотже час те денги отдал попрежнему Денисову, сказав оному, что де Федотов у него их не взял. Денисов взял себе сорок рублей, а десять рублей дал ему, Емельке, сказав: «На тебе, в Черкасском згодятца».

Он поблагодаря пошол опять к Федотову, а Федотов того ж дня, за караулом четырех человек казаков, послал ево в Черкаск. И везли его, Емельку, под таким караулом с неделю, от станицы до станицы. По приезде ж в Цымлянскую станицу посадили ево в станишную избу, и как он в той избе посидел не более часа два, то не знаемо чрез кого уведал о привозе ево той же Цымлянской станицы казак Лукьян Иванов сын Худяков и, пришед к нему в станишную избу, говорил: «Я де, сведав про тебя, што ты привезен сюда и везут тебя в Черкаск, то де я ходил к атаману и выпросил тебя у него на свои руки, чтоб тебя отвести в Черкаск». Он, Емелька, за то его поблагодарил, и потом оной Худяков, взяв ево из станишной избы, повел в дом свой, а по приходе в дом оной Худяков говорил: «О, Пугачев, жаль мне отца твоего хлеба-соли, погиб ты, а хочетца мне тебя спасти, вот как я пошлю с тобою своего сына и велю, отъехавши отсюда несколько, тебя отпустить». И он, Емелька, поблагодаря того Худякова, сказал: «Чем мне твою любовь платить?»

И переночевав поутру оной Худяков дал ему свою лошадь, саблю, чтоб не признали ево за беглеца, синей кафтан, с помянутым сыном своим, дав оному другую лошадь, отпустил. И ехал он, Емелька, с тем его сыном верст со ста и потом простясь с ним, Емелькою, поехал в свою станицу, а он, Емелька, поехал на реку Койсуху, где поселены выгнанные из Польши беглыя раскольники [10]). И по приезде в верхнюю поселенную раскольническую слободу и спросил у одного мужика, не наймется ли кто из онаго селения отвести ево к каманде, коя тогда пред ним шла с Краснощоковым. На что оный мужик сказал: «Есть де здесь такой человек, которой вашу братью возит». Оных лошадей он нанимал для того, что у него лошадь стала, а о Краснощокове говорил, чтоб не подумали о нем, что он беглец. И оной незнакомой мужик привел ево ко двору другаго мужика, коего называют Алексеем, с которым договорился он, чтоб его отвести до села Царева за два рубли. Оной Алексей впрег в телегу дву лошадей ево и повес, а своя лошадь шла за телегою на поводу.

И как пришол вечер и остановились в поле начевать и варили кашу, то, зная он Емелька, что оной Алексей — раскольник, говорил тому Алексею: «Што, брат, доброй человек, мне хочитца пожить для бога, да не знаю, где б сыскать таких богобоязливых людей». И оной Алексей сказал: «Я де знаю такого человека набожнова, которой к себе таких людей принимает». И он, Емелька, просил того Алексея: «Пожалуй де, бога ради отвези меня к нему». А из-за того спросил ево, что де ето за богобоязливой человек и где он живет, на что оной Алексей сказал, оной де человек села Кабаньи и живет де на своем хуторе, а прозывается он Коровка.

И, начевав на том месте, поутру поехал оной Алексей прямо на оной Коровкина хутор, куда и приехали на вечер. А по приезде на хутор послал он, Емелька, того Алексея к тому Коровке с тем, чтоб он спросил ево, пустит ли он к себе такого человека, который хочет пожить для единого бога. Алексей по сим словам к Коровке ходил и немного погодя пришел к своим роспускам и с собою привел незнаемого ему мужика старого, которому оной Алексей, указав на него, Емельку, рукою, говорил: «Вот, Осип Иванович, этот человек, которой желает пожить бога ради».

И он, Емелька, встав с телеги, спросил: «Пожалуй, Осип Иванович, прими меня к себе бога ради». И оной Коровка на сию его прозбу сказал: «Милости прошу, поди, брате, за мной». И он, Емелька, дав Алексею полтора рубли, ево отпустил, а он, взяв свою лошадь, пошел в дом Коровки, и по приходе жил он у оного Коровки от благовещения за два дни даже до светлаго праздника, да и после праздника еще пробыл у него в доме две недели.

Во время ж ево житья оному Коровке о себе объявлял он, что беглой донской казак, а бежал из усердия к богу, потому што де в службе никак богу угодить неможно. Оной Коровка говорил: «Ну, живи, у меня де много бывало и солдат беглых и всяких людей, и я их зберегал, но только де мне от них и хлопот много бывало. И как де их поймают где, то они ис полков та приходя да меня ограбят, меня де всего раззорили. Я де и сам с сыном семь лет страдал за крест, бороду и молитву и держался в Белгороде, да дай бог здоровье милосливой государыне, она дала свой о кресте и бороде указ, так меня освободили. Да я де и тебя, Емелыян, болше та держать опасаюсь, что приезжают часто сюда каманды, а слышно де, што Бендеры взяты и тамо де велят селитца всякому без разбору, так не лутче ли тебе туда итти и тамо поселится?»

И он, Емелька, на те слова сказал: «Да я бы рад пошол, да бес пашпорта та поймают». И оной Коровка сказал: «Это — безделица. Я велю написать пашпорт сыну». Почему сын его Антон пашпорт и написал, где назвал его, Емельку, станичным атаманом, а Антон назвал себя сыном ево, Пугачева, и якобы отправлены они из Донского войска к каманде. И по написании старик Коровка возил оной пашпорт в Изюмскую правинцию, а из оной правинции привез уже оной Коровка такой же пашпорт печатной, и скоро по привозе того пашпорта оной Коровка дал ему пару лошадей, на коих, оставя свою лошадь у Коровки, ево, Емельку, и сына своего отпустил.

Как же оне надлежащим к Бендерам трактом поехали, то разного звания встречающиеся с ними люди на вопросы ево сказывали, что де в Бендерах никакого нового поселения не заводят, и он, услышав эти вести, советовал с Антоном Коровкою, куда ж бы им ехать для спасения. И оной Коровка говорил: «Поедим де в Стародубские слободы, вить де туда и батюшка нам приказывал ехать», куда они и поехали. И по приезде в Стародубскую Климову слободу оной Коровка спросил тутошняго незнаемого ему жителя, где живет поп Михайла, и оной житель сказал, что де поп Михайла живет в Стародубском монастыре, куда оне и поехали. И сыскал тамо оной Коровка того попа, однако ж его, Емельку, прежде отвел в келью к старцу Василью, у коего оне и жили оба недель с пятнатцать. Оному ж Василью рассказал он и о побеге своем з Дону, и оной Василей сказал: «Здесь

много приходит всяких беглых, и отсюдова только нужно провесть чрез заставу, а там де пойдут на Ветку и, малое время побыв там, прямо придут на Добрянской фарпост и скажутца выхотцами, так де им с фарпоста и дают билеты в те места, куда кто пожелает, на поселение».

И он, Емелька, услышав о сем от оного старца, просил ево: «Пожалуй, батюшка, уж и нас ты бога ради так же выпроводи». И оной старец сказал: «Поноровите де немного, покуда с таперешнева места перейдет застава в другое место, так я вас провожу». И после сего оной старец, сведав, што застава в другое место перешла, то, взяв их обоих, заграницу и выпроводил пеших, а лошади остались в монастыре и, выведчи их на небольшую тропинку, где нельзя инаково как ходить пешим, сказал: «Вот это прямая дорога на Ветку».

И потом, простясь со старцем, оной пошол в монастырь, а Емелька с Коровкой пошли на Ветку, куда и дошли они в третей день. И Коровка пошол к знакомому попу, имяни его не знает, а он остался в слободе и жил в доме у русского человека Семена Крылова, коего он прежде не знал. И как он, Емелька, ево, какой он человек, не спрашивал, так и оной Крылов ни о чем с ним не говорил, потому што в оной слободе живет всякой зброд, откудова кто не пришол.

И, быв в Ветке семь дней, простясь с помянутым Коровкой, пошол прямо на Добрянской фарпост, а Коровка остался в Ветке, для тово, што отец ему при нем приказывал принести к себе от тамошних попов причастия. По приходе на фарпост увидел он множество беглых русских, кои выдерживают карантин, и спросил их: «Как братцы, здесь являютца на фарпост?» И оные ему говорили: «Та де как придешь к камандиру, и он тебя спросит, откуда ты и што за человек, так ты скажи: я родился в Польше, а желаю итти в Россию, так больше тебя и не станут спрашивать, а коли де ты скажешся чьем из России, то де делают из этова привяски». По коим словам он, Емелька, прямо на фарпост к камандиру и пришол, а как его спросил: откуда ты, то он сказал: я де ис Польши, и как же спросил ево, что какой ты человек и как тебя зовут, он на сие сказал: «Я де польской уроженец, зовут меня Емельян Иванов сын Пугачев».

Камандир велел записать ево имя в книгу и потом послал его в карантин, где его, не раздевая, а только перешод через огонь, лекарь посмотрел ему в глаза: «Ты здоров, но надобно тебе высидеть в карантине шесть недель», — и, дав ему солдата, отвели его в карантинной дом, где он был трои сутки безвыходно, где познакомился он с выходцом же Алексеем Семеновым.

А чрез трои сутки стали ево, тако ж и оного Семенова из дому выпускать для работы, — и, как выпустили, то с оным Алексеем Семеновым пошли в дом живущаго в Добрянке купца Кожевникова, имяни и отечества не знает, и по приходе подрядились у него построить сарай за два рубли, на ево хлебе. И ходя он, Емелька, на оную работу с Семеновым по три дни, ничего от Семенова не слыхал, а на четвертой пришол он, Емелька, с Семеновым и еще четыре человека выходцов, — кто оне таковы и как их зовут, не знает, — для обеда к Кожевникову в избу, где пообедали.

Во время ж обеда пришол тут в избу и Кожевников и сел на лавку. Означенной Семенов, сперва смотря ему, Емельке, в глаза пристально

и потом, не говоря ничего, вдруг сказал: «Кожевников, смотри», указав на него, Емельку, пальцем. Этот человек точно как Петр третей». А на то слово он, Емелька, сказал: «Врешь, дурак!» И в тот час подрало на нем Емельке кожу. И потом отобедали, а отобедав означенныя четыре человека пошли из избы к женам своим отдыхать, а оне — Емелька, Семенов и Кожевников — остались в избе. И оной Семенов говорил: «Слушай, Емельян, я тебе не шутя говорю, что ты точно как Петр третей». И он, Емелька, смотря на Кожевникова, говорил: «Слушай, старичок, ты знаешь, что нас за крест и бороду всех гонят, а я тебе сказываю, что я з Дону донской казак Емельян Пугачов, но на Дону жить нельзя, и я бога ради бежал з Дону». И на сии слова Кожевников говорил: «Это правда, што нам, староверам, везде гонение. Ваши де казаки были многие и в Ветке и в Стародубе есть. Да вот де што была река Яик и та де помутилась, так де ты возми на себя это имя, а тебя де там примут». А Семенов говорил: «Изволь, я от него не отстану и кто меня спросит, то я сказывать буду, что он Емелька — Петр третий. Мне де как не знать, я вить служил гвардии гранодером и государя та видал, так ты не бойся — прими на себя это имя».

И он, Емелька, говорил: «Хорошо, ну я приму, да с чем я туда пойду? У меня денег только дватцать алтын, да и теми надобно пашпорт выкупить. Да пусть меня и на Яике примут, вить там хлеба не пашут, а казакам та дают по двенатцати рублев жалованья, так что ж я им буду давать?» И на сии слова оной Кожевников сказал: «А ты, как тебя тамо примут, то ты отпиши ко мне, я тебе хотя тритцать тысяч рублев тотчас пришлю, — у меня столько своих денег сыщется. А буде де этих мало будет, то у протчих приятелей достать можно, сколько потребуешь».

А по сим помянутого гранодера Семенова увериниям, что он, Емелька, похож на покойного государя, в душе своей возмечтал, что тот гранодер Семенов говорил ему правду, ибо он, Емелька, никогда покойного государя не видал и в Москве и в Петербурге во всю жизнь свою не бывывал. А по словам Кожевникова, думая он, Емелька, что его на Яике, как казаки все находятца в возмущении, конечно, примут и семеновым словам веру дадут, а сверх того и Кожевникова денги много сему предприятию помогут, точное намерение итти на Яик и объявить себя Петром третьим и принял.

Оной же Кожевников говорил, что де еще, когда и тебя не было, то у нас был совет, чтобы итти за Кубань. У оного ж Кожевникова в доме видывал он, Емелька, живущего в Добрянке ж купца, — а имяни и прозвания его не знает, только приметами он — рот у него искривлен на сторону, тако ж и косоглаз, — с коим оной Кожевников, поговоря с ним, Емелькою, о всем сказанном, да и пересказывает, — посему и думает он, Емелька, что и оной криворотой о всех его и Кожевникова злых замыслах знает [11]).

Как же шестинедельной карантин вышел, то он, Емелька, пошол к карантинному камандиру обще с Семеновым и объявили желание свое иттить поселитца на Иргис в дворцовую Малыковскую волость, по которому их желанию и даны им обоим для проходу по Малыковской волости два билета, которые и подписал маеор Мылников. Взявши билеты [12]), пошод он, Емелька, с Семеновым к Кожевникову,

и сказали ему: «Ну, старичок, прощай, мы идем». И оной Кожевников сказал: «Бог с вами, час доброй, а я вот напишу к Коровке, который живет в Кабаней слободе, и вы обо всем ему, што мы здесь говорили, не тая ничего, скажите. И он де, узная о тебе, так же, как и я, помогать станет и не отречется». И потом, написав писмо, ему, Емельке, отдал. При отдаче ж письма говорил ему, Емельке: «Вот, как ты придешь на Иргис, то сыщи тамо игумна Филарета, он де нам великой приятель, и ты ему поклонись и поведай о себе все; он де тебе не только даст совет, да и поможет, — тамошние де староверы к нему прибегают, да и я де, когда езжю на Яик за рыбою, то никогда ево не проезжаю».

И потом дал оной Кожевников ему рубль и на дорогу хлеба, с ним простились, и как он, так и Семенов пошли из Добрянки чрез малороссийские местечки и деревни мимо Чернигова, которой оставался в левой стороне. Напоследок дошли они оба в помянутую слободу Кабанье к крестьянину Коровке, о котором он уже выше сего показывал. И, пришод к Коровке, посланное от Кожевникова писмо он подал, и Коровка, прочтя писмо, говорил: «Спасибо Кожевникову, што он так старается». А потом спросил ево, Емельку: «Вот Кожевников пишет, что ты принял на себя имя Петра третьяго и намерен итти на Яик. Бог с тобой, поди! И когда ты посоветуешь с яицкими казаками и они тебя примут за Петра третьяго и поведешь всех их на Кубань, то отпиши ко мне. Мы вам помощь зделаем. Да мы, староверы, от нынешняго гонения и многия к вам пристанут».

А Семенов при сем разговоре сильно уверял, что он, Емелька, точно как покойный государь Петр третий: «И я де везде уверять о сем буду, потому што я служил в гвардии гранодером».

Жили у оного Коровки неделю. Во время житья их у Коровки приехал к нему Луганской станицы казак Долотин, которому по приезде оной Коровка о всем, что к нему писал Кожевников, сказал, а потом и с ним, Емелькою, и с Семеновым говорил как о приеме им, Емелькою, на себя имяни Петра третьяго, так и о намерении ево итти на Яик и возмутить казаков, чтоб всем итти на Кубань, тако ж чтоб и всех староверов вывесть туда ж, причем оной Долотин обещался делать ему, Емельке, помощь. И, переговоря об оном о всем, оной Долотин дал ему, Емельке, денег сорок два рубли и, простясь с ним, от Коровки вечером уехал. А на другой день поутру и Коровкин *) дал ему, Емельке, денег триста семьдесят рублев и, простясь с ним и с Семеновым, их отпустил [13]).

На оставленной его, Емелькиной, как выше он показал, лошади и поехал он с Семеновым степями к Дону. И, доехав до перевозу чрез реку Дон, что называетця Медведицкой, переехавши Дон, ехали они мимо Островской станицы прямо на Глазуновскую станицу, а по приезде на хутор казака Андрея Федорова сына Кузнецова, которого он прежде ни почему не знал, а только как переезжали они Дон, то старик донской казак сказал им: «Вы де поезжайте на Глазуновскую станицу, там живет старовер и самой хлебосол Кузнецов, так де вы к нему заезжайте. Он де вам будет рад». Почему они к нему и при-

*) Так в подлиннике.

ехали, и оной Кузнецов спросил их, что оне за люди. И он, Емелька, сказал, что оне с Ветки и едут с пашпортом на Иргис.

И как только Кузнецов услышал, что оне с Ветки, то оной им обрадовался и их накормил и потом разговаривали между собою. Кузнецов зачал говорить: «Вот де вы едите на Иргис, но ныне де и там великое гонение на староверов. У меня де там есть родной брат, да полно де, ево не выгонят ли оттуда». И он, Емелька, сказал: «Ну, кали на Иргисе худо, так мы пойдем на Кубань». А Семенов говорит: «Да он де затем и едет, вить он явитца сперва на Яик и там объявит себя Петром третьим и, как казаки его примут, так он и пойдет с ними на Кубань». Кузнецов, выслушав сии слова, весьма порадовался и сказал: «Хорошо, и коли казаки согласятца тебя принять, то и мы к тебе придем». И он, Емелька, говорил: «Вить на этакое дело надобно помощь, а бес помощи што зделаешь? Нам добрыя люди, а именно Коровка и Долотин, помощь, спаси их бог, дали, да этова мало».

И оной Кузнецов пошел, принес к нему, Емельке, семьдесят четыре рубли и, отдав ему эти деньги, сказал: «Здесь есть казак Вершинин, которой так же с радостью пойдет со мною на Кубань». И потом, начевав у оного Кузнецова две ночи, от него поехали (которой дал им свою лошадь и на дорогу харчю) [14]) мимо Камышенки и мимо Саратова в Малыковку.

По приезде в оной явились оба управителю, и оной, посмотря их данныя с фарпоста Добрянского билеты, сказал: «Надобно де вам ехать в Синбирск и тамо записатца». Они оба стали его просить, чтоб он позволил им прожить в Малыковке хотя до рожества, чтоб лошадям дать отдохнуть, что им и позволил. А в Малыковку приехали оне еще до Филиппова посту, и он, Емелька, дав товарищу своему Семенову денег двенатцать рублев, поехал в Мечетную слободу, а Семенов остался в Малыковке.

По приезде в Мечетную заехал сперва в монастырь к вышеупомянутому игумену Филарету [15]) и, увидя Филарета, отправил от Кожевникова и Коровки поклоны, а притом сказал, что он, Емелька, был в Ветке и в стародубских раскольнических слободах, чему оной Филарет был очень рад. А потом он, Емелька, тому Филарету говорил: «Вот, батюшка, был я вместе у Кожевникова гвардии з беглым гранодером, которой мне и Кожевникову, а потом и Коровке уверял крепко, что я точно похож на Петра третьяго, и Кожевников и Коровка мне присоветовали, чтоб оное имя мне на себя принять и объявить себя Яицкому войску, а как оно его примет, то, чтоб избавитца всем староверам гонения, то я пойду с ними на Кубань. А коли будет нужда в денгах, то Кожевников и Коровка обещались помогать».

Филарет, выслушав сии слова, говорил: «Нет, ты на покойного государя не похож. Я его знал. Однако ж это хорошо. Яицкие казаки этому поверят, потому что ныне им худо жить, и все в побегах, и они тебе будут рады. Только разве кто из них не знавал ли покойного государя, но и это даром, они спорить не станут, только им покажись». А при том спросил оной Филарет: «Да где же тот гранодер?» Он отвечал: «В Малыковке остался» [16]). И оной же Филарет говорил: «Съездим де к малыковскому управителю, чтоб вам отсрочил ехать в Синбирск, а ты де между тем съезди на Яик». И он, Емелька, поехав с игумном, в

селе Терса купил пуд меду и, приехавши в Малыковку, с игумном отвесши мед, просили управителя, чтоб он ему и Семенову отсрочил ездить в Синбирск до крещенья. По сей прозбе управитель, приняв мед, отсрочил до крещенья.

Оной же игумен Филарет еще в бытность ево пред отъездом в Малыковку в монастыре говорил: «Ты де, Пугачов, для записки, когда уже на Яике та тебя не примут и ничево там не зделаешь, то в Синбирск не езди, там де хотя и запишут, но нескоро, а поезжайте лутче в Казань». И он, Емелька, сказал: «Да вить у меня и в Казане та знакомых нету ни единова человека». И оной Филарет говорил: «У меня де есть в Казане приятель купец Василей Федорович Щолоков. Он де наш старовер и человек доброй и хлебосол. Так буде я с тобою сам в Казань не поеду, так де я тебе тогда скажу, где ево сыскать, а он де за тебя тамо постарается и попросит, так тебя скорее запишут. Он де тебя станет кормить, да и лошадь твоя спокойна будет».

И потом он, Емелька, и Филарет из Малыковки поехали в Мечетную, и, не доезжая Мечетной, Филарет поехал в свой монастырь, а он поехал в Мечетную и стал в доме той слободы жителя Степана Косова, и переначевав на другой день, взяв он данные ему от Коровки, Долотина и Кузнецова денги четыреста семдесят четыре рубли, боясь, чтоб их у него не украли, отвез к Филарету, и просил ево, чтоб он оные зберег до приезду ево с Яику: «А я де заговевшись на третей день в Яик к казакам поеду и погляжу на них и, кали мне льзя будет, то я намерение свое им объявлю. А буде нельзя будет, то ничево не скажу». И Филарет сказал: «В доброй час, поезжай! Я бы де и старцов своих с тобою туда послал, да они уже уехали за рыбой. Да вот я б и сам с тобою поехал, да боюсь — там, видишь, живет розыскная каманда, так зараз поймают, и беда будет».

И, попростясь с ним, поехал он, Емелька, в Мечетную в дом помянутого Косова, а на третей день Филипова заговенья тесть оного Косова стал збиратца ехать в Яик с хлебом. А как он, Емелька, на другой день у оного Косова окрестил рабенка и стал ему кум, то оному тестю Косова, коего звали Семеном Филиповым, говорил: «Возмите, Семен Филиппович, и меня с собою на Яик. Я де хочю ехать туда и купить рыбы». Почему они оба и поехали. *(В пополнение к сему еще злодей показал, а что, значит ниже сего под литерою А) 17).*

По приезде ж в Яик говорил он, Емелька: «Што, Семен Филипович, я тебе поведаю! Вить я в Яик та еду не за рыбою, а за делом. Я намерен яицких казаков увести на Кубань. Видишь де ты сам, какое ныне гонение [18]), я хочю я об этом с ними поговорить, согласятся ли они итти со мною на Кубань». И оной Филипов сказал: «Как де им не согласитца? У них де ныне великое идет раззорение, и все де с Яику бегут, так де, как им о этом скажешь, то они с радостию побегут с тобою. Да и мы не отстанем, а пойдем все за вами».

И потом оной Филипов, привезши его на Яик, въехал прямо на двор яицкого казака Дениса Степанова сына Пьянова. И на другой день их к Пьянову приезда оной Филипов, будучи около своих лошадей, сказал ему, Емельке: «Ну, я Пьянову о том, што ты хочешь казаков вывести на Кубань, сказывал, и Пьяной де сказал: мы де ради —

куда б ни на-есть от эдакова раззорения все бежать, — а сверх того, ты сам с ним обо всем поговори». И того ж дня, как он, Емелька, взошел в избу и увидел, што в той избе один казак Пьянов, то он, Емелька, говорил: «Што тебе, Денис Степанович, Семен Филиппов говорил?» И на то Пьяной сказал: «Филипов де говорил мне, што ты хочешь нас, казаков, из нашей нужды вывесть и провесть на Кубань». И он, Емелька, спросил: «Што ж согласны ль вы будите итти со мною?» И Пьянов сказал: «Я де с радостию пойду, а протчих стариков я соберу и с ними поговорю, так услышишь, што оне скажут».

И он, Емелька, на сии слова Пьянову говорил: «Вот, слушай, Денис Степаныч, хоть поведаешь ты казакам, хоть не поведаешь, как хочешь, только знай, что я — государь Петр третий». И оной Пьянов изумился, а потом, помолчав немного, спросил: «Ну, коли ты государь, так расскажи-шь мне, где ты странствовал».

И он, Емелька, говорил: «Меня пришла гвардия и взяла под караул, а капитан Маслов и отпустил, и я де ходил в Польше, в Цареграде, во Египте, а оттоль пришол к вам на Яик». И оной Пьянов сказал: «Ну, все это хорошо, вот я поеду и соберу стариков хороших и все им, что я от тебя слышал, проговорю, и што мне оне скажут на ето, то я тебе скажу».

И на другой день, пришод оной Пьянов в избу свою, и наодине сказывал ему: «Я де севодня стариков Черепанова, Кановалова, Антипова собирал и им, што я от тебя слышал и што ты государь, сказывал, и оне де мне на те мои речи сказали: все это хорошо, и они ради, да только де у нас есть много бедных людей, так поднятся нечим». И он, Емелька, тому Пьянову говорил: «Поди-ш ты и скажи им, что я обещаю им дать каждому казаку по двенатцати рублев». И оной Пьянов сказал: «Да где ж де ты денги та возмешь? Вить ты странствовал, так у тебя денег нет». На что он, Емелька, сказал: «У меня на границе тысяч тридцать и более есть, да сверх тово там у меня и товар лежит, а коли и этово мало покажетца, то мы сыщим хоть до ста тысяч». И оной Пьянов говорил: «Ну, это все хорошо, да как же мы пройдем орды? Нас не пропустят». И он, Емелька, сказал: «Эта орда, которая здесь качует, она нам рада будет, и она нас встретит и проводит». И на сии слова оной Денисов сказал: «Ну, так я пойду и о этом тем старикам, с коими я о тебе говорил, все, што от тебя слышал, перескажу».

А на третей день оной Пьянов так же в избе наедине говорил: «Я с теми ж стариками виделся, им обо всем, то-есть о деньгах, товарах и што орда турецкая нам рада будет, сказывал, и они на то сказали: все хорошо, но таперь нет еще время, што народ весь в разброде, а скажи. де, штоб подождал он, то-есть он, Емелька, рождества христова, тогда де на багренья народ зберетца, и мы де поговорим обо всем этим с хорошими людьми, и буде народ согласитца, то мы его, то-есть, ево, Емельку, примем, а буде де народ не согласитца, так мы к этому делу не приступим».

Показанных же казаков трех человек сам он, Емелька, не видал и кроме Пьянова о вышесказанном ни с кем в то время на Яике не говорил. Оному Пьянову при объявлении себя Петром третьим сказы-

вал, что ево, Емельку, взяла гвардия под караул и што капитан Маслов ево выпустил по научению вышепомянутого гранодера Семенова, который его научал: «Как де тебя кто спросит, кто ж тебя с престола та свергнул?», так ты скажи: «Пришла де гвардия да и взяла меня под караул, но капитан де Маслов, спаси его бог, ис под караула меня выпустил, то я и стал странствовать», — и скажи де, что ты был в Цареграде, в Польше и в Египте», что он, Емелька, по сим словам, как выше он показал, и исполнил, думая в себе, что эти слова достойны веры. О денгах же он Пьянову говорил по словам Кожевникова, что он говорил, што у них денег много, а о товарах, также и о турецкой орде, что она их встретит, лгал, вымысля собою, желая этаким вымышленным лганьем больше приклонить к себе казаков. В Царе ж граде и Египте он никогда не бывал, да и быть, как выше сего он показал, никак не можно, а был только в Полше на Ветке.

И, пожив на Яике у Пьянова неделю [19]), обще с показанным Филиповым поехали в Мечетную слободу к куму своему Косову, а Филипов, за усталостию лошади, от нево на дороге отстал. По приезде в Мечетную пришел к нему, Емельке, показанной Семенов, а как он збирался ехать с Косовым для продажи купленой им четырех возов рыбы в Малыковку, и оной Семенов просил ево, чтоб и ево с собою взял туда же, почему он, Емелька, пожив в Мечетной только три дни, поехал в Малыковку с кумом Косовым и с Семеновым и по приезде в Малыковку остановился на постоялом дворе, а Семенов пошол на другую квартиру. Но на другой день оной Семенов пришел к нему на квартиру с малыковскими мужиками и говорил: «Прости, Емельян Иваныч, я нанялся у этих мужичков в салдаты, с коими я и еду в Синбирск». И он, Емелька, тут же с ним и простился и более уже оного Семенова нигде не видал и, где он ныне находитца, ни от кого не слыхал и не знает.

Пробыл он в Малыковке на свободе трои сутки, а на четвертой день пришли на постоялой двор от управительских дел россылщики и, взяв ево, отвели в управительскую контору, где управитель спрашивал ево, какой он человек и откуда родиной, на что он сказал, что де он донской казак, из Дону бежал. А потом управитель говорил: «Показывает на тебя Мечетной житель Филипов, что ты яицких казаков подговаривал на Яике к побегу за Кубань и что тебя дожидается орда». И о всем выше сказанном, что он с Пьяным говорил (кроме того, что он, Емелька, называл себя Петром третьим), оной управитель высказал, но он, Емелька, управителю сказал, что он этаких слов Филипову не сказывал и яицких казаков не подговаривал, а только пересказывал о побеге за Кубань Некрасова. И потом оной управитель сек ево батожьем, но однако ж он и ис под батожья ни в чем не признался, а, как выше показал, заперся. Быв в управительской канторе три дни, а на четвертой послан он скованой в ручных и ножных кандалах из оной канторы под караулом розсылщиков в Синбирск [20]).

И, едучи дорогою, отъехав несколько верст от Малыковки, на другой день их езды бывшие при нем караульные розсылщики два человека просили с него, Емельки, двух сот рублев, говоря ему, что, ежели он им даст те денги, то оне ево отпустят, — оных же денег просили с него два розсылщика — один Василий Иванов Попов, а другого не

знает, — на что он им говорил, что «у меня де со мною денег нет, а есть мои денги четыреста семдесят четыре рубли у игумена Филарета, и коли де вы меня отпустите, то мне вить итти некуда, я пойду к нему и вам денги тот час отдам». Но розсылщики, видно, словам его не поверили, а отвезли ево в Синбирск.

И как приехали в Синбирск и стали на квартиру, то реченной Попов говорил: «Ты де обещай здесь господам судьям, кому сто рублей, кому пятьдесят, то де тебя и отсюда свободят». И он, Емелька, сказал: «Да мне де здесь знакомых нет, так кому мне обещать?» И оной Попов, тако ж и другой ево товарищ, сказали: «Добро де, поговорим». И потом товарищ Попова ходил куда та с квартиры, а пришод, сказал: «Я де о тебе подъячему говорил, и он де хотел о тебе постаратца, но спрашивал де денег». И он, Емелька, сказал: «Вить я де вам сказывал, что денги мои у игумена Филарета».

И потом того ж дня отвели ево в синбирскую канцелярию и посадили в канцелярии, а как скоро он посажен, то подъячей, — имяни его не знает, видно только, самой тот, с которым товарищ Попова о нем говорил — подошед к нему, Емельке, говорил: «Што ж, где денги те, што ты сулил?» И на то он подъячему сказал: «Денги де мои у отца Филарета, так вы их роспишите, сколько воеводе, секретарю и тебе, да и возмите, а коли де не возмут, так пришлите ко мне в Казань».

А на другой день поутру позвали ево в судейскую, и только што судья на нево погледел, и, не спрашивая ево, выслали из судейской вон. А в вечеру того ж дня, то-есть на другой день после крещения 773 года, из Синбирска послали его под караулом же в Казанскую губернскую канцелярию, куда дня через четыре или пять дней ево и привезли и посадили в покоях губернской канцелярии. А дня через четыре приехал в губернскую губернатор, к коему ево ввели в судейскую. Губернатор только што посмотрел на него, и, не говоря ни одного слова, вывели ево опять в канцелярские покои[21]), где он и сидел. А через четыре дни повели ево, Емельку, в деревянные покои, и, как привели, то секретарь, — а как его зовут, ныне сказать не помнит, — прочол ему Филипова на него донос. И оной же секретарь спросил ево, для чего он прописанные в доносе Филипова слова говорил, на что он сказал, что де «я Филипову говорил пьяной, а казаков не подговаривал, а я де это все пересказывал, как ушол за Кубань Некрасов». Секретарь, не говоря больше ничего, сказал: «Поди в прежнее место», куда он и отведен, то-есть в каменныя губернской канцелярии покои, где и сидел он с неделю времяни.

И как он в один день сидел с другими колодниками под окошком, то из оных колодников, — а кто не знает, — говорил: «Вот Василей Федорович Щолоков[22]) идет, — никак он приехал уже с Москвы?» — И в тот же или на другой день пришол в канцелярию, где он содержался, мальчик с калачами, коего он спросил: «Чей ты, мальчик, и от кого ты ходишь с калачами?» И мальчик ему сказал: «Я де хожу со двора Василия Федоровича Щолокова». И он, Емелька, вспомня, что оного Щолокова Филарет называл своим приятелем и хвалил его, что он доброй человек, то оному малчику говорил он: «Пожалуй, мальчик, скажи бога ради, чтоб Василей Федорович пришол ко мне, и скажи

ему про меня, что я донской казак и имею до него нуждицу; пожалуйста, попроси, чтоб пожаловал повидался он со мною». После же сей ево, малчика, прозбы спустя недели з две оной Щолоков, пришод в канцелярию, спросил: «Кто здесь держитца донской казак?» И он, Емелька, сказал: «Я, мой сударь», и при том спросил Щолокова: «Што, не ваша ли милость Василей Федорович Щолоков?» Ибо он уже, как выше показал, в окошко ево видел. И оной Щолоков сказал: «Я». И он, Емелька, желая пользоваться старанием Щолокова, говорил ему: «Отец Филарет приказал вашей милости кланятца, а притом приказал просить вас, чтоб обо мне бедном, бога ради, постарались и попросили господина губернатора и ково надобно». И оной Щолоков спросил: «Да давно ли ты отца Филарета видел?» И он, Емелька говорил: «Меня де взяли от отца Филарета Георгиса еще в филиповки». И оной же Щолоков спросил ево: «Да по какому делу ты сюда прислан?» И он, Емелька, сказал: «Меня взяли по поклепному делу да за крест и бороду». А что он взят по произшедшему от него разглашению, тако ж и что он назывался Петром третьим, от того Щолокова утаил и не сказал. И оной Щолоков сказал: «Добро, миленкой, я к губернатору схожу и к секретарю и их попрошу». И он, Емелька, говорил: «Пожалуй, бога ради, постарайся о свободе моей, и посули губернатору хоть рублев сотину и больше, тако ж и секретарю, у кого мое дело». И оной Щолоков сказал: «Добро, попрошу». Он же, Емелька, говорил Щолокову: «Пожалуй, обещай подарить кого надобно, вить у меня денги, слава богу, есть, и оне лежат у отца Филарета, и как скоро вы к нему отпишите, то он их к вам пришлет». И потом оной Щолоков, дав денег рубль, от него пошел.

И после сего зачали ломать губернскую и имянно, например, а подлинно не упомнит, как недели через две, помянутой секретарь позвал его паки в деревянный покой, и, как его привели, то секретарь, не говоря с ним ни одного слова, а только сидя за столом, на него взглядывал, — то, видя он, Емелька, что оной секретарь ни о чем его не спрашивает, говорил тому секретарю: «Пожалуй, мой государь, постарайтесь о свободе, а вашей милости Василей Федорович Щолоков, что обещал дватцать рублев, отдаст». Ибо думал он, Емелька, что Щолоков, уже его просил и денег дать обещал, но о сем он тогда не знал,— при том же, показав на руках и на ногах положенныя кандалы, говорил, что де оне очень тяжелы и обломили ему руки и ноги. Но оной секретарь на все ево слова ничего не сказал, а только, махнув рукою, выговорил: «Поди в свое место». А как его вывели от секретаря, то в тот же час кандалы с рук и с ног сержант велел с него, Емельки, снять, а положили на ноги ему только легинкия железы, которыя тут же в канцелярии и заклепали.

Как же он, Емелька, содержан был в канцелярии, то никуда его ни на пядь не выпускали; спустя, как с него сняли тяжелые кандалы и наручни, дня с три отвели ево в острог, и именно на вербной неделе, где все колодники содержатца. На страшной же неделе великого поста стали его отпущать из острога для прошения милостыни по городу, за караулом одного салдата, где он повсеместно и хаживал.

Во время ж содержания ево в остроге принашивал в острог к содержащемуся колоднику Замшеву (которой в Казане господам делы-

вал кареты, и его тамо многие знали) называющейся купцом Иваном Ивановым Хлебниковым милостыню, где оной Хлебников, увидя ево, Емельку, и подав милостыню, спросил ево: «А ты де што за человек и откуда?» Которому он сказал, што он донской казак, а прислан сюда из Малыковки. И оной Хлебников спросил же ево, Емельку: «По какому ж делу ты сюда попал?» И он, Емелька, сказал: «Я попал по поклепу, да за крест и бороду, а взяли меня с Иргиса от отца Филарета».

После же сего, как ходил он, Емелька, в Казане за милостынею, то сошолся оной Хлебников с ним на улице, и, поклонясь он, Емелька, оному Хлебникову, спросил его: «Што, Иван Иванович, нет ли каких вестей от отца Филарета?» И о Филарете спросил он, Емелька, Хлебникова потому, што, как он пред сим в остроге сказывал Хлебникову о своем деле и упомянул о Филарете, то оной Хлебников сказал: «Я отца Филарета знаю, и как я у него, так и он у меня бывал». И оной Хлебников сказал: «Слава де богу, всё здорово, и я де за утро пошлю к Филарету человека для причастия». И он, Емелька, говорил тому Хлебникову: «Пожалуй, Иванович, отошли к отцу Филарету — я напишу писмо и к твоей милости принесу, у нево де есть мои денги, так я напишу к нему, чтоб он пожаловал вашему посланному отдал». Хлебников сказал: «Хорошо, принеси, я перешлю». И потом, дав ему, Емельке, рубль, разошлись.

И по приходе ево в острог просил он содержащагося тут же колодника Ивана Никитина Бичегова, чтоб он написал от имени его к игумену Филарету писмо, чтоб он пожаловал прислал к нему оставленныя у него ево денги с человеком Хлебникова, которой ему по той его прозбе и написал. А на другой день, как отпустили ево за милостынею из острога, то он пошол на квартиру к оному Хлебникову, которая неподалеку от кремля за мостом, и по приходе, не говоря ни о чем, отдал показанное писмо к Филарету, кое было и не запечатано. И оной Хлебников сказал: «Добро, я отошлю, а коли отец Филарет пришлёт денги, то я к тебе принесу». И потом, простясь с ним, он, Емелька, пошол для збиранія милостыни по городу, оному ж Хлебникову ни о каких своих злых замыслах, тако же и о побеге своем, ничего не сказывал.

После сего времяни означенной Щолоков приходил к нему в острог два раза, а именно в первой раз приносил он всем колодникам милостыню, и в то время, увидя, он, Емелька, оного Щолокова, спросил ево: «Што, Василей Федорович, просил ли ты обо мне господина губернатора и секретаря?» На что оной Щолоков сказал: «Я де просил губернатора и секретаря, и они мне сказали, што, когда де они о тебе дело разсмотрят, тогда и резолюция будет». И он, Емелька, спросил: «Да што ж секретарю, батюшка, обещал ли ты?» И на сие Щолоков сказал: «Я де ему дватцать рублев обещал».

А в другой раз Щолоков приходил к нему в острог спустя после первого раза недели с полторы и по приходе, не говоря ничего, подал ему пять рублев, сказав только: «Прими Христа ради», и он, приняв денги и поблагодарив, спросил ево: «Што, Василей Федорович, не слышно ли чево об моем деле?» На что Щолоков, сказав: «Ничего не слышно», пошел от острога прочь. О злых своих намерениях, тако ж и о побеге

ис тюрмы и что он назывался Петром третьим, Щолокову никогда он, Емелька, не сказывал.

Во время ж содержания ево, Емельки, в остроге познакомился он с содержащимся в том остроге колодником Парфеном Дружининым [23]), и как случалось, что в Казане станут одного ис колодников сечь кнутом, то оной Дружинин говорил: «Што, Пугачов, вот тово и смотри, что как и нас так же выведут да пороть станут». И он, Пугачов, говорил: «Ну, как же быть? Чем переменишь? Вить разве отсюдова бежать?» И оной Дружинин говорил: «Да как же бежать та?» И он, Пугачов, сказал: «А вот как бежать: нас для работы гоняют на Арское поле, так, как туда пойдем, караул-ат за нами не велик, то, сев на судно (а тогда была еще полая вода), да и были таковы». И Дружинин спросил ево: «Да куда ж мы побежим?» И он, Пугачов, сказал: «Премехонко выедем на Иргис». По коим его, Пугачова, словам, как сказывал ему, Дружинин купил лотку, но однако ж, как не могли они найтить к побегу удобного случая, а между тем реки упали, то сие намерение их бежать водою так и прошло.

Но после того стали они з Дружининым советовать, как бы бежать сухим путем. Но он, Пугачов, говорил: «Вить пешим бежать никак нельзя, а надобно б купить лошадь». На что Дружинин сказал: «Конешно, надобно купить». И он, Пугачов, сказал: «Да денги та где? На што купишь лошадь ту?» И оной Дружинин сказал: «Да лошадь я куплю, только как уйдем, то куда мы денимся?» И Пугачов говорил: «Мало места, куда бежать! На Яик, на Иргис, а не то так на Дон! Уш о этом не пекись, найдем дорогу, лишь бы отсюда как выбраться».

После сего разговора помышлял он, Пугачов, что, не подговоря с собою к побегу салдата караульнова, уйтить не только трудно, но и нельзя. Но между тем случилось, что приметил он пришедшего в острог на караул салдата одного из малороссиян, и человек показался ему тихой, не так, как руской солдат, коего он спросил, смеючись: «Што, служивой, служить ли ты хочешь или на волю бежать хочешь?» И оной солдат сказал: «Я б давно бежал, да не знаю, куда бежать та, видишь, стал от своей стороны далеко». И он, Пугачов, сказал: «Бежим со мною да вот с этим человеком», указав на Дружинина, ибо, как он разговаривал с сим солдатом, то Дружинин стоял тут же и весь этот разговор слышал, — на что солдат сказал: «Пожалуй, я готов с вами бежать, куда хотите».

И потом Дружинин сказал ему, Пугачову, а имянно перед петровым постом, что у него лошадь и с телегою уже куплена, на что Пугачов сказал: «Хорошо, таперь только нам надобно сыскать место, где б эта телега приготовленная стояла». И Дружинин сказал: «У меня есть знакомой поп, так мы по утру выпросимся у офицера для нужды к нему, и тут мы посидим, а сыну своему прикажу я, чтоб он с телегою дожидался нас у церкви, которая против двора того попа». И после сего, — а имянно, сколько он припомнить может, на третей или четвертой день петрова поста, — Дружинин говорил ему, Емельке: «Ну, Пугачов, я уж сыну своему приказал, чтоб сего дня приезжал к показанной церкви и нас бы смотрел у попова двора. Так попросимся-ка мы теперь у афицера». На что он, Пугачов, согласился, и оба пошли они проситца у караулного в остроге афицера, — а как зовут того афицера, не знает, —

и просили его, чтоб он отпустил их для нужды к попу, которой их тот час и отпустил, за караулом салдат дву человек, в том числе показанной малороссиянин, с коим оне бежать условились, а другой им не знакомой, к попу. И пошли оне з Дружининым оба, но как пришли к попу, то его не застали дома и так, не мешкав ничего, возвратились в острог, и афицер спросил их: «Што вы так скоро пришли?» На то они сказали, что де попа не застали дома, но погодя часа с три, а имянно как в самые полдни, паки они попросились оба с Дружининым к попу у афицера, который их отпустил за тем же караулом.

Пришли они к попу, застали ево дома. Дружинин, поздоровавшись с попом, как з знакомым человеком, тот час послал Дружинин попа купить вина, пива и меду. И как поп принес, то пили все, а паче поили незнакомого салдата. И как покупное вино выпили, то Дружинин, еще дав попу денег, послал еще ево за вином. Поп еще принес штоф вина и так напоили опасного им салдата, и потом, простясь с попом, пошли все четверо со двора. Поп проводил их к воротам и, спустя со двора, вороты затворил, а они отошли несколько шагов от ворот, увидели кибитку с лошадью, которою правит Дружинина сын. Дружинин закричал: «Емщик, што возьмешь отвезти в кремль?» Оной Дружинина сын сказал: «Пять копеек». Дружинин сказал: «Постой, отвези» и тот час посадили сперва пьянова салдата в телегу, а подле него сел Емелька, Дружинин и другой салдат, их согласник. И, кибитку закрыв рогожею, поехали из города [24]).

А как отъехали от города верст с восемь, то пьяной салдат спрашивал ево, Емельку, «Што, брат, долго едим?» И он, Емелька, смеючись сказал тому салдату: «Видишь, кривою дорогою везут». И после сих слов, отъехав еще с полверсты, остановились, и пьянова салдата Дружинин, взяв в ахапку, ис кибитки высадил, где салдат весма сробел и стал, как изумленной [25]) (оного ж салдата никто из них не тронули ни волосом). А они, ударив по лошади, поехали большою дорогою, и ночью приехали они все в одну татарскую деревню, — а как зовут, не знает, — в которой жила Дружинина жена з дочерью.

Дружинин, взяв жену и дочь и купя у татарина лошадь, поехали в городок, но, как ево зовут, не знает, — и, приехав, не ездя в город, в лес, дождались ночи с тем намерением, чтоб увести из городка двух дочерей Дружинина, ибо у него тут был ево двор. Но как ходил от них из лесу в город сын Дружинина и проведал, что уже в доме Дружинина стоит караул, то они тою ж ночью чрез город проехали, так что никто их не видал, и, доехав до Куравского перевоза, переехали чрез реку Вятку, а оттуда на Керженки, а от Керженки ехали на Котловку, где переехали оне реку Каму, и приехали в село Сарсас.

И по приезде пришло ему в память, что когда держался он в Казанской губернии, то в то время, привожены были из оного села на поселение крестьяня, и приводец оных, того ж села крестьянин, Алексей Кандалинцов, узная о нем, Емельке, что он з Дону, и думая, что он раскольник, с ним познакомился и по тому знакомству сперва спросил ево, откуда он прислан, и как он сказал, что прислан с Иргиса от отца Филарета за крест и бороду, то оной Кандалинцов сказал, что Филарет и ему знаком и он к нему ездит, после чего оный Кандалинцов

давал ему милостину и очень был к нему ласков, почему и захотелось ему с ним повидатца, и для того сыскал ево в том селе.

И, увидясь с ним, Кандалинцовым, спросил его, нет ли у него лошади, чтоб его, хотя ис платы, верст дватцать подвес, потому што у них стали лошади. И оной Кандалинцов сказал: «Да куда тебе ехать? Ты побудь у меня». И он, Емелька, сказал: «Вить, видишь, нас — Садом: мы же бежали ис тюрьмы, так как тебе нас всех держать? Да и кормить та убытошно». И потом, запрягши лошадь в телегу, поехали — Дружинин на своих лошадях, а он с Кандалинцовым позади.

И едучи дорогою Кандалинцов спросил ево: «Куда де ты едишь?» Он сказал, што еду на Яик, а оттуда на Иргис. И Кандалинцов сказал: «Пожалуйста, отстань ты от товарыщей, а я с тобой и сам поеду. Готово *) я один ехать хотел же». И так условились они Дружинина оставить: «Как де станим кормить лошадей, так де ты спрячся где ни есть, и они де поищут тебя, да вить стоять не станут и уедут, а как уедут, так и приди на ту фатеру, на которой остановились», что он, Емелька, и исполнил.

И Дружинин, жена ево, сын, дочь и салдат малороссиянин поискали, поискали ево да и поехали одне [26]). А он с Кандалинцовым поехал в село Сарсасы попрежнему и жил у Кандалинцова недель с пять, Кандалинцову ж ни о каких своих злых замыслах не ведал *), и он ему, кроме, что о бежании им *) ис казанской тюрьмы, ни о чем не сказывал. Где ныне показанные Дружинин и малороссиянин солдат, он не знает, да и прежде, до поимки ево, Емельки, в злодейской его шайке оные не были. Как он, Емелька, з Дружининым ис Казани бежал, то ехали они до показанного села Сарсасы большою дорогою и весьма тихо, но однако ж никакой погони они за собою не видали, да и по дороге ни от кого не слыхали.

Поживши у Кандалинцова, — как выше он показал, — недель с пять, оной Кандалинцов поехал с ним, Емелькою, на ево лошадях на Яик, и, не доехав до городка версты с четыре, попалась им навстречу баба, которую он спросил: «Што, молодушка, можно ли пробратца на Яик?» И оная им сказала: «Коли есть у вас пашпорты, так, пожалуй, поезжай, а кали нет пашпорта, то тут есть салдаты, так вас поймают». И они, испужавшись сих слов, не ездя на Яик, поехали на умет, то-есть постоялый двор, к куму, называемому Еремина курица. Но, не доезжая до оного умета, Кандалинцов, увидев едущих из Яика порожняком Мечетной слободы мужиков, говорил ему, Емельке: «Оставайся ж де ты здесь, а я поеду в Мечетную». И он, Емелька, сказал: «Мне де никак в Мечетную ехать нельзя, меня там схватают. Да как же мне остатца и здесь одному пешему на степи? Вить так поймают. Так продай ты, бога ради, мне своих та лошадей». На что Кандалинцов согласился и лошадей продал за дватцать рублев. И потом, с ним раставшись, поехал к умету Ереминой курицы, но к нему не показался того вечера, а приехал к нему на двор по утру, накануне успеньева дни [27]).

И как увидел ево Еремина курица, то спросил ево: «Как ты, Пугачов свободился?» И он ему сказал: «Бог помог мне бежать, так я ис Казани ушол». И Еремина курица сказал: «Ну, слава богу, што бог тебя

*) Так в подлиннике.

спас!» И он, Емелька, спросил Еремину курицу: «Што, брат, не искали ли меня здесь?» И он сказал: «Нет». Емелька же спросил: «Што слышно на Яике?» И Еремина курица сказал: «Смирно». Емелька спросил же: «Што, Пьянов жив ли?» И Еремина курица отвечал: «Пьянов де бегает [28]), для того что проведали на Яике, што он подговаривал казаков бежать на Кубань».

И, побыв у Ереминой курицы два дни, оной позвал ево, Емельку, в баню, и он ему сказал: «У меня рубашки нет». И Еремина курица сказал: «Я де свою рубашку дам». И потом пошли только двое в баню. А как взошли в баню, и он, Емелька, разделся, то увидел Еремина курица на груди под титьками после бывших у него, Емельки, от болезни ран знаки и спросил ево, Емельку: «Што у тебя это такое, Пугачов, на груди та?» И он, Емелька, догадался, что, конечно, ему Пьянов о том, что он (как выше сего показал), Пугачов, бывши на Яике, называл себя Петром третьим, сказал, то он, Емелька, сказал Ереминой курице: «А это знаки государския». И Еремина курица, услыша оное, сказал: «Хорошо, коли так».

И он, Емелька, спросил Еремину курицу: «Што ж, как ты думаешь, будут ли яицкие казаки согласны и примут ли меня?» И на сии слова Еремина курица говорил: «А вот ко мне скоро будет казак Закладнов, так я ему поговорю, чтоб он прислал ко мне хорошева человека, ково я знаю».

После сих слов Закладнов к Ереминой курице приехал, а как приехал, то Еремина курица сказал Закладнову про него, Пугачова, что он — Петр третей: «И скажи де ты Караваеву, чтоб он сюда приехал, мне де надобно с ним поговорить». Закладнов, посмотри на него, Емельку, и не говоря ничего, тот же день поехал на Яик, а как Закладнов уехал, то Еремина курица сказал ему, Емельке: «Вить де я Закладнову о тебе, что ты — Петр третий, поведал».

Спустя после сего дня с три приехал к ним Караваев и сперва говорил не знаемо что с Ереминой курицей, а потом, взошед в избу оной Караваев и подошед к нему, Емельке, говорил: «Мне де Еремина курица сказывал про тебя, что ты — Петр третей». И он, Емелька, сказал: «Так, подлинно есть я Петр третей и примут ли меня ваши казаки?» На сие Караваев сказал: «Я теперь тебе ничего сказать один не могу, а поеду домой и скажу хорошим людем, так пускай и они приедут к тебе, так тогда и положим, как делу быть». И он, Емелька, спросил: «Да когда ж вы сюда будите?» И Караваев сказал: «Да мы де будем в середу». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, приезжайте, а я между тем съезжу в Мечетную и в середу назад буду». И отобедав Караваев поехал на Яик.

По отъезде ж ево советовал он с Ереминой курицой, что, как Караваев и другие казаки в середу приедут к ним и что-нибудь о нем положут, так «вить это надобно написать, а у нас грамотея нет, так я хочю съездить в Верхней монастырь и там взять писаря, — так он покуда и станет всякия дела писать, а к тому ж мне надобно съездить в Мечетную к куму и забрать у него рубашки и лошадь». И так Еремина курица согласился и тот же день, севши в телегу на дву лошадях, поехали и сперва заехали на хутор Верхнева раскольнического монастыря и спросили, нет ли тут какого писмянного человека, где им сказали, что нет. И Еремина курица пошол в монастырь, нет ли тамо та-

кого писмянного человека, но возвратясь сказал, что и там такого человека нет.

И он, Емелька, Ереминой курице говорил: «Съездим же мы в Мечетную к куму для взятья рубах и лошади, которая осталась после взятья ево в Малыковку под караул. И, оседлав он, Емелька, свою, а Еремина курица выпросил у старцов лошадь, поехали в Мечетную верхами. А как приехал к куму и его дома не было, а сказал сын ево, что он возит с поля хлеб, но однако ж скоро приехал и, как приехал домой, то он, Емелька, спросил того своего кума: «Што, братец, где мои остались у тебя рубашки, рыба и лошадь?» И на то оной кум сказал, што это все у него взяли в Малыковку, да и ему было хлопот. И он, Емелька, сказал: «И кому это взять? Оно все у тебя». И оной же кум спросил ево: «Да как же ты ис Казани та вышел?» И он на то сказал: «Слава богу, бог освободил!» И кум же ево спросил: «Да есть ли у тебя пашпорт?» Он сказал: «Есть». И кум спросил: «Да где ж он?» И Емелька сказал: «Вон де у меня пашпорт лежит в телеге для тово, што, видишь, идет дозжик, то, штоб не замочить, и оставил в телеге».

Догадался он, Емелька, что кум собирается его изловить, то тот же час севши на лошадь, поехал с Ереминой курицей в монастырь к старцу Пахомию. И коль скоро они в оной монастырь взошли, то монахи закричали: «Смотрите! За вами погоня!» И он, Емелька, услыша оное, говорил: «Еремина курица, убирайся за Иргис». Он на то сказал: «Ты поезжай себе, а мне чего боятся и от чего бежать?» И он, Емелька, сев в лотку, чрез Иргис переехал и пошел в лес, а Еремина курица остался в монастыре. И как уже он переехал через реку, то слышен был голос Ереминой курицы, что ево били [29]), и он кричал. Был он, Емелька, на той стороне Иргиса часа три ночи, а как уже люди угомонились, то он, переехав к хуторам монастырским и впрегши свою лошадь в телегу, тайно от старцов поехал на умет к Ереминой курице.

И по приезде на умет только што выпрег лошадь, то пришол к нему Караваев и сказал: «Я де привез Шигаева, так пойдем де к нашей телеге, а здесь де много людей ездят, так еще кто увидит». Почему он, Емелька, и пошел. Тут, нашед Шигаева, поздоровались и, как время было около обеда, то они все трое сели есть [30]), а как сели, то в степи увидел он, Емелька, двух разъезжающих в степи неподалеку от них на лошадях верхами казаков и спросил: «Што это за люди разъезжают?» Шигаев сказал: «Это де наши казаки — Зарубин, он же Чика (и после будет называтца Чернышовым), и Мясников». И как оные казаки стали подъезжать к ним блиско, то Шигаев сказал ему, Емельке: «Встань, пожалуй, да пойдем поодаль, чтоб они тебя не видали. Зарубин ать человек некрепкой, он разболтает, так де дела та мы не зделаем, а хлопот наведем». И так он с Шигаевым несколько сажен и удалились.

Зарубин и Мясников, подъехав к Караваеву, спросили: «Што ты делаешь здесь?» Караваев сказал: «А вот стреляем сайгов». И Зарубин сказал: «Што вы таитесь? Мы знаем, чево вы здесь ищите, да вить и мы того же ищем». И Караваев сказал: «Ну, коли вы уж знаете...», то Караваев закричал: «Шигаев, подите сюда», почему он и Шигаев и пришли и пришед поздоровавшись сели есть.

А как сели, то Караваев говорил ему, Емельке: «Ты де называешь себя государем, а у государей де бывают на теле царские знаки», то Емелька встал з земли и, разодрав у рубашки ворот, сказал: «На вот, коли вы не верите, што я государь, так смотрите — вот вам царской знак». И показал сперва под грудями, как выше сего он говорил, от бывших после болезни ран знаки, а потом такое же пятно и на левом виске. Оные казаки Шигаев, Караваев, Зарубин, Мясников, посмотря те знаки, сказали: «Ну, теперь верим и за государя тебя признаем» [31]). И потом, поевши арбуза, встали, и Шигаев сказал: «Ну, братцы, я ево до времяни отвезу к себе на хутор». А Зарубин сказал: «Нет, у тебя на хуторе много людей ездют, так опознают, а лутче я ево возму на свои руки». И Шигаев сказал: «Возми хоть ты, только надобно сберечь».

И потом все они пятеро поехали под Яицкой городок, но, не доезжая до города, как был час ночи, заехали на умет, которой на большой дороге. Шигаев и Караваев, поужинав на умете, поехали в город, сказав притом Шигаев: «Нам надобно в город въехать так, чтоб никто нас не видал». А он, Емелька, Зарубин и Мясников, начевав на умете, по утру поехали, и, едучи дорогою, Зарубин сказал ему: «Я де тебя, надежо государь, повезу к Кожевникову». И потом ехали они трое целый день вместе, а как стало к вечеру, то Зарубин поехал наперед один, и потом скоро возвратился и идет уже им навстречу пешком сам друг. И подошед пришедшей с ним, то-есть Андрей Кожевников, поклонясь сказал ему: «Милости прошу, только опасаюсь я, чтоб не проведали». И он, Емелька, сказал: «Пожалуйте, детушки, поберегите меня и не выдайте, а я вас заступать рад». И потом пришли в дом Кожевникова, где и ужинали.

С сего времяни стали уже все казаки, которыя к нему пристали, называть его, Емельку, надежой государем.

Отужинав Мясников поехал в город, а Зарубин и он остались у Кожевникова. А на другой день поехал в город и Зарубин, но на другой день приехал опять и привес с собою казацкое знамя, сказав: «Вот, надежа государь, это знамя было в походе, но я его атаману не отдал, я теперь вашему величеству оно изгодилось», за что он, Емелька, Зарубина похвалил и сказал: «Да нет ли де еще знамен та?» И Зарубин сказал: «Есть кое у кого у наших, так де я поищу».

Пожив у Кожевникова в доме неделю, оной Кожевников ездил в Яик и по приезде сказал ему: «Ну, надежа государь, убирайтесь — из города собирается сыскная команда вас ловить». Он, Емелька, испужавшись, сев на лошадь и взяв с собою Зарубина и Мясникова, поехали, и оные Зарубин и Мясников провезли его верст тритцать на реку, называемую Усиху. И по приезде, покормя лошадь, Мясников поехал в город для разведания, што там делаетца и в которое место команда наряжена, а он, Емелька, з Зарубиным остался один на Усихе. Но как им стало скушно, а притом хотели сведать, што не была ли каманда у Кожевникова, того же дня, как до вечера часа за два, поехали на хутор к Коновалову, ибо оной подле Кожевникова в соседстве, а к Кожевникову ехать они побоялись.

Приехав вечером к Коновалову, спросили ево: «Што, Василей Семеныч, не было ли из города присылки?» Оной им сказаль «Нет, все

было тихо». Потом пришли к Коновалову Михайло и Сидор Кожевниковы, и из них Сидор говорил (на спрос ево, Емелькин, што в городе делаетця), что де «в городе стали, было, наряжать для поимки вас сыскныя каманды и объехали кругом города, но, как никово не нашли, то каманды приехали в город, и таперь, слава богу, все утихло. Я де только што приехал из города». И потом тою же ночью до свету из дому Коновалова он, Емелька, Зарубин, Коновалов, Михайла и Сидор Кожевниковы поехали опять на Усиху.

А как приехали на Усиху, то того ж дня в вечеру приехал к ним из города показанной Мясников. И как он его спросил, што в городе говорят, то оной Мясников сказал: «В городе де старики положили, чтоб вашему величеству здесь жить до того времяни, как пойдут казаки все на плавную, а как соберутца, так де те, которыя с нами согласны вас принять, те все и отберутся от несогласных да и приедут сюды».

После сего спустя приехали к нему, Емельке, тут же на Усихину *) казаки Дмитрей Лысов да Козьма Иванов, — прозвания не знает, — из городка, которыя, сказав ему, что в городе тихо, и казаки де положили принять ево, Емельку, как пойдут на плавную, и побыв у него не больше как час времени, поехали обратно в город, коим он, Емелька, говорил: «Пришлите ко мне писаря да кафтан», с чем оне и поехали.

После сего вскоре приехали из города два или три казака, — а имян их не помнит, — и привезли к нему семь старых знамен казацких. А как оне были ветхи, то приказал он Михайлу Кожевникову, чтоб он их починил и совсем как надобно приготовил, почему оной Кожевников те знамена и отвес к себе на хутор. После сего вскоре ж приехали к нему казаки Иван Почиталин да Василий Якимов и привезли с собою канаватной бешмет да кафтан и шолковый кушак. И он, Емелька, спросил: «Кто это ко мне прислал?» И Почиталин сказал: «Это — мое, я вашему величеству кланяюсь». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую, я тебя не оставлю, и будь ты при мне секретарем» [32]).

После сего скоро ж приехал к нему Яицкого ж войска казак ис кибиток Идорка, татарин некрещеной, да другой с ним Баранга, коих он спросил, зачем они к нему приехали. И оне сказали, что приехали ево поглядеть и проведать и служить ему. Он им сказал: «Хорошо, послужите, я вас не оставлю, бутте при мне».

В тот самой день приехал из города казак меньшой Кожевников, — но, как зовут, не помнит, — и сказал ему: казак де, — коему сказал и имя, но он таперь не помнит, — при народе в городе пьяной выговорил, что де царь стоит на Усихиной, коего де казаки взяли под караул, а сюда де послана каманда, да брата де Михайлу также уж приезжая из города каманда взяла (это самой тот Михайло, которой чинил знамена, и оные уже опять переслал к нему, Емельке).

И как он сии вести услышал, то он испужавшись закричал: «Казаки, на кони!» И потом поскакали, а куда, не знает, но, как несколько от того места, где их был табор, отскакали, то он, Емелька, спросил Зарубина и Почиталина: «Куда-ж это мы едим?» И на то Зарубин и Почиталин сказали: «Ехать больше некуда, как поедим на хутор к Толкачовым». Сей хутор от их табора верстах в сороке, а от городка верст со сто. При отъезде их с табора остался у них безлошадной казак, при-

*) Так в подлиннике.

ехавшей с Почиталиным, Василей Якимов, о коем опосле он сведал, что его взяла посланная каманда под караул.

Не доезжая Толкачовых хуторов, послал, он, Емелька, Почиталина вперед с тем, чтоб он их спросил, примут ли они ево к себе. Почиталин поехал, и чрез несколько часов едит он неподалеку от хутора Толкачевых к ним навстречю, и он, Емелька, спросил Почиталина: «Што, примут ли меня?» На что Почиталин сказал: «Я де только Андрею Толкачову сказал, что едит к вам на хутор государь, то вы ево примите ль? — и оной Толкачов сказал: «Добро пожаловать, мы ево примем с радостию». Почему они и приехали прямо на его, Толкачова, хутор. Толкачов был ему рад.

Как же он поехал на хутор, то упомянутые татара Идорка и Баранга с ним не поехали, а сказали, што «мы де поедим домой и скажим об вас другим своей братьи татарам, и когда де вы пойдете в город, так мы вить вас увидим, то тогда за вами и пойдем вместе; ежели ж вы не пойдете, так мы и останемся в своих кибитках».

Разставшись с оными татарами и прежде еще посылки Почиталина к Толкачову на хутор, говорил он, Емелька, Зарубину и Почиталину: «Што мы едим к Толкачову собирать народ? Ну, как народ сойдетца, а у нас писменнова ничего нету, што б могли народу объявить». И потом сказал Почиталину: «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенечко», ибо он не знал, чтоб сказать: «Манифест напиши». И оной Почиталин и все, остановясь в поле, писал, что хотел, ибо он не одного слова не знал, как бы написать надобно, и по написании ему при Зарубине, Коновалове, Михайле и Сидоре Кожевниковых оную написанную им бумагу прочол, о которой притом Почиталин сказал, что де это манифест и надобно де вашему величеству подписать самому. Емелька сказал: «Подпиши ты, а я до времяни подписывать не буду». А как Почиталин названный манифест прочол, то, как ему, Емельке, так и показанной его сволочи понравился больно, и оного Почиталина как он, так и все хвалили и говорили, што Почиталин гораст больно писать [33]).

И потом приехали к Толкачову, который его принял. По приходе в избу Чика говорил Толкачову: «Поди шь, Толкачов, скажи своим соседям, што государь приехал и штоб они к нему пришли», ибо подле оного Толкачова хуторов много поселено. По сим словам Толкачов пошол, и весьма скоро нашло к нему, Емельке, народу человек, — как помнитца ему, — больше сорока, между коими были по имяном ему знакомы Яким Давилин да Степан Щолохов, а другим никому имя в той куче он не знал. И как эти люди вобрались в избу, то он, Емелька, приказал Почиталину показанную написанную им в поле бумагу читать, но прежде читанья говорил он собранной куче: «Слушайте, детушки, што будет читать Почиталин, и будьте мне верны и усердны, а я вас буду жаловать». И потом Почиталин стал читать, а как прочол, то он, Емелька, всех спросил: «Што, хорошо-ль? И вы слышали-ль?» На што все единогласно закричали: «Хорошо, и мы слышали и служить тебе готовы!» А как Почиталин ту зделанную им сквернную бумагу читал, то все люди были тогда в великом молчании и слушали, как он приметить мог, весма прилежно.

И потом он, Емелька, той собранной злодейской его куче говорил: «Ну, таперь, детушки, поезжайте по домам и разошлите от себя по фар-

постам и объявите, што вы давича слышали, как читали, да и што я здесь». И они единогласно сказали: «Слышим, батюшка, и все исполним и пошлем как к казакам и к калмыкам». И он, Емелька, им сказал: «Хорошо, и завтра рано, севши на кони, приезжайте все сюда ко мне». Почему сия толпа вся и разошлась. Сбирался ж он сей толпе приказывал для того, что, как еще они ехали к Толкачову на хутор, то тогда положил он з Зарубиным, Кожевниковыми, Почиталиным, чтоб, сколько на хутор людей не зберется, мало или много, однако ж ехать в город и, ежели удасса, то завладеть городом, а противников наших всех перевяжем, а буде удачи не будет и нас мало будет, то уже тогда бежать им, кто где спастись может.

А по сему условию он, Емелька, то свое намерение и исполнил, то-есть на другой день поутру с фарпостов и из домов съехались русских казаков и калмыков человек с шездесят и, севши на лошадей и взяв с собою вышеупомянутые семь знамен, пошли, распустя оные, к Яику. И как пришли к кибиткам кочующих татар, кои причислены к Яицкому войску, где вышел с татарами помянутой татарин Идорка з другими татарами, — но, сколько числом, не знает, — и Идорка, подошед к нему, Емельке, говорил: «Не изволишь ли, государь, написать письмо и послать к Маралихану, што вы здесь находитесь и штобы он прислал к вам на помощь войска, а я думаю, что он пришлет человек сто-другое». И Емелька сказал: «Хорошо б послать да кто ж письма та напишет?» И оной Идорка сказал: «У меня напишет сын мой Болтай». И Емелька сказал: «Ну, хорошо, вели ж сыну та хорошенько написать» [34]), которой и написал, но, что было написано он не знает. И потом оной Идорка с тем письмом послал каманды своей татарина, — как зовут, не знает, — но как пришли они к татарским кибиткам вечером, то уже тут и начевали. Сия их станция была от города не более как в сорока верстах, но только из города никакого поиска не было.

На другой день пошли оне к Яику и, не дошед до города верст пять, остановились. А как остановились, то толпа его стала час от часу умножатца, и собралось ее как, например, до двусот человек. А как оне пришли на оное разстояние, по увидел он, Емелька, стоящую под городом каманду казаков и полевую лехкую каманду ж, которая стояла неподвижно. И он, Емелька, желая, чтоб его в город пустили без драки, то, по совету бывших при нем Почиталина, Зарубина, Кожевникова и Коновалова, велел он Почиталину послать к казачьему каманди-ру Акутину написанной им злодейский манифест с тем, чтоб он прочол ево во всем войске. И с тем манифестом злодейским послал Почиталин казака Быкова, который отвес и отдал Акутину, но Акутин не читав отдал офицеру Крылову, а Крылов, так же не читав, положил в карман. Быков по подаче Акутину возвратился к нему и об оном ему объявил.

За оным вслед пришол к нему из означенной городской каманды казак Андрей Овчинников и привел с собою несколько казаков, а за Овчинниковым пришол ис той же городской команды казак Дмитрей Лысов с другими казаками и по приходе сказали ему, что де «манифеста твоего не читали, хотя казаки сильно того просили, и казаки де почти все желают тебе служить». Но как уже стала наступать ночь, то он со своею злодейскою шайкою пошол к реке Чиган. А как скоро он

с прежнего места сшол, то из городской каманды послана за ним в погоню каманда с старшиною Андреем Витошновым, человеках в двух стах, где был и вышеписанной Шигаев. Он, Емелька, увидя ту каманду, остановился и стал нажидать на себя, думая, что оне станут с ним дратся, ибо и у него было его толпы человек так же з двести. Но оной Витошнов дратца с ним не стал, а пристал с камандою к нему. А как пристали, то каманды ево, Емельки, казаки Свчинников, Давилин, Лысов, — одним словом, почти все, — привели к нему одиннатцать человек связанных и приносили на них разные жалобы, — но, кто оные одиннатцать человек казаки имянами, не знает, — и он, Емелька, на те их жалобы сказал: «Держите их до завтре под караулом, а завтре резолюция будет».

А потом того вечера перешли речку Чиган и тут начевали, а поутру означенныя просители все к нему приступили и говорили, чтоб он от оных одиннатцати человек их избавил, и он, Емелька, видя столь сильную их жалобу и хотя их тем удовольствовать, чтоб оне к нему были усерднее, а другим, кои ему не хотят быть верными, подать страх, приказал казаку Ивану Бурнову тех одиннатцать человек повесить, которой по собственному своему желанию и повесил, а показанные просители после тех повешенных разделили по себе бывшую на них одежду.

Запамятовал он, Емелька, выше сего показать, коим образом в первой день приходу его с своею сволочью под город Яик, и имянно прежде еще посылки от него в стоящее подле города верное войско с злодейским манифестом казака Быкова, повесить он, Емелька, приказал верных войск казака Шкворкина. Как он с своею сволочью был на походе ис Толкачова хутора, то, не доходя до городка верст двенатцать, привели к нему оного Шкворкина его злодейския казаки,—имян их не знает, — и сказали ему, Емельке, что де этова Шкворкина поймали они кроющагося в хуторах, а он де послан шпионом из городка разведать о вашем величестве. И он, Емелька, спросил сам того Шкворкина: «Зачем ты здесь по хуторам позади моего войска ездишь? И откуда ты послан?» На что оной Шкворкин сказал: «Я де послан от старшины Мартемьяна Бородина из городка проведать об вас, где вы идете и сколько у вас силы, а проведав о том, ему сказать, чево де ради стороною мимо вашей силы и пробирался опять с тем известием, что где вы идете в городок». И он, Емелька, выслушав сии слова, сказал тому Шкворкину, сидевши на лошади и не останавливаясь: «Ты — человек молодой, и должно было тебе мне служить, а ты еще поехал против меня шпионничать, а тебе б, коли мне не хотел служить, так сидеть уже было дома, а проведать та бы пусть ехал кто постарея и посмышленея тебя». И потом, выговоря эти слова, оного Шкворкина так и оставил едущего в его шайке. Но, как приехал он с своею злою шайкою на хутор, — а чей не знает, — и остановились отдыхать, и он и все слезли с лошадей, то, тот час подошед к нему, Емельке, двое казаков — Яким Давилин да Дубовов, — а как зовут, не знает, — говорили, приветчи оного Шкворкина с собою: «Надежа государь, прикажи сего злодея повесить. Отец ево нам делал великия обиды, да и он, даром што молот, но так же, как и отец, нас смертельно обижал». А притом и другия злодейской его артели казаки в розные голоса за-

кричали: «Подлинно он, батюшка, плут, прикажи его повесить — таковской». И он, Емелька, не размышляя нисколько, сказал: «Ну, кали он такой худой человек, так повесить его», которого тот час схватили и тут же при нем и перед всею сволочью повесили, — но, кто имянно вешал, не знает.

В самое то время, как повесили Шкворкина, пришол к нему татарской мулла и говорил чрез переводчика, помянутого выше [сына] сего Идорки: «Киргиса-каисацкой Муралихан приказал вам кланятца и прислал в подарок вам чекан», который ему и отдал. И он, Емелька, велел того татарина спросить, што он за человек и зачем прислан. И оной отвечал: «Я де мулла и прислан поклонитца, а притом и вас посмотреть, для того, что я бывал в Москве и в Петербурге и государя видал». На что он, Емелька, велел спросить: «Што, узнал ли он меня, что я государь?» На что оной мулла отвечал чрез оного Идорку: «Как не узнать? Я узнал, что ты государь». И потом оной мулла говорил: «Марали де хан приказал ваше величество просить, чтоб вы написали к нему писмо». И он, Емелька, Идоркину сыну Болтаю приказал написать писмо в такой же силе, как и первое к нему было послано, то-есть, чтоб он прислал к нему на помощь своего войска хотя б человек двести.

И в оных обоих к Мурали хану писмах велел себя он, Емелька, именовать императором Петром третьим. И по написании того писма оной мулла от него поехал. Что ж в письме Болтай написал, он не знает, оного муллу ничем он, Емелька, не дарил, для того, что у него и у самого денег ни копейки не было. Оную ж от Мурали хана силу требовал он не столько для помощи разбойничать, как для славы такой, что ему и уже орды прикланяютца.

Коль скоро муллу он отпустил, то яицкие казаки, — кто, имяны не знает, — привели к нему сержанта и сказали, что де он из Яицкого городка от каменданта послан по всем [фарпостам] до Астрахани курьером. И он, Емелька, спросил, есть ли у него писма и куда он едет, на что оной сказал ему, что «я де еду по фарпостам, чтоб стояли караулы осторожно, для того, што де орда пришла к Яику». И он, Емелька, сказал: «Ну, кали ты за этим послан, так поезжай», которой, было, и поехал, но подводчик, яицкой казак, не повезя оного сержанта в путь, а пришод сказал казаку Давилину: «Этот де сержант государя та обманул, вить де он везет указы во все места, чтоб государя та везде ловить и называют его не государем, а донским казаком Пугачовым».

И оной Давилин того сержанта привел к нему, Емельке, и об оном о всем ему рассказал, причем и взятыя у того сержанта тем Давилиным бакеты ему отдал. И он, Емелька, те бакеты велел Почиталину распечатать и прочесть, который при всех злодейской его шайки людях и читал. в коих было написано, чтоб везде ловить его, Емельку, и точно сказано о нем, что он — беглый донской казак Емельян Пугачов. И он, выслушав, те указы велел изодрать и бросить, а сам говорил при всей своей сволочи слова такие: «Што Пугачова ловить? Пугачов сам идет в город, так пусть, коли я Пугачов, как оне называют, возьмут и свяжут, а коли я государь, так с честию примут в город». И потом кричал на того сержанта, для чего он ево обманул и не сказал правды, и тот час закричал: «Приготовьте висилицу», кою и приготовили при глазах оного сержанта. Сержант, кланяясь ему в ноги и плачучи, гово-

рил: «Виноват перед вашим величеством, помилуй, я вину свою заслужу вам». А злодейской шайки его казаки закричали: «Што на него смотреть? Прикажи повесить!» Но он, слыша, что оной сержант обещался ему служить да и показался ему человек молодой и что объявил, что он и писать умеет, а как у него был писарь только один Почиталин, то сего ради говорил он, Емелька: «Добро, господа казацкое войско, я его прощаю, пусть ево и мне и вам служить станет», почему вешать его и не велел, а остался в команде Почиталина писарем.

После того как повешены [были] вышеозначенные одиннатцать человек за речкою Чеганом, того же утра пошол он со всею своею воровскою артелью, коей уже набралось сот до пяти, и все яицкие казаки опять к Яицкому городку, и как подошли на пушечной выстрел, то вышедшая из города каманда стала по его сволочи стрелять ис пушек, но однако ж из его толпы не одного не ранили, да и ядры, как ниско опущены были пушки, до них не доходили. Он, Пугачов, простоя на том месте с час и видя, что к городку под пушки подойтить неможно, то, по совету Андрея Овчинникова и Дмитрия Лысова, Шигаева, Витошнова, от города, не слазя с лошадей, поворотил со всею толпою прочь от городка и пошли вверх по Яику.

И, отошед верст двадцать, остановился для корму лошадей и потом собрал он круг, и в том кругу пожаловал он, Пугачов, злодейской своей толпы способников своих во всех злых его делах бывших яицких казаков, а имянно: Андрея Овчинникова — атаманом, Дмитрия Лысова — полковником, Андрея Витошнова — есаулом и других, — а кого имянно, не упомнит, — в разные казацкие чины, то-есть в сотники и хорунжия. И как он тех всех изменников теми чинами объявил, то они кланялись и целовали руку ево, Емелькину.

В то ж самое время показанного сержанта, которого он не повесил, спросил он, Емелька, умеет ли он написать присягу, и оной ему сказал: «Умею», — то он, Емелька, сказал: «Поди-шь, напиши как водитца поварове [?]». Оной сержант, доколе еще круг не разошелся, тот час написав, принес к нему, и он, Емелька, взяв присягу, отдал Почиталину и велел громко, чтоб вся его сволочь слышала, прочесть, которой и читал [35]), а как прочол, то все единогласно закричали: «Готовы тебе, надежа государь, служить верою и правдою».

В сей злодейской составленной мерской бумаге написано было, сколько помнит он, что называли его Петром третьим и что тут же [было] написано, что он жалует Яицкое войско, которые ему, Емельке, верно служить будут, рекой Яикой с верх до устья рыбными ловлями и всеми морями и лугами. Эти последние слова написаны по прошению злодейской его шайки яицких казаков, ибо они его о том просили, где так же по прозбе ж их написано, что жалует он их вольностью, крестом и бородою.

После сего злого совещения показанных Овчинникова и Лысова, как главных своих в сем зле сообщников, спросил он, Емелька: «Куда ж отсюда мы пойдем?» (о сем он спросил потому, что он нимало о сей дороге не ведал, равно и какие там города есть). И оные ему сказали: «Отсюда де пойдем мы чрез все фарпосты нашего Яицкого войска [36]), кои де с нами согласны, и их всех поберем за собою», а, не доходя до Илецкого городка, Овчинников в городок поедит один наведатца, при-

мут ли ево, Емельку, илецкие казаки. И Лысов сказал: «Как не принять?»

И потом пошел он со всею своею сволочью по берегу реки Яика, проходя все фарпосты без малейшего супротивления, на коих фарпостах взяли они или, лутче сказать, фарпостные караульщики отдали, — три чугунные пушки со всеми снарядами. Сколько тех фарпостов прошол, и как те фарпосты назывались, и кто имянно на тех фарпостах камандиры были, он не знает, а может о том показать Овчинников, ибо он, как выше сего показал, в тех местах никогда не бывал.

Сколько помнитца ему, шли они до Илецкого городка трои сутки, и потом, не доходя Илецкого городка верст за семь, вся толпа остановилась, и он, Емелька, взяв от Почиталина два написанные злодейские возмутительные манифеста, отдал Овчинникову с таким приказом, чтоб он, кали ево впустят в город, то б один его злодейской манифест отдал атаману Лазареву, а другой — илецким казакам с тем, чтоб Лазарев тот манифест при собрании казаков прочол, а буде он читать не станет, то б прочли казаки сами. Оной Овчинников с сими скверными бумагами поехал, взяв с собою казаков шесть человек.

Овчинников поехал от него, Емельки, в Илецк уже вечером, а по утру на другой день рано прислал Овчинников к нему, Емельке, яицкого казака с тем, что де Илецкое войско принять его, Емельку, желают и встретят де его, Емельку, с хлебом и солью. И он, Емелька, услышав эти слова, тот час собравшись со всею своею артелью, поехал в Илецк. И как подъехал он к городу, то встретили его за городом два попа в ризах со крестом, а казаки з знаменами, кои, как он равнялся против их, и уклоняли. Он, Емелька, а потом и вся его толпа спешились, и он, подошед ко кресту, приложился, а как приложился, то попы целовали его, Емелькину, руку. По входе в город пошол прямо в церковь и приказал петь за здоровье Петра Федоровича, знав он, Емелька, что он давно скончался, молебен, где попы молили за него бога, а в эктениях ли или в чом другом, как он человек безграмотный и устава церковного ничего не знает, того сказать он не может, — только слышал он, што много раз пели: «Господи, помилуй».

По отпении молебна помянутой сержант отдал написанную Почиталиным изменническую присягу попу. Поп оную читал и после присягнул, а потом приводил илецких казаков к оной, но цаловали ли крест и евангелие, он не знает, потому что он, Емелька, по отпении молебна ис церкви скоро вышел.

По выходе ис церкви пошол он в дом Творогова Ивана, потому что тут ему Илецкое войско отвело квартиру, а прежде ево не знал. По приходе к Творогову спросил он Овчинникова: «Где здешней атаман Лазарев?» Овчинников ему сказал: «Я его арестовал». И он, Емелька, спросил: «За што?» И Овчинников говорил: «А вот за што арестовал. Ваше величество приказали, чтоб посланной от вас манифест он прочол казакам, но он читать не стал, а положил в карман. Он же де разломать приказал чрез Яик мост и вырубил два звена, чтоб вам с войском перейтить было нельзя, а после хотел уже и бежать». И как скоро Овчинников сии речи окончил, то Творогов, Горшков и все

сколько ни было в избе у Творогова илецких казаков все заговорили, что оной Лазарев великия им делал обиды и их раззорял. Он, Емелька, выслушав все сии слова, Овчинникову сказал: «Прикажи ево, Лазарева, коли он такой обитчик, повесить».

И после обеда, как пошел он, Емелька, за город, то в то самое время при нем, Емельке, того Лазарева на зделанной висилице помянутой же Иван Бурново и повесил. Но он, Емелька, с Лазаревым ни одного слова не говорил и прежде ево нигде никогда не видывал.

После сего в тот же день поехал он около всей крепости и, как объехал, то имевшиеся на крепости пушки приказал снять и, выбрав годных три или четыре, велел под них зделать лафеты, ибо под ними оных не было, а валялись на земле, потом забрал весь порох, — а сколько, не помнит,— и свинец и к тем взятым пушкам ядры. К оным и ко взятым на фарпосте пушкам камандиром определил он казака Федора Чумакова. А оставшее после Лазарева имение все пограблено ево сволочью, и имянно Зарубиным, а о других он скажет, — а ему принесено денег триста рублев да ковш, два бешмета, кафтан и коноватная шуба да кушак.

Побыв в Илецкой крепости две ночи, переправился за реку, и того ж дня пошол он со всею своею сволочью, к которой пристали илецкие казаки, как думает он, человек с триста, к Рассыпной крепости и, отошед от Илецкой крепости, остановился и остановясь зделал круг и в том кругу упомянутого илецкого казака Ивана Творогова объявил Илецкого войска полковником, казака Максима Горшкова — секретарем, а есаулов, харунжих велел выбрать самому Творогову по своему усмотрению.

Как же он, Емелька, пошол из Илецкой крепости, то оную поручил эсаулу станишному, — а как зовут, не знает, только человек оной престарелой, — и потом, накормя лошадей и распустя означенной круг, пошли под Рассыпную крепость. И как Овчинников с ево сволочью стал подходить к крепости, то из оной стреляли небольшое дело из ружей, но сволочь ево усиливалась и, отбив в крепости ворота, вошла в оную. Камендант той крепости, — а какого чина и как ево звали, не знает, — запершись в камендантском доме, из окошек отстреливался, и казаки хотели, было, зажечь его дом, но как он, Емелька, в крепость въехал, то жечь, затем, чтоб не выжечь всей крепости, зажигать не велел, а приказал оного каменданта достать так. Казаки кинувшись выломали двери и оного каменданта и двух афицеров взяли. И он, Емелька, за то, что он противился и заперся в доме с афицерами и что он и те афицеры ранили из ево сволочи двух казаков, велел оных каменданта и обоих афицеров повесить, которых тот час, выведя за крепость, и повесили при нем, Емельке.

И потом, взяв в той крепости три чугунные пушки, пять боченков пороху и несколько ядер, ис крепости вышли [37]), салдат же, кои в крепости были, так же и казаков, потому што оне им не противились, взяли с собою и причислили к своей злой шайке, а крепость поручили тутошной крепости жителю, — а как зовут, не знает, — коего он назвал атаманом. Как они подходили к крепости, то ис пушек по них не палили. Потом от оной крепости пошли к Озерной крепости, но не дошед на дороге начевали, куда прислали к нему оставшие в Илец-

ком городке казаки казака, — как зовут, не помнит, — в том, что тот казак по уходе ево, Емельки, из Илецка послал с уведомлением о нем, Емельке, что он намерен итти в Оренбурх, сына своего к тамошнему губернатору, в чем оной казак при допросе Твороговым винился, за что он, Емелька, приказал того казака повесить, что Творогов и исполнить велел.

Как же пришол он с артелью своею к Озерной крепости, то стали из оной стрелять ис пушек, и продолжалась пальба часа з два, но напоследок ево сволочь, отбивши ворота, ворвалась, где Давилин той крепости каменданта срубил до смерти [38]), да еще видел он, Емелька, одного убитого афицера и человек десять рядовых, но кем убиты, не знает. И потом, забравши оставших салдат, — а сколько числом, не знает, — так же пушек, сколько не помнит, да пороху пять бочек и несколько ядер, пошли под Татищеву.

Как оне шли к Татищевой, то встречю шол его толпе брегадир Билов, но, услышав, что толпа его, Емелькина, идет блиско, то он с пехотою и с казаками и с пушками и з двумя единорогами пошел назад к Татищевой крепости, а против толпы его оставил легкую каманду человек со ста и одну пушку при дву афицерах. И как его толпа была больше, то афицер один приказал, было, стрелять, но его тотчас застрелили ис пищали, то салдаты оробев положили ружья, а другого афицера, коего называли Иваном Иванычем, казаки схватили. И как афицера, так и салдат приказал он, Емелька, отвести в свой воровской стан.

После сего послал он Татищевской крепости с казаком, которого толпа его поймала бродящаго по полю пешего, воровской свой манифест, чтоб здалась крепость, а сам он с толпою к той крепости подходил, так что, хотя ис пушек и стреляли, но ядры уже вредить толпе его не могли, а переносились через. Но как он еще приближаться зачал, то бывшие в той крепости оренбурхские казаки, человек с шесот, под камандою полковника Подурова, верныя войска, изменили, и оной Подуров с теми казаками пристал к его воровской артеле и, соединясь с оною тут же, пошли все пешие с имевшимися у него пушками к крепости и, зажегши стоящее подле самой крепости сено, а потом взлезли казаки на стену, ту крепость при помощи пожара от сена овладели и салдат ис крепости выгнали, коих было сот до пяти, и оные все, вышед ис крепости, положили ружья, коих он так, как и первых, отослал в свой злодейской стан.

Во время взятья той крепости Почиталин, наехав на брегадира Билова, уже раненого, его срубил. В сие время побили толпы его казаки и афицеров, но сколько, не знает, а из ево толпы побито пять казаков: до смерти — три да ранено два. И потом крепостью он, Емелька, завладел (помянутой сержант, которой писал присягу, найден в воде утоплен, но кем, не знает), а завладевши саженях в пятидесяти расположил свой злодейской стан. И потом стаскали с крепости, как помнитца ему, пушек с пять да два единорога, так же небольшое дело пороху и ядер, сколько тут было. А крепость поручил живущим в той крепости казакам, приказав и каменданта в оной поставить ис казаков, кого они сами выберут [39]).

А того ж дня вечером оные оставшие в крепости казаки привели к

нему, Емельке, пять человек салдат да каменданта Билова жену с тем, что они хотели ис Татищевой бежать и дать весть в Оренбурхе, что он, Емелька, овладел крепостью. И по допросе Овчинников лепортовал ево, Емельку, что оные салдаты и каменданта во всех винах винились, и он, Емелька, велел их всех повесить, кои при Овчинникове и повешены.

Под Татищевою передневав, пошол он с толпою в Чернореченскую крепость и пришли под оную без всякого супротивления. Жители той крепости встретили, где они и начевали. Как он был в Татищевой, то казаки взяли тут афицера, которой и шел в его толпе, но, как он житель Чернореченской крепости, то из его стана, как он под караулом держан не был, пошел в ту крепость и людем своим расхвастаясь сказал: «Я де сею ночью от злодея Емельки уйду и скажу в Оренбурхе, что он идет с толпою под Оренбурх».

И сказавши о побеге своем тем людем, сам пошол опять в его, Емелькин, стан. И как он пришол, а люди ево, коим он сказывал о побеге, пришли к нему, Емельке, и о говоренных им оным их помещиком речах ему донесли, за что он оного афицера велел повесить, а людей отпустил.

Ис Чернореченья пошол он, Емелька, с артелю своею под Каргалинскую татарскую слободу [40]), где татары встретили его с честию, и, пристав все, сколько их не было, к его шайке, были во все время его злодеяней безотлучны.

Потом пришол он в Сакмарской город, где живут яицкие казаки, которые их без всякого супротивления встретили и так же, как и каргалинцы, к нему пристали [41]) и были при нем, Емельке, безотлучны. И, перешед по мосту чрез Сакмару реку, остановились начевать, и вечером привели к нему объезжие казаки посланного с указами, — а откуда имянно, не помнит, — чтоб его, Емельку, ловить как возможно везде. И он, Емелька, велел того салдата повесить, а указы изодрать.

На другой день бытности ево в Сакмаре пришол к нему, Емельке, незнаемой человек, у коего вырезаны ноздри, которого он спросил, что он за человек и откуда, и на то оной человек сказал: «Я де оренбурхской ссыльной Хлопуша и прислан к тебе от оренбурхского губернатора с тем, чтоб в толпе вашей людем отдать манифест, коим повелено, чтоб от тебя народ отстал и пришол к ея величеству с повинною, да и тебя бы изловили, — так же де приказано ему, чтоб у тебя сжечь порох и снаряды воинские, а пушки заклепать, но я де этого ничего делать не хочю, а желаю послужить вам верою и правдою», причем и отдал ему, Емельке, манифест, а он отдал Почиталину. А потом он и Овчинников спрашивали Хлопушу: «Полно, ты подослан к нам подмечать, и ты, подметя все здесь, отсюда уйдешь», причем стращали того Хлопушу: «Скажи правду, а то повесить прикажу». Хлопуша сказал, что он сказал уж всю правду, и потом велел отдать ево под караул. И Овчинников говорил ему, Емельке: «Воля твоя — прикажи ево повесить. Он, плут, уйдет и, што здесь увидит, тамо скажет, а притом и наших людей станет подговаривать». Емелька сказал: «Пусть ево бежит и скажет. В этом худова нет, а одним человеком армия пуста не будет».

Подержав Хлопушу под караулом одне сутки, велел освободить,

но приказал за ним крепко примечать, што он будет делать. И так Хлопуша у него в сволоче и остался, и доносу на него никакова не было [42]).

Ис под Сакмары пришол он с толпою под Оренбурх и, прошед оной мимо версты с три, остановился в лугах. Как он пришол с своею шайкою под Оренбурх, то у нево той шайки, по его тогда исчислению, а имянно — яицких казаков пять сот, илецких — триста, Разсыпной крепости — сорок, из Озерной — сто, лехкой каманды, коя под Татищевою здалася, сто, оренбурхских и других казаков и калмыков в каманде полковника Подурова шесть сот, ис Татищевой салдат же здалося триста, каргалинских татар пять сот, сакмарских человек з дватцать и пушек двадцать, в том числе два единорога, пороху, сколько помнитца ему, было бочек до десяти.

По приходе под Оренбурх, того ж дня, по совету Овчинникова и одним словом всех яицких казаков и каргалинских татар, послал он, Емелька, для подговору в его злодейскую толпу с манифестами злодейскими двух человек, а именно — в русские селении помянутого Хлопушу [43]), а в Башкирию каргалинского татарина — кто таков, не знает, потому што он тот злодейской манифест отдал каргалинскому старшине Мусалею, которой и послал от себя. Те манифесты писаны были по-русски Почиталиным, а по-татарски Идоркиным сыном Болтаем.

Как же оне еще с злодейскою толпою шли под Оренбурх, то, на походе будучи, послал он, Емелька, с казаком Иваном Солодовниковым такой же злодейской манифест, чтоб Оренбурх ему здался, которой, подъехав под самой город, ущемя в колышок ту сквернную бумагу, воткнул в землю, а сам ускакал к нему в толпу. Как же оную мерскую бумагу в город ввезли, то, читали ль ее войскам верным, он не знает, только тот же час стали в его толпу стрелять ис пушек.

Как он пробыл под городом трои сутки, то пришол в его толпу башкирец Еман сарай и привел с собою башкирцов пять сот человек. Чрез сутки после сего пришол еще старшина башкирской Кинжа и привел с собою так же пять сот человек [44]).

В сие время с выходящими из города войсками были небольшие сшибки, но толко большого убивства с обоих сторон не было. Во все время бытия его под Оренбурхом было, сколько он припомнит, сшибок с верными войсками с сорок, но так же почти ни с чем разходились, и, сколько побито верных войск, не знает [45]), но с его стороны злодеев побито человек з двести. Да, и поймав он посылных из Оренбурха для уговаривания его злодейской толпы, чтоб она отстала от него, злодея, казаков двух человек, повесил. Так же и из его толпы бежали, было, бывшие у него в толпе салдаты, кои были в каманде взятого под Татищевою афицера восемь человек в Оренбурх, которых однако ж на дороге казаки схватили, и он, Емелька, велел их всех повесить.

В время ж бытности его толпы в сем месте пришло к нему с Яику под камандою казака Серебрецова сто человек, и привез к нему старшину Копеечкина связанного, которому он, Емелька, за то, что он ездил ево ловить и что воровской его толпы яицкие ж казаки Овчинников и почти все принесли на него жалобу, что он их раззорял, ве-

лел он, Емелька, отсечь голову, коему и отсекли. Оной же Серебрецов сказывал ему, что он послан был с помянутыми казаки из Яицкого войска под камандою оного Копеечкина для сыску и поимки его, Емельки.

После сего поделал он, Емелька, батареи и навес пушки, ис коих и стреляли по городу без малого двои сутки, а равно и по его толпе стреляли с крепости, но крепости он одолеть не мог и в крепость влесть было неможно, почему он с толпою от крепости отступил и пришол в Бердынскую слободу [46]). Злодейскою его артиллериею под Оренбурхом управлял, под камандою Чумакова, взятой в Татищевой салдат Калмыков, которой починивал и пушки и мартиры [47]).

По отходе ево с толпою хлеб и скот возили к нему из лежащих по Яику крепостей, мимо коих он шол, а от Сакмары и до Оренбурха и несколько времяни под Оренбурхом давали ево толпе пропитание каргалинские татары и сакмарские жители, а жалованья ни полушки никому до сего времени не давали.

Как он с толпою стоял под Оренбурхом, то от киргисца Аблая гнаты были в Оренбурх 300 лошадей, 100 быков, 3000 овец для продажи, кое все он побрал. А как он спросил киргисцов, сколько им за все то надобно денег, то киргисцы сказали, што «нам денег не надобно, а дайте таваров». Он, Емелька, и сказал: «Таваров теперь нет, а подождите». Оные киргисцы, коих было семдесят человек, остались при нем и служили во все время злодейства его при нем.

По приходе в Берду пришол к нему черемишской старшина Мендей и привел с собою в его злодейскую толпу с 500 человек. А после ево пришол тут же башкирской старшина Альвей и привел башкирцов до шести сот человек. Тут же пришол ставропольских калмыков старшина Федор Иванов сын Дербетев и привел с собою калмыков триста человек. Эти все старшины во все время его злодейств при нем были неотлучны и с людьми.

В бытность ево в Берде как с неделю времяни приехал к нему, Емельке, ис Чернореченской крепости казак, — а как зовут, не помнит, — как лет семнадцати, — и сказал в его злодейской толпе, что де мимо Чернореченской крепости прошол полковник Чернышов с камандою и пробираетца де в Оренбурх, — оная крепость от Берды например верстах в пятнадцати. По словам сего казака он, Емелька, весма скоро собрал своей толпы тысяч до двух да две пушки, поехал навстречю того Чернышова и, не допуская его до Оренбурха не больше, как версты четыре, оного Чернышова с камандою перехватил и стал его атаковать. И не больше как выпалили из его толпы ис дву, а ис Чернышовой каманды ис четырех пушек, оного Чернышова конница ево, Емельки, задавила, ибо салдаты выпалили не больше как по одному разу, а Чернышов взят был в сером кафтане сидящей на козлах. Салдаты тот час положили ружье, а афицеры взяты, коих было ис Чернышовым тритцать три человека, и из них как афицеров, так и рядовых ни одного не убито ни ранено не было.

Как же афицеров и все оружие и амуницию привезли в Берду и афицеров посадили под караул [48]), между тем Давилин казак шол мимо одной повоски и узнал сидящего на оной вместо извосчика чело-

века, непохожаго на мужика простого, — а паче по рукам признал, что оне не рабочие, — подошед спросил того извозщика, что он за человек, на что оной сказал: «Я де извощик». И оной Давилин спросил стоящих тогда около телеги салдат: «Скажите, салдаты, правду, что это за человек?» И салдаты, сколько тут их было, сказали: «Это ста наш полковник Чернышов», коего тот час и взяли под караул.

И того ж дня, призвав Чернышова и афицеров перед себя, говорил он, Емелька: «Для чево осмелились вооружится против меня? Вить вы знаете, што я ваш государь. Ин на салдат нельзя пенять, что они простые люди, а вы — афицеры и легуру знаете». «А ты, — Чернышову сказал, — еще . . . . *) полковник, да нарядился мужиком. А кабы ты был в порятке, то б можно тебе попасть было в Оренбурх. Вить у тебя была пехота. И за то я тебя и всех вас велю повесить, чтоб вы знали слово государя». И, выговоря оные слова, сказал Овчинникову: «Вели их перевешать», которой тот же час всех тритцать три человека и велел повесить, кои и повешены при его, Емелькиных, глазах. Оные афицеры ни один, чтоб их избавить от смерти, не просил.

В тот же день прибежал к нему, Емельке, с поставленной около Берды заставы яицкой казак, — а как зовут, не знает, — и сказал ему, што де идет от Озерной крепости генерал Корф с камандою и пробирается де к Оренбурху. Он, Емелька, услышав о сем, закричал: «Казаки, на кони!» И тот час тысяч до двух толпы его собралось и поскакали, но догнать ево не могли [49]), што он убрался в город, ибо он шол по берегу реки Яика. И потом возвратилась его толпа в Берду.

А как возвратился, то приехал к нему сын киргис-кайсацкого Дули салтана сын Салтан и при нем семь человек киргисцов. И как оне пришли к нему, то он татарину, показанному Идорке, велел спросить, что оне за люди, откуда и зачем к нему пришли. Оной Идорка с ними говорил и потом сказал ему, Емельке, што де Дули салтан прислал оного своего сына к нему, Емельке, послужить [50]). И он велел ему сказать: «Благодарю Салтана. Пусть он при мне будит». И притом дал ему, Салтану, пятьдесят рублев да одному при нем приближонному кафтан красной и каждому киргисцу по двенадтцати рублев.

Как скоро он, Емелька, в Берду пришол, то всякой день почти умножалась его толпа кучами — из разных селений русские мужики, боярские люди, из заводов заводские работники и приписные крестьяне. Но сколько оных было, то не только он, но думает, что и Овчинников, не знал.

Коль скоро пришол он в Берду, то приказал он Овчинникову, чтоб завести для писменных дел военную коллегию [51]) и в оной судьями посадить Андрея Витошнова, Максима Шигаева, Ивана Творогова, Данилу Скобычкина (и сей Скобычкин — яицкой же казак), — из оных только грамотей был Творогов, а те безграмотные, — секретарями посадил Ивана Почиталина и велел писатца дьяком, а Максиму Горшкову велел писатца секлетарем, повытчика Супонева, — имяни его не знает, — из яицких же казаков.

По учреждении сего злодейского сонмища пришол к Овчинникову незнаемо откудова приезжей мужик и сказал: «К Сакмаре идет енарал

*) Одно слово не разобрано.

Кар с камандою». И Овчинников спросил: «Велика ли каманда?» Мужик сказал: «Не добре де велика, однако де таки и не мала ж». О сем как лепортовал ево, Емельку, Овчинников, то он приказал ему, Овчинникову, взяв с собою пятсот человек казаков, четыре пушки и два единорога, итти навстречю Кара, чтоб ево до Оренбурха не допустить, куда он и похал, а он, Емелька, остался в Берде. Чрез четыре дня возвратился Овчинников, приехал в Берду и, явясь к нему, сказывал: генерала де Кара встретил и прогнал и в Оренбурх не пропустил таким образом: как он наехал на передовых каровых гранодер, кои де сидели по возам, и ударил, то де гранодеры, было, скоча с возов, стали хвататца за ружья, но ево казаки окружили возы, то гранодеры бросили ружье, коих он, Овчинников, тако ж и четырех афицеров взял, и из них гранодеров и дву афицеров привез в Берду, а другие де два афицера истреблены [52]). Как же де он сих афицеров и гранодер взял, то пошол навстречю к Кару, которого нашли идущего с камандою верстах от передовых гранодер в шести, где встретился с ним Овчинников и помянутой ссыльной Хлопуша с камандою человеках в пятистах и на оного Кара кинулись. Кар, отстреливаясь пушками, повел каманду назад [53]). И он, Емелька, спросил: «Да для чего ж вы его упустили?» И Овчинников сказал, что де «не достало у нас картузов».

Потом он, Емелька, позвал к себе помянутого афицера, которой взят под Татищевою, тако ж и привезенных каровой каманды афицеров, ис коих Овчинников сказал, что один — Шванович, а о другом сказал же, но таперь не помнит, и оному первому афицеру приказал Шваныча и другова афицера взять к себе, тако ж и гранодер причислить к своей каманде, и им обоим велел называтца одному атаманом, а Швановичу эсаулом.

После сего, увидя в тот же день Хлопушу, благодарил ево, што он ему верен и што прислал ему в Берду провиант, порох и денги, и потом спросил Хлопушу, сколько у него каманды. Хлопуша сказал: «Пять сот человек и три пушки». Емелька спросил: «Где взял людей?» Оной сказал: «На Завьянских заводах, а иные де пришли из других жительств». Он, Емелька, спросил: «Порох, пушки и правиант и денги, кои ко мне присылал, где брал?» И Хлопуша сказал: это все брано им было на заводах, а правиант возили из разных мест, куда он посылал от себя каманды. И как он все пересказал, то он, Емелька, сказал тому Хлопуше: «Будь же ты полковник!».

В то же время пришол к нему бежавшей из Оренбурха мужик рускай, — но, чей и как зовут, не знает, — сказал ему, Емельке, што из Оренбурха пошла в Озерную казацкая исецкая каманда в шести стах человеках и засела в редуте. И он, Емелька, взяв с собою яицких и оренбургских казаков пять сот человек и одну пушку и один единорог, пошол к помянутому редуту. А на другие сутки пришли туда и уговаривали казаков, чтоб здались. Казаки, бежавшие из редута, сказывали ему, што де «мы тебе служить рады, да нас не пускают старшины наши». И он, Емелька, пошед с своими казаками, в редут вломились, потому што казаки не стреляли и, вломясь в редут, взяв атамана Протопопова и еще двух старшин, — а как зовут, не знает, — за то, што оне ему противились, казаков к нему не пускали и што

один исецкой казак Балдин на оных старшин жаловался, что оне брата ево сослали в сылку, повесил при себе и потом оному Балдину велел быть над оною исецкою камандою полковником.

Из оного ж редута пошол он, Емелька, со всею своею толпою к Озерной крепости, затем, что, по уведомлению исетских казаков, узнал он, что там довольно провианта и пороху, а к тому ж, как выше он показал, посланной в ту крепость из Берды Хлопуша назад не возвратился [54]). И как он пошел к Озерной, то, на дороге сведав, что Хлопуша от Озерной отступил и стоит в одной нагайской деревне, то послал за оным, чтоб он пришол с камандою к нему, которой тот час и пришол, ибо сие было от него не больше как в верстах в семи. И он, Емелька, соединясь с Хлопушей, пошли под крепость, но сколько с своею толпою не заботился, чтоб оною овладеть, но отойтить принужден ни с чем, где у него ж убили трех да ранили двух казаков.

И как отошел и зашол в нагайскую деревню, где живут татара, которые сказали ему, што де пробираетца в Оренбурх легулярная каманда, и при них есть и исецкие казаки, и эта де каманда идет в Ильинскую крепость, услыша он, Емелька, со всею своею воровскою шайкою пошол в Ильинскую крепость. И по приходе верные войска, хотя и крепко оборонялись, но по превосходству их толпы ворвался он в крепость, где нашол он много афицеров и салдат побито, но сколько, не знает, только видел он живых двух афицеров, одного раненого и другого больного, коих и оставил в крепости, а оставших после драки здоровых салдат, — сколько числом, не помнит, — взял к себе и причислил к своей толпе.

Из Ильинской пошол он в помянутую нагайскую деревню и по приезде, оставя в оной Творогова над своею пятисотною камандою, а Хлопушу при своей каманде, взяв с собою только восемь человек яицких казаков, поехал в Берду, а оным Творогову и Хлопуше приказал, чтоб оне с камандою шли не торопясь туда ж.

По приезде ево чрез несколько дней пришла из Ильинской крепости каманда, и он, Емелька, взятых в Ильинской крепости салдат отдал в каманду реченному афицеру. Потом помянутой афицер Шванович ходил к нему почасту, и он, Емелька, в одно время, и имянно в рождество христово, увидя Шваныча, спросил, откуда он. И оной ему сказал: «Я де ис Петербурга, и меня де государыня Елисавет Петровна крестила». Он, Емелька, зжалился по нем и, видя, что на нем кафтан худ, дал ему шубу и шапку и потом спросил ево: «Умеешь ли ты по-немецки?» Шванович сказал: «Умею». И он, Емелька, дав ему бумаги лоскут, велел написать по-немецки, и Шванович написав показал ему, Емельке. Он, взяв бумагу, хотя и ничево не смыслит, однако ж дал знать, что он бутто читал, и потом сказал: «Хорошо пишишь. Так будь же ты в военной моей коллегии. Так там што по иностранны случится писать, так пиши».

И потом говорил же он: «Ну, Шванович, напиши по-немецки к оренбурхскому губернатору, чтоб он принял меня в город с щестию и драться бы перестал». Шваныч письмо написал. Он, посмотря ево, сказал: «Хорошо», и тот час то письмо отдал казаку Ивану Солодовникову и приказал отвести оное в город. Солодовников, взяв письмо, повез

и потом возвратясь назад сказал ему, што писмо, подвесши к городу и привязав к палке, воткнув в снег, поехал. А как отъехал, то видел он, что высланной из города казак то письмо взял и поскакал в город. Но он, Емелька, на то письмо из города в ответ ничего не получал.

После сего пришли к нему, Емельке, Овчинников, Лисов, Шигаев, Витошнов и другие, — только, кто имянно, не помнит, — и говорили ему, Емельке: «Надобно де послать на Нижней Сталинской фарпост Михайлу Толкачова [55]) с манифестом, чтоб он, начав от оного фарпоста, до самого городка брал везде всех казаков, а к Дусали Салтану яицкого казака татарина Тангаича также с манифестом, чтоб он дал вам помощь человек хотя двести. А как Толкачов наберет казаков, а Тангаич приведет киргисцев (ибо Дусали Салтан кочевал тогда от оного фарпоста и Яицкого городка неподалеку), то б они и ударили на Яицкий городок». По коим показанного Овчинникова с товарыщи речам два злодейския манифеста Почиталин по-русски, а Болтай по-татарски и написали и отдали — русской Толкачову, а татарской Тангаичу. И с вышесказанным обоим приказом они оба вместе и поехали.

После отъезда Толкачова спустя неделю или больше, не помнит, приехал к нему, Емельке, в Берду яицкой казак Афанасей Перфильев (о коем ему в тот же самой день Овчинников репортовал, что оной Перфильев был в Петербурге и приехал в Берду), коего он спросил: «Был ты на Яике?» Оной сказал, что был. И Емелька спросил: «Зачем же сюда приехал?» И оной Перфильев сказал, что «я де приехал служить вашему величеству», и он, Емелька, сказал: «Хорошо, служи».

А потом на другой день оной Перфильев паки к нему пришол, и он, Емелька, увидя ево, спросил: «Што скажешь, Перфильев?» И оной Перфильев, поклонясь ему, при многих казаках говорил: «Виноват я пред вами, что вчерась вам правды не сказал и от вас утаил». И он, Емелька, сказал: «Бог простит, кали винишься, но скажи, што ты от меня утаил». И Перфильев говорил: «Я вить был в Петербурге, и меня оттуда послала на Яик государыня и велела все Яицкое войско уговаривать, штоб оно от тебя отстало и пришло б с повинною к ея величеству и тебя б связав привели в Петербург. Я де с тем и на Яик ездил и об оном Симонову расказал, и Симонов де меня сюда, а товарища моего, которой со мною ис Петербурга приехал, к Толкачову послал уговаривать казаков, но я де этого, так и товарищ мой, творить не хотим, а хочим служить вам верно».

И он, Емелька, спросил: «Да што ш народ про меня говорит?» И оной Перфильев сказал: «Народ де ничего не знает [56]), а только де бояра меж себя шущукают. А збираются де они, да и государыня та ехать за море». И он, Емелька, усмехнувшись, зная, что он лжот, говорил: «Ну, да бояре таковские, пускай едут, а государыне та зачем за море ехать? Я небось не помню ее грубость. Пусть бы она пошла в монастырь».

И потом он, Емелька, спросил: «А Павел Петрович каков?» И оной Перфильев сказал: «Хорош и велик, да он де уже и обручон». И он, Емелька, спросил: «На ком?» И Перфильев сказал: «На какой-та из немецкой земли пренцесе и зовут ее Наталья Алексеевна». И потом

оного Перфильева за добрыя вести напоил до пьяна, дал ему кармазинной кафтан и своего серого коня.

После сего на другой день поехал он, Емелька, взяв своей толпы тысячи з две, в том числе и Перфильева, подъехал под Оренбурх для того только, чтоб его, Перфильева, увидели бывшие в Оренбурхе яицкие казаки, так же послухать и тово, што будет говорить. И увидевши яицких казаков и как он с толпою под Оренбурх дале пушечнова выстрела подъехал, то выехали и под пушками стали яицкие казаки, коих увидя лишь Перфильев, то и закричал: «Что, угадаите ль вы, казаки, меня, кто я?» На что казаки сказали: «Мы видим, што ты казак, но, кто ты таков, не знаем». И Перфильев весьма громко при всей его сволочи кричал: «Я — Перфильев, которой был в Петербурге и прислан оттуда к вам от Павла Петровича с тем, чтоб вы шли и служили его величеству Петру Федоровичу». И казаки несколько как усумнились и потом говорили: «Коли ты подлинно прислан с эстим от Павла Петровича, так покажи нам руки его хотя одну строчку, так мы тот час все пойдем». И на то Перфильев сказал: «На што вам строчка? Я сам все письмо».

И потом, не имев никакой сшибки, поехал он с своею сволочью в Берду. После чего вскоре прислан к нему, Емельке, из Яицкого городка от помянутого Толкачова лепорт, что он городок Яицкой взял, с яицкими казаками, потому что бывшие в том городке казаки не противились, а противился один старшина, коего он и истребил, комендант же Симонов ушол в город, а у меня каманда не велика, а Дусали салтан киргисцов ни одного человека не дал, — и тем лепортом просил, чтоб прислать к нему еще каманду и пушек. По тому репорту послал он в Яицкой город Овчинникова и с ним три пушки и единорог да казаков пятьдесят человек. А после оного Овчинникова спустя три дни и он, Емелька, туда ж с восьмью человеками казаков поехал, а в Берде над всею толпою главным оставил Максима Шигаева и Дмитрия Лысова.

По приезде в Яик велел зделать батарею и потом против яицкой батареи, с которой по его толпе стреляли, хотелось ему оную подорвать, и для того приказал от рыть мину, которую и вырыли, но как оную взорвало, то увидел он, што та мина ведена была вместо батареи в пустой погреб, почему вся работа и пропала втуне [57]). Яицкие казаки уверили его, што вся пороховая казна в кремле лежит под колокольнею, которая служила и вместо батареи, и што пушки много его толпу с той колокольни шкотили, то и приказал и под ту колокольню весть мину, и приказавши сам поехал в Берду, а работу поручил отставному служивому, которой жил у Толкачова, а Овчинникова послал в город Гурьев для взятья тамо пороху.

По приезде ево в Берду послал он, Емелька, Зарубина, Илью Ульянова, Якова Антипова на Воскресенской Твердышева железной завод для литья пушек [58]). В то ж время послал он казака Дмитрия Лысова с камандою по реке Самаре в лежащия тамо крепости, даже до Бузолака, для взятья в тех крепостях пушек и пороху [59]).

А сам, побыв дня с три в Берде, поехал паки в Яицкой городок. По приезде в Яик Овчинников сказал, что де я в Гурьев городок ездил,

а старшинской де стороны казаки (и то-есть послушной) не допустили, было, ево в город, но войсковой стороны, кои в том же городке были, казаки однако ево впустили, и противных казаков, кои, было, заперлись в кремле, он взял, и из них двух или трех человек, в том числе и атамана, повесил [60]), а достальных взял в свою толпу; пороху ж взял тамо шездесят пуд.

В ту его в Яицком городке бытность бывшие с ним в том городке толпы его главные способники Овчинников, Никита Каргин, Семен Коновалов, Денис Пьянов, Михайла Толкачов говорили ему, чтоб он, Емелька, женился казака Петра Михайлова сына Кузнецова на дочере девке Устинье: она де девка изрядная и постоянная. И он, Емелька, говорил, что ему женитца еще время не пришло, и оные сваты ему говорили ж: «Ты де как женисся, так де войско Яицкое все к тебе прилежно будет». И он, Емелька, без дальнего размышления, што у нево уже, как и выше показал, жена Софья Дмитриева есть, так и дети, женитца и от оной живой жены (которая и взята им в Казане с сыном) [61]), согласился и сватам, утая однако ж о этой жене, сказал, что только б та его невеста пошла за нево волею. Сваты сказали, што она такому благополучию рада. И потом на другой день он на той девке женился, и венчали его в яицкой церкви именем не Емелькиным, а государем покойным Петром Федоровичем, да и Устинью в церкве поп поминал императрицей.

Женившись пожив в Яике с неделю, оставя новую жену [62]), поехал в Берду. Однако ж до отъезду его в Берду за день приехал к нему помянутой Перфильев и сказал, что в Берду приходили верные войска, и было с твоею сволочью сражение, на котором твоя толпа взяла у верных войск тринатцать пушек, два ящика з зарядами, и верное войско прогнано в Оренбурх, а сею де толпою командовали Шигаев и Лысов. По приезде в Берду оные Шигаев и Лысов сказанные Перфильевым речи подтвердили.

В ту же его в Берде бытность пришол к нему, Емельке, живущей поблизости Берды крестьянин, — а как зовут, не знает, — жаловался ему, что каманды Лысова казаки приезжали к помещику его, да и к другим помещикам в деревни, и помещиков, на которых от крестьян и жалоб не было, несмотря на крестьянские прозбы, чтоб оных не убивать, вешали, пожитки помещичьи и их грабили, да и самых крестьян сажали в воду, ис коих один — этот, которой спасся бегом и ему приносил жалобу. И об оном спрашивал он казаков, которые сказали, что крестьянин говорил правду, а притом и казаки многие на него, Лысова, в побоях безвинно приносили жалобу, за что оного Лысова Шигаеву приказал он, Емелька, повесить, которой того ж дня и повешен [63]).

Быв после сего в Берде один день, поехал он, Емелька, в Яик и по приезде упомянутую колокольню в Яицком городке подведеною миною повалил и пушки, бывшие на ней, завалил, а пороховая казна, уведав в кремле о той подводимой мине, вынесена ис колокольни в другое место [64]). Потом в городке зделал он, Емелька, круг, в коем казаки по своей воле выбрали в атаманы Никиту Каргу, в есаулы — Андрея Логошина, судью — помянутого Афанасья Перфильева. И потом, взяв с

собою сволочи яицкой пять сот человек и оставя Устинью на Яике в доме отца ее, поехал в Берду.

По приезде в Берду Шигаев и Горшков сказали ему, что де солдат, — имяни его не знает, — на афицеров двух, имянно: на Ивана Иваныча, которой взят ис каровой каманды, и на другова, которой взят под Татищевою, хотели, когда вывезены будут пушки против верных войск, то тогда оне те пушки заклепают, а как оные заклепаны будут, то верные войска всю их толпу разобьют, о чем он, Емелька, и сам тех афицеров спрашивал, и они в том повинились, за что он обоих их велел повесить, кои того ж дня и повешены. В онбе ж время повесил он, Емелька, взятую при гранодерах каровой каманды девку, которая, живши у него на квартире, волочилась с конюхами и потом украла у него подсвешник серебреной.

Уведомлен он был от обывателей деревни Пронкиной, что идет неподалеку от оной генерал князь Голицын, то Овчинников послал навстречю в ту деревню казака Речкина с камандою, а за ним крестьянин Арапов и калмык Дербетев, а за оными и он, взяв с собою десять пушек и пять сот казаков, пошел в Сорочинскую крепость (которая была занята ево воровскою шайкою). И как он стал подъезжать в крепость, и тут нашол он повешенных Речкиным салдат каманды князя Голицына три человека, о коих сказали ему, што они пойманы с правиантом, за что он Речкина и бранил, што безвинно повесил. И потом тою ж ночью ходил он в Пронькину деревню со всею своею толпою и показанных Арапова и Речкина толпою ж, но верным войскам никакова вреда зделать они не могли кроме, что ранили одного афицера.

После сего, оставя он в Сорочинской крепости пришедшую с ним из Берды толпу, пошол он, Емелька, один в Берду, а Овчинникову приказал остатся в Сорочинской крепости и смотреть, буде князь Голицын сам с камандою верных войск придет в Пронькину деревню, то б он со всею толпою, коей было слишком две тысячи, оставя Сорочинскую крепость, убирался в Илецкую крепость, ибо он, Емелька, не знал, куда князь Голицын поедет: на Яик ли или в Оренбурх.

Между тем прислал к нему, Емельке, с Воскресенского Твердышова завода (куда отправлены от него были Зарубин и Ульянов) казак Антипов вылитые на том заводе два единорога и три секретные пушки. А Зарубин и Ульянов, набрав на тех заводах и около оных з жительств, також и сошедшихся из разных селений сволочи злодейской, пошли под Уфу. А пошод прислал к нему, Емельке, репорт, што у него этой злодейской сволочи набралось до пятнатцати тысяч, под коим репортом и подписался, назвав себя графом Иваном Чернышовым. Он, Емелька, будучи тем ево, што он набрал столько к себе в шайку разбойников, доволен, назвал того Зарубина полковником и велел ему писатца графом Чернышовым. После сего оной злодей Зарубин прислал к нему, Емельке, помянутого Ульянова для взятья пороху, которому он и дал одну бочку, приказывая при том, чтоб он с Зарубиным старались взять Уфу [65]), — а кали возьмут, то «буть ты, Ульянов, полковник», — куда оной Ульянов и поехал обратно.

В одно время, будучи в Берде в его злодейской избе, яицкой казак Давилин, которой при нем, Емельке, всегда был безотлучен, и назы-

вал его он и вся толпа дежурным, как дожидались князя Голицына, говорил: «А вот, — назвав ево, Емельку, «батюшка», — как мы Оренбурх возьмем и князя Голицына разобьем, то пойдем в Москву, а как придем в Москву, тогда куда те денутца бояра и государыня?» И он, Емелька, говорил: «Как, куда бояре денутца, кали Москву возмем? То вестима, што бояры та разбегутца, а государыня та в монастырь пойдет».

После сего Овчинников прислал к нему письмо, што де Голицын идет к Оренбурху [66]), то он ис толпы своей взял яицких, оренбурхских казаков и всех бывших в его толпе салдат, коих у него было человек до тысячи, а всей сволочи взял он с собою с небольшим три тысячи, да дватцать пушек, пошел в Татищеву крепость, куда и Овчинникову и Арапову велел из Илека притти, что они и исполнили и привели с собою в Татищеву з две тысячи человек и десять пушек. По приходе к Татищевой оную крепость завалили вместо стен снегом, а на снегу поставили пушки. При пушках же, как разставляли, был он, Емелька, сам. А приставлены были к оным для заряду и пальбы взятые из верных войск канонеры и салдаты. И потом как разъежая казаки увидели идущих верных войск каманду, то все вобрались за показанной из снегу вал, ибо в той крепости никакой огорожи не было, и он, Емелька, дожидал приближения войск к крепости, схороня всех людей от князя Голицына.

Увидели они едущих трех чугуевских казаков, кои и подъехали к крепости. Казак Арапов выслал ис крепости бабу, которой приказал, что, как ее казаки спросят, есть ли кто в крепости, то б она сказала, что злодеи были, да уехали, што баба и исполнила. Как чугуевские ее спросили, нет ли кого в крепости, то она сказала, были де злодеи, да уехали. И оные казаки тот час взбежали в крепость, а как взбежали, то на тот час только у того места, где казаки въехали, никого кроме ево, Емельки, не случилось, то он с Овчинниковым и кинулись на чугуевцов, и из оных одного он, Емелька, с лошади спехнул, а те двое ускакали. Оной спехнутой казак был им, Емелькою, ранен, но жив, коего он спросил, сколько войска. Он сказал, што де войска — пехоты тысяч до пяти и артилерии пушек с семьдесят.

Потом подошло войско и стали стрелять ис пушек, а он, Емелька, стрелять не велел для того, чтоб наждать на себя и не терять напрасно ядер. Но как уже войско приближилось, то он велел стрелять, также и сам стрелял, и продолжалась стрельба как часа с четыре. Войско Голицын завел свое в лощину с одной стороны, так што ево злодейские пушки не вредили. У него ж с той стороны не столько было пушек, ибо он, Емелька, думал, что князь Голицын поведет войско прямо по дороге, где въезжают в крепость, но он [был]обманут тем, что Голицын по дороге войско не повел.

Как же верные войска стали верх над его толпою брать, то Овчинников ему говорил: «Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занята». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, я поеду, но и вы смотрите ж, кали можно будет стоять, так постойте, а кали горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтоб не попасся в руки». И потом, взяв с собою Почиталина, Григорья Бородина, яицкого казака (которой старшине Бородину племянник), Его-

ра Кузнецова, Василья Коновалова, ис крепости поехал. И как от крепости уже он отделился, то, увидя его, чугуевские казаки хотя за ним версты с три и гналися, но как у него и у его товарыщей кони были самые хорошие, то чугуевцы догнать ево не могли и отстали, а он прискакал прямо в Берду.

По приезде в Берду созвал он к себе Шигаева (которой по отъезде его в Берду оставлен был над всею оставшею толпою главным), Андрея Витошнова, Федора Чумакова, Ивана Творогова, Тимофея Подурова и сказал им, што под Татищевою князь Голицын ево толпу разбил [67]) и куда ж нам теперь деватца, ибо он дорог никаких не знал. И оные Шигаев с товарищы сказали: «Пойдем де в обход кругом на Яик чрез Сорочинскую крепость», почему тою же ночью (ибо он ис Татищевой прибежал уже вечером) собрав толпы своей большею частью казаков, и кто и из другой сволочи охоту имели с ним ехать тысяч до пяти человек и десять пушек, и по утру рано поехал из Берды на Сорочинскую крепость. Оставшей же толпе сказал, — коей, как он думает, из разных мест сошлося в Берду до пятидесяти тысяч, большою частию мужиков, — чтоб оне убирались, кто куда хочет.

И потом, ехав дорогою, послал вперед несколько казаков проведать, нет ли тамо в Сорочинской верных войск. И оные посланные возвратясь сказали, что де по дорогам разъезжают лыжники, и видно де, што там есть князя Голицына каманда, почему он к той крепости и не пошел, а остановясь на хуторах оренбурхских жителей и бывши на тех хуторах, помянутым Шигаеву с товарищи говорил: «Ну, теперь куда пойдем?» И оной Шигаев и все сказали: «Теперь мы пойдем на Каргалу, а с Каргалы в Сакмару». И он, Емелька, говорил: «Ну хорошо, а с Сакмары куда?» И оные Шигаев с товарищы сказали: «Пойдем на Яик, а с Яика пойдем на Гурьев городок и там возмем правианту». И он, Емелька, спросил их: «Да можно ли просидеть в Гурьеве-та, как придут войска?» И оне сказали: «Отсидетца долго нельзя». А из оных товарищей ево Яков Антипов говорил: «Из Гурьева де городка пойдем к Золотой мечете (где оная, не знает)». И он, Емелька, спросил: «Да кто же нас туда проведет?» И оной Антипов сказал: «У нас есть такой человек, которой тамо бывал. И тамо де хлеба много, зверя, ягод и рыбы много ж». И он, Емелька, говорил: «Да я бы вас провел и на Кубань, да теперь как пройдешь? Крепости, мимо коих итти надобно, заняты, так не пропустят, а сверх того, снеги в степи, так никак не можно итти».

И потом пошол с толпою на Каргалы, куда пришли в третей день. По приходе в Каргалу жители никто не противились, но из них некоторые жители, — кто имяны, не знает, — сказали ему, Емельке, што де здешние старшины многих татар, которые служили тебе в Берде, посажены в погреб» *). И он, Емелька, велел тот час всех выпустить. А как оные выпущены, то пришли к нему и жаловались, кто которого сажал в тот погреб. И он, Емелька, не хотя сам разбирать их жалобы, тем пришедшим к нему татаром сказал: «Подите с теми, кто вас посажал в погреб, и управьтесь сами — как себе хотите». И оные, отойдя от него, — как он слышал от своей сволочи, — порезали до смерти

*) Так в подлиннике.

пять человек и притом сожгли два двора, — кого ж имянно убили и кто имянно убийцы, не знает, потому што он о том не спрашивал.

Побыв в Каргале с час, где сказали ему каргалинцы, — но кто имяны, не знает, — что, де в Сакмаре оренбурхские казаки сто человек сидят, куда он со всею толпою и пошол. Но на дороге не доходя Сакмары посланные от него туда передовые казаки, ехавши уже из Сакмары навстречю, сказали ему, что оне в Сакмаре были, но только де казаков оренбурхских там не застали, а поймали тамо только сакмарского казака, атаманского отца, на которого тамошния казаки и пожаловались, что оной их раззорял.

Как он с толпою пришол в Сакмару, то казаки ему не противились, да и противитца им было нельзя, потому што оне во все время были в его толпе, а пошли в Сакмару тогда, когда он, Емелька, пошол из Берды. И потом оного атаманского отца да каргалинского татарина, которой был как переметчиком, то-есть, проведав, что в его толпе делаетца, бегал в Оренбурх и тамо сказывал, на которого донесли ему о сем каргалинские татара, он, Емелька, повесил.

В Сакмаре начевал он одну ночь, а на другой день пришол князь Голицын, и он, Емелька, с сволочью своею против верных вышел и стал палить ис пушек. Но, как князя Голицына каманда привалила и стали стрелять изо всех пушек, то он с своею сволочью стоять не мог, очень скоро побежал, кто куда мог, где оставили и бывшие при нем десять пушек [68]). Бежал он с оставшею при нем сволочью не более как человек с пять сот, в коем числе были яицких и илецких казаков человек сто, заводских мужиков человек со ста да башкирцов, татар и разной сволочи человек с триста, не кормя, во всю прыть, до Тимашевой слободы, коя, как думает он, от Сакмары верст со сто. По приезде в ту слободу только што накормили лошадей, то поскакали опять на Красную мечеть. Тут начевали, где опомнился он, что кто с ним остался и кто от него отстали.

И нашол он, что с ним главные его способники остались: Федор Чумаков, Григорей Леонтьев, Трофим Горлов, Василей Коновалов, Иван Творогов, Егор Кузнецов, а в Сакмаре остались Андрей Витошнов, Максим Шигаев, Иван Почиталин, Максим Горшков, Андрей Толкачов. Всей его толпы было в Сакмаре до пяти тысяч, в разные времена после возвратились к нему до тысячи человек, да с ним, как он выше сказал, ушло пять сот, а достальные три тысячи пятьсот человек побиты ль или разбежались куда, он не знает.

С Красной мечети пошол он с толпою своею на Каргалинской завод, которого он не раззорял однако ж. Жители того завода, молодые люди, человек с пятьдесят, пошли с ним. С сего завода пошел он с своею воровскою артелью на Завьяно-Петровской завод, которой нашол совсем раззореной, и хотя он был и не уведомлен, но однако ж думает он, что раззорил Хлопуша, ибо известно ему в Берде было, что по заводам ездил Хлопуша. Начевав на том заводе, пошол на Белорецкой завод. З Завьянского завода и из ближних около оного селений пристали к ево злодейской артеле без всякого от него принуждения более четырех сот человек.

По приходе на Белорецкой завод жил он по праздник святые пасхи три недели [69]). С того завода пошел он к Магницкой крепости, не раз-

зоряя оного завода. Во время ж житья его на том заводе пристало к нему русских и башкирцов до двух тысяч, с коими он Магницкую крепость, хотя и было из оной супротивление, взял и каменданта той крепости повесил, где он взял четыре пушки и четыре бочонка пороху. Бывшие ж в той крепости исецкие казаки и салдаты, — сколько числом, не знает, — пристали к его воровской шайке добровольно [70]).

На другой день взятья крепости пришли к нему Овчинников, Афанасей Перфильев, Иван Федулов и привели с собою триста яицких казаков да двести заводских мужиков. И он, Емелька, спросил Овчинникова: «Как ты ис Татищевой ушол и где ты был и этих людей, кои с тобою пришли, где набрал?» И оной Овчинников говорил: «Я де против Голицыной каманды стоял до тех пор и стрелял, докудова все заряды выстрелил, а потом, падши на коней, пробился прямо сквозь каманду Голицына, а за мною поспели убежать только казаков человек с триста», с коими он дошол до Илецкого городка. А чтоб де не нашол на него князь Голицын, то он разставил заставы, а между тем в Яицкой городок с казаком послал репорт и писал, что государь под Татищевою разбит и бежал с малыми людьми в Берду, войско яицкое разбито, и осталось только со мною триста человек, и просил, чтоб из Яика прислана была к нему помочь, почему из городка та помочь с Афанасьем Перфильевым и прислана (но сколько, не сказал). И Перфильева де в городке пожаловали полковником. «А как скоро пришол Перфильев, то з заставы уведомлен де я, Овчинников, што князь Голицын идет к Илеку, то он, Овчинников, из оного Илецкого городка вышел и был сам в Яике и взял тамо пушки и уже со всеми людьми, то-есть и з заводскими, кои пристали на Яике и по дороге, пришол на речку Быковку, где с камандою князя Голицына дрался, но однако он его разбил, и он, Овчинников, оставя пушки, бежал [71]) и явился у тебя», то-есть у него, Емельки.

Из Магнитской крепости пошол он, Емелька, с толпою к первой подле оной крепости, — как зовут, не знает. Но, не доходя до оной, сведал он, что в той крепости сидит генерал Деколон, то, не ходя на оную, пошол в обход к другой подле той состоящей крепости, где был один прапорщик и четыре престарелых салдата, кои не противясь здались, и афицера взял к себе, а салдаты за старостью оставлены тут. А крепость Овчинников зажог.

От оной крепости пошли в третью крепость, где комендант супротивлялся и стрелял ис пушек, но однако ж толпа его усилилась, крепость и пушки три и порох взяли, а каменданта и афицеры побиты, салдаты ж взяты в толпу, но сколько, не знает, а крепость выжгли. От оной крепости пошел в четвертую крепость, где так же противились его толпе, но однако ж усилясь взял, каменданта и афицеров побил, пушки взял, тако ж и порох и оставших салдат, — а сколько, не знает, — взял же в свою толпу, а крепость зажог. Из оной крепости пошел в Троицкую крепость, которая так же хотя и противилась, но толпа его осилила, оную крепость взял [72]) с потерею из своей толпы человек до тритцати. В той же крепости комендант и еще четыре человека афицеров убиты; салдат, коих было, как помнитца ему, сот до пяти, взяли, было, в свою толпу, но оные просили его, Емельку, чтоб он их начевать отпустил в крепость, а они де чем свет по утру

к нему явятца, по которой прозбе он в крепость и отпустил. Но по утру рано пришол к той крепости генерал Деколон и оною овладел, а ево с толпою прогнал, где артель его воровская разсеялась в разныя стороны более пяти сот человек [73]).

По взятии Троицкой крепости стал он с толпою на лугах, то казак Горлов, которой у него был хорунжим, при Овчинникове и Перфильеве и при других казаках говорил ему: «Вот, батюшка, отсюда станем пробиратца на Иртыш». И он, Емелька, сказал: «Я этих мест не знаю и здесь не бывал, так, куда вы хотите, туда меня и ведите».

Да как он был в Магнитской крепости, то туда приехал башкирец, — как зовут, не знает, — и был оной в киргисах, и как оной к нему пришол, то он, Емелька, спросил ево: «Зачем ты пришол и откуда и кто тебя сюда прислал?» И оной башкир сказал, что башкир и живет в Каргалинской орде и сюда пришол посмотреть государя. И он, Емелька, спросил: «А отсюда куда ж хочешь ехать?» Башкир сказал: «Я опять поеду в киргисы». И он, Емелька, спросил: «Отвезешь ли ты к Аблай хану от меня писмо?» Башкир сказал: «Отвезу». И он, Емелька, приказал заводскому мастеровому, — как ево зовут, не знает, — написать по-татарски, а Творогову по-русски к Аблай хану письма, в коих он писал, чтоб прислать к нему войска, где писано и о взятом под Оренбурхом безденежно ево скоте, за которой и обещал присланному от него отдать денги. И с теми писмами оного башкира да еще из ево толпы два башкирца же да казанского татарина, дав им денег двести рублев да всем по красному кафтану, отправил. Но на то никакой отповеди не получил и, где оные посланные девались, не знает.

Оным же людем приказывал он, Емелька, чтоб они Аблая от него попросили, чтоб он, ежели блиско где кочуют бежавшие из России калмыки, то б он дал им весть, чтоб оне как можно скорее сюда к нему, Емельке, приезжали.

По разбитии Деколоном толпы его осталось человек с пятьсот, и пошли с оною по исецким казачьим станицам, где, прошод две станицы, нашло к нему в толпу исецких казаков сот до пяти, и лишь только выступил он к третей станице, то встретил его Михельсон, который его разбил [74]), и толпа его разбежалась, а осталось только с пятьсот человек. И шол с оными сутки с трои, где собралось к нему из разбежавшихся ис под Михельсона еще сот до двух.

А чрез три дни пришол он в башкирские селении, где нашол стоящих на конях башкирцов до трех тысяч человек. И из оных, увидя идущую его толпу, старшина Салават [75]), подъехав к нему, Емельке, сказал: «Это стоит наше башкирское войско, и мы дожидаемся ваше величество, а нас де старшин здесь трое». И он, Емелька, сказал: «Благодарствую. Послужите мне!»

И потом поехали они паки по исецким станицам. Приехав на одну станицу, казаки сказали ему, что де «служившей у вас в войске харунжей наловил ваших казаков и насажал целую тюрьму и морит их мором». И он, Емелька, призвав исецкого казака Семена Билдина, которого он произвел в полковники, еще будучи в Берде и был везде при нем безотлучно, и велел того харунжаго повесить, коего и повесил.

Неподалеку от оной станицы нагнал он, не доезжая до города Осы,

нашол *) с своею с толпою опять на Михельсона и на оного напал, но не мог его сломить. Но и Михельсон так же его не разбил, а убил только из пушки одного казака Андрея Толкачова. А на другой день паки сошелся он с Михельсоном, и так же была с ним сшибка, но и на оной ни Михельсон его не разбил, ни он, Емелька, Михельсону вреда не зделал, и разошлись: Михельсон пошол на Уфу, а он пошол к Красногорской крепости [76]).

Как он с Михельсоном разошелся, то на другой день, как он стал лагерем начевать, то пришол к нему в палатку башкирского старшины Кинжи (которой у него в толпе был полковником) сын, — но, как его зовут, не знает, — и говорил: «Везут де наши башкирцы на почте из Петербурга какова та к вашему величеству человека, который де сказываетца, что он к вам послан от Павла Петровича». В то время в той палатке с ним, Емелькою, были Овчинников, Перфильев, Творогов, Давилин. Он, Емелька, сказал Кинжину сыну: «Где этот приезжей? Подай ево сюда».

И оной Кинжин сын, вышед из кибитки, тот час при всех вышеписанных людех привел к нему того приезжаго человека. И оной приезжей человек, только што вошел в кибитку, — а он тогда сидел один, а протчие все стояли, — поклонился ему в ноги, то-есть до земли, а поклонясь говорил слова такия: «Его высочество Павел Петрович приказал вашему величеству кланятца и прислал к вашему величеству подарки». И, вынув ис кисы коженой сперва чорную шляпу, обшитую золотым позументом, потом сапоги жолтые, — а шиты ль золотом, не помнит, — а потом перчатки, шитые золотом, и, вынув это все, отдал ему, Емельке, в руки.

И он, Емелька, сказал: «Благодарствую». И потом спросил он, Емелька, того человека: «Здоров ли Павел Петрович? Каков он? Велик ли?» Тот человек говорил ему слова такие: «Слава богу, он здоров и велик молодец, да ево де уже обручили». И он, Емелька, спросил, на ком обручен. И оной человек сказал: «Он де обручен, не знаю, на какой та немецкой принцессе». И Емелька его спросил: «Как ее зовут?» И оной человек сказал: «Наталья Алексеевна». И Емелька сказал: «Ну, слава богу. Дай бог благополучно!» И оной же человек сказал: «И от Натальи-та Алексеевны прислан подарок к вашему величеству — два камня, да у меня де далеко в возу завязаны. Я де ужо принесу».

И он, Емелька, спросил того человека: «Што ты за человек и как зовут?» И оной сказал ему: «Я де московской купец, а зовут меня Иваном Ивановым». И он, Емелька, спросил оного Иванова: «Што про меня в Питере говорят?» И он, Иванов, сказал: «Ничево де не слыхать. Да вить великой князь послал меня к вам тайно, и никто этова не знал».

И потом в то ж самое время оной Иванов говорил: «Я де к вам и пороху шездесят пуд вез». И он, Емелька, спросил: «Да где ж ты этот порох взял?» И оной Иванов сказал: «Да и порох де послан к вам от Павла ж Петровича». И Емелька ево, Иванова, спросил: «Где ж этот порох? И как же ты ево провести мог?» И оной Иванов сказал:

*) Так в подлиннике.

«Я де порох оставил в Нижнем на судне, а чтоб де протчие ево не видали, то я ево положил в бочку и засыпал сахаром». И потом он, Емелька, сказал тому Иванову: «Поди, бог с тобой, отдыхай и будь подле моего обозу».

А как оной Иванов от нево вышел, то он Творогову, а после и Чумакову говорил: «Смотрите ж за старичком-та, штоб он не ушол. Мне кажетца, он обманщик. Статное ль дело, штоб Павел Петрович ко мне прислал подарки?» [77]).

После сего на другой день пошол он к Красногорской крепости, из которой верст за пятьдесят встретили его той крепости казаки, которые к нему в толпу пристали, — как помнитца ему, человек до пятидесяти, — почему он в Красногорскую крепость и не заходил, а прошол мимо.

После сего пришол он в Осу, коя ему не здавалась, и производили с оной пальбу. Однако ж в двои сутки оную взял [78]), город выжег, трех камандиров — Скрыпицына, Пяткина, — третьяго как звали, не знает, — повесил, взял три пушки, а салдат причислил к своей толпе, — но, сколько их было, не помнит.

Как он, Емелька, стал еще сбиратца под Красногорскую крепость, то на другой день по утру оной Иван Иванов, пришод к нему в кибитку, говорил: «Отпусти ж меня, ваше величество, в Казань, а я оттоль поеду в Нижней и привезу к вам в Казань порох». Он, Емелька, боясь, что не с подвохом ли он прислан к нему от какой воинской каманды, так осмотря мою толпу, не подвел бы ту каманду нечаянно на нево, то сказал Иванову: «Поживи у меня, старик, ища будешь в Казане». По взятье Осы опять просился в Казань, но он ему сказал: «Што ж ты скучаешь? Я де тебя сам вспомню, когда отпустить».

И потом пошол он из Осы прямо на Казань, где на дороге разбили оне две каманды верных войск [79]) и взял две пушки, и харунжей ево, Емельки, Илья Самострелов заколол одного афицера. Как он от Осы шол под Казань, то к толпе его пристало татар и русских мужиков до семи тысяч человек, да пушек с двенатцать.

Во время ж походу ево к Казане, не доходя до оной как верст за триста, означенной Иван Иванов просил ево, Емельку, чтоб он отпустил его не за порохом, а в Питербурх: «Я де к вам в Казань привезу Павла Петровича и с великою княгинею». Но он однако ж не отпустил, зная, что он ево обманывает.

Не доходя до Казани верст дватцати встретилась с ним верных войск каманда, которая выпалила по толпе его один раз пужом [?], а коль скоро выпалили, то толпа ево пушку отнела, афицера Швыткovского взяли ж в толпу, а полковника казаки скололи бегущего на дороге. Каманда конная и пешая вся не дравшись ушла в лес [80]). Не доходя до фарштата, на Арском поле он с толпою остановился, и Овчинников повес злодейской его манифест, чтоб Казань ему здалась, и отвезя возвратился к нему и сказал, что манифеста ево не слушают, а только бранят [81]). И он, Емелька, приказал всей своей сволоче злодейской приступить к фарштату и сперва велел палить из пушек, а потом, как и по нем стали стрелять с батареев, то он велел фарштат в разных местах зажечь.

А как город весь загорелся, то афицеры, которые на батареях

стояли, остались не убитые, те ушли в кремль, а салдат взял он к себе в толпу. По крепости он не палил для того, что весь город был в огне, и тово ради и сволочь свою отвел на Арское поле. Ис тюремного острога всех колодников выпустить он велел.

Как он, Емелька, ехал по Арскому полю, то он наехал на жену свою, показанную Софью, и при ней помянутые ево дети — сын Трофим, дочери малолетные Аграфена и Крестина, коих и велел посадить на воз и отвесть в его кибитку [82]). Тут же увидел он и игумена Филарета, коего так же велел отвести в кибитку ж.

Как еще в городе пожар продолжался, то в то самое время пришол на Арское поле Михельсон и стал по его толпе из пушек палить и наступать на его толпу, против чего хоть и он ис своих пушек палил же, но, как казаки ево, ворвавшись в город, напились, и много было пьяных, то противу михельсоновых пушек, так же и пехоты не устояли, и бросились кои куда, то он, Михельсон, как пушки у него, так и взятых в толпу его из города, а большею частию с Арского поля людей взял [83]). А он, Емелька, с толпою своею, коя ушла от Михельсона, пошол в свой воровской стан и, снявши оной, на другой день по утру перешел чрез речку Казань и, быв тамо два дни, перешед оную, пришол паки на Арское поле с таким намерением, что Михельсон опять за ним погонитца, а ему уже, как отрежит ево от рек, некуда бежать будет, а естьли он ево на Арском поле и разобьет, то он перелезет чрез Волгу. А притом надеялся, что и он Михельсона разобьет.

И как скоро он на Арское поле с своею сволочью показался, то Михельсон на него и накрыл, и происходило между ими сражение, и подравшись его сволочь не более как часа с полтора, стала бежать. И потом Михельсон отбил у нево пушки. А как его пушками завладел, то и он, Емелька, со всею уже толпою побежал и только успел взять жену и детей, протчей же обоз казаки помогли ему так же увести.

Михельсон гнался за ним верст с пятнадцать, но догнать ево не мог [84]). И, отбежав от Казани верст со ста, перешол Волгу, где при переходе чрез реку повесил он, Емелька, сержанта, который был при перевозе, за то, что оной потопил суда, для тово, чтоб ево с толпою не перепустить за реку. Как же он перешол Волгу, то толпы его собралось на первой стан человек до тысячи конных. И потом, отойдя от берегу небольшое разстояние, начевали.

На другой день пошол он с толпою мимо одной большой деревни и как пришли в оную, то крестьяне все разбежались и не дали для перевозу толпы его судов, за что он всю деревню велел выжечь, которая и выжена.

От оной деревни ехали они до обеда, а едучи дорогою Караваев и Овчинников просили ево: «Что, батюшка, отпусти Ивана та Иванова. Он уж не смеит вас просить». Как же стал он обедать и кормить лошадей, то увидел он, Емелька, показанного Ивана Иванова и позвал ево к себе и говорил ему: «Што, старик, хочешь ехать?» И он сказал: «Давно уж пора ехать, да я не смел вам, батюшка, докучать». И он, Емелька, сказал: «Ну, бог с тобой, поезжай». И оной Иванов сказал: «Я поеду и привезу к вам Павла Петровича. Да што ж, ба-

тюшка, одному ему приезжать или и с Натальей Алексеевной?» И оной же Иванов сказал: «Куда ж прикажешь приезжать?» И он, Емелька, сказал: «В Царицын, а кали в Царицыне не застанешь, так в Астрахань, ищи де там меня у Полякова» [85]).

Оному ж Иванову при отъезде ево дал ему он, Емелька, пятьдесят рублев. Оной же Иванов с самого ево с подарками к нему приезда был при нем, Емельке, неотлучно. И когда он дрался с верными войсками, то оной Иванов езжал за ним верхом, а в обозе не оставался.

По отпуске Ивана Иванова пошол он с толпою своею прямо на Алатар [86]), где его встретили жители того города почти все за городом с хлебом и с солью, а попы с крестами. При входе в город приставлен был от него караул, чтоб городских жителей толпа его не раззоряла, а сам пошол в церковь, и пели попы молебен, поминая государя Петра Федоровича, Павла Петровича и великую княгиню, а всемилостивой государыни не поминали. Но он, чтоб поминать или не поминать, попам о том ни слова не говорил.

По отпении молебна пошол тамошней роты к порутчику, — как зовут, не знает, — с ближними своими злодеями по зову ево к нему в дом, и пили чарки по три вотки. А потом Чумакову велел забрать казну и порох, — которой казны сколько взято, тако ж и пороху, не знает, — вино казенное, как ворвавшиеся в город казаки стали пьянствовать, то он приказал рубить все бочки и вино выпустить; содержащихся колодников, сколько ни было, всех распустил.

Как же пели молебен и встречали с крестами, то в то время был один поп в шапке с каменьями, как быть золотая. Воеводы и судей в городе никого не было, а жители и помянутой порутчик сказали, што де вчерась бежали. В то время, как он был в городе, жители жаловались ему, што де казаки ево, ходя по их домам, грабят имение и раззоряют. И он, услыша оную жалобу, поехал по городу сам и казаков выгнал. Помянутой порутчик и все жители называли ево, Емельку, государем. Того города бургомистру приказал он, Емелька, штоб казакам дать соли на каждого по три фунта без денег, а сколько роздали, не знает.

Как он пришол в Алатар, то было его толпы тысячи, казалось ему, з две, а подлинно не знает, потому што он списков не имел. Потом, взяв он афицера и салдат, — а сколько, не знает, только помнитца ему: человек с дватцать, — пошол к своей толпе за город, а город приказал, чтоб был сохранен, сержанту, которой был росту небольшого, и приказал оному сержанту, чтоб высылал к нему жителей, годных в службу, которой не больше как человек с пятьдесят и выслал. Как жители о воеводе и других судьях сказали, что оне ушли в лес, которой близ города, коих он казакам и велел искать, но оне не сыскали.

В бытность ево еще в городе бургомистра спросил он: «Есть ли де у вас в городе серебреники и пойдут ли ко мне служить?» Бургомистр сказал: «Есть де двое. И как де им нейтить! У вас де им лутче будет, чем здесь», коих два человека тот час и привели, и один с женою, другой без жены. Как оне пришли к нему уже в стан, то он им, показав рублевик Петра перваго, говорил, могут ли они этакие делать, с ушками. И оные сказали: могут. И он же, Емелька, спросил их, указав на свою рожу: «А такой потрет, как я, можете ли делать?» И оне ска-

зали: «У нас де штемпелей нет, так де зделать такова, как вы, не можем».

Как он стоял под городом одне сутки, то в то время приводили к нему из разных селеней крестьяне господ своих, тако ж и ево толпы казаки — дворян, а сколько числом, не помнит, и, кто оне таковы, не знает, — коих Овчинникову приказал вешать, кои и повешены. Овчинников же лепортовал ему, што повешано двенатцать человек.

В Алатаре приходили к нему в толпу служить крестьяне, но пешие, коих он отсылал назад. Из Алатаря пошол он с своею сволочью в Саранск, где так же ево встретили попы и жители, ибо, не доходя он до того города, посылал в оной Федора Чумакова с манифестом. Воеводы и судей в городе не было, а сказали, што все бежали. Казну всю, какая была, велел забрать и забрана, — но сколько, не знает, — тюрьму велел отворить, но были ль колодники, не знает. Вино хотя он запечатать и приказывал, но думает он, што выпили казаки, а не меньше и обыватели сами. Домы толпа его тех обывателей, кои из города бежали, грабили, но под их след грабили же и обыватели.

Побыв в городе несколько часов и взяв тут шесть или восемь пушек, так же ядры и порох, пошол за город в свой воровской стан, а воеводою зделал он того города посацкого, — как зовут, не знает. Приходили к нему сперьва в городе, а потом и в стан городовые два афицера и человек с пятнатцать салдат, коих он, хотя в службу к себе и звал, но оне его, Емельку, упросили, чтоб он их оставил, сказывая притом, что де мы хотя люди еще и не старые, но все переранены, почему он ни одного в свою толпу и не взял.

Под сим городом стоял он двои сутки. В сие время приведено к нему, злодею, крестьянами и его казаками из разных селеней, сколько он припомнить может, дворян пятнатцать человек (а подлинно не помнит), коих он приказал повесить. И Овчинников сказывал ему, что оные и повешены, в том числе одна женщина, у которой в городе он, Емелька, обедал, без его приказу казаками ево повешена, но кем имянно, не знает.

Из города взял он в свою толпу присланных от нареченного им воеводою городских жителей человек с пятьдесят [87]), и потом пошол он к Пензе. И идучи дорогою приведено к нему людьми бсярскими и крестьянами дворян, как он таперь припомнит, пять человек, коих он по жалобам их, что они крестьян своих обижали, приказал повесить, коих Овчинников и повесил. После сего крестьяне же привезли к нему свою госпожу, которая сказала о себе, что муж ее в походе против турок, а она де ис польских дворян, кою он вешать и не велел А как она просила ево, чтоб он ее от ругательства сохранил и взял с собою хотя до Царицына, на которую прозбу он склонился и велел вести ее в обозе. Но Овчинников, узнав о ней, потому что муж ее бывал в Яицком городке и стоял у нево в доме, и тогда де муж ее и она много делали ему раззорения и его и жену ево бивали, то в отмщение оной Овчинников без его приказу засек оную афицерскую жену плетьми до смерти, о чем ему после уже сказал Давилин. И как стал он, Емелька, Овчинникову говорить, для чего он ее без его приказу засек, то оной Овчинников говорил: «Мы де не хотим на свете жить, чтоб ты наших злодеев, кои нас раззоряли, с собою возил, ин де мы тебе служить не

будем». И он, Емелька, услышав этакие слова, как оной Овчинников — первой человек во всей его толпе, замолчал.

Потом пришол он в Пензу, где встретили тутошние попы с крестом, а народ с хлебом и солью. По приходе в город казну государеву велел своим ближним способникам в злодействах ево, — но кому, не упомнит, только из двух — Давилину или Чумакову, — всю забрать к себе в воровской стан, кои и забрали, а сколько не знает, но слышал, что взято было много. Вино и соль толпа его грабила, хотя от его и приказано, как и прежде было, чтоб соли толпе его давать без денег только по три фунта на человека. Домы обывательския, кои из города бежали, толпа его грабила. Воеводы и других судей в городе не было, а сказали ему, што бежали, коих хотя сыскать и привести к себе приказывал, но никого к нему не привели.

Обедал он в городе у бургомистра или другова какова над купцами начальника, — а как ево зовут, не помнит, — которой подарил ему две лошади. Оного бургомистра по выходе из города нарек он воеводою и поручил ему город. Во оном городе называли все ево, Емельку, государем. Взял из оного города четыре пушки, тако ж ядры и порох, да пристали к его толпе бывшие в городе двенатцать человек волских казаков и с одним старшиною, так же и трое гусар. Под сим городом никого он вешать не приказывал, да и к нему никого тут не приводили. Но как отошол он от города двенатцать верст и остановился начевать, то тут привели к нему крестьяне, — а чьи, не знает, — помещиков своих двух человек, коих он Давилину приказал повесить, которые и повешены [88]).

С того места пошол в Петровск и не доходя до города послал Чумакова и несколько казаков в город с своим злодейским манифестом, а как после ево подошел к городу, то встретили ево поп с крестом, а жители с хлебом и солью. По приходе в город нашол он только четыре человека волских казаков, тако ж воеводу и порутчика, ис коих воеводу за то, што жители жаловались ему, што он обижал, велел повесить, которой и повешен, а о порутчике сказали, што он человек доброй, то он и зделал ево воеводою. Порох взят ли Чумаковым, он не знает, а пушки хотя и были, но по-неимению в них нужды не взяты. Казны государевой не взято, что ее не было. Вина толпе не давали, а велел запереть.

Казаки волские четыре человека пристали в его толпу, дом разграбили воеводской, о котором сказали ему казаки, что ничево в нем и не было, а только взята одна лошадь. Салдаты в городе хотя и были, но немного, ис которых он ни одного к себе в толпу не взял.

В бытность ево в городе привели к нему объезжие ево казаки четырех человек казаков, коих он спросил, что оне за люди, и оные сказали, што де «мы — донские казаки, а присланы де от камандира осмотреть, какие люди в крепость взошли». Он им отвечал, что пришол государь, а потом спросил: «Велика ли ваша каманда?» И оные сказали: «Шездесят де человек нас донских, майор, эсаул и сержант». И он, Емелька, трех казаков оставил у себя, а одного послал к его камандиру, коему велел сказать так, как и казакам, чтоб оне не дравшись приклонились, а ежели дратца станут, то он их всех казнит, с чем тот казак и поехал. А коль скоро оной поехал, то он, Емелька, увидя сам

означенную каманду, тотчас с своею сволочью поскакал к оной. А как он приехал к ней блиско, то казаки тот час слезли с лошадей и наклонили знамя, сказав, что «мы тебе, государь, служить ради». Помянутой же майор, лишь только завидал ево, Емельку, идущего с толпою, тако ж эсаул и сержант, поскакали во всю прыть от каманды прочь, за коими он, Емелька, послал погоню, ис коей сержанта догнав казаки убили до смерти, а майор и эсаул ускакали. Означенных же казаков принял по их охоте в свою толпу [89]).

Потом пошол он с толпою к Саратову, но не доходя оного — встретилась с ним идущая от Саратова казацкая каманда с харунжим, коего звали Александром, и как он, Емелька, сию каманду увидел, то послал казака спросить, откуда едет каманда и куда. Казак поехав спросил и прискакав назад сказал ему, что это де волские казаки шездесят человек с одним харунжим и были де в Саратове и оттуда ушли и идут служить к вашему величеству. И потом с оными казаками он сошолся и сошедшись спросил, много ли в Саратове каманды, и харунжей сказал: «Каманды де там есть разные, артилериские и армейские и наши казаки, кои де с вами дратца не станут. Мы де бы давно к вам ушли, да не знали, где вас обыскать. А те де каманды артилериская и армейская небольшие». И он, Емелька, как сего харунжева Александру, так и донского эсаула, или же и оной был харунжим, назвал он, Емелька, полковниками [90]).

Как же подошол он к Саратову версты за четыре, то выехали к нему навстречю волских же казаков человек с дватцать и с ними саратовской житель, которой, подъехав на лошади к нему, слезши с оной, поклонился ему, Емельке, в ноги. Он ево спросил: «Что ты за человек и зачем сюда приехал?» И оной ему говорил: «Я де города Саратова житель Кабяков, прислан к вашему величеству от всего города, чтоб вы пожаловали манифест, а то де народ желает вам служить, да только де нет манифеста». И он, Емелька, приказал Творогову написать манифест и отдать тому Кабякову, почему Творогов манифест воровской написал и Кабякову отдал, и оной взяв поехал. После сего подшол он под Саратов, где палили по нем сильно из пушек, а он напротиву того стрелял из своих пушек. И напоследок толпа его ворвалась в город, но воинские каманды и тут дрались, но напоследок афицеры, оставя пушки, с салдатами отстреливаясь, из города вышли вон, а выттить уже ис крепости не успели, — два офицера, один в красном, а другой, помнитца ему, в зеленом кафтанах, и с ними осталось пехоты в зеленых кафтанах семдесят, а в красных пятьдесят человек, которые хотя и отстреливались, но однако ж толпа его усилясь их взяла, и они напоследок положили ружье. И отвели всех их в его ставку за город. Саратовские ж казаки, коль скоро в город вломилась его толпа, то оные дратца не стали и пристали к его толпе. Саратовские же жители, в том числе и бургомистр, так же не дрались, а, увидя его, Емельку, поклонились все и сказали, что «мы вашему величеству служить готовы».

По взятии города увидел он знакомого ему саратовского купца, — имени ево не помнит, по прозванию Уфимцов, — которой знаком ему потому, что как он, Емелька, пробирался с Яику в Оренбурх, то под

Илецким городком наехал он на того купца, кой гнал на продажу триста лошадей, и он, Емелька, сторговав тех лошадей за три тысячи за пять сот рублев, но денег тогда ему, што у него их не было, не дал, а обещал ему заплатить, когда придет он, Емелька, в Саратов. О приходе ж ево в Саратов тому купцу сказал на удачу, только для того, чтоб он не тужил о взятых у него лошадях, ибо у него тогда, — да думает он, что и у всей его толпы, — и в уме не было, чтоб быть в Саратове. Почему, как пришол он, Емелька, в Саратов, то оной посацкой, как знакомой ему человек, к нему и пришол. А он, узнав ево и счотчи, что он показанными лошадьми ево одолжил, того купца благодарил и денги ему три тысячи пять сот рублев заплатил. Детей ево двоих, коих он привел к нему с собою, одново назвал полковником, а другова казаком и определил их в свою толпу, кои у него по самое последнее Михельсоном ево разбитие были. У оного ж купца он, Емелька, обедал, где был и бургомистр, но, как зовут, не знает.

Бывши в Саратове, при саратовских казаках говорил он, Емелька, што у него пеших казаков много, а лошадей нет, и казаки, — а кто имянно, не знает, — сказали ему: «У нас, батюшка, есть два табуна лошадей. Мы тот час велим пригнать», кои подлинно тово часу в город и пригнали. И он, Емелька, велел толпы своей казакам их брать, у кого не было лошади, а между их и саратовские казаки ис тех лошадей себе брали ж.

В тож время, как он был в Саратове, пристало к нему с судов бурлаков сто человек и один эсаул с ружьями, а иные и с саблями, а иные с шпагами, у коих было на том судне, на коем оне плыли, — как сказывал эсаул и сам он, быв на том судне, видел, — денег медных два бочонка, сундук с серебреною посудою, двести рублев серебряных денег и шесть дворянских жон. И он, Емелька, денги серебреные взял к себе, а протчее все оставил на судне. А притом спросил он, Емелька: «А женщины де какие?» И эсаул сказал: «Мужья де их были дворяне, но мы их всех, коих было шесть человек, покидали в воду», причем женщины просили ево, Емельку, чтоб он с судна их взял к себе. Но он их не взял, а эсаулу накрепко приказал, чтоб он тех женщин зберег и отнюдь бы их никто ничем не обижал, а привез бы сохранно в Царицын к нему.

Казну государеву толпы ево начальники брали и из оных показанному Уфимцову за лошадей три тысячи пять сот рублей заплатили, — сколько ж той казны всей взято, не знает. Тут же брала толпа ево правиант, — сколько ж, не знает. Вино на кабаках, нельзя сказать, чтоб толпа его не пила, но он о том не приказывал. Пушек в городе взято, — помнитца ему, — пять да одна бомба, со всем снарядом, то ж ядры и порох, но сколько, не знает. Ис Саратова по день разбития ево Михельсоном в толпе его были двое показанных офицеров и салдаты, тако ж купец Кабяков и Уфимцова двое детей, тако ж и все казаки.

По выходе из Саратова пошол он поселенными колонистами, коих он прошол пять селеней, но оные драки с ево толпою не делали, охотников же набралось в его толпу пять сот человек. Как он пришол к Саратову, толпы его злодейской было три тысячи человек, а пушек было десять.

Как же он Саратов совсем взял, то в то время пришол толпы ево яицкой казак Ходин и привел к нему семь сот человек заводских работников, людей боярских и крестьян конных и вооружены ружьями, а у коего ружья нет, так с копьем. Он, увидя его, Ходина, спросил: «Где ты был и где этих людей набрал?». Оной Ходин сказал: «Как де тебя, батюшка, разбил Михельсон под Казанью, так де я из этих людей в небольшом числе все шол позать вас, и дошел де я чрез Алатарь, Саранск, Пензу, Петровск, но везде тебя не заставал, а приходил после вас, и эти де люди все ко мне приставали сами». А делал ли оной Ходин в селениях какие убивствы и граблении, о том ему не сказал, да и он о том не спросил [91]).

И потом со всею своею сволочью пошол он к Камышенке сухим путем, а упомянутые бурлаки ехали в своем судне по реке в виду его толпы. По приходе к Камышенке встретили ево, не доезжая оной, царицынских казаков тритцать человек, кои были на заставе, и добровольно пристали к ево толпе. Как он пришол к городу Камышенке, то все того города жители встретили ево, Емельку, с хлебом и с солью, а поп с крестом. Но камендант, не стреляя по них, заперся в крепость. Казаки ж толпы ево, разбив крепость, каменданта заколюли до смерти, а салдат десять человек и с ними афицер взяты и причислены к его толпе. Камендантов двор, тако ж и тех жителей, кои в крепость бежали, домы раззорили. Казна государева разграблена, но кем, не знает, а он грабить не велел.

В бытность в Камышенке пришол к нему Перфильев и сказал: «Один де афицер, што взят в Саратове, хочет бежать». И он, Емелька, сказал: «Ты смотри, штоб не ушол. Вить ты ево хвалил, так ты за ним и смотри, а дело-то разбери». А на другой день оной Перфильев сказал ему: «Афицер-ат де тот, которой бежать хотел, ушол». И он, Емелька, сказал: «Да как ему уйтить, разве ты его уходил?» И оной Перфильев сказал: «Да уш так быть — ушол», а сам разсмехнулся. А потом услышал он, Емелька, от казаков, что тот офицер истреблен. Как он был в Камышенке, то пришло к нему, Емельке, малороссийских казаков шесть сот человек конных [92]).

С Камышенки пошол он чрез три царицынских казаков станицы. Как первая словет, не знает, а две, Короваевская и Антиповская, которые без супротивления все пристали к его толпе. На тех трех станицах казаков было триста человек. А как из оной станицы вышел, то встретила его толпу лехкая полевая каманда, один донской казацкой полк и шесть тысяч калмык, и, не дравшись еще с ним, донские казаки съехались ево толпы с казаками, и донские просили ево казаков, что де камандиры их велели просить от государя манифеста. Те казаки приехав сказали о сем ему, Емельке. И он Творогову приказал написать манифест и послать з двумя калмыками (которые в его толпе служили), которые отвезя возвратились к нему и сказали, что они манифест отдали калмыкам, а калмыки повезли к своему князю, а князь хотел вести к казацкому полковнику и к маэору, которой камандовал лехкою камандою. Но оттуда никакого известия он не получил.

И на другой день, осмотря означенныя верныя войска, показалось ему, што каманда велика, то, штоб со оною не дратца, боясь, што его

толпу разобьют, пошол в обход другою дорогою. Но оные верные войска его перехватили и стали по нем стрелять, а потом и он, и как у верных войск подбила его толпа ис пушки у единорога лафет, а тем и пороховой ящик взорвало, от чего калмыки, а потом и казаки и салдаты подались назад, он, воспользуясь сим случаем, со всею своею сволочью на войска ударил, — калмыки и донцы побежали, так же и афицеры салдат оставили, сами ж побежали, то он, взяв салдат и пушки, отвес к себе в толпу, — коих было с восемь сот человек, — и поручил оных в каманду взятому в Камышенке афицеру.

После сего пошол он с толпою к Дубовке, где дубовские жители ево встретили, а атаман Персицкой ушол в Царицын, и оные казаки добровольно придались в его толпу, ибо их тут было не больше как человек з двести, куда пришло к нему в толпу калмык три тысячи с калмыцким князем, — как помнитца, сказывали ему, яицкие казаки, — Дербетевым, — а подлинно не знает. Оному князю дал он пятьдесят рублев да двум ево братьям по тритцати рублев да по кафтану красного сукна, а мурзам их ближним по концу китайки. А калмыкам велел дать бочку медных денег, — а сколько в ней щотом было, не знает.

И потом пошол к Царицыну, и, поровнясь против оного, стали по нем стрелять ис пушек, а он по городу так же пушек ис четырех выпалил да посадил в город четыре бомбы. Как же он пошол с толпою от Дубовки, то, не доходя еще Царицына, сошлась с ними донского войска каманда под камандою полковника Кутейникова, которая вступила с ево толпою в драку, но толпа его была сильнее, то оную каманду разогнала, и его толпы казак Иван Федулеев, которой назван от него, Емельки, полковником, полковника Кутейникова ранил и привел к нему.

Он, Емелька, увидя Кутейникова, говорил: «Ты Пугачова дом разорил». Кутейников сказал: «Не разорил, а исполнил волю камандирскую» [94]). И он, Емелька, сказал: «Узнаешь ли Пугачиху?» И Кутейников сказал: «Не знаю». И он, Емелька, велел кликнуть жену свою. а как она пришла, то он сказал: «Вот Пугачиха». Кутейников сказал: «Я ее никогда не видывал». И потом, напоя его вином, выслал вон. А как он вышел, то он Федулееву сказал: «Завтре Кутейникова-та повесьте». Но по утру репортовали ему, Емельке: «Кутейников де ис под караула ушел». Но он об оном более не спрашивал, как ушол.

Как выше он, Емелька, показал, что в Царицын бросил четыре бомбы, но з задних его толпы разъездов уведомили ево, што находит на него воинская каманда, и думал он, што идет князь Голицын или Михельсон, коих он оробел, потому што надежных в его толпе людей осталось, то-есть яицких казаков, мало, а хотя другой сволочи число людей и велико, но они, только услыша о Голицыне и Михельсоне, то сробеют и разбегутся и стоять против их не станут, то он, удаляясь от драки, и пошел, оставя Царицын мимо [95]), ибо прямое его намерение было, штоб, дошед до Черного Яру, итти прямо в Яицкой город и тут остаться зимовать, о коем его намерении знали только Овчинников и Давилин, а в толпе своей он разглашал, што будто б зимовать он идет в Астрахань, для того што толпа его вся охотнее туда итти хотела, а на Яик бы охотников итти было мало кроме яицких казаков, а дон-

ские б и волские казаки да и царицынские совсем от него отстали, равно заводские и боярские крестьяне, потому што он уже о склонности их итти в Астрахань чрез яицких казаков ведал. По пришествии ж зимы куда б он иттить был намерен и какое еще зло делать, о том никакого размышления на скверное его сердце не приходило, ибо он мерской свой живот в руки отдал с самого начала злодеяний его яицким казакам, почему никак он не смел противитца во всем их богу ненавистной воле, и, что б оне в Яике на совете положили, то б он делать и стал.

И по вышесказанной притчине от Царицына он пошел, но как мешали ему разъезжающие около города донские казаки, коих он своею толпою окружил и потом захватил пять сот человек в свою толпу, протчие ж разбежались. Когда ж донские казаки пришли в его толпу, то многие тут были и знакомые ему и, его узнавши, между собою шептали: «Это наш Пугачов», но однако ж ни один из них в глаза назвать ево не смел. И как их караулить он не приказал, то весьма много из его толпы ушло [96]).

Прошед он, Емелька, Царицын три наслега, на котором и нагнал ево Михельсон с верными войсками, где, по малом супротивлении сволочь ево разбита, пушки и весь ево обоз взяли, люди его толпы разбежались в разные стороны. А он побежал к Черному Яру, но, не добежав Черного Яру верст з дватцать, перешол за Волгу в степь [97]). А как перешол, то Творогов счол оставшую толпу, коей насчитал он сто шездесят четыре человека, ис коих сто шездесят яицких казаков да башкирской старшина Кинжа да каргалинской татарин Садык и, — помнитца ему, — два татарина с ним.

Ехали они степью целые сутки без воды, и как уже люди и лошади без воды — да и хлеба не было, — стали томитца, то он, Емелька, Творогову, Чумакову, Коновалову и Федулеву говорил: «Куда вы меня ведете? Люди и лошади помрут без воды и без хлеба». Оные ему говорили: «Мы идем на Узени» И он, Емелька, говорил: «Я степью итти не хочу, а пойдем к Волге. Пусть ж хотя там меня поймают, да мы достанемся в руки человеческие, а то в степи помрем, как собаки». На что оные Творогов с товарищи согласились, и с ними пошло казаков человек со сто и больше, так же Кинжа и татара. А человек до сорока или с тридцать с ними не пошли, а пустились в степь.

Пришол он с оставшими разбойниками к Волге на другой день утра. Шод по Волге двои сутки, нашли калмыков ставропольских двенатцать человек; из них поймали двоих, а десять ушло, те двои сказали, што оне по Волге гуляли; взяв у тех калмыков *) с хлебом навьюченных четыре лошади, и оных от себя отпустили.

И потом чрез несколько дней спустя наехали они на поставленную ис Камышевки заставу, ис которой двух человек скололи: одного он, Емелька, а другова племянник казака Федулева, Василей Федулев.

Во время ж сего их беганья один казак увел у Творогова дву лошадей и с оными бежал, но после того казака харунжей его толпы и помянутой татарин Садык убили. После сего дошол он до малороспйской слободы, — а как зовут, не знает, — где, купя одну лошадь

*) В подлиннике ошибочно: «казаков».

и телегу, посадил в оную жену свою Софью, ибо она с самого разбития под Царицыным по переходе за Волгу до сей слободы таскалась за ним верхом. Потом, оставя Елтонское озеро вправе, пошли на Узени и пришли на Узень, называемый Марцо. С оного двое казаков поехали стрелять и ездили всю ночь. Как же по проходе одного Узеня пришли на другой, то оные казаки, пришод на тот Узень, сказали: «Мы де нашли, как ездили стрелять, старцов». И он, Емелька, Творогову и другим ближним при нем говорил: «Поедем к старцам. Не найдем ли тамо кого наших беглых старцов». И Творогов, Чумаков, Иван Федулев, Горлов, Бурнов и еще человека четыре или пять казаков, — имен их не знает, — сказали: «Поедем».

Почему он, Емелька, и взял лошадь не из лутчих, то подошед к нему, Емельке, Творогов, говорил: «Што вы такую худую лошадь себе беретя? Вы б полутче взяли. Неравно де как што случитца, так бы было на чом побежать». И он, Емелька, сказал: «Я берегу хорошую-та лошадь вперед для себя и для вас». И потом поехали, а оставшая толпа осталась на Узени.

Как отошли они от Узени две версты, и старцев не нашли, а пришли к ним человека с три стариков яицких казаков, но без монашеского платья, и принесли к нему дыню. И, евши дыню, Чумаков спросил ево, Емельку: «Што ж, куда мы пойдем?» И он, Емелька, сказал: «Я и сам не знаю, куда пойдем. Куда вы хотите, туда и я пойду». И оной Чумаков говорил: «Я вам правду скажу: не пойдем мы ни в Сибирь, ни в чужую землю и никуда, а пойдем в Яицкой городок». И он, Емелька, сказал: «Хорошо, пойдем. И кали нас там примут, та останемся тут, а кали не примут, так пойдем мимо». И Чумаков сказал: «Как не принять? Примут».

И потом, переехав речку, хотел он, Емелька, сесть на лошадь, но Чумаков сказал Бурнову, указав на нево, Емельку: «Сыми с нево саблю». Бурнов, подошед к нему, снял с него саблю и потом ледунку, а в то ж время послал оной Чумаков и Горлов к оставшей на другом Узене толпе, и тамо Коновалова также всево обобрали. И как Чумаков и Горлов от него уехали, то, вознамерясь он, Емелька, от оставших людей, то-есть Творогова с товарищи, убежать, поскакал от них в камыши. Но оные ево, — а кто имянно, не помнит, — догнали, а потом, наехав и другие оставшие догнавши, поехали вокруг ево, так што уйтить ему более было неможно.

А потом, доехав до речки, с лошади слес, которую у него и взяли, и, оставя ево под караулом, послали сказать оставшей, как выше сказано, на Узене, толпе. Потом толпа приехала и собрали круг и послали сказать, что он, Емелька, арестован, в Яик казака Калмыкова. А сами остались все на том месте, где он сшол с лошади, и отдан под караул. А как отдали ево под караул, то главным над толпою остался казак Федулев.

Начевав на том месте, не дождавшись возвращения Калмыкова, пошли до реки Яика, и, отошед несколько верст, остановились кормить лошадей. И как остановились, то пришли к нему казаки и говорили: «Куда нас ведете? Нас всех в Яике погубят, а заведомо б вести ево, Емельку, в Москву, и там явитца или уже станем скитатца на Узенях». И он, Емелька, видя этот шум, выскоча схватил из ле-

жащих блиско ево в куче казацких сабель, закричал, подшед к Федулину: «Куда вы меня везете? Ваши казаки на Яик итти не хотят, так лутче пойдем в Москву, а Федулев такой же изменник и сообщник мой, как и я, и вы, господа казаки, ево свяжите».

Сие он говорил для того, чтоб не возили его в Яик, а повезли в Москву, и там бы за злодеянии свои был он наказан. А как казаки другие, пришедши с Федулевым, на тех казаков, кои противились итти на Яик, закричали: «Што вы это делаете? Еще мало мы бед-та наделали?» то оные казаки и разошлись вресь. А он, Емелька, видя, што те казаки от нево отошли, взятую им саблю бросил [98]). И потом повезли ево в Яик.

Не доезжая ж оного прислана из Яика навстречю толпы его команда, с коею пришол казак Харчов, и пришод посадил ево в колоду обеими ногами и потом привес ево в Яицкой городок [99]), и отдан он бывшему тамо гвардии афицеру Маврину, которой тот час велел ево заковать в ручные и ножные кандалы и потом ево, Емельку, допрашивал, где он во всех своих злодеяниях винился.

А из Яика послан он под караулом генерала Суворова в Синбирск, где так же ево генерал граф Петр Иванович Панин и генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин о содеянных им злодеяниях допрашивали, где потому ж во всех чиненных им с толпою своею злодействах винился. А из Синбирска послан он, Емелька, за караулом в Москву, куда он и привезен [100]).

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Е. И. Пугачева после выдачи его казаками 14 сентября 1774 г. допрашивали три раза: 1) в Яицком городке — Савва Маврин (16 сентября); 2) в Симбирске — П. И. Панин и П. С. Потемкин (с 3 по 6 октября), — подлинники и копии этих допросов хранятся в ГАФКЭ, Г. А., р. VI, д. № 512, ч. II и д. № 506 того же разряда, 3) в Москве — обер-секретарь сената С. Шешковский (с 4 по 14 ноября). Мы публикуем последний допрос (от 4 ноября) (хранится в ГАФКЭ, Г. А., р. VI, д. № 512, ч. II, лл. 228 — 354 об.).

Кроме этих трех основных допросов с 14 ноября по 11 декабря в Тайной экспедиции производились дополнительные допросы Пугачева (о Белобородове, Голеве, Горском, Коровке, Филарете, о знаменах, медалях и проч.) и делались очные ставки с его атаманами. Весь этот материал не опубликован и хранится в ГАФКЭ, Г. А., р. VI, д. № 512, ч. I, II и III.

Показания Пугачева на допросах в Яицком городке и Симбирске напечатаны в «Чтениях Общества истории и древностей российских» за 1858 г., кн. II. Редакция «Чтений» не имела возможности пользоваться подлинниками и воспроизвела допросы по неисправным копиям, в которых пропущены целые строки, перепутаны и искажены собственные имена, названия местностей, цифры правительственных и пугачевских войск и проч.

2) Имп. Елизавета Петровна умерла 21 декабря 1761 г. По вступлении на престол Петра III (январь 1762 г.) между Россией и Пруссией был заключен мир (24 апреля 1762 г.), по которому Фридрих II получил обратно все земли, занятые русскими войсками за время Семилетней войны. Вслед затем Петр III приказал корпусу графа З. Г. Чернышева выступить на помощь Фридриху II и 8 июня заключил с Пруссией союзный договор, по которому гарантировал Пруссии Силезию и графство Глацкое, а король прусский обязался поддерживать вооруженной силой притязания Петра III на Шлезвиг.

3) Екатерина II, по вступлении на престол (июнь 1762 г.), подтвердила условия мира, заключенного Петром III, но отказалась от союзного договора и приказала армии возвратиться в Россию.

4) Петр III был убит гвардейскими офицерами во главе с Алексеем Орловым 6 августа 1762 г. в загородном замке в Ропше, куда он был посажен после свержения с престола (июнь 1762 г.). Официально было объявлено, что он умер «от геморроидальной колики и апоплексического удара».

5) Бегство крестьян из России в Польшу во 2-й половине XVIII в. приняло огромные размеры. По словам дворянских депутатов в Комиссии 1767 г., из одной только Смоленской губернии было беглых в Польше 50 000 душ обоего пола.

6) После возвращения из Польши Пугачев (в 1768 г.) вместе с одним донским казаком ездил в заводское село Котловку, приписанное к Авзяно-Петровскому заводу, для покупки «дехтю и холста». В дополнительном допросе в Тайной экспедиции 11 декабря 1774 г. Пугачев отрицал факт своей поездки в село Котловку в 1768 г.

7) Турецкая война была начата в 1768 г. и закончилась 10 июля 1774 г. Кучук-кайнарджийским миром.

8) На втором допросе (в Симбирске) Пугачев рассказал Панину следующую подробность о своих ранних замыслах: «Будучи... под Бендерами, случилось ему быть пьяному; тогда выговорил он одному из казаков (имени не помнит), которой спрашивал его, откуда он взял саблю? Злодей, ведая, что хорошие сабли даются от государей в награждение за заслуги и что таковые казаки в почтении, ответствовал, что сабля его пожалована от государя... потому, что он крестник государя Петра первого» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. II, л. 61 об).

9) На первом и на втором допросах Пугачев совсем не упоминал о своем пребывании на Тереке. То же, что он сообщил Шешковскому, — от слов: «и не доехав до Кумы, заболел...» до слов: «в те же сутки приехал в дом свой»,— является сплошным вымыслом. Из документов видно, что с Дона на Терек Пугачев бежал 21 декабря 1771 г. В январе 1772 г. он прибыл в Ищорскую станицу; отсюда он поехал в Дубовскую, к войсковому атаману Павлу Татаринцеву, которому представился как добровольный поселенец, почему и был приписан к Ищорской станице. Через десять дней он был выбран казаками станичным атаманом. Затем казаки трех станиц — Ищорской, Наурской и Каргалинской—послали его в военную коллегию с ходатайством о прибавке жалованья и провианта «против коренных терских казаков». Получив 20 руб. денег, свинцовую печать, полномочия и подписку, Пугачев поехал в Петербург, но по пути заехал в Моздок «для покупки харчу и прочего», где и был арестован и содержался под караулом с 8 по 13 февраля. Подговорив караульного солдата Лаптева, он вместе с ним бежал из-под ареста в ночь на 14 февраля, унеся с собой замок и два звена цепи, которой он был прикован к стулу (Акты о пребывании Пугачева в Моздоке, «Чтения» ОИ и ДР 1848 г., т. I, кн. 9, стр. 118—122; Пугачев на Кавказе, «Русская старина» 1883 г., кн. 1—3, стр. 167—170).

10) С Худяковым Пугачев познакомился еще на прусском фронте. По приезде в Цымлянскую он сам явился к нему и говорил: «Вот де разворил меня [старшина] Роман Пименов и пограбил, да пуще всево два камня, да лук (?), да меня ж де и послал в Черкаск, не знаю, ни ведаю, за што... Да горе мое в том, что... везут меня водою, так вить нескоро довезут. А пора приходит, чтоб сеять пшеницу... Я знаю, что я прав буду, и меня отпустят из Черкаска... Да то моя беда, что уйдет время севу-ту, так я совсем разворюсь, — так, пожалуй, бога ради, возьми ты меня на свои поруки, что ты меня в Черкаск отвезешь, а я де тебе шесть рублей заплачу» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. I, лл. 425—426).

11) Пугачев на дополнительном допросе 18 ноября 1774 г. сказал: «Я на Коровку, на Кожевникова Долотина и Криворотова купца и на Филарета, раскольничьего старца, о том, что первые выдавали ему деньги... и что будто он по признанию солдата Алексея Семенова называл он себя государем Петром третьим, показывал ложно» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. II, л. 354 об.). При уходе Пугачева с Логачевым с Добрянки на Иргиз Кожевников дал им только «каравай хлеба» и «передал привет отцу Филарету».

12) В деле № 413 (Г. А., р. VI) хранится подлинный паспорт, выданный Пугачеву на Добрянском форпосте. В нем сказано, что «объявитель сего, вышедший из Польши и явившийся собой при Добрянском форпосте, веры раскольнической, Емельян Иванов сын Пугачев, по желанию его для житья определен в Казанскую губернию, в Симбирскую провинцию, к реке Иргизу, которому по тракту чинить свободный пропуск, обид, налог и притеснений не чинить и давать квартиры по указам... А приметами он: волосы на голове темнорусые и борода черная с сединой, от золотухи на левом виску шрам, от золотухи ж ниже правой и левой соски две ямки, росту 2 аршина 4 вершка с половиной, от роду сорок лет. При оном, кроме обыкновенного одеяния и обуви, никаких вещей не имеется...». Выдан 12 августа 1772 г. См. прим. 5.

13) По выходе из Добрянки Пугачев с Логачевым сначала пришли в село Черниговку и явились к Ивану Каверину, где и «ночевали одну ночь». По дороге в Черниговку Пугачев говорил Логачеву: «Как де мы приедем в эту слободу к знакомому крестьянину Каверину, то де ты потакай мне, а я скажу, што я человек богатый и у меня много оставлено денег и товаров на границе... И как де пришли к Каверину, то он, Пугачев, начал рассказывать, што он был в Царьграде и в Египте и што у него множество на границе оставлено товаров, а он, Логачев, потакал, што это правда» (Г. А., р. VI,

д. № 512, ч. III, л. 70). Перед тем как отправиться к Коровке, Пугачев попросил беглого донского казака Андреева — который в это время находился у Каверина — написать ему два указа о поселении Коровки с сыном под Бендерами. (При помощи этих указов Пугачев хотел выручить свою лошадь, оставленную у Коровки при отъезде «под Бендеры».) 28 сентября 1772 г. Пугачев, «одетый в купеческое платье», явился на хуторе у Коровки и на вопрос последнего о судьбе сына ответил, что «... он сына его с лошадьми оставил в Ветке... и, наняв ему лавку, посадил торговать серебром» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. I, л. 340). Коровка не поверил Пугачеву и стал собираться на поиски сына; он нашел его на Добрянском форпосте, в карантине, а Пугачев взял свою лошадь и возвратился в Черниговку к Каверину. Переночевав у Каверина, Пугачев и Логачев наняли крестьянина Алексея Родионова довезти их до села Казанки, но «отъехав от слободы [Черниговки] верст с тридцать, с телеги его Радионова столкнули и лошадь у него увели», а сами уехали к Дону (Показания Каверина, Г. А., р. VI, д. № 512, ч. III, л. 62).

14) По приезде на хутор к казаку Островской станицы Вершинину Пугачев назвался купцом. Историю о товарах, оставленных на границе, он рассказал Вершинину, добавив при этом, что «в Царьграде [жил] двенадцать лет и тамо построил русской монастырь, и много де тамо я русских выкупал и на Русь отпускал. Да ехал де я морем, так меня занесло во Египет...». (Из показания Вершинина, д. № 512, ч. I, л. 422 об.). У Вершинина Пугачев купил бурку и выпросил на дорогу овса. При отъезде Вершинин просил Пугачева передать привет его брату, проживавшему на Иргизе. От Вершинина они поехали к казаку Глазуновской станицы Андрею Кузнецову. Ту же историю он рассказал Кузнецову, сказав, что едет на Иргиз подыскать удобное место для торговли, куда и доставит товары, оставленные на границе. Он обещал заехать к Кузнецову через шесть месяцев «и выменил у него лошадь, с клятвою, что он ее назад приведет». На дорогу Кузнецов дал Пугачеву «мяса и пирогов» (Д. № 512, ч. I, л. 420).

15) Филарет—игумен раскольнических скитов на Иргизе, бывший московский купец 2-й гильдии. Поддерживал обширные связи с торговой буржуазией Москвы и Казани. Был арестован и на допросе (в Казанской секретной комиссии 8 февраля 1774 г.) сначала отрицал свою связь с Пугачевым, но после «увещания» и «битья плетьми» признался. Содержался в Казанском остроге, откуда был выпущен 12 июля 1774 г. (после взятия Пугачевым Казани).

16) С Логачевым Пугачев расстался в Малыковке. «Поди ты теперь, Алексей, куда хочешь, — сказал он ему, — а я стану здесь жить с отцом Филаретом» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. III, л. 71). Оставшись без всяких средств к существованию, Логачев нанялся в солдаты за крестьянина села Терсы Филиппа Бередникова. Служил сначала в Нарвском пехотном полку, а затем в Симбирском гарнизонном баталионе, откуда и был взят для допроса в Тайную экспедицию.

17) В дополнительном допросе, который здесь не воспроизводится, Пугачев рассказывает о своем пребывании на умете у Степана Оболяева, где он останавливался по пути в Яицкий городок и при возвращении из городка в Мечетную слободу в декабре 1772 г.

18) О «гонении» на яицких казаков Пугачев впервые узнал от игумена Филарета, а затем, более подробно, от «Ереминой курицы» и яицкого казака Григория Закладнова, с которым он встречался на умете в декабре 1772 г. Долголетняя классовая борьба между рядовыми яицкими казаками и старшинами, стоявшими на стороне правительства, послужила причиной восстания 13 января 1772 г. Во время этого восстания были убиты: генерал Траубенберг, два офицера, дьяк Суетин, войсковой атаман Тамбовцев, старшина Колпаков и др. После подавления восстания (июнь 1772 г.) правительство обрушилось на казаков рядом репрессивных мер. 17 сентября 1772 г. 12 человек было приговорено к четвертованию, 42 человека к повешению, 3 человека к отсечению головы, 55 человек к наказанию плетьми. 53 человека бежало, — имущество их судебная комиссия предлагала конфисковать, а детей их — 316 чел. — наказать розгами и плетьми. 140 человек было выслано комендантом городка Симоновым в Сибирь; многих отослали во 2-ю армию. Войсковая канцелярия была уничтожена, казаки были лишены ряда привилегий, и все участники восстания — а их было большинство (2800 чел. из 3300) — должны были уплатить 36 658 р. 81 к. выти за уничтоженное во время восстания имущество Траубенберга и старшин, которой приходилось от 6 до 45 руб. на двор. Таково было положение в яицком войске, когда Пугачев впервые появился в городке. Подробнее о восстании, его причинах и последствиях см.: 1) «Исследования капитана Маврина о причинах раздора и мятежа у яицких казаков», «Заря», 1871 г., № 10—11, стр. 256—299; 2) Витевский В. Н., Яицкое войско до появления Пугачева, «Русский архив», 1879 г., №№ 1—12; 3) Дубровин Н., Пугачев и его сообщники, т. I, гл. I, II, III и VI, Спб. 1884 г.

19) К Денису Пьянову Пугачев прибыл в первых числах декабря 1772 г. и прожил у него около недели. Пьянов сообщил Пугачеву ходившие в городке слухи о появившемся в Царицыне «каком-та царе» (самозванце Богомолове*). («Пугачевщина», т. II. стр. 116, Гиз 1929 г.). Этот разговор и лег в основу доноса Филиппова на Пугачева по приезде в Малыковку. У Пьянова Пугачев не принял еще на себя имени Петра III. Это видно как из доноса Филиппова, так и из допроса Пьянова. На обратном пути в Малыковку Пугачев заезжал ночевать на умет к «Ереминой курице».

20) В Малыковке Пугачева допрашивали 18 декабря 1772 г. (Допрос не опубликован и хранится в ГАФКЭ, Г. А., р. VI, д. № 413). В Симбирскую провинциальную канцелярию Пугачев был отправлен на обывательских подводах 19 декабря. «А... дабы оный злодей утечки не учинил», то управитель дворцовой Малыковской волости Поздняков «приказал сотнику Карпу Матвееву зделать кандалы: ножные в тридцать и ручные в пятнадцать фунтов и злодея в те кандалы заклепать» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. III, л. 25). Филиппов после доноса на Пугачева был арестован и содержался под караулом до 1775 г.; 10 января 1775 г. судом был освобожден и «яко доноситель представлен к награждению».

21) В Казань Пугачев был привезен 4 января 1773 г. На допросе он показал то же, что и в Малыковке. Как видно из донесения казанского ген.-губернатора фон Брандта в сенат от 21 марта 1773 г., последний не придал большого значения подговору Пугачевым казаков. Брандт писал, что «все это произошло от сущего ево [Пугачева] невежества... и оное больше презрения, нежели уважения достойно, а по содержанию сего и не предвижу настоящей надобности входить в подробное о том исследование». Ссылаясь на правительственные указы о беглых из Польши, фон Брандт предлагал «учинить ему, Пугачеву, наказание кнутом и послать на вечное житье в Сибирь» (Г. А., р. VI, д. № 414, л. 164).

22) Щелоков Вас., помещичий крепостной, крупный казанский торговец и промышленник. На допросе в Тайной экспедиции показал, что от игумена Филарета он получил письмо с просьбой освободить Пугачева, «который, — как сообщал ему Филарет, — содержитца по поклепному делу в кресте и бороде». Щелоков помогал Пугачеву в Казани. Тайной экспедицией был оправдан.

23) Купец пригорода Алата Парфен Дружинин по выбору купечества находился в ясашном селе Сретенском у продажи казенной соли целовальником. За растрату он был арестован и содержался сначала в казанском магистрате, потом был переведен в губернскую канцелярию в черные тюрьмы, а оттуда в острог, где и познакомился с Пугачевым.

24) Из Казани Пугачев бежал 29 мая 1773 г., только через пять дней — 3 июня — фон Брандт узнал о бегстве Пугачева и лишь 21 июня сообщил об этом генерал-прокурору А. А. Вяземскому. В Петербурге известие это было получено 8 августа. Спустя 3 дня после бегства Пугачева из Казани фон Брандт получил от Вяземского указ от 6 мая 1773 г., которым предписывалось: «Оному Пугачеву за побег ево за границу в Польшу и за утайку, по выходе его оттуда в Россию, о своем названии, а тем больше за говорение им яицкому казаку Пьянову... возмутительных вредных слов... учинить наказание плетьми и послать, как бродягу и привыкшего к праздной, продерской при том жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу такую, какая случится может, давая за то ему в пропитание по три копейки на день; однакож наикрепко тамо за ним смотреть, чтобы он оттуда утечки учинить не мог» (Г. А., р. VI, д. № 414, л. 166 и об.).

25) Вместе с Пугачевым и Дружининым бежал солдат Мищенко. Второй караульный солдат Рыбаков, сброшенный Дружининым с подводы, дошел до села Царицыно и «упал близ управительского дома», а проспавшись пришел в Казань и объявил тюремному караульному офицеру о бегстве арестантов. После этого были арестованы: прапорщик Зыков, отпустивший арестантов к священнику, певчий, присутствовавший при выпивке, священник Иван Ефимов и Рыбаков. Все они допрашивались и содержались под караулом. Ефимов был оштрафован и «до рассмотрения святейшего синода» содержался под караулом, скованный, «на хлебе и воде», вплоть до освобождения. Рыбаков умер в тюрьме 3 августа 1773 г. Решением сената от 31 марта 1775 г. Зыков, певчий и Ефимов были освобождены из-под караула.

26) Дружинин с Мищенко поехали на Иргиз. Мищенко остался у земляков в одной малороссийской черкасской слободе на р. Кинели. Дружинин же, доехав до реки Каменки, встретился здесь с беглым крестьянином. На берегу реки они вырыли землянку, в которой и жили с Покрова 1773 г. до весны 1774 г. Затем Дружинин вместе с семьей ушел на «прежнее жительство» и скрывался в овраге у пригорода Алата, а кормился тем, что «воровал скот у соседних жителей». 28 декабря 1774 г. он был арестован, прислан в Казанскую секр. комиссию, допрашивался и 17 февраля 1775 г.

*) См. о нем монографию Д. Мордовцева, «Самозванцы и понизовая вольница». 1867 г., ч. I.

вместе с сыном был отправлен в Тайную экспедицию, а жена, «в рассуждении находящихся при ней двух малолетних детей», оставлена была в Казани. Указом от 9 марта освобожден без наказания (Г. А., р. VI, д., № 414, лл. 263—270).

27) О своей второй встрече с Пугачевым (после бегства из Казанского острога) Степан Оболяев показал следующее: «В 1773 году после Петрова дни, спустя так недели с две... приехал, около обеден, из Яика в его умет известной самозванец один в кибитке, запряженной парою лошадей... Платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжной, кушак верблюжей, шляпа распущенная, рубашка крестьянская холстинная, у которой ворот вышит был шолком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные, белые» (Г. А., р. VI, д. № 506, л. 38—39).

28) После ареста Пугачева в Малыковке Пьянов бежал из дому и «до рождества христова» [1773 г.] скрывался по хуторам. Во время женитьбы Пугачева на яицкой казачке Устинье Кузнецовой (февраль 1774 г.) старик Пьянов был в «почетном поезде», «за обедом» Пугачев подарил его пятью рублями и оставил при Устинье. А «как [он] человек бедной, [то] пропитание имел от Устиньиного стола». В апреле 1774 г. был арестован и умер в Оренбурге под караулом 9 июля 1774 г.

29) После бегства Пугачева из монастыря в лес Оболяева схватила розыскная команда. Избитого и совершенно больного его привезли в Мечетную, а отсюда в Малыковку. Здесь его допрашивали «с пристрастием». С учреждением в Казани секретной комиссии он был отослан в распоряжение последней. Отсюда был направлен в Москву в Тайную экспедицию. По судебному приговору вместе с другими пугачевцами был подвергнут наказанию плетьми с вырыванием ноздрей и отправлен на каторжные работы в Балтийский порт.

30) На второй день по отъезде Пугачева с Оболяевым в Мечетную слободу на умет приехали из Яицкого городка почти одновременно Зарубин-Чика с Мясниковым и Караваев с Шигаевым. В описании Шигаева Пугачев выглядит так: «Среднего росту, лицом продолговат, смугл, глаза карие, волосы темнорусые, пострижены по казацки. Борода черная с сединою, плечист, но в животе тонок. Платья имел на себе армяк понитковый, рубашка из толстой холстины, на голове малиновая шапка. В сапогах; в руках имел ружье» (Г. А., р. VI, д. № 508, ч. II, л. 14).

Караваев, «будучи всех смелей и речистее», сказал: «Мы де присланы от войсковой руки посмотреть [вас]». Пугачев ответил: «Прежде де ваши деды приезжали в Москву и в Питер монархов смотреть, а ныне де монарх сам к вам приехал». «Я де слышал,— продолжал Пугачев, — что многих сотников у вас в ссылки сослали и после со всеми вами то же будет». После сих слов смотрел он [Караваев] на злодея пристально, размышляя в себе: подлинно уж он государь? И злодей, приметя, что он задумался, говорил: «Не сумневаетесь ли вы во мне? Или вам показать царские знаки?» (Из дополнительного допроса Караваева, д. № 515, л. 43). «Теперь мы верим», —сказали казаки после осмотра «царских знаков». Затем Пугачев и казаки дали взаимную клятву. На телегу были поставлены медные складни, и казаки, стоя на коленях, говорили: «Обещаемся пред богом служить тебе, государь, во верности до последней капли крови. И хотя все войско Яицкое пропадет, а тебя живова в руки не отдадим» (Г. А., р. VI, д. № 506, л. 178). В ответ на это Пугачев, став на колени, произнес: «Обещаюсь и я пред богом любить и жаловать Яицкое войско, так, как и прежнии цари. И буду вас жаловать рекою Яиком и впадающими во оною реками и протоками, рыбными ловлями, землею, сенокосными покосами и всеми угодьями безданно и безпошлинно. И распространю соль на все четыре стороны — вези, кто куда хочет. И оставлю Яицкое войско при прежней их вольности» (Г. А., р. VI, д. № 506, л. 180).

31) Из показаний главных атаманов Пугачева видно, что руководящая часть яицкого казачества знала, что он не Петр III, а донской казак, но сознательно скрывала это от других, будучи уверена, что под флагом царизма легче будет защитить свои социально-политические интересы. Зарубин-Чика показывал: «Желание они [казаки] давно имели взбунтовать по причине зделавшейся между ними ссоры... Приехав на умет [где скрывался Пугачев после бегства из Казани], он, Зарубин, увидя злодея, по лицу и образу счол, что ему государем быть нельзя, но он положил принять его государем» (Г. А., р. VI, д. № 422, л. 33).

Максим Горшков так передавал свой разговор с Тимофеем Мясниковым: «По многим советываниям, — говорил Мясников Горшкову, — приметили мы в нем [Пугачеве] проворство и способность, вздумали взять его под свое защищение и его зделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упадших обрядов и обычаев, которые вить правительство давно старается у них переменить введением к ним какого-то новаго штата на основании военном, чего они никогда ни хотели принять. И хотя, по бывшим у нас на Яике происшествиям, пренуждены мы остаться без всякого удовольствия, как то думают, в спокойном духе, однако ж искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный к тому случай и время. И так для сих-то самых причин вздумали мы

назвать его, Пугачева, покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам восстановил все обряды, какие до сего времени [были]. А бояр, какие больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить, надеясь и на то, что сие наше предприятие будет подкреплено и сила наша умножится от черного народа, который так же от господ притеснен и в конец разорен» (Г. А., р. VI, д. № 421).

32) На речке Усихе Пугачев жил десять дней. Сюда к нему приезжали многие казаки, сообщавшие все, что делалось в Яицком городке. Готовились к выступлению. Шили знамена, вербовали казаков из ближайших хуторов, подыскивали «грамотея для письменных дел».

33) Первый «манифест» был написан 17 сентября 1773 г. Переписка, вышедшая из лагеря восставших на русском языке (манифесты, указы, повеления Пугачева и его военной коллегии), опубликована в I томе «Пугачевщины», Центрархив, ГИЗ, 1926 г. Упомянутый манифест см. на стр. 25.

34) Киргиз-кайсацкий хан Нур-Али отправил к Пугачеву на Усиху своего писаря Забира и муллу, бывавшего в Петербурге и видевшего Петра III, которым поручил узнать, действительно ли появившийся есть истинный царь. Не застав Пугачева на Усихе, они нашли его 18 сентября на Чаганском форпосте, где передали ему привет и подарки от хана: саблю, чекан, оправленный серебром, бухарский шелковый халат и лошадь. По просьбе муллы Пугачев заставил Идоркина сына Болтая написать хану письмо. В первом и во втором письмах Пугачев просил хана выслать к нему своего сына Болтая и 200—300 вооруженных киргиз. Хан отказал в помощи. Очевидно, сообщения посланцев были не в пользу Пугачева, и, по требованию полковника Симонова и старшины Бородина, Нур-Али приехал в Яицкий городок, где заявил о своей «искренней преданности» императрице и обещал помощь со своей стороны для борьбы с Пугачевым. Правительство отказалось от помощи, так как не надеялось на верность киргиз и удовлетворилось дружественным нейтралитетом Нур-Али хана. Брат Нур-Али хана Дусали-Салтан посылал к Пугачеву в Берду своего сына Сандалей-Салтана с 12 киргизами. (См. прим. 50).

35) Текст присяги, содержащий обычные присяжные формулы, см. Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. II, стр. 12.

36) От Яицкого городка Пугачев пошел на Гниловский форпост, где взял одну пушку, а отсюда к Илецкому городку через форпосты: Генварцовский, Кирсановский и Иршецкий. 20 сентября 1773 г. он остановился в 7 верстах от Илецкого городка, а 21-го вступил в городок.

37) Рассыпная крепость была взята Пугачевым 24 сентября. В числе повешенных были комендант крепости майор Веловский с женою, поручик Толбаев и священник.

38) Нижне-Озерная крепость (иначе Столбовая) была взята 26 сентября. Ночью 25 сентября Пугачеву передались 50 оренбургских казаков, находившихся в крепости. Изрублен Давилиным был комендант крепости майор Харлов.

39) Татищевой крепостью Пугачев овладел 27 сентября. Она считалась главным опорным пунктом яицкой линии и была вооружена 12 пушками. В ней находились склады амуниции, денежная казна и другие запасы, доставшиеся Пугачеву. Воспользовавшись богатыми продуктовыми и военными запасами, хранившимися в крепости, усилив свой отряд хорошими пушками и значительным количеством людей, Пугачев после трехдневной стоянки двинулся из Татищевой на Чернореченскую.

40) Чернореченская крепость была взята 30 сентября. От нее до Оренбурга было 28 верст. Здесь Пугачев получил приглашение сеитовских татар Каргалинской слободы (она же Сеитовская). Желая увеличить свои силы присоединением татар, он повернул влево от Оренбурга и степью пошел в Каргалу. По дороге он разграбил многие хутора, в том числе хутор оренбургского ген.-губернатора Рейнсдорпа. С большими почестями он был встречен каргалинскими татарами 1 октября. Отсюда он послал три указа к башкирцам (См. «Пугачевщина», т. I, стр. 27—31).

41) В Сакмарский городок Пугачев вступил 2 октября. Пока он находился в Чернореченской крепости и Каргалинской слободе, оренбургский генерал-губернатор Рейнсдорп, получивший 22 сентября сведения о движении Пугачева к Оренбургу, успел привести город в оборонительное состояние. Он дал распоряжение сломать все мосты через реку Сакмару, привел в исправное состояние крепостную артиллерию (до 70 пушек), подчистил крепостной ров и укрепил все «слабые места города». Для защиты были мобилизованы разночинцы, а всех вооруженных людей, вместе с гарнизоном, было 2906 человек. Кроме того Рейнсдорп сообщил «об угрожающей опасности» губернаторам симбирскому, казанскому, астраханскому и подведомственным ему провинциальным канцеляриям.

42) Хлопуша прибыл к Пугачеву 5 октября утром.

43) До посылки на Авзяно-Петровский завод (16—17 октября) Хлопуша был послан в Тимошенские села, в Никольское и Ташлу и на соляные пристани: Богульминскую и Стерлитамакскую (См. «Красный архив», т. LXVIII, допрос Хлопуши).

44) Башкирские отряды Еман-Сарая и старшины Кинзя пришли к Пугачеву в начале октября (9—10), вскоре по получении «злодейского манифеста», посланного Пугачевым в Башкирию 2 октября из Каргалы (см. прим. 40). За 2—3 дня до этого к нему пришел отряд башкирцев в 400 человек, вытребованных Рейнсдорпом для подкрепления оренбургского гарнизона. Зарубин показывает, что Кинзя привел башкирцев тысяч до пяти, которым Пугачев дал по рублю денег каждому.

45) В публикуемом допросе почти нет сведений о шестимесячной осаде Оренбурга. Подробности об осаде Оренбурга см. 1) Летопись Рычкова о Пугачевском бунте (Пушкин, Собр соч., т. VI, изд. В. В. Комарова, под ред. П. А. Ефремова, ч. II, приложение, а также и в других изданиях); 2) Н. Дубровин, Пугачев и его сообщники, т. II, гл. II—VII, XVI и XX, Спб. 1884 г.); 3) «Пугачевщина», тт. I, II и III.

Задержавшись так долго под Оренбургом, Пугачев дал возможность правительству собраться с силами для подавления восстания. Екатерина была довольна задержкой Пугачева под Оренбургом. «В несчастьи сем, — писала она М. Н. Волконскому, — можно почесть за счастье, что сии канальи привязались два месяца целые к Оренбургу, а не далее куда пошли». («Осмнадцатый век», кн. I, стр. 102).

46) Бердинская казачья слобода, при реке Сакмаре, в 7 верстах от Оренбурга. В ней были расположены главные силы Пугачева во время оренбургской осады. Сам Пугачев жил в доме бердинского жителя Ситникова. «Этот дом, — показывал на допросе Тим. Мясников, — был из лучших и назывался дворцом государевым, у которого на крыльце всегда стоял непременный караул... из лучших 25-ти яицких казаков, называемых гвардиею. Покой у него был обит вместо обоев шумихою, по стенам — зеркалы и портрет цесаревича Павла Петровича. Дежурным был яицкий казак Яким Давилин. В покое с ним никто не ночевал, кроме двух, живших у него, русских девок и двух мальчиков, которых он называл своими детьми. Показанные девки были у него стряпухами» (Г. А., р. VI, д. № 508, ч. II, л. 51).

47) Из показаний современников видно, что Пугачев был не только лихим наездником, смелым и талантливым организатором, но и хорошо знал военную технику того времени. «По неустрашимости своей, — показывает Шигаев, — всегда был напереди и подавал собою пример прочим. Также знал он [Пугачев], правильно как палить из пушек из других орудий, и указывал всегда сам кананерам, которые были все из русских салдат и казаков» (Г. А., р. VI, д. № 508, ч. II, л. 42). «Лутче всех знал правило, как в порядке артиллерию содержать, сам Пугачев» (Почиталин). «Пушки и прочие орудии большою частью наводил сам самозванец» (Подуров).

48) Полковник Чернышев выступил из Симбирска в октябре и двигался по Самарской линии в направлении Бузулука. 13 ноября отряд Чернышева, состоявший из 600—700 гарнизонных солдат, 500 ставропольских калмыков, 1100 крепостных казаков, при 15 орудиях и огромном обозе, был атакован Пугачевым в $4^1/_2$ верстах от Оренбурга, около Маячной горы, и весь взят в плен.

49) Вслед за Чернышевым в Оренбург двигался отряд бригадира Корфа, состоявший из 2435 человек, при 22 орудиях. О движении этого отряда Пугачев имел сведения, и захватить его в плен для него не представляло большого труда. Но удачное пленение Чернышева вскружило ему голову. «Обольстясь толь важною победою, я,— показывал он на допросе 16 сентября 1774 г., — пооплошал, ибо дал приказ всем людям толпы моей обедать». 4 казака, посланные «Корфа стеречь», хотя и дали весть о его приближении, но поздно (Г. А., р. VI, № 512, ч. II, л. 91 об.)

50) В конце ноября Пугачев посылал к Нур-Али хану яицкого казака Толкачева и татарина Тангаича. И на этот раз хан отделался обещаниями, требуемых 200 вооруженных человек не дал, а послал в Берду к Пугачеву своего племянника Сандалей-Салтана (сын Дусали-Салтана) с 12 киргизцами (См. «Пугачевщина», т. I, стр. 169, и т. II, стр. 108).

51) Организация «военной коллегии» (декабрь 1773 г.) является одной из замечательных страниц в истории пугачевщины. Дошедшие до нас документы свидетельствуют о разнообразной и напряженной работе коллегии по укреплению армии и революционного порядка на местах. Комплектование армии, ее снабжение и вооружение, связь и руководство местными очагами движения, переписка с командирами отдельных отрядов, связь с заводами и селами, назначение атаманов в населенные пункты, охваченные движением, разбор жалоб населения, суд и расправа, рассылка указов, манифестов, инструкций и увещаний — вот круг вопросов, осуществлявшихся коллегией. До нас дошла только часть делопроизводства коллегии, так как правительство усиленно уничтожало «прелестные письма» и вообще все бумаги, выходившие из лагеря восставших. Кроме того многие вопросы (жалобы, суд, чинопроизводство, военные совещания и проч.) производились коллегией устно, без всяких записей. Поэтому можно с уверенностью сказать, что действительная роль и значение коллегии гораздо больше, чем они представляются по оставшимся документам (См. показание секретаря коллегии Максима Горшкова. «Пугачевщина», т. II, стр. 113 и 133).

52) В захваченной Зарубиным (а не Овчинниковым, как показывает Пугачев) гренадерской роте было 4 офицера — поручики Михаил и Семен Карташовы (были «умершевлены на месте»), подпоручик Семен Волжинский и прапорщик Мих. Шванович. Когда они были приведены в Берду, то изъявили желание служить Пугачеву верно. Были прощены и наречены: Волжинский—атаманом, а Шванович — есаулом и ведущим иностранной перепиской в военной коллегии. По доносу гренадера Фадея Киселева, Волжинский и другой офицер Астренев (оба атаманы) были повешены Пугачевым в феврале 1774 г. по подозрению в измене. Шванович же был произведен в атаманы над всеми пленными солдатами.

53) В октябре 1773 г. генерал-майор Кар был назначен главнокомандующим над войсками, принимавшими участие в подавлении восстания. С отрядом в 1432 человека он был отправлен из Москвы 20 октября. Перед его отъездом Екатерина поручила Кару «учинить над оным злодеем поиск и стараться как самого его, так и злодейскую его шайку переловить и тем все злоумышления прекратить» (Пушкин, т. VI, ч. II, приложения, стр. 144). Кар торопился к театру военных действий и боялся, как бы «разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных» («Записки Академии наук», 1862 г., т. I, прилож. № 4, стр. 22). Узнав о приближении Кара, Пугачев послал ему навстречу отряд казаков (500 чел.) под командой Овчинникова и Зарубина. 7 ноября Зарубин взял в плен роту гренадер (175 чел.), которая шла на соединение с Каром. С 8 на 9 ноября Овчинников и Зарубин атаковали Кара около деревни Юзеевой. Не выдержав атаки, Кар начал отступление и втечение 8 часов был преследуем пугачевцами. В этой схватке Кар потерял 123 человека: 38 убитыми, 41 раненными и 44 перешедшими к пугачевцам. В своем рапорте в военную коллегию от 12 ноября Кар писал: «...сии злодеи ничего ни рискуют... как ветер, по степи рассеиваются, а артиллериею своею чрезвычайно вредят... и стреляют не так, как бы от мужиков ожидать должно было» (Там же, стр. 29). По пути в Берду (в деревне Биккуловой) Овчинников и Зарубин захватили отряд башкирцев 1500 человек, шедших в Оренбург под командой князя И. Г. Уракова и Салават Юлаева (впоследствии видный атаман Пугачева), которых и привели в Берду.

54) Хлопуша был послан Пугачевым под Верхне-Озерную крепость 18 ноября. По пути он взял Ильинскую крепость, где забрал пушки, провиант и казну. 22—23 ноября он атаковал Верхне-Озерную, но взять ее не смог и отступил в Кудравинскую деревню, откуда послал казака в Берду с просьбой о помощи. 24 ноября Пугачев с Твороговым выступили из Берды, соединились с Хлопушей, атаковали Верхне-Озерную, но и на этот раз крепость не взяли и отступили к Ильинской, где захватили в плен (29 ноября) отряд в составе 462 человек.

55) Толкачев прошел всю Нижне-Яицкую дистанцию, забирая по форпостам казаков и пушки. В Кулагинской крепости он утопил в реке атамана Никиту Бородина, полковника Федорова, попа и командира отряда Мостовщикова, высланного Симоновым навстречу Толкачеву из Яицкого городка. 30 декабря 1773 г. он занял Яицкий городок. С этого времени можно считать начало осады крепости, продолжавшейся до 15—16 апреля 1774 г. Подробности об осаде см. «Отечественные записки», 1824 г., № 52, 53 (август—сентябрь).

56) На вопрос Пугачева, что о нем говорят в Петербурге, Перфильев ответил: «Да бог-де знает, батюшка. Мы от больших господ ничего не слыхали, а слыхали в кабаках от черни, да и то не вьявь, а тихонько говорят, что явился-де около Оренбурга император Петр третий и берет города и крепости». «Ето правда, — ответил Пугачев, — ты сам видишь, сколько теперь взято крепостей, а народу у меня, как песку. А дай сроку, будет время и к ним в Петербург доберемся, моих рук не минуют. Я-де знаю, что вся чернь меня везде с радостью примет, лишь только услышит...» (Г. А., р. VI, д. № 425, л. 35).

57) Первый подкоп был начат 7 января 1774 г. Было собрано 150 человек чернорабочих и 11 человек плотников. Яков Кубарь, руководивший работами, показывал: «При начале (подкопа) Пугачев был сам и, как оную работу производить, показывал сам же и в день и ночь прихаживал осматривать оную работу» (Г. А., р. VI, № 467, ч. XIII, л. 143). Когда траншея достигла 50 саженей, в конце ее была поставлена бочка, в которую насыпали до 10 пудов пороху. 20 января произвели взрыв, причинивший мало вреда крепости. Вслед за взрывом началась ожесточенная атака крепости, но взять ее не удалось. С большими потерями (400 человек одних убитых) Пугачев отступил и, поручив казакам делать второй подкоп, уехал в Берду.

58) Зарубин, Ульянов и Антипов были посланы Пугачевым на Воскресенский Твердышева завод 6 декабря 1773 г., следовательно до отъезда его в Яицкий городок. С посылки Хлопуши на Авзяно-Петровский завод (18 октября) можно считать начало связи Пугачева с уральскими заводами, которая продолжалась до поражения Пугачева под Казанью. Еще до посылки Зарубина (8 ноября) пугачевская военная

коллегия просила «бывшего приказчика Воскресенского завода» Петра Биспалова: «исправить... великому государю 5 голубиц (гаубиц) и тридцать бонбов...» («Пугачевщина», т. I, стр. 54). Приехав на место, казаки энергично взялись за «литье пушек». 25 декабря была отправлена первая гаубица. 22 января рабочие послали Пугачеву «одну малую мортиру и притом один секретный единорог». 1 марта коллегия просила рабочих: «Для необходимой общественной надобности пушечных ядер (вылить) тысещи с полторы или болея, а какие имянно, чрез казака завоцкаго Дмитрия Попова послана действительная форма» (стр. 63). Через 3 дня (4 марта) коллегия просила выслать «к имеющимся здесь секретным единорогам потребное число ядер до пети сот, с ушами, чененых» (стр. 63). Заводы явились технической базой восстания (см. «Красный архив», т. LXVIII, допрос Хлопуши) а также журн. «Записки научного о-ва марксистов» 1929 г., № 1 и 2; статья Мартынова «Пугачевское движение на заводах южного Урала», «Красная новь», 1925 г., № 2; С. Г. Томсинский, «Роль рабочих в пугачевском восстании»).

59) С расширением района деятельности отдельных отрядов быстро увеличивались главные силы Пугачева, сосредоточенные около Оренбурга. По показанию атаманов Пугачева, главная армия в начале января 1774 г. достигала 30 000 человек и имела больше 100 орудий.

60) В Гурьев городок Овчинников был послан с несколькими казаками 26 января 1774 г. Присоединив к себе казаков городка, он повесил атамана Филиппова, писаря Жерехова и священника Дмитрия. Пушки, ядра и шестьдесят пудов пороху он взял с собой и привез в Яицкий городок, куда прибыл 15—16 февраля 1774 г.

61) Первая жена Пугачева Софья Дмитриевна Недюжева после ареста его на Дону в феврале 1772 г. осталась в Зимовейской станице с тремя малолетними детьми. Не имея никаких средств к существованию, она продала свой дом за 24 руб. 50 коп. казаку Есауловской станицы Евсееву и «по бедности» вместе с детьми «бродила меж двор». В начале 1774 г., по распоряжению правительства, дом Пугачева был отобран у Евсеева и 6 февраля 1774 г. сожжен. 1 октября 1774 г. Зимовейская станица была переименована в Потемкинскую. Софью Пугачеву арестовали и вместе с детьми отправили в Казань. «А между тем,— писал Бибиков казанскому начальству,—не худо, чтоб пускать ее [Софью] ходить и чтобы она в народе, а паче черни, могла рассказывать, кто Пугачев и что она его жена. Сие однако ж надлежит сделать с манерою,— добавлял главнокомандующий,—чтоб не могло показаться с нашей стороны ложным уверением; паче ж думаю, в базарные дни, чтоб она ходя, будто сама собою, рассказывала об нем, кому можно или кстати будет» («Русский архив» 1866 г., стр. 385). После взятия Пугачевым Казани (12 июля 1774 г.) Софья Пугачева была освобождена из тюрьмы. Сын Пугачева Трофим, увидя отца, закричал: «Матушка, смотри-ка: батюшка ездит». Пугачев велел казакам посадить Софью и детей в телегу, сказав, что «ето-де друга моего Емильяна Иваныча, донскова казака, жена, — он-де за мое имя засечен кнутом» («Пугачевщина», т. II, стр. 149). От Казани до Саратова Софья ездила следом за отрядом, не вступая ни в какие объяснения с мужем, а «не доезжая Саратова, Пугачев, войдя к ней в палатку, спросил: «Что-де ты, Дмитриевна, думаешь как обо мне?». «Да что-де думать,— ответила Софья,— буде не отопрешься, так я твоя жена, а вот ето... твои дети»... «Это правда, я не отпираюсь от вас, только слушай, Дмитриевна, что я тебе скажу: теперь ко мне пристали наши донские казаки и хотят у меня служить, так я тебе приказываю: неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевым... и сказывай, что твоего мужа в суде замучили до смерти за то, что меня держал у себя в доме... И сказывайся, что жена Пугачева, да не сказывайся, что моя, и не говори, что я — Пугачев» (Г. А., р. VI, д. № 506, л. 278, из показания Софьи Пугачевой в Яицке). За это Пугачев обещал жене по приходе в Петербург наградить ее, а в противном случае угрожал «голову срубить». После поражения Пугачева под Сальниковой ватагой (24 августа Софья и Трофим Пугачевы бежали с Е. И. в Заволжье, а две дочери — Аграфена и Христина — остались на поле сражения и были доставлены правительством в Москву в Тайную экспедицию. В Яицком городке Софью Пугачеву допрашивали (допрос не опубликован) и отправили в Тайную экспедицию в Москву, где она встретилась с второй женой Пугачева Устиньей Кузнецовой. После казни Пугачева (10 января 1775 г.) Софью 11 января 1775 г. с детьми и Устинью Кузнецову отправили в Выборг, откуда они были направлены в Кексгольмскую крепость, где и жили до своей смерти.

62) Вторая жена Пугачева—Устинья Кузнецова—все время жила в Яицком городке в доме старшины Андрея Бородина (последний бежал из городка в Оренбург). Вместе с нею жили две «фрайлины» — казачки Марья Черватова и Прасковья Чапурина и безродный старик Денис Пьянов. Около дома все время стоял караул из яицких казаков. По приказанию Пугачева, Устинья ни в какие дела войска Яицкого не вмешивалась. С вступлением в городок Мансурова (15—16 апреля 1774 г.) Устинья, ее

отец и мать были арестованы и отправлены в Оренбург. Мать умерла в оренбургской тюрьме, отец после допроса был освобожден, Устинью из Оренбурга отправили в Москву в Тайную экспедицию.

63) Причины повешения «полковника» Лысова точно неизвестны. Ульянов показывал, что Лысов был повешен за то, что при возвращении из Каргалы пьяный, «наехав на самозванца, ударил его копьем» («Пугачевщина», т. II, стр. 127). Показания Пугачева ближе к истине. Казнь Лысова была не единичным случаем. «Грабительства,— показывает Почиталин, — безвинных людей он [Пугачев] не любил, а потому многих в том приличившихся вешал без пощады» («Пугачевщина», т. II, стр. 111). «От меня,— говорил Пугачев депутату Уложенной комиссии Давыдову, приходившему к нему с жалобой на казаков, — никогда приказу такова не было, чтоб делать обывателям обиды, и велю тебе дать указ, чтоб никто не разорял, и кто ограблен и кем именно, прикажу тебе самому исследовать». (Г. А., р. VI, д. № 431, л. 3, из показания Давыдова в Казанской секрет. комис).

64) Второй подкоп был начат вскоре после первого. Работами руководил Матвей Ситников, под наблюдением самого Пугачева. Траншею вели под крепостную церковь, в погребе которой хранился порох, а на колокольне стояли пушки. 19 февраля казачий сын малолеток Иван Неулыбин явился к Симонову и предупредил его о готовящемся взрыве церкви. Порох своевременно был убран, почему взрыв не принес большого вреда. Все же церковь была разрушена, причем было убито 40 человек.

65) Осада Уфы началась в ноябре 1773 г. и продолжалась до 24 марта 1774 г. Сначала Уфу осаждал пугачевский полковник Иван Губанов, а в последних числах декабря сюда был командирован Зарубин, которому было поручено принять командование над всеми русскими и башкирскими отрядами, находившимися в Закамском крае. Уфу взять не удалось. 24 марта Зарубин был разбит Михельсоном у деревни Чесноковки и бежал в Табинск, где был пойман 26 марта. Подробные сведения об осаде Уфы см. у Дубровина, т. II, гл. XI и XVII.

66) Отряды Арапова и Речкина потерпели поражение от Мансурова, следовавшего по Самарской линии, под Бузулуком, у деревни Пронкиной. Теснимые отрядом Голицына и Мансурова, Арапов, Речкин и Овчинников оставили Сорочинскую и Троицкую крепости и отступили в Ново-Сергиевскую, а отсюда, по распоряжению Пугачева, Арапов и Овчинников пришли в Татищеву крепость, где и приняли активное участие в сражении 24 марта. С поражением Мансуровым и Голицыным пугачевских отрядов на Самарской линии инициатива перешла в руки правительственных войск.

67) В бою под Татищевой (24 марта) Пугачев понес большие потери: 1180 человек убитыми, около 4000 взятыми в плен, 36 орудий со снарядами и зарядными ящиками. Голицын потерял: убитыми — 3 офицеров и 138 солдат; ранеными: 19 офицеров и 497 солдат. Упорный с переменным успехом бой длился больше шести часов. Пугачевцы дрались отчаянно и не раз приводили отряд Голицына в замешательство. В рапорте от 24 марта Голицын писал А. И. Бибикову: «Дело столь важно, что я не ожидал таковой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики» (Дубровин, т. II, стр. 303).

68) Во втором крупном поражении под Сакмарой (1—2 апреля) Пугачев потерял: убитыми до 400 человек, пленными — 2813 человек. В плен попали виднейшие вожди движения: Шигаев, Хлопуша, Подуров, Горшков, Андрей Толкачев и Почиталин. Здесь пропал без вести председатель военной коллегии Пугачева старик Андрей Витошнов. Овчинников с небольшим отрядом казаков бежал в Яицкий городок, Пугачев — на Белорецкие заводы. В промежуток времени февраль—апрель отдельные пугачевские отряды почти одновременно с главной армией терпят поражение за поражением.

Князь Волконский доносил Екатерине из Москвы: «Злодей Пугачев с его воровскою толпою князем П. М. Голицыным совершенно разбит» («Осмнадцатый век», кн. I), но радость эта была преждевременной.

69) После поражения под Сакмарским городком Пугачев бежал по реке Сакмаре через села Никольское и Ташлу и заводы Вознесенский и Авзяно-Петровский в Башкирию. В это время к нему приставали «многолюдные партии». 13—15 апреля он остановился на Белорецком заводе. Здесь он развил энергичную деятельность по комплектованию армии.

70) Магнитная крепость была взята 6 мая. Кроме Овчинникова в Магнитной соединился с Пугачевым Белобородов с отрядом в 700 чел. заводских крестьян.

71) Овчинников потерпел поражение от Мансурова 15 апреля. Потеряв 100 чел. убитыми и 5 пушек, он бежал с отрядом в 300 чел. яицких казаков через Рубежный форпост на большую московскую дорогу в Башкирию и 8 мая соединился с Пугачевым у Магнитной.

72) Из Магнитной Пугачев выступил 8 мая. Обойдя Верхо-Яицкую крепость, где сидел ген. Деколонг, он пошел вверх по Оренбургской линии, втечение десяти дней взял четыре крепости: Карагайскую, Петропавловскую, Степную и Троицкую, а также несколько редутов (Подгорный, Санарский и др.).

73) Бой с Деколонгом происходил 21 мая. Пугачев потерял в этом бою 28 орудий, 4000 чел. убитыми и много пленными.

74) Бой с Михельсоном происходил 23—24 мая. Пугачев потерял 600 чел. убитыми и около 400 пленными.

75) С Салават Юлаевым Пугачев соединился около Красноуфимской крепости.

76) Все эти незначительные стычки с Михельсоном происходили с 14 по 17 июня в Уфимском уезде.

77) Купец города Ржева Астафий Трифонович Долгополов прибыл к Пугачеву в день взятия им пригорода Осы (21 июня). В молодости Долгополов ставил овес для лошадей великого князя Петра Федоровича (в Ораниенбауме), за который он якобы не получил 700 рублей. Он хотел получить эти деньги у Пугачева. «Я де (вас), ваше величество, давно знаю и ставил вам, как изволили быть в Рамбове, овес; да мне де...» А Емелька и подхватил: «Денег тебе не заплатили. Я знаю, помню, заплачу, друг мой, заплачу» (Г. А., р. VI, д. № 425, л. 156, показания Долгополова). Пугачев позвал дежурного казака Якима Давилина и просил его «громко объявить всей его толпе», что «он получил [сегодня] две радости: первая, што Осу взял, а другая, што от Павла Петровича присланы к его величеству подарки» (там же, л. 157).

78) До прихода Пугачева к Осе (18 июня) этот пригород блокировали башкирские отряды. После неудачных атак на крепость (18 июня) Пугачев послал в пригород манифест, в котором предлагал сдаться без боя. 19 и 20-го шли переговоры, а 21 июня население пригорода вместе с гарнизоном крепости торжественно встретило Пугачева с хлебом и солью. Здесь Пугачев взял 8 пушек, казну, провиант и порох. Майора Скрипицина за добровольную сдачу крепости он произвел в «полковники» и назначил его командиром над захваченной в плен командой (1100 чел.), которая была названа «Казанским полком». Скрипицын и Смирнов были повешены Пугачевым 22 июня у Рождественской пристани за попытку сообщить письменно в Казань о движении Пугачева и количестве его армии.

79) Две команды правительственных войск были разбиты Пугачевым 27 июня в селе Новокрещенском (около Ижевского завода). Здесь были убиты Венцель (смотритель Воткинского и Ижевского заводов), майор Алымов и др.

80) Отряд Толстого, высланный из Казани навстречу Пугачеву, был разбит им 10 июля, причем был убит сам Толстой.

81) 11 июля Пугачев остановился у Троицкой мельницы (7 верст от Казани), «и того ж дни под вечер», — показывает Белобородов, — Пугачев, «отобрав яицких казаков человек с пятдесят, ездил к Казане для осматривания городских укреплений и способных мест ко взятию» («Пугачевщина», т. II, стр. 333). Второй осмотр был поручен Белобородову. Рано утром на второй день (12 июля), «призвав Пугачев называемых им полковников и тайных советников — яицких казаков», он провел совещание, на котором указал, «каким образом зделать на город нападение, и говорили, что злодей Пугачев по взятии Казани намерен пройти в Москву и тамо воцариться и овладеть всем российским государством» (там же, стр. 333).

82) См. примеч. 61.

83) Казань была взята 12 июля. Накануне атаки город был подожжен в девяти местах и по взятии разрушен почти до основания. Из 3873 домов, считавшихся в городе и слободах, было сожжено 2063 и уцелело 810. Председатель секретной комиссии генерал-майор П. Потемкин, генерал-губернатор Брандт и другое начальство бежали в крепость. 12 июля Пугачев потерпел первое поражение от Михельсона на Арском поле, потеряв в этом бою 800 чел. убитыми, 737 чел. взятыми в плен. Потери Михельсона состояли из 23 чел. убитых и 37 раненых.

84) Второе сражение происходило 15 июля тоже на Арском поле. В этом сражении Пугачев потерял всю свою артиллерию и лишился до 2000 убитых и раненых и около 5000 пленных. Здесь же попал в плен атаман Пугачева Иван Наумович Белобородов. Второй бой был еще более упорным и продолжительным, чем первый. Пугачевцы проявляли в этом бою необычайный героизм. «Злодеи на меня наступали, — доносил Михельсон, — с таким отчаянием, коего только в лучших войсках найтить надеялся» (Дубровин, т. II, стр. 101).

85) Следуя за Пугачевым в обозе, Долгополов узнал от Перфильева, что он с Герасимовым был послан из Петербурга графом Орловым с заданием изловить Пугачева и передать в руки правительства. Долгополов решил воспользоваться этим обстоятельством и тем поправить свои торговые дела. После отъезда от Пугачева в Чебоксарах он сочинил письмо Орлову от имени якобы Перфильева и 324 яицких казаков (напечатано в «Москвитянине» 1845, № 9), в котором он подробно изложил план предатель-

ства Пугачева в руки правительства, за что просил выдать ему, для передачи казакам, по 100 руб. на человека. В начале августа 1774 г. Долгополов под именем яицкого казака Евстафия Трифонова прибыл в Петербург и 8-го был принят Орловым. Екатерина II одобрила план и дала Трифонову в награду 200 руб. червонных и другие подарки. В тот же день он был отправлен с капитаном Галаховым в Москву; здесь Галахов получил 18825 руб., взял с собою 10 человек команды и майора Рунича, и все они отправились из Москвы на место военных действий. Дальнейшая судьба Долгополова такова: около Саратова, когда Пугачев уже бежал в Заволжские степи, он взял у Галахова 6000 руб. и в сопровождении двух казаков уехал на поиски Пугачева. После выдачи Пугачева казаками (14 сентября) Долгополов, успевший бежать от казаков, был пойман. Его отправили в Тайную экспедицию, допрашивали, вырвали ноздри и сослали на каторгу (Подробности см. «Русская старина» 1870 г., т. II, записки П. С. Рунича « О Пугачевском бунте»).

86) После второго поражения под Казанью на Арском поле Пугачев пошел на Нерадово (18 июля), Цивильск (19 июля), Курмыш (20 июля), Алатырь (23 июля). В Алатыре Пугачев простоял три дня. Он роздал народу медные деньги, захваченные под соборною колокольнею, и поручил бургомистру раздать «безденежно соль». Здесь к нему присоединилось 224 городских жителей. Воеводою города был назначен прапорщик Сюлдяшев (см. его показания — «Пугачевщина», т. III, стр. 215—217).

87) В Саранск Пугачев прибыл 27 июля. Жители города во главе с архимандритом Петровского монастыря Александром устроили ему торжественную встречу. В Саранске Пугачев стоял два дня. Здесь он взял 7 пушек, 21 1/2 пуда пороху, 150 ядер и 29 148 руб. денег, нагруженных на 20 подводах, приказал повесить отставного генерал-майора Сипягина. Воеводою города Пугачев оставил прапорщика инвалидной роты Шихмаметева.

88) В Пензу Пугачев вступил 2 августа и жил в ней до 4-го. Под звон колоколов с образами и иконами он был встречен жителями города. В Пензе он захватил 6 пушек, 593 ядра, 54 пуда свинцу, 16 пудов пороху, 13 233 р. 63 к. денег. 20 573 пуда соли было роздано населению. Он назначил воеводой города майора Герасимова.

89) Петровские власти, в том числе и воевода Зимнинский, бежали из города. Осталcя только прапорщик Юматов, которого Пугачев и назначил воеводою города. На сторону Пугачева перешло 60 донских казаков, высланных из Саратова, под командой есаула Фомина (последний бежал). Пугачев чрезвычайно был рад приходу донцов; он разрешил им приходить к себе днем и вечером и выдал: старшинам по 20 руб., а казакам по 12 руб. денег каждому. Однако донцы оставались у Пугачева только 5 дней. С 9 августа они поодиночке почти все бежали на Дон. 5 августа он выступил из Петровска, взяв с собой 9 пушек, 10 пудов пороху и 5 свинок свинцу. Об участии донских казаков в подавлении восстания см. Сенюткин, М., Военн. действия донцов против крым. хана Девлет-Гирея и самозванца Пугачева в 1773—1774 гг. («Современник» 1854 г., № 8).

90) В пяти верстах от Саратова на сторону Пугачева перешла команда в 397 чел., состоявшая из солдат, волжских и донских казаков, высланных из города 5 августа, под командой майора Семанжа (последний бежал).

91) В Саратов Пугачев вступил 6 августа, а 9-го оставил город, взяв с собой 5 пушек и 25 789 руб. денег. Жителям города было роздано безденежно более 19 тысяч четвертей муки и овса. По выходе Пугачева из Саратова сюда вступили правительственные войска: отряды Муфеля и графа Мелина (11 августа), Михельсона (14 августа), Мансурова (15 августа).

92) Камышенку (Дмитриевск) Пугачев занял 11 августа. Здесь от главной армии Пугачева отделилось три небольших отряда и по берегам рек Медведицы, Иловли и Хопра ворвались в пределы войска Донского. Не встретив поддержки среди населения донских станиц, они были разбиты полковником Луковкиным. Из Камышенки Пугачев послал манифесты в донские станицы (Антиповскую, Березовскую и др.).

93) В Дубовки Пугачев вступил 17 августа и простоял в ней до 20-го. «Три тысячи калмык» пришли к Пугачеву с калмыцким владельцем Ценденом, а не Дербетевым, как ошибочно показывает Пугачев.

94) См. примеч. 61.

95) Бомбардировка Царицына происходила 21 августа.

96) Перешедшие, было, на сторону Пугачева донцы не только ушли, но и подпилили колеса в лафетах пушек, а многие пушки заклепали.

97) Окончательное поражение Пугачев потерпел от Михельсона 24 августа под Сальниковой ватагой (завод купца Сальникова). Здесь он потерял 2000 убитыми и до 6000 пленными, в числе которых находились две его дочери: Аграфена и Христина. Здесь же пропал без вести главный его атаман Овчинников. Весь обоз, пушки и скот были оставлены на поле сражения. Отступив с отрядом в 400 человек, в 17 верстах от Черного Яра Пугачев переправился на другую сторону Волги.

98) Подробности о пребывании Пугачева в заволжских степях и о предательстве Пугачева в руки правительства см. в показании Творогова («Пугачевщина», т. II, стр. 153—162), а также в дополнительных показаниях казаков Фофанова и Сидора Кожевникова (там же, стр. 169—172). Показания эти, сходясь в основном с показанием самого Пугачева, существенно его дополняют.

99) В Яицкий городок Пугачев был доставлен в полночь с 14 на 15 сентября 1774 г. и сдан на руки капитану Маврину. Здесь его заковали в ручные и ножные кандалы. 16 сентября с него был снят первый допрос, во время которого Пугачев держал себя геройски. «Описать того не возможно, — сообщал Маврин Потемкину, — сколь злодей бодрого духа» (Г. А., р. VI, д. № 512, ч. I, лл. 1—8).

100) В Симбирск Пугачев был доставлен 1 октября вместе с Софьей и сыном Трофимом. От Яицкого городка до Симбирска его сопровождал конвой из двух рот пехоты, 200 казаков, при двух орудиях. С 3 по 6 октября производился допрос в присутствии П. И. Панина и П. С. Потемкина. Здесь же находились Михельсон и Суворов, доставивший Пугачева из Яицкого городка. И здесь Пугачев держался смело, но «отведав от моей распалившейся крови, — писал Панин Волконскому, — несколько моих пощечин... из своего гордого виду тотчас низвергся в порабощение» («Москвитянин» 1841 г., № 2, ч. 1, стр. 482, М.). Подробное описание пребывания Пугачева в Симбирске и всего пути от Симбирска до Москвы см. в Записках Рунича о Пугачевском бунте — «Русская старина» 1870 г., т. II.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН

А б л а й - С а л т а н, хан Средней Киргиз-кайсацкой орды.

А к у т и н, И в., яицкий казачий старшина.

А н т и н о в, Я к., яицкий казак, назначенный Пугачевым полковником руководить восстанием на Воскресенском заводе.

А р а п о в, И л ь я Ф е д., крепостной, видный пугачевский атаман, действовавший в районе Ставрополя и Самары; пропал без вести в бою под Татищевой.

А р а с л а н о в, К и н з я (Кинжа), башкир, мулла, командовал у Пугачева башкирским полком; бежал вместе с ним в заволжские степи.

Б а х м у т о в, И д ы р (Идорка, Идарка), башкир, один из ближайших советников Пугачева, толмач.

Б и л д и н (Балдин), С е м., исецкий казак, командовал у Пугачева полком исецких казаков.

Б о р о д и н, М а р т е м ь я н, войсковой старшина Яицкого войска, активный участник в подавлении восстания пугачевцев, за что был награжден Екатериною саблей.

Б у р н о в, И в., яицкий казак, исполнял при Пугачеве должность палача, активный участник предательства Пугачева в руки правительства.

В и т о ш н о в, А н д р е й, старшина Яицкого войска, перешедший на сторону Пугачева; главный словесный судья военной коллегии Пугачева, пропал без вести в бою под Сакмарой

В о л к о н с к и й, М и х. Н и к и т., князь, сенатор, главнокомандующий Москвы, возглавлял московское присутствие Тайной экспедиции Сената. Вместе с Шешковским допрашивал Пугачева в Москве. Переписка его с Екатериной II за время Пугачевского восстания опубликована в сб. «Осмнадцатый век», кн. I, М. 1869.

Г а л а х о в, гвардейский капитан, конвоировавший Пугачева из Симбирска в Москву.

Г о л и ц ы н, П е т р М и х., князь, генерал-майор, после смерти Бибикова (9 апреля 1774 г.) был временно главнокомандующим правительственными войсками, нанес поражение Пугачеву под Татищевой и Сакмарой (март—апрель 1774 г.).

Г о р ш к о в, М а к с и м Д а н, илецкий казак, секретарь пугачевской военной коллегии; попал в плен под Сакмарой (апрель 1774 г.).

Д а в и л и н, Я к и м В а с., яицкий казак, исполнявший должность «дежурного» при Пугачеве.

Д е - К о л о н г (Д е к о л о н), И в а н А л., генерал-поручик, командовал «симбирским корпусом», нанес поражение Пугачеву при Троицкой крепости (май 1774 г.).

Д е н и с о в, И л ь я, донской казачий полковник, под командой которого Пугачев служил на прусском фронте (1762 г.); принимал участие в подавлении пугачевского восстания (август 1774 г.).

Д е р б е т е в, Ф е д. И в., калмыцкий князь, атаман Пугачева, командовал полком ставропольских калмыков.

Д у н д у к (Д у н д у к о в), калмыцкий князь, перешел на сторону Пугачева с полком калмыков около Царицына (август 1774 г.).

Д у с а л и - С а л т а н, хан Меньшей Киргиз - кайсацкой орды, посылал своего сына Салтана к Пугачеву под Оренбург.

З а р у б и н-Ч и к а («граф Чернышов»), крупный организатор движения, пугачевский полковник, командовал русскими и башкирскими отрядами, расположенными в Закамском крае. Осаждал Уфу. 26 марта 1774 г. был взят в плен. Казнен в Уфе в начале 1775 г.

К а р, В а с. А л., ген.-майор, первый главнокомандующий правительственных войск, направленных против Пугачева; потерпев поражение от пугачевских атаманов (Овчинникова и Зарубина), в ноябре 1773 г. уехал в Петербург.

К у т е й н и к о в, казачий донской полковник, был взят Пугачевым в плен под Царицыном.

Л ы с о в, Д м и т р., яицкий казак, видный организатор в первый период движения.

М а в р и н, С а в в а, гвардейский капитан-поручик, начальник отделения Оренбургской секретной комиссии в Яицком городке; производил первый допрос Пугачева 16 сентября 1774 г.

М а н с у р о в, П а в. Д м., ген.-майор, участник борьбы с Пугачевым на Самарской линии, принимал участие в бою под Татищевой и Сакмарой, освободил от осады Яицкий городок (16 апреля 1774 г.).

М и х е л ь с о н, И в. И в., полковник, командовал царскими войсками, посланными для подавления восстания; нанес Пугачеву ряд поражений: у деревни Кудравинской (май), под Казанью (июль) и решившее исход восстания под Сальниковой ватагой (24 августа).

Н у р а л и-х а н (М а р а л и х а н), один из киргизских владетельных князей.

О б о л я е в, С т е п. М а к с. («Еремина курица»), отставной пехотный солдат, арендатор умета на речке Таловой, где Пугачев встречался с яицкими казаками до начала движения (декабрь 1772 г. и август-сентябрь 1773 г.), после суда был сослан на каторгу.

О в ч и н н и к о в, А н д р. А ф., яицкий казак, видный организатор пугачевского движения, войсковой атаман главных пугачевских сил, командовал полком яицких казаков; член пугачевской военной коллегии; пропал без вести в бою под Сальниковой ватагой.

П о д у р о в, Т и м. И в., сотник Оренбургского казачества, депутат Уложенной комиссии 1767 г., член пугачевской военной коллегии, командовал полком оренбургских казаков; взят в плен под Сакмарой, казнен в Москве с Пугачевым.

П а н и н, П е т р И в., граф, главнокомандующий царскими войсками, действовавшими против Пугачева в период ликвидации восстания (август—сентябрь).

П е р ф и л ь е в, А ф. П е т р., яицкий казак, ближайший советник Пугачева, четвертован в Москве вместе с Пугачевым.

П о т е м к и н, П а в е л С е р г., ген.-майор, начальник Казанской и Оренбургской секретных комиссий. Допрашивал Пугачева вместе с Паниным в Симбирске.

П о ч и т а л и н, И в. Я к., яицкий казак, думный дьяк пугачевской военной коллегии, автор ряда манифестов Пугачева; попал в плен под Сакмарой; после суда был сослан на каторгу.

Р е й н с д о р п, Ив. А н д р., генерал-поручик, оренбургский губернатор.

С у в о р о в, Ал. В а с., ген.-поручик, участвовал в поимке Пугачева и конвоировал его от Яицкого городка в Симбирск.

Т в о р о г о в, И в. А л., илецкий казак, председатель пугачевской военной коллегии (подписывал все манифесты), командовал полком илецких казаков; организатор предательства Пугачева в руки правительства; был сослан в ссылку на север.

Х л о п у ш а (С о к о л о в), А ф. Т и м., крепостной крестьянин, ссыльно-каторжный, крупный организатор движения, атаман над заводскими крестьянами и походный полковник Пугачева. Был предан в руки правительства каргалинскими старшинами; казнен в Оренбурге 18 июля 1774 г.

Ч е р н ы ш е в, полковник, симбирский комендант; был взят в плен и повешен Пугачевым (ноябрь 1774 г.).

Ч у м а н а к о в (Ч ю м а к о в), Федор Федот., яицкий казак, заведывал у Пугачева артиллерией; активнейший участник восстания.

Ш в а н о в и ч, М и х. А л., прапорщик, был взят в плен у деревни Юзеевой; командовал у Пугачева полком пленных гренадер и заведывал иностранной перепиской в его военной коллегии; взят в плен правительственными войсками под Татищевой; после суда сослан в сибирские гарнизоны.

Ш и г а е в, М а к с. Г р и г., яицкий казак, крупнейший организатор движения, председатель и словесный судья пугачевской военной коллегии, заведующий казной и снабжением армии, заместитель Пугачева; был взят в плен под Сакмарой и казнен вместе с Пугачевым в Москве.

Ю л а е в, С а л а в а т, видный организатор движения, походный полковник Пугачева, командующий башкирскими отрядами; после суда был сослан на каторгу.

Из записной книжки архивиста

Из истории контрреволюции 1905 г.

В целях ослабления все усиливавшегося крестьянского движения царизм манифестом 3 ноября 1905 г. обещал с января 1907 г. сложить с крестьян выкупные платежи. В то же время, пытаясь опереться на кулачество, царизм увеличил средства Крестьянского банка и установил более льготные условия для покупки земли.

Публикуемая ниже «докладная записка» «литератора» Н. А. Нотовича любопытна тем, что показывает отношение «общества», т. е. помещиков и буржуазии, к манифесту 3 ноября как одной из мер борьбы с крестьянской революцией. Считая, что манифестом 3 ноября невозможно остановить революционную борьбу крестьянских масс и что эта борьба «легко может перейти в пугачевщину», Нотович указывал власти, что движение надо «парализовать реальными и практическими мерами». В качестве одной из таких «реальных и практических мер» он предлагал царизму организовать борьбу с революционным движением крестьянства путем «контрпропаганды» духовенства, которое должно было «оставить на время свои проповеди на библейскую тему и заговорить с амвона языком просветителей и примирителей». По плану автора «записки», попы должны были организованно включиться в борьбу с революционным движением в деревне.

Совет Нотовича запоздал. Выдрессированная К. П. Победоносцевым русская церковь, всегда состоявшая на службе царизма, давно вела борьбу с революционным движением, и эта борьба особенно усилилась накануне первой революции. Так напр., в связи с крестьянским восстанием 1902 г. в Харьковской и Полтавской губерниях состоялось 16 августа 1902 г. определение синода, в котором попам предлагалось «разъяснять пастве на основании слова божия всю ложность уверений злоумышленников, склоняющих к неповиновению властям, от царя поставленным, и к покушениям на чужое добро». Составленное специально на этот случай образцовое «слово» рассылалось по приходам (см. «Синод в борьбе с революцией», «Красный архив», т. XXV, стр. 198—200).

Аналогичный характер носили воззвание синода по поводу событий 9 января 1905 г., напечатанное в тогдашних газетах, и речь петербургского митрополита Антония к рабочим Путиловского завода («Миссионерское обозрение» 1905 г., II, стр. 392—393). Ряд церковных воззваний и специальных «молитв» самого контрреволюционного характера был вызван всеобщей октябрьской стачкой 1905 г. и манифестом 17 октября. Таким образом недостатка в церковной «контрпропаганде» не было. Мобилизация реакционных сил на борьбу с революцией не прошла мимо церкви, которая активно выступила в революции 1905—1907 гг. как орудие господствующих классов, в первую очередь помещиков-крепостников.

Автор печатаемой «записки» Н. А. Нотович, «владикавказский мещанин», с 1907 г. значился во «Всем Петербурге» литератором. С 1911 г. он редактирует еженедельный журнал «Финансовое обозрение», издательницей которого была его жена. В 1913 г. он—«кандидат в директоры правления Русско-Азиатского транспортного комиссионного акционерного общества», а в 1914—1915 гг. — редактор газеты «Русский курьер», издававшейся на средства банков.

Автор «записки» предлагал, далее, в целях борьбы с революционной пропагандой использовать казенные винные лавки — «монополькн», любимое детище С. Ю. Витте,—в качестве аппарата распространения черносотенной литературы, издаваемой попечительством о народной трезвости. Весьма вероятно, что «записка» Нотовича Витте,—вызывалась именно желанием пристроиться к изданию «патриотических» брошюр. В заключение своей «записки» Нотович договаривается до привлечения в Россию иностранного капитала для строительства ряда «обширных сооружений», имеющих задачей отвлечь крестьян из деревень, чтобы тем самым ослабить аграрное движение. В этом Нотович показал себя не особенно дальновидным политиком: момент, ког-

да вся Россия была охвачена революционным пожаром, был более чем неудобен для привлечения иностранного капитала, отлив крестьян из деревень лишь увеличил бы ряды пролетариата, могильщика эксплоататорских классов.

Публикуемый документ хранится в Архиве внутренней политики, культуры и быта ЛОЦИА (фонд канцелярии синода, 1905 г., дело № 894, лл. 42—45).

З. И. Гурская.

Докладная записка Н. А. Нотовича председателю Совета министров С. Ю. Витте о росте аграрного движения в деревне и о принятии «практических» против него мер. 7 ноября 1905 г.[1])

Ваше сиятельство,

Последний манифест[2]) о крестьянах не произвел желаемого впечатления на общество, и, несмотря на всю его щедрость, он вряд ли удовлетворит и крестьян.

«Трагические события, — говорит общество, — и, что еще хуже, аграрное движение, которое легко может перейти в пугачевщину, необходимо парализовать реальными и практическими мерами».

«Дарование нам хотя бы нескольких сот миллионов, — говорят крестьяне с своей стороны, — которых мы и без этого не платим и не заплатим, и облегчение прикупать новые земли, когда у нас нет средств даже на хлеб, нас не удовлетворит».

И те и другие отчасти правы, ибо дарованием того, чего казна еще не получила, и дарованием новых льгот Крестьянскому банку, которыми воспользуются только деревенские кулаки за счет разоряющегося помещика, не остановить аграрного движения, принимающего угрожающие размеры. Последний манифест есть мера чисто канцелярская и не совсем понятная крестьянину. Нужны меры реальные, практические, осязательные и понятные крестьянину[3]), которыми он может воспользоваться сейчас же или которые покажутся ему осуществимыми в недалеком будущем, и только такими мерами можно остановить аграрное движение, превращающееся в мятеж, вернуть население к мирному труду и облегчить вам вашу сложную работу для перестроения государственного строя, что не так сложно, как это будет видно дальше.

Во-первых, необходимо прежде всего разъяснить народу истинное значение не только манифеста 17 октября, но и других правительственных актов, затемняющихся агитаторами раздора, с которыми правительство не имеет права деликатничать, ибо речь идет о тысячелетней истории обширного государства, низводящегося ныне нанет группою агитаторов, ничего общего с государственностью не имеющих и никем неуполномоченных на такую разрушительную политику.

Опасное возбуждение народной массы должно быть остановлено при посредстве контрпропаганды, при содействии духовенства, которое, к сожалению, до сих пор ни одним словом не промолвилось с амвона, чтобы образумить бессознательно бунтующего крестьянина. Пора воспользоваться нашей пятидесятитысячной армией священнослужителей и вызвать ее к государственной деятельности. Священнослужителям следует внушить — оставить на время свои проповеди на библейскую тему и заговорить с амвона языком просветителей и примирителей, чтобы пролить немного света в запутанный разными пропагандистами детский ум крестьянина.

Если бы святейший синод выступил с своим знаменитым, но запоздалым воззванием год тому назад[1]), если бы епархиальные начальства рассылали деревенским священникам для прочитывания в церквах вместо библейских сказаний разъяснительные воззвания и толкования на тему государственных актов, совершающихся и набегающих событий, мы бы не были свидетелями стольких недоразумений, бессознательно совершенных нашим крестьянином, которого духовенство в некотором роде предало в руки сеющих раздор и омрачающих ныне всю государственную жизнь. Неужели же крикливый тон сотни-другой агитаторов сильнее здорового, увещевательного слова всего нашего духовенства? Конечно нет! Между тем во внутреннем движении в значительной степени виновато преступное молчание духовенства, и правительство и общество имели право ожидать от не-

---

[1]) На записке помета С. Ю. Витте: «Передать кн. Алексею Дмитриевичу» [Оболенскому].—Кн. А. Д. Оболенский—обер-прокурор синода с 20 октября 1905 г. по июль 1906 г.

[2]) Т. е. манифест 3 ноября 1905 г. о сложении с крестьян выкупных платежей.

[3]) В разрядку набрано подчеркнутое в подлиннике.

[1]) Речь идет о послании синода «к чадам церкви» от 28 октября 1905 г. по поводу манифеста 17 октября, в котором, указывая на «дарованые» царские милости, синод обрушился на революционное движение.

го в это смутное время больше чем только отправление церковных треб.

Правительство должно воспользоваться этою силою в народе и предписать епархиальному начальству немедленно составить и разослать деревенскому духовенству разъяснительные проповеди для народа и одновременно предложить этому же епархиальному начальству потрудиться на пользу государства еженедельным обновлением этих разъяснительных проповедей по поводу каждого события или объявленного государственного акта. Духовенство—главная часть нашего организма, и необходимо разбудить эту грандиозную силу для службы отечеству, которое его содержит.

Просвещенный князь Оболенский, новый обер-прокурор святейшего синода, окажет незабвенную услугу для умиротворения страны и спасения народа и империи от гибельного мятежа, если возьмет в свои руки патриотическое, христианское воспитание народа с амвона.

Воспользуйтесь этой армией священнослужителей, и ваша многосложная гигантская работа перестроения государственного механизма во многом упростится и облегчится.

Одновременно с этою деятельностью духовенства правительство должно взять на себя инициативу серьезной и культурной борьбы с революционной пропагандой в антигосударственном духе среди крестьян распространением полезных воспитательных брошюр в духе православия и государственного консерватизма при посредстве тех 30 тысяч казенных винных лавок, с которыми народ, к сожалению, чаще всего находится в общении.

Эта мера не так сложна, не потребует никаких затрат, и приведение ее в исполнение должно быть поручено попечительству о народной трезвости.

Главными складами этих изданий должны быть городские комитеты попечительства, дома трудолюбия, винные лавки и у деревенских священников.

Самая книжка в 16 страниц с красивой обложкой, по наведенным мною справкам, обойдется в $^{8}/_{10}$ копейки и может следовательно продаваться за 1 копейку.

Двух чиновников совершенно достаточно для организации издания и распределения его по складам; городские комитеты попечительства и дома трудолюбия с своей стороны распространят эти книжки в своих районах, в базарные и ярмарочные дни в своих селениях, при посредстве носильщиков-продавцов, которым в виде вознаграждения, так же как и продавцам винных лавок, можно уступать, как это практикуется английским Библейским обществом во всем мире, двадцать процентов.

Таким образом правительство приобретет сильный орган для контрпропаганды без всяких с своей стороны затрат. А чтобы упростить рассылку изданий попечительства, т. е. техническую и финансовую сторону дела, оно может быть поручено одной из обширных типографий столицы на конкурсных началах, ибо из собранных мною справок выяснилось, что каждая типография согласится взять на себя не только печатание этих брошюр по указанию и выбору комитета, но и производить все необходимые расходы, заранее уверенная, что успех распространения этих книжек достаточно обеспечивает расходы по изданию.

И на самом деле, одни винные лавки, продавая только по 10 книжек каждая, в 300 торговых дней распространят около 100 миллионов таких книжек, чем не следует пренебрегать в деле воспитания народа и умиротворения народных страстей.

Если бы канцелярии вообще менее увлекались усовершенствованиями своей бумажной канцелярской работы, выглядывали бы почаще за окно, то увидели бы стучащийся в дверь опасный поток, и чувство самосохранения заставило бы их найти и способы и многомиллионные средства, не обременяющие ни казну, ни общество, чтобы создать необходимые шлюзы для сдержания напора бушующего потока.

Во-вторых, следует теперь же заняться приготовлением к весне обширных и полезных общественных работ, ибо не следует забывать, что аграрное движение, которое, может быть, и затихнет с наступлением холодов, примет общий характер мятежа, когда наступит весна, со всеми ужасами голода, болезней, незасеянных полей и с возвращением в деревню военнопленного элемента из Японии и запасных из Манчжурии. Голод испугает этих страдальцев последней войны, и последствия будут ужасны. Приготовлением же общественных работ можно будет отвлечь от деревни часть голодающего элемента.

Общественные работы под видом вырубки лесов или устройства шоссейных дорог по своей непроизводительности потеряли свое значение, и громадные затраты для уже отягощенной казны и самые работы никакой пользы не принесут, потому что крестьяне, зная, что

они созданы для временного их пропитания, будут производить их несерьезно. Мне казалось бы поэтому более рациональным совершенно оставить практикующуюся систему общественных работ и воспользоваться рядом сделанных иностранцами предложений создать на свои средства ряд обширных сооружений, которые в политическом и экономическом отношениях будут иметь громадное значение и для государства и для народа.

Отчего бы нам не воспользоваться теперь желанными иностранными капиталами, чтобы положить начало обширным государственным сооружениям, которыми можно отвлечь весною сотни тысяч рабочих?

Государственная премудрость заключается в умелом использовании всех средств, имеющихся под рукой, чтобы радикально содействовать успокоению и устроению страны. У вас же для этого под рукой, во-первых, громадная армия священнослужителей, деятельность которых нужно канализировать в интересах правительства; во-вторых, попечительство о трезвости и дома трудолюбия для ведения контрпропаганды полезными книжками на базарах, ярмарках, заводах, фабриках и во всех сборных пунктах, при содействии 30 тысяч винных лавок и ходячих продавцов, и в-третьих, ряд проектов обширных сооружений, полезных для государства и для народа, при содействии иностранных капиталов.

Лишенный возможности применить свои силы на почве более практической, я ограничиваюсь патриотическим долгом представить на ваше усмотрение некоторые соображения по вопросам, для решения которых у вас имеется под рукою столько готового и богатого материала.

Пользуюсь случаем еще раз просить ваше сиятельство верить моей искренней преданности и готовности быть полезным общему государственному делу.

Вашего сиятельства всепокорнейший слуга

Н. А. Нотович.

7 ноября 1905 г.
Итальянская, № 15.

Николай II — «император кафров»

В пышном титуле русских царей — «император всероссийский, царь польский, великий князь Финляндский...» только этого звания еще нехватало: «всея черныя Арапии государь». Но теперь из впервые публикуемых, тщательно в свое время запрятанных документов мы узнаем, что Николай Романов и о присоединении африканских владений к своей империи мечтал, и шли в секретном порядке переговоры о том, каким путем поднять восстание кафров в английских колониях.

История эта весьма смахивает на оперетку, и если бы проекты Николая II получили осуществление, то юмористические современные листки обогатились бы пикантной темой. Однако участники заговора, посягавшие на колониальное могущество Англии, нисколько не смеялись. Они к делу своему относились совершенно серьезно. Авантюрист из бывшей бурской республики нашел в Николае II и его министре иностранных дел родственную душу. То, что объединило русского царя и неведомого авантюриста, — это ненависть к Англии.

Мы уже имели случай говорить об этой ненависти при публикации в LXIII т. «Красного архива» письма Николая II к сестре его Ксении Александровне. Как о «своей излюбленной мечте» писал тогда Николай о нападении на англичан. Он не скрывал своего сочувствия бурам, и, как известно, во время англо-бурской войны царское правительство дважды предлагало Германии вмешаться в войну. Германия это предложение отклонила.

Предложение неведомого бурского генерала (не надо его смешивать с известным генералом Жубером, — тот умер в 1900 г.) разогрело угасшую было «мечту». Николай II, которому в феврале 1905 года уже очень отчетливо угрожало революционное восстание в самой России, ухватился за мысль поднять восстание в Африке против англичан. Царь и министр охотно шли на такие предприятия, как снабжение деньгами авантюриста Жубера, как доставка ему оружия. Министр иностранных дел Ламздорф составил себе репутацию сравнительно рассудительного чиновника. Но он прежде всего был чиновником и не решился на критику авантюристских планов. Он писал в Лиссабон своему подчиненному: «Предложения Жубера, без сомнения, представляются заманчивыми, и мы готовы в принципе принять их».

Публикуемые документы представляют не только исторический интерес, лишний раз разоблачая авантюристский характер внешней политики царизма,

они раскрывают механику подпольной работы буржуазных правительств. Царизм не составлял исключения, и методы организации заговоров против официально дружественных государств получили особое распространение после империалистической войны. Эти методы в особом ходу у некоторых империалистических правительств, не отказавшихся от антисоветской внешней политики.

Принимая в принципе предложение об организации восстания кафров, Николай Романов прежде всего думал о том, чтобы создать затруднения для Англии и использовать эти затруднения. Но были у него и другие мотивы, заставлявшие относиться с вниманием и интересом к авантюристским планам в Африке. Романовы действительно мечтали об африканских колониях. Рассматривая проект какого-то Жубера о протекторате царской России над африканскими неграми, Николай Романов не мог не вспомнить о другой попытке создать новую русскую губернию. Покровительство авантюристам не было новинкой для русских царей.

Опираясь на мифическое «православие» негуса Абиссинии, царское правительство пыталось еще в 80-х годах нащупать для себя почву в Африке. Известна авантюра «вольного казака» Ашинова. Подлинно щедринский тип, явный проходимец задумал вооруженной силой захватить небольшую территорию на берегу Красного моря. Победоносцев писал 16 июля 1888 г. имп. Александру III: «Что касается Ашинова, то он, конечно, авантюрист, но в настоящем случае он служит единственным русским человеком, проникшим в Абиссинию. Стоило бы серьезно распросить его хоть о том деле, которое, по его словам, уже заведено им на берегу Красного моря. По всем признакам оно может иметь для нас немалую важность, и, по всей вероятности, в таких делах удобнейшим орудием бывают подобные Ашинову головорезы» [1]).

Предприятие Ашинова закончилось скандалом. Он захватил французскую территорию и, как ни любезны были тогда представители французского правительства к царской России, но отряд авантюриста был обстрелян, а сам он был взят в плен. Хотя в авантюре его принимали участие и министры Александра III, но для сохранения дипломатических приличий от Ашинова все они отреклись, и вышло, что «завоевание Африки» было частным делом «вольного казака».

[1]) Письма Победоносцева к Александру III, т. II, стр. 188.

Через три года после этого Ашинов, вышедший сухим из переделки, снова обратился к царю с предложением захватить в Африке обширную территорию, богатую лесом и драгоценными камнями, Ашинов соблазнял Александра III тем, что захваченная земля будет личной собственностью царя. Но царь, обжегшись на молоке, дул теперь на воду, и на письме Ашинова сделал пометку: «Записки сумасшедшего». Так рассказывает об этом Ламздорф в своем дневнике [1]).

Перед царским правительством был, таким образом, некоторый опыт авантюризма, когда оно получило новое предложение захватить земли в Африке. Но Николай II не написал: «записка сумасшедшего» на предложении Жубера, который был, в сущности, вторым изданием Ашинова. Осторожный Коковцов расстроил авантюру. Царь, скрепя сердце, отказался от организации восстания в английских колониях. Быть может, наиболее серьезной помехой были даже не благоразумные советы Коковцова и Нелидова, а разгоравшееся в России революционное движение. Не о новом добавлении к царскому титулу приходилось думать, а о том, чтобы сохранить в целости старый титул.

Д. Заславский.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве внешней политики (фонд мин. ин. дел, Политархив, д. № 2125, канцелярия министра, папки №№ 86-а, 87).

Текст документов сообщил А. А. Сергеев, им же документы подготовлены к печати.

Телеграмма посланника в Лиссабоне Кояндера [2]).

Лиссабон, 10 (23) февраля 1905 г.

Бывший бурский генерал Жубер-Пинаар приехал из Трансвааля с целью предложить нам организовать в Южной Африке восстание чернокожих, которые к нему совершенно готовы, в чем они и ручаются. По его словам, это восстание могло бы быть достаточно серьезным, чтобы занять втечение двух-трех лет все внимание Англии. Он желал бы поехать в С.-Петербург, чтобы представить свой план, но просит оказать ему денежную помощь, чтобы предпринять это путешествие, и снабдить паспортом, чтобы приехать в Россию под чужим именем.

[1]) Дневник Ламздорфа (1891—1892), стр. 169.

[2]) На телеграмме Кояндера помета Николая Романова: «Как вы находите это предложение?» И далее рукой гр. Ламздорфа: «Царское Село, 11 февраля 1905г.»

Он ждет ответа, который покорнейше просим прислать телеграммой.

Докладная записка гр. Ламздорфа Николаю Романову[1]).

Вследствие высочайшей вашего императорского величества пометы на телеграмме российского посланника в Лиссабоне осмеливаюсь доложить, что, хотя принятие предложения бурского генерала Жубера не соответствовало бы общему духу русской политики, тем не менее оно при настоящих политических условиях и особенно не вполне дружелюбного образа действий Англии по отношению к России могло бы представиться утилитарным.

Смею думать однако, что ввиду отсутствия точных данных о личности генерала Жубера, его благонадежности, а равно и имеющихся в его распоряжении действительных средствах для организации восстания в Трансваале, желательно было бы предоставить тайн. сов. Кояндеру на месте сговориться с Жубером обо всех подробностях его плана и во всяком случае отклонить приезд этого генерала в С.-Петербург, где пребывание его могло бы тотчас же возбудить подозрение и обречь на неудачу самое дело.

На случай, если бы вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивейше одобрить изложенные соображения, приемлю смелость повергнуть у сего проект соответственных указаний на имя посланника в Лиссабоне.

[Ламздорф.]

Проект секретной телеграммы министра ин. дел Кояндеру в Лиссабон[2]).

Телеграмма 10 получена.

Предложение бурского генерала заслуживает внимания. Но ввиду полного отсутствия данных о личности г. Жубера, его благонадежности, а равно и имеющихся в его распоряжении средствах для серьезной организации восстания на юге Африки, желательно, чтобы вы выяснили все подробности плана его действий, категорически отклонив его предположение прибыть в Петербург, что могло бы лишь скомпрометировать дело.

Депеша посланника в Лиссабоне Кояндера министру ин. дел гр. Ламздорфу.

Лиссабон. 20 февраля (5 марта) 1905 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь,

граф Владимир Николаевич,

10 сего февраля в императорскую миссию явился бывший бурский генерал Жубер-Пинаар (Joubert-Pienaar) и сделал мне следующее заявление:

«Во время англо-бурской войны я принимал деятельное участие в качестве командира отдельного отряда, причем, по отзывам моих соотечественников, принес немалую пользу нашему общему делу. В то время, когда бывший президент Крюгер, направляясь в Европу, находился в Лоренцо-Маркезе, отряд мой стоял на самой границе португальских владений, так что выпускаемые против нас англичанами артиллерийские снаряды перелетали даже пограничную черту и ложились на португальской территории. Желая прекратить это положение дел, португальские власти потребовали, чтобы я либо удалился от границы, либо перешел оную и сдался им, угрожая, в случае неисполнения этого требования, арестовать президента Крюгера и выдать его англичанам. Я донес об этом генералу Бота, и на совете начальников, под председательством последнего, было решено, что, так как я не могу удалиться от границы, то я должен сдаться португальцам, чтобы дать возможность бывшему президенту выехать в Европу для представительства перед державами за наше дело. Я исполнил полученное мною в этом смысле приказание и был привезен португальцами в здешнюю страну, где и провел на принудительном поселении в городе Томаре 14 месяцев, вплоть до заключения мира в Южной Африке; после этого я возвратился на родину. Во время моего пребывания в Португалии, читая, как англичане без зазрения совести расстреливали моих товарищей бурских офицеров, сдававшихся им в плен, и как они обращались с нашими женами и детьми в концентрационных лагерях, я дал клятву во что бы то ни стало отомстить им, и с тех пор исполнение этой клятвы составляет заветную и исключительную цель моей жизни. Для того, чтобы иметь какую-либо возможность достигнуть этой цели, я счел прежде всего необходимым вступить с ними в наилучшие отношения, и я достиг этого: они теперь вполне мне доверяют и считают меня одним из самых преданных им моих соотечественников. Зорко следя за всем, что происходит как в Южной Африке, так и вне оной, я полгода тому назад пришел к

---

[1]) Печатается с отпуска, на котором пометы: «На подлинной собственной е. и. в. рукой начертано: «С[огласен]». «Царское Село, 9 февраля 1905 г.»

[2]) Печатается с отпуска, на котором пометы: «На подлинном собственной е. и. в. рукой начертано: «С[огласен»]». — «Царское Село, 12 февраля 1905 г.» — «Отпр. 12 февраля 1905 г. № 59».

заключению, что наступил момент, когда мне можно начать проводить свой план в исполнение. С одной стороны, ввод на золотые россыпи китайских рабочих возбудил страшное неудовольствие не только среди черных туземцев Африки, но также и среди того сброда из канадцев и австралийцев, которые были привезены в Трансвааль для нашего избиения за деньги, но которые, не имея понятия о том, что такое патриотизм, готовы теперь, когда они недовольны своим положением, восстать против своего же правительства. С другой, ненавистничество и крайняя враждебность, высказанные англичанами к России по поводу вашей войны с Японией, дали мне повод думать, что для вашего правительства явится необходимость создать для Англии возможные затруднения. Ввиду этих соображений я решился предпринять поездку в Европу, но предварительно я проехал почти по всей Африке и виделся с вождями враждебных Англии племен. Я всегда занимался исследованием золотоносных земель; поэтому мои поездки по владениям чернокожих не возбуждают ничьих подозрений. И в Лиссабон я приехал под предлогом переговоров с здешним правительством относительно разведок золотоносных земель в португальской колонии Ангола. Но настоящей целью моей было свидание с каким-либо официальным представителем России для того, чтобы спросить у него, желает ли его правительство оказать содействие возникновению в Южной и Центральной Африке восстания кафров, восстания, настолько серьезного, что оно способно будет поглотить исключительное внимание Англии впродолжении двух или трех лет».

Выслушав генерала Пинаара, я сказал ему, что, конечно, не могу не только дать ему ответ, но даже высказать какое-либо мнение по поводу его заявления; что, ввиду наших мирных отношений к Англии, мне не следовало бы даже вести разговор об этом предмете, но что, ввиду его настояний, я соглашаюсь представить оный на благоусмотрение императорского правительства. Я спросил у него, не сочтет ли он возможным для облегчения мне точной передачи его мыслей изложить оные на бумаге и вручить мне записку, конечно, анонимную, без его подписи.

Собеседник мой ответил мне, что он предпочел бы, в случае, если императорское правительство согласится его выслушать, лично отправиться в Петербург, так как словесные объяснения всегда скорее и вернее приводят к цели, чем письменные сношения. Не нуждаясь особенно в деньгах, он однако, в виду большой стоимости поездки от Лиссабона до Петербурга, просил бы, чтобы стоимость эта была принята на себя нашим правительством. Он, конечно, предпринял бы это путешествие под чужим именем, для чего ему нужен был бы особый паспорт, и в этих условиях он брался проехать через Францию и Германию, не будучи никем узнанным; в России же его ровно никто не знает.

Получив секретную телеграмму вашего сиятельства от 12 февраля, извещавшую меня, что предложения генерала Пинаара заслуживают внимания, и поручавшую мне, отклонив его приезд в Петербург, постараться выяснить его планы, я при новом с ним свидании спросил у него, не может ли он подробно ознакомить меня с своими проектами и с теми средствами, коими он располагает и кои он намерен употребить для достижения предположенной им цели. В ответ на это генерал Пинаар, по собственной инициативе, предложил мне изложить свои мысли письменно, под тем однако условием, чтобы написанная его почерком записка была ему возвращена по снятии с нее копии на пишущей машине.

В самом деле, на другой день он принес мне представляемую у сего в копии записку. Передавая ее мне, он сказал: «Я отдаю в ваши руки мою жизнь и благосостояние всей моей семьи, потому что, если англичане узнают о существовании этого документа, то они ни одной минуты не задумаются расстрелять меня привязанным к стулу, как они это делали с моими бедными товарищами офицерами». Он, впрочем, выказал ко мне достаточно доверия, чтобы оставить записку в моих руках до следующего дня, когда она была ему возвращена.

После беглого ознакомления моего с этим документом генерал Пинаар сказал мне, что, если бы я нашел нужным спросить у него каких-либо объяснений по его поводу, то он с полной готовностью даст мне таковые. Я воспользовался этим предложением и через день имел с ним новое свидание, при котором он постарался выяснить мне свои планы и предположения.

Записку свою бурский генерал начинает изложением причин, побудивших его ненавидеть англичан и всеми силами стремиться к низвержению их владычества в Южной Африке. Упомянув затем о том, что Россия, ввиду ярой враждебности, выказанной относительно ее Великобританию, и уверенности всех англичан в том, что ранее окончания нашей войны мы будем иметь с ними дело, не может не отнестись сочувственно к созданию для последней затруднений, он выражает уверенность в успешном, с божиею помощью, окончании задуманного им дела и говорит, что гарантиею

его добросовестности должно служить то, что вступая с нами в сношения, он ставит на карту собственную жизнь. По его убеждению, для успешного ведения дела ему нужна поддержка могущественной европейской державы, за каковой поддержкой он и обращается к России, которая в свое время должна будет взять Южную Африку под свой протекторат, так как вполне независимое существование, ввиду слабости буров и отсутствия у них морского могущества, является для них неосуществимою мечтою. Затем, упомянув о своей готовности поехать в случае, если мы того пожелаем, в Манчжурию, где он мог бы, по его мнению, быть нам полезным, автор записки излагает два возможных, в его глазах, плана действий для подготовления и поднятия восстания кафров против англичан в Южной Африке.

Нужно сознаться, что планы эти изложены в записке в слишком общих и несколько туманных чертах, позволяющих на первый взгляд усомниться в серьезности лица, предлагавшего их; поэтому я счел себя обязанным постараться выяснить, каким путем и какими средствами генерал Пинаар думает привести в исполнение, по крайней мере, первый из них, так как второй, как носящий скорее характер романа, не мог быть, по моему мнению, вовсе обсуждаем. На поставленные мной генералу Пинаару вопросы: какие именно племена он хочет поднять против англичан, какое может быть численное количество восставших, почему он думает, что восстание может удасться, какие средства находятся в его распоряжении и, наконец, в чем может выразиться помощь России, о которой он ходатайствует, собеседник мой отвечал мне следующее:

«По пути в Европу я имел свидание с одним из главарей негров, живущих на Золотом берегу, обещавшим мне свою помощь; на возвратном пути я, по его настоянiям, еще раз повидаюсь с ним. Затем в настоящее время один вполне мне преданный белый путешествует по землям Баротце в тех местностях, где сходятся границы английских, германских и португальских владений. В настоящий момент в германских и португальских колониях свирепствует восстание черных. Проездом через Мосамедес я увижусь с моим эмиссаром, которому, я уверен, не представилось затруднений подготовить восстание и против англичан. Но главное мое внимание, конечно, обращено на те три могущественные кафрские племени, которые живут или в самой Капской колонии или по ее границам. Я разумею безутосов, зулусов и суази. Я хорошо знаю их нравы и обычаи и даже знаком с языком, так как много ездил по их землям и управлял сопредельными с оными областями. Я знаю также их начальников, с коими поддерживал всегда наилучшие отношения. Во время англо-бурской войны англичане, желая восстановить кафров против нас, заигрывали с ними и распустили их. По заключении мира они круто изменили свое с ними обращение. Это обстоятельство, в связи с призывом в Ранд китайских рабочих, лишившим черных крупного заработка, возбудило среди последних крайнее недовольство против англичан, и все их помыслы направлены теперь к поднятию восстания против их притеснителей. В особенности возбуждено племя суази, хотя и наименее многочисленное, зато наиболее энергическое и способное. Останавливает черных от восстания опасение, как бы буры, которых они привыкли страшно бояться, не приняли вместе с англичанами участия в подавлении этого восстания. Моя главная роль будет заключаться в том, чтобы успокоить кафров в этом отношении и убедить их, что мы при столкновении с англичанами останемся вполне нейтральными.

По существующим между кафрами обычаям, дружеские отношения между ними устанавливаются обменом символических подарков. В данном случае, чтобы достигнуть моей цели, мне нужно будет подарить трем главным начальникам каждого из упомянутых племен безутосов, зулусов и суази по тысяче ружей с десятью патронами к каждому ружью. В их глазах это будет равносильно заявлению, что я солидарен с ними; принятие же ими этого подарка будет означать, что они готовы следовать моим указаниям. Подарок этот будет не более как символ заключенного между нами тайного соглашения. О настоящем же вооружении того полумиллиона воинов, который могут выставить против англичан помянутые три племени, позаботятся их начальники, настолько богатые, что сами могут платить за оружие, которое будут им доставлять германские, американские и даже английские контрабандисты.

Для перевозки вышеизложенных подарков мне необходимо иметь в моем распоряжении пароход, на котором я, под предлогом исследования золотоносных земель, мог бы посетить некоторые из лежащих между Лоренцо-Маркезом и Кэптоуном многочисленных маленьких бухт, хозяевами берегов которых являются исключительно зулусы. Иметь в полном моем распоряжении пароход мне необходимо будет и во время самого восстания, для того чтобы иметь возможность тайно сноситься с кафрами, потому что я предупреждаю вас, что буду все время

оставаться среди англичан, играя роль преданного им человека и стараясь таким способом выведывать их намерения и планы.

Если мне удастся поднять восстание, в чем я не сомневаюсь, то против англичан будут бороться до 500 000 черных. К ним присоединятся австралийцы и канадцы, о которых я уже говорил вам и которые страшно недовольны правительством вследствие ввоза в Южную Африку китайских рабочих. Одни они не восстанут, так как их всего 20 000, а в Южной Африке расположено до 50 000 британских войск, но в случае движения среди кафров, особенно если последние пообещают им наделить их землею, они, несомненно, примут участие в этом движении. При таких условиях я считаю, что война с черными продлится по меньшей мере два года, причем Англии придется напречь для ее ведения все свои силы.

Через два года в дело вмешаемся мы, буры, и, с божьей помощью, еще через год выгоним англичан из нашей страны. Тогда-то нам понадобится покровительство одной из европейских великих держав. Так как я теперь обращаюсь за помощью к России, то, по моему мнению, она и должна быть в будущем сюзереном и защитником Южной Африки; если бы ваше превосходительство нашли это по каким-либо причинам для себя неудобным, то, конечно, мы можем в свое время обратиться к какой-либо другой державе, например, Германии. Поэтому я не ставлю обещание России взять нас впоследствии под свой протекторат непременным условием принятия моих теперешних предложений.

На вопрос ваш, чего именно я желаю от России, отвечу вам следующее: мне нужны теперь 3 000 ружей, 30 000 патронов к ним и пароход, который находился бы в моем распоряжении втечение 2 или 3 лет. Поэтому я ходатайствую о сформировании фиктивного общества для разведок золотоносных земель в Африке, которое было бы зарегистрировано в Англии и могло бы таким образом иметь пароход, плавающий под английским флагом, и которого я был бы избран главноуполномоченным. Я желал бы, чтобы ваше правительство дало мне на это средства, придав в помощь мне, как я говорю в своей записке, в качестве секретаря, свое доверенное лицо. Что будет стоить покупка и содержание в течение трех лет парохода, я не знаю, так как никогда подобного рода делами не занимался, но думаю, что потребная на этот предмет сумма вместе с разными мелкими выдачами и расходами на месте, но без стоимости ружей и патронов, не превысит 60 или 80 тысяч фунтов стерлингов.

Если ваше правительство найдет мой план обоснованным, но пожелает отложить приведение его в исполнение на некоторое время, я буду согласен подчиниться этому требованию. В таком случае оно, может статься, захочет испытать пока меня и мою добросовестность. Ни оно, ни вы меня не знаете, а потому не можете питать ко мне полного доверия. Если вы захотите, я могу отправиться в Манчжурию, где, как бывший начальник отдельного отряда, я могу принести своею опытностью в партизанской войне некоторую пользу. Или я могу поехать в Японию, куда англичане, ввиду моих с ними отношений, снабдят меня самыми горячими рекомендательными письмами. С помощью этих писем я буду в состоянии проникнуть как в страну, так и на театр военных действий и добыть вам очень ценные сведения. Я согласен и на это, но прошу вас иметь в виду, что если я решаюсь на подобный образ действий, то делаю это исключительно в интересах моей страны и в ожидании от вас в будущем действительной помощи в достижении той цели, которой теперь всецело посвящена моя жизнь».

Таковы объяснения, данные мне на словах генералом Пинааром. Мне невозможно с точностью определить, насколько его заявления искренни и заслуживают доверия. Наводить здесь справки относительно его первого пребывания в Португалии я считаю неудобным, не желая, чтобы здесь знали о моих с ним сношениях. Я могу поэтому судить о нем только по личному впечатлению, которое я вынес из бесед с ним и которое скорее благоприятно. Генералу Пинаару теперь должно быть около 45 лет; он высокого роста, благообразной наружности, с очень приличными манерами; держит себя относительно меня крайне любезно, хотя и с большим достоинством; при разговоре открыто смотрит в глаза своему собеседнику. Из его записки и из его поступков можно заключить, что он — ярый фанатик, не останавливающийся в своем желании нанести вред Англии ни перед какими средствами; между тем в беседе этот ярый фанатизм его не проявляется наружу; он говорит толково, разумно, ясно и убедительно, но совершенно спокойно и с полным самообладанием. Относительно его благонадежности я, конечно, не могу высказать никакого обоснованного мнения. Земечу только, что, оставив в моих руках записку на целый день, он выказал без всякого колебания полное ко мне доверие; с своей же стороны он не сделал ни малейшей попытки побудить

меня сделать или сказать что-либо, что могло бы меня компрометировать.

Я могу ошибаться, но мне кажется, что, если бы мы вступили с ним в сношения, то единственною для нас опасностью явилась бы возможность, при неудаче его планов, выдачи англичанам нашего участия в этих планах с целью окончательно рассорить Россию с Англией.

Для того, чтобы хотя отчасти ознакомить меня с своей прошлой деятельностью, генерал Пинаар дал мне прочесть книгу «The Mobil Boer», написанную двумя принимавшими участие со стороны буров в южно-африканской войне американцами A. Hiley et T. Hassel, служившими одно время под его, Пинаара, начальством. Авторы, в самом деле, с большим сочувствием отзываются о военных и нравственных качествах генерала, несовершеннолетние сыновья которого сражались рядом с ним за независимость своей страны.

При одной из наших бесед г. Пинаар спросил меня, не признает ли императорское правительство (в случае, если оно решится вступить с ним в сношения) более практичным вести эти сношения через наше посольство в Париже или Берлине, в каковом случае он готов выехать в один из этих городов. Я ответил ему, что представлю этот его вопрос на благоусмотрение вашего сиятельства. В самом деле, Лиссабон лежит слишком далеко, и средства верных сообщений с Петербургом, если не считать отправляющейся каждые 15 дней французской вализы, коей я ныне пользуюсь для посылки настоящего донесения, отсутствуют. Оживленный же обмен секретных телеграмм между императорским министерством и вверенною мне миссией, при неимении у нас в здешней стране существенных интересов, мог бы обратить на себя внимание, что было бы, мне кажется, нежелательным.

Все мои свидания с генералом Пинааром, за исключением первого, происходили не в императорской миссии, а в частной квартире секретаря оной камер-юнкера Зеленого, где наши встречи не могли возбудить ничьего праздного любопытства. Само собой разумеется, что ни одной не только писаной, но даже печатной на машине строчки, которая исходила бы от императорской миссии, в руках бурского генерала не находится.

Г. Пинаар говорил мне, что, в случае, если императорское правительство отвергнет его предложение, он намерен тотчас же вернуться в Африку. Не желая и даже не имея материальной возможности слишком долго засиживаться в Португалии, он очень ходатайствует о том, чтобы решение по возбужденным им вопросам было сообщено мне в возможно непродолжительном времени по телеграфу.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугой

А. Кояндер.

Секретная телеграмма Кояндера[1]).

Лиссабон, 22 февраля (7 марта) 1905 г.

Посылаю через французскую миссию и наше посольство в Париже записку бурского генерала Пинаара о его планах и предположениях.

[Кояндер.]

Докладная записка гр. Ламздорфа Николаю Романову от 7 марта 1905 г.[2])

С высочайшего вашего императорского величества соизволения российскому посланнику в Лиссабоне поручено было выяснить данные о личности генерала Жубера, предложившего организовать восстание против великобританского правительства в Южной Африке, а равно и о имеющихся в распоряжении его к тому средствах.

Ныне тайн. сов. Кояндер представил в министерство иностранных дел записку названного генерала о его планах и предположениях, каковую приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее благовоззрение.

[Ламздорф.]

Записка ген. Жубера-Пинаара[3]).

Ваше высокопревосходительство.

Более двух лет тому назад, когда еще не был заключен мир между Англией и бурами, когда народ мой хладнокровно, безжалостно истреблялся, когда тысячами бесчеловечно замучивали до смерти беззащитных женщин и детей, а мужчин, моих товарищей и друзей, офицеров нашей армии после сдачи разоружали, привязывали к стулу и залпом, данным храбрым [?] и благородным [?] врагом на расстоянии 10 ярдов, в клочки разносили их сердца, тогда я поклялся перед богом, что с его помощью я сделаюсь виновником падения Англии.

Казалось совершенно невозможным, чтобы такое незначительное лицо, как я, могло выполнить такую задачу, но я

---

[1]) На телеграмме — знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

[2]) На записке (отпуск) помета рукой гр. Ламздорфа: «На подлинной собственною его императорского величества рукой начертано: «К докладу». Царское Село. 7 марта 1905 года».

[3]) Перевод с английского. На записке помета: «К № 8. Лиссабон. 1905 г.»

верил, что с помощью божьей все возможно, и с этой верою в бога и с безграничным убеждением в правоте моего дела я начал наблюдать за всем, что творилось на политическом горизонте, и тщательно изучать всякое происшествие, которое могло бы содействовать моей цели или которое в будущем можно было бы использовать для осуществления моего предприятия.

С самого начала я увидел, что мне придется для достижения моей цели использовать кафров, но время для этого еще не созрело, напротив того, я увидел, что наилучшей тактикой для меня было бы хорошо служить Англии и приобрести доверие моего правительства, в чем я и достиг совершенно неожиданных успехов.

Казалось, все мне содействовало: капиталисты решили во что бы то ни стало снизить заработную плату, этому яростно противились как белые, так и чернокожие рабочие, основывая союзы и в борьбе отстаивая свой кусок хлеба, — это вызвало со стороны капиталистов тенденцию организовать ввоз китайцев, — этому движению я содействовал всеми силами, навлекая этим на себя неодобрение и осуждение тех, за кого я жертвовал своей жизнью, всем, но объяснить этого я не мог и продолжал спокойно действовать до тех пор, пока я совершенно не убедился в том, что китайцев привезут на рудники. Это принесло с собой первый луч надежды, так как я хорошо знал, что кафры спокойно не примирятся с этим, что они будут бороться, а раз они начнут борьбу, то белые рабочие присоединятся к ним, потому что эти люди, хотя и называются британскими рабочими, на самом деле являются лишь отбросами Австралии и Канады, откуда их привезли в Южную Африку с целью истребить нас: это люди без принципов или без патриотизма.

В это время, по воле божией, была объявлена война между Россией и Японией и то, что Англия в такой резкой форме тотчас стала на сторону Японии, тут же привлекло мое внимание, так как я верил тогда, что это — дело рук всемогущего, и с того дня и по сие время я всегда верил, что дело моей жизни началось и что прежде чем будет потушен всеуничтожающий пожар войны, раскраска карты земного шара потерпит значительные изменения. Я верю, что его императорское величество русский царь, человек, на которого я всегда смотрел, как на провозвестника мира, никогда не желавшего навязанной ему войны, сейчас только начинает выполнять то великое дело, к которому призвал его господь.

Теперь я нашел, что настало время переменить образ действий, покинул свой дом и стал путешествовать по всей Африке с целью изучить настроение всех вообще чернокожих, и нашел, что вся Африка, подобно громадному полю, покрыта сухой травой, к которой стоит только поднести спичку, чтобы она вся вспыхнула, и я намерен быть этой спичкой.

Но все это может быть лишь после того, как я заручусь помощью, поддержкой и доброжелательством какой-нибудь сильной европейской державы, могущей мне доставить оружие и военное снаряжение, которое мне нужно, — державы, которая сможет и захочет объявить себя, когда это будет надо, сюзереном Южной и Центральной Африки. Это — большая ставка, драгоценный камень, достойный короны России. Совесть России это не должно тревожить, так как все верноподданные британцы хвастливо заявляют, что России придется еще до окончания войны иметь дело с Англией. Я в этом совершенно уверен.

Чтобы начать дело, для которого я всем пожертвовал, а теперь ставлю на карту свою жизнь, хотя и скромную, но дорогую для членов моей семьи и драгоценную лично для меня, я сейчас изложу вашему высокопревосходительству два плана; они являются результатом работы нескольких лет, преисполненных великого горя и страданий, плодом напряженной работы и хладнокровного расчета, и я намерен выполнить их до последней детали. Жизнь моя, которая в ваших руках, — залог моей искренности, так как ваше высокопревосходительство можете приказать в любую минуту привязать меня к стулу и всадить дюжину пуль в сердце; лучшей гарантии верного выполнения своего предприятия ни один человек на свете не может представить.

Но прежде чем перейти к изложению моих планов, я хочу сказать, что, если бы я мог моим знанием практики войны или знанием наших особых способов вести открытую или партизанскую войну послужить России в ее войне с Японией, я отдаю себя в полное распоряжение правительству вашего высокопревосходительства, а также и то, что, если правительство захотело бы поговорить со мной, я поехал бы в С.-Петербург, не боясь быть узнанным, если меня снабдят бумагами на то имя, которое я приму для этой цели; путешествовать я буду очень незаметно, во втором классе.

Мой первый план таков: основать синдикат, зарегистрированный, скажем, в Лондоне или Париже, с целью будто бы изучения недр земли. Этот синдикат назначает меня своим представителем и

предоставляет в мое распоряжение небольшой пароход, скажем, в 1 000 тонн водоизмещения, на нем я поеду вдоль берегов Африки к тем пунктам, которые я укажу вашему высокопревосходительству на карте. В этих-то пунктах я встречусь с предводителями отрядов, из которых с некоторыми я уже вел переговоры, не объясняя однако моих планов. Я передам вам также и то, о чем мы условимся, и вы можете это записать на вашем родном языке.

Глубоко внизу под бункерами с каменным углем на моем маленьком судне у меня должен быть спрятан большой запас оружия и амуниции, который мне понадобится для раздачи предводителям отрядов.

Правительство, конечно, пришлет ко мне человека, которому оно может вполне доверять и который может говорить по-английски, по-французски и по-русски, а также быть секретарем в вышеупомянутом моем синдикате.

План военных действий я объясню на карте. Как британский верноподданный я, конечно, буду плавать под британским флагом.

Мой второй план — заручившись финансовой помощью России, спокойно вернуться домой, убедить моего старшего сына войти во все рабочие союзы, где его, как моего сына, проведут в председатели их исполнительных комитетов, и там он, пользуясь моими советами, будет точно знать, что говорить и что делать.

Русское правительство пригласит на свою службу даму средних лет, приятной наружности, с хорошими средствами, а, главное, достойную полного доверия; она должна будет уметь принимать, жить по моему указанию в Иоганнесбурге, Претории, Бламфонтэне или Капштадте, принимать высшие круги африканского общества, не говорить о политике, а заботиться о том, чтобы ее шампанское делало гостей разговорчивее. Она должна будет пригласить моего второго сына в секретари, чтобы он на словах передавал мне сведения от нее. Он получил хорошее воспитание, говорит на четырех языках, знает стенографию, умеет писать на машинке, знает бухгалтерию, а так как моя жизнь поставлена на карту, то в этом деле я могу доверять только моим собственным сыновьям.

Пока все это будет происходить, я найду, что было бы хорошо заняться торговлей скотом и зерном, а это вынудит меня ездить по кафрским землям для закупки там скота и зерна, но само собой разумеется, что у кафров нечего будет продать мне.

Этот последний план потребует раздачи большого количества — хотя и не прямых — взяток, и для этого-то мне и нужен капитал.

Вашему превосходительству понятно, что необходимо принять только один план, а не оба. Я предлагаю вашему правительству оба плана, чтобы оно само решило, на каком из них остановиться. Но на каком бы из них оно ни остановилось, я честно выполню свою часть соглашения, и нет на свете другого такого человека, который мог бы сделать предложения такого размаха и таких далеко идущих возможностей, и не потому, что я лучше других, но потому, что положение, мною занимаемое, я приобрел ценою ужасного страдания, требующего той громадной силы, которою может обладать лишь тот, кто умер для всего, кроме одной цели, тот, кого поддерживает в жизни лишь милость божия. И в течение ряда веков этот удел выпадает на долю только одного человека, земля не могла бы вынести одновременно тяжести двух горестей таких, как моя, их тяжесть сокрушила бы ее.

Все, что ваше высокопревосходительство еще захотите узнать, я с удовольствием сообщу вам, если вы мне об этом дадите знать.

От всего сердца принося вам мою глубочайшую благодарность за оказанные мне прием и внимание, остаюсь вашего провосходительства покорнейшим слугой.

P. S. Я должен здесь заявить, что буры примут деятельное участие в борьбе против Англии только тогда, когда Россия будет находиться в открытом конфликте с ней.

Проект секретной телеграммы гр. Ламздорфа Кояндеру[1]).

Предложения Жубера, без сомнения, представляются заманчивыми, и мы готовы в принципе принять их, но желательно иметь более точные и подробные данные об организации предприятий, которые являлись бы гарантией практической его осуществимости. Во всяком случае, мы не могли бы взять на себя никаких распоряжений по делу — как-то: приобретение ружей и патронов, наем парохода и т. д., и принятие всех необходимых для успеха предприятия мер должно всецело лежать на его инициаторе. Вести с ним переговоры, конечно, возможно лишь в Берлине или в Париже; в последнем предпочтительнее.

Ожидаем уведомления о результате ваших дальнейших объяснений.

Ламздорф.

---

[1]) На проекте телеграммы помета: «Отпр. 8 марта 1905 г., № 91.»

Секретная телеграмма Кояндера.

Лиссабон. 11(24) марта 1905 г. [1])

Более подробных данных об организации предприятия генерал Пинаар сообщить не может, ибо изложил уже нам весь свой план, глубоко обдуманный и основанный на знакомстве с настроением кафров и с положением дел в Южной Африке. Он говорит, что вполне убежден в успехе. Все распоряжения и меры он согласен взять на себя; от нас ожидает лишь материальных средств. Он готов ехать в Париж, он просит уплатить расходы его поездки и пребывания там, что обойдется около 1 000 франков. Он ожидает, что восстание кафров разразится в июне или июле, и, чтобы держать их в руках, ему нужно прибыть на место заранее; потому он просит скорейшего решения, ибо каждый потерянный день может компрометировать результат. Полагаю, что было бы полезно дать ему возможность поехать в Париж, хотя бы для того, чтобы посол мог проверить мои впечатления

[Кояндер.]

Проект секретной телеграммы гр. Ламздорфа Кояндеру [2]).

Получил телеграмму.

Вам разрешается выдать Пинару тысячу франков на поездку в Париж для окончательных переговоров с д. т. с. Нелидовым.

Дабы, не теряя времени, поставить посла нашего в курс дела, благоволите сообщить ему в подробном письме как ваши личные впечатления, так и сущность объяснений с Пинааром, которому, если считаете возможным, и могло бы быть передано означенное письмо.

О времени выезда его в Париж телеграфируйте для соответствующего с нашей стороны предупреждения г. Нелидова.

Ламздорф.

Секретная телеграмма Кояндера.

Лиссабон. 13(26) марта 1905 г. [3]).

Пинаар едет в Париж сегодня. Нелидову явится в среду. Хотя он внушает доверие, однако считаю невозможным дать ему в руки письмо, могущее нас компрометировать. Потому командирую в Париж завтра утром секретаря Зеленого с черновиком моего донесения № 8. [1])

[Кояндер.]

Проект секретной телеграммы гр. Ламздорфа послу в Париже Нелидову [2]).

Сегодня выезжает из Лиссабона секретарь российской миссии, командируемый с секретным поручением к вам. Предложение, о коем он вам сообщит, в принципе [3]) может быть принято. Ввиду весьма щекотливого характера дела, необходима крайняя осторожность. Благоволите сообщить [4]) ваши личные впечатления и соображения о дальнейшем образе действий.

Секретная телеграмма Нелидова.

Париж. 17 (30) марта 1905 г. [5]).

Приехал Зеленой. Я имел долгий разговор с лицом, о котором идет речь. Он произвел на меня хорошее впечатление, но выполнение его предложения, мне кажется, вызовет много возражений, которые я излагаю в моем письме, посылаемом сегодня с французским курьером. Прошу по получении его прислать поскорее ответ телеграммой, чтобы передать его заинтересованному лицу.

[Нелидов.]

Секретное письмо д. т. с. Нелидова.

Париж. 17(30) марта 1905 г. [6]).

В дополнение к телеграмме моей от сегодняшнего числа долгом поставляю высказать вашему сиятельству, согласно телеграмме вашей от 14 марта, личные мои впечатления о предложении Пинаара-

---

[1]) На телеграмме — знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

[2]) Печатается с отпуска проекта, на котором пометы: На подлинном собственной е. и. в. рукой начертано: «С[огласен.]». — «Царское Село. 12 марта 1905 г.».—«Отпр. 12 марта 1905 г., № 100».

[3]) На телеграмме Николаем Романовым поставлен знак рассмотрения.

[1]) См. депешу Кояндера от 20 февраля (5 марта) 1905 г.

[2]) Печатается с отпуска проекта, на котором пометы: «Отпр. 14 марта 1905 г. № 109.»—«На подлинном собственной е. и. в. рукой начертано: «С[огласен.]».—«Царское Село, 14 марта 1905 г.»

[3]) Далее зачеркнуто: «нами может быть принято».

[4]) Далее зачеркнуто: «с курьером».

[5]) Телеграмма на французском языке. На ней знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым.

[6]) Заголовок подлинника, представляющего собой министерскую машинописную копию (так наз. царский экземпляр) письма Нелидова, на котором помета Николая Романова: «Переговорите об этом с мин. финансов». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село, 20 марта 1905 г.» Другой рукой: «Получено 20 марта 1905 г.».

Жубера. Первый секретарь миссии нашей в Лиссабоне передал мне вчера все подробности этого предложения, а сам Жубер-Пинаар явился ко мне сегодня и дал дополнительные о нем объяснения. Мне остается только час времени, чтобы наскоро донести об этом вашему сиятельству до отъезда французского курьера.

Я обязан прежде всего установить, что Жубер-Пинаар произвел на меня, как и на тайного советника Кояндера, впечатление человека вполне добросовестного, убежденного и лично заслуживающего внимания. Судить о том, до какой степени удобоисполнимо сделанное им нашему правительству предложение, я не берусь. Положение дел в Южной Африке мне вовсе неизвестно. Но мне кажется, вообще, что владычество англичан на Черном материке установлено на слишком прочных основаниях, чтобы оно могло быть низвержено местным восстанием без участия одной из великих держав, которая одновременно отвлекала бы ее силы в другой части света. Для нас подобное предприятие представляется мне совершенно немыслимым в настоящую минуту, и даже если бы война с Японией была благополучно окончена. Мы должны будем заняться прежде всего восстановлением наших военных и финансовых сил и тщательно избегать всяких внешних осложнений.

На восстание против Англии кафрских племен и буров нужно будет, следовательно, смотреть, как то предлагает Жубер-Пинаар, как на средство отвлечь английские силы от Азии и тем ослабить помощь, оказываемую Великобританией воюющей с нами Японии.

Если бы подобное предложение было нам сделано при начале войны, год тому назад, оно могло бы, несомненно, оказать нам чувствительную помощь. Англия относилась к нам тогда гораздо враждебнее, чем теперь; союз с нею служил нравственным ободрением японцам, на которых насильственное [?] бездействие Англии по отношению к делам Дальнего Востока произвело бы весьма неблагоприятное впечатление. Но теперь обстоятельства изменились. Одержанные японцами успехи увеличили их самоуверенность. Для борьбы с нами они едва ли рассчитывают на помощь Англии и, во всяком случае, в ней не нуждаются. Да и помощь эта на деле ни в чем себя доселе не заявила. Помогало японцам враждебное нам англо-еврейское [общественное?] мнение и печать. Правительство же ни в чем особой поддержки Японии не оказало. Столкновения с нами происходили на почве чисто английских интересов (военной контрабанды и рыбаков). Есть, скорее, признаки того, что успехи японцев способны вызвать в английском правительстве беспокойство за свои азиатские владения. При таких условиях война в Африке нисколько не облегчила бы нашего положения на Крайнем Востоке. Она, несомненно, была бы нам сподручна, если бы мы сами находились в войне с Англией. Но этого пока не предвидится. Напротив того, судя по сведениям, которые доходят из Лондона, там скорее желают соглашения с нами, хотя, несомненно, и попытаются воспользоваться нашею неизбежною, после столь тяжелой войны, слабостью, чтобы повыгоднее обделать собственные дела. К тому же нам следует скорее рассчитывать на скорое прекращение войны и стремиться к нему. Если бы однако мы вынуждены были ее продолжать, то, как сказано выше, наш расчет должен был бы состоять в том, чтобы, стараясь стать в наилучшие отношения к Англии, возбуждать в ней чувство солидарности всех европейских государств ввиду проявляющихся завоевательных стремлений и развивающейся силы желтой расы.

Кроме этих соображений чисто политического свойства мне представляются значительные затруднения и сомнения для целесообразного исполнения предложения г. Жубера-Пинаара. Хотя деньги в 80 тысяч фунтов, т. е. около двух миллионов франков, и не представляют чрезвычайно большого расхода в сравнении с делаемыми нами колоссальными затратами в войну, тем не менее это довольно значительная сумма, которую придется дать в полное бесконтрольное распоряжение лица, известного нам только из личного с ним знакомства и о котором мы можем судить только по произведенному им на нас личному, правда, весьма благоприятному, впечатлению. Затем, если бы каким-нибудь путем англичане узнали, что деньги, которыми Жубер-Пинаар стал бы располагать для покупки парохода, а особенно для приобретения ружей и снарядов, исходят из русского источника, то враждебность к нам великобританского правительства значительно и основательно усилилась бы, а тем самым в высокой степени осложнилось бы и наше политическое положение.

Жубер-Пинаар высказывает убеждение, что восстание кафров неизбежно. Ему нужно только его организовать и привлечь к нему буров. Если его предположения основательны, то это восстание уже само по себе отвлечет внимание и силы Англии. Полный же успех восстания, который он желал бы обеспечить для низвержения английского владычества в Южной Африке, был бы с нашей точки зрения, несомненно, весьма желателен, но прямой выгоды для нас принести не мог бы. Его мечта о создании на юге Африки независимой империи под нашим

покровительством есть не более как мечта. Столь далекие предприятия не в наших силах, да и не в выгодах России.

Вот, милостивый государь, чистосердечное, наскоро набросанное изложение моих впечатлений и соображений относительно предложения Жубера-Пинаара. Он ожидает здесь решения, на благоприятный исход коего, кажется, надеется. Если бы императорское министерство решило использовать его план, я покорнейше прошу указаний о том, как будут ему высланы требуемые им деньги. Мне казалось бы, для обеспечения тайны, что они должны были бы быть выданы ему в один или два раза, дабы не продолжать с ним сношений, повторение которых могло бы обратить на себя внимание зорко следящих за всеми нашими действиями врагов и соперников наших.

Я взял на себя задержать здесь на всякий случай, для сношений с Жубером-Пинааром, камер-юнкера Зеленого, о чем и известил посланника нашего в Лиссабоне.

Покорнейше прося о последующем решении благоволить в возможно скорейшем времени известить меня по телеграфу, пользуюсь случаем, чтобы возобновить вам, милостивый государь, вместе с извинением за спешную форму этого письма, выражение, и проч.

[Нелидов.]

Проект секретной телеграммы д. т. с. Нелидову в Париж. [1])

Благоволите заявить Жуберу, и притом в форме, устраняющей всякую нашу ответственность впоследствии, что он может рассчитывать на нашу материальную поддержку лишь по осуществлении задуманного им предприятия.

Подробности письмом.

Секретная телеграмма д. т. с. Нелидову в Париж от 23 марта 1905 г. [2])

По поводу предложения Пинаара-Жубера государю императору благоугодно было положить следующую высочайшую резолюцию: «Лучше в таком случае ответить прямо отказом».

Секретная телеграмма гр. Ламздорфа Нелидову от 23 марта 1905 г. [1])

Совершенно личная

Считаю необходимым дополнить телеграмму мою с высочайшею резолюцией.

Весьма секретное письмо ваше от 17 марта было, по высочайшему повелению, сообщено министру финансов. Ознакомившись с делом и высказавшись принципиально против задуманного предприятия, в коем участие наше едва ли осталось бы в тайне, г. Коковцов в заключение заметил, что мы могли бы принять предложение генерала лишь в том случае, если бы он согласился действовать вполне самостоятельно, рассчитывая на нашу материальную помощь только по достижении намеченной цели.

По докладе означенного письма Коковцова, государю императору угодно было положить уже сообщенную вам резолюцию.

[Ламздорф.]

Письмо гр. Ламздорфа Нелидову от 26 марта (8 апреля) 1905 г. [2])

М. г.

Александр Иванович.

Я не преминул повергнуть на высочайшее благовоззрение письмо вашего высокопревосходительства от 17 (30) сего марта касательно предложения Жубера-Пинаара, по поводу которого государю императору благоугодно было повелеть мне переговорить с министром финансов. По получении отзыва тайн. сов. Коковцова, копию с коего считаю долгом препроводить при сем для вашего сведения, я предполагал отправить вам телеграмму в том смысле, что Жубер может рассчитывать на нашу материальную поддержку лишь по осуществлении задуманного им предприятия.

Между тем государю императору благоугодно было 22 марта наложить следующую резолюцию: «Лучше в таком случае ответить прямо отказом».

Действительно, предложение Жубера, помимо всей трудности своего практического осуществления, настолько деликатного свойства, особенно по отноше-

---

[1]) Заголовок подлинника, на котором помета Николая Романова: «Лучше в таком случае ответить прямо отказом». Далее рукой Ламздорфа: «Царское Село, 22 марта 1905 г. ». Кроме того, помета карандашом: «Не была послана».

[2]) Заголовок подлинника, на котором—знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым. Этот документ является проектом телеграммы, представленным на утверждение царя. В деле имеется отпуск этой же телеграммы с дополнением в начале текста: «Reçu votre lettre du 17 (30) mars», написанный рукой Ламздорфа, и пометой: «chiffré et verifié par Tucow et Uxkull. Expédié le 23 mars 1905. № 967.»

[1]) Печатается с отпуска, на котором пометы: «Просьба отправить» (рукой гр. Ламздорфа) и «Отпр. 23 марта 1905 г. № 136».

[2]) Печатается с отпуска

нию к Англии, что малейшая неосторожность могла бы повлечь к самым неприятным последствиям, при полной необеспеченности тех выгод, которые мы могли бы получить в случае удачного выполнения задуманного бурским генералом плана.

С другой стороны, как вы изволите писать, Жубер-Пинаар высказывает убеждение, что восстание кафров неизбежно и уже само по себе отвлечет внимание и силы Англии.

Ввиду этих соображений государем императором и было принято решение отклонить совершенно предложение Жубера-Пинаара, ограничив ныне наше материальное участие той суммой, которая была выдана ему тайн. сов. Кояндером на нужные расходы.

Прим., м. г., и проч.

[Ламздорф.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо вр. упр. военным министерством ген. Сахарова министру ин. дел гр. Ламздорфу от 10 февраля 1904 г. № 35. [1])

Секретно,

Милостивый государь, граф Владимир Николаевич.

При сем имею честь препроводить на усмотрение вашего сиятельства записку одного из бурских вождей Van Straaten'a, предлагающего организовать восстание буров в Южной Африке.

Означенная записка — военного агента в Париже, которому Van Straaten'a рекомендовал г. Бонвало (Gabriel Bonvalot), сподвижник принца Орлеанского в его путешествии по Тибету.

Прошу ваше сиятельство принять уверение в моем совершенном почтении и преданности.

В. Сахаров.

Памятная записка [2])

Со времени заключения мира в Южной Африке величайшее недовольство и величайшая нужда господствуют там. Англия не сдержала данного ею обещания помочь делу исправления вредных последствий войны, а, что еще более важно, горная промышленность, которая была источником благосостояния страны, разрушена на неопределенное время (см. приложение А).

К постоянно повторяемым английскими капиталистами угрозам привезти в Южную Африку кули из Китая и Индии присоединяются самые мрачные опасения (см. приложение Б).

Никто не сомневается в том, что весь континент будет потерян для европейской культуры, если Англия приведет в исполнение эту угрозу. Итак, не только все жители Трансвааля и свободной Оранжевой республики, но и многие иностранцы склонны поднять оружие в Южной Африке в защиту белой расы ввиду угрожающей ей верной гибели моральной и физической.

Все донесения единодушны в этом отношении.

Сейчас в Европе находится большое число буров—офицеров и солдат, прошедших хорошую школу на войне; многие из них во время военных действий пересекали европейские колонии Западной Африки, занимаясь там успешной контрабандой оружия.

В Германии прилагают большие усилия, чтобы убедить эти отряды образовать колонию на землях германских западноафриканских колоний. Если, скажем, 500 человек этих солдат, по данному сигналу, приняли бы сделанное им предложение, то тотчас же на английской границе появился бы хорошо вооруженный прекрасный отряд на хороших лошадях.

По данному же сигналу этот отряд мог бы перейти границу, предварительно издав прокламацию, которая меньше чем через неделю распространилась бы по всей стране от Трансвааля до Мыса Доброй надежды.

Если бы в этой прокламации, может быть, подписанной одним из авторитетных лиц республики, командному составу и вельдкорнетам предлагалось бы собрать отряды для возобновления войны, прерванной вследствие договора, который нарушили англичане, и напасть на английские гарнизоны [?].

Организация.

В присоединенных землях старая организация «veldkornet schaps» существует и по сие время и по своей природе еще долгое время может быть изменена лишь номинально, как и личный состав, в котором произошли только незначительные перемены.

Восстание произошло бы, следовательно, в тех же самых условиях, как и мобилизация в начале войны. К тому же есть прецедент в виде революции 1880 года, которая при менее благоприятных условиях имела большой успех.

Всем бюргерам известны места, в которых они должны собираться под командой своих veldkornet'ов, и англичанам

---

[1]) На подлиннике помета рукой гр. Ламздорфа: «Что же мы с этим будем делать? Тут кажется и Леонтьев принимает «участие». Далее другой рукой: «По распоряжению г. вице-директора, ad acta. 14 мая. [Подпись]».

[2]) Перевод с французского. Упоминаемые в записи приложения отсутствуют.

очень трудно было бы атаковать их, в то время как граждане могут немедленно начать партизанскую войну.

Главная квартира.

Во время мобилизации 500 человек, перейдя границу, могли бы уйти в горы, где один из прежних генералов принял бы отряд, и откуда он рассылал бы приказы, как главнокомандующий. Таким образом, все было бы так, как если бы военные действия никогда не прекращались, за исключением того факта, что оба президента находятся в Европе.

Вооружение.

Большое количество оружия и военного снаряжения находится еще в стране, но к тому же не представляет ни малейшей трудности и ввоз всего нужного вооружения через немецкие колонии. Для начала достаточно было бы иметь 100 000 магазинных ружей и 10 митральез (пушек Максима) со снарядами к ним и затем втечение 4 месяцев следовало бы доставлять еще ежемесячно по 50 000 ружей и по 5 митральез и кроме того снаряды втечение 12 месяцев.

Военные действия.

По большей части единственной целью военных действий будет сделать невозможным подвоз припасов к английским армиям. Собственные средства страны недостаточны даже для того чтобы прокормить нескольков полков втечение некоторого времени, а более чем вероятно, что Англия пришлет еще больше войска, чем во время последнего периода войны.

Если буры, применяя эту тактику, не добились однако окончательного успеха, то это потому, что в стране было много бедных семей, женщин и детей, которых кормили англичане, что делало невозможным разрушение путей сообщения, по которым подвозились съестные припасы. Для избежания этой трудности буры основали за границей колонии, куда могут быть отправлены все, кто мог бы помешать ведению военных действий.

На море.

Для отправки мужчин и для проведения эмиграции наиболее бедных семей необходимо было бы иметь три больших грузовых судна (по крайней мере в 6 000 тонн водоизмещения). Суда эти можно было бы направить хотя бы в Фиуме, кроме того, большое значение имело бы обладание двумя подводными лодками; всякое военное действие буров на море, несомненно, производило бы панику в Лондоне еще в большей мере потому, что англичане в прежние времена помешали обеим республикам присоединиться к международному соглашению, воспрещающему каперство.

Во время последней войны при одном только слухе, появившемся в прессе, о возможности корсарской войны, самые значительные страховые общества приняли решение расторгнуть контракты, заключенные с английскими судами.

Пресса.

Известно, как сильна зависимость английской торговли от прессы и какие суммы тратит Англия, чтобы всюду иметь свою прессу; несмотря на это Англия была здесь разбита. Свою войну в печати буры вели очень простыми средствами. У них было корреспондентское бюро, информацию которого перепечатывали почти все германские и американские газеты, а оттуда статьи само собой проникали во французскую и русскую прессу. Это бюро добилось успеха с затратой минимальных средств; еще и сейчас можно его иметь в своем распоряжении, и в самое короткое время оно добьется того же успеха. Ему потребовалось бы лишь несколько месяцев, чтобы разоблачить интриги Англии и заставить снизиться курс английских бумаг.

Результаты восстания.

Непосредственным следствием восстания будет необходимость для Англии обратить все ее внимание на Южную Африку. Англичане уже не будут в состоянии смущать мир своими интригами. Японский вопрос получит немедленное разрешение.

А если обе республики завоюют себе независимость, то англичанам всегда будет угрожать опасность в их колониальных владениях в Южной Африке, и они не рискнут более создавать новые осложнения.

Резюме.

Итак, даем точный ответ на точный вопрос.

Буры в состоянии предложить:

А. Организованную армию, равноценную их армии во время войны и достаточно сильную, чтобы привлечь всю военную силу Англии.

Б. Мешать английской морской торговле.

В. С помощью организованной ими прессы оживить старинные симпатии и антипатии и нанести урон престижу и денежному рынку Англии.

Но им необходимо было бы иметь:

I. Немедленно 100 000 магазинных ружей и 10 митральез и снаряды к ним.

II. Ежемесячно втечение четырех месяцев 50 000 ружей и 5 митральез.

III. Снаряды к этому вооружению втечение 12 месяцев.

IV. Три грузовых судна.

V. Две подводные лодки.

VI. Немедленное признание какой-либо европейской державой армии буров воюющей стороной.

Вопрос о денежной субсидии не представляет большой важности.

Буры найдут нужные средства в другом месте, но все движение было бы очень облегчено, если бы им предоставили кредит в 500 000 фр., которые расходовались бы лишь под контролем кредитора.

Докладная записка Персиани директору первого департамента министерства ин. дел от 28 февраля 1904 г. [1])

Вчера посетил меня командируемый в Персидскую казачью бригаду д-р Садовский для переговоров о подробностях своей командировки. По окончании деловых переговоров он частным образом сообщил мне некоторые сведения о ходе дел в Трансваале, которые, ввиду неопределенного положения, занятого в настоящее время Англией по отношению к русско-японской войне, могли бы, мне кажется, представить некоторый интерес для нас.

Как известно, д-р Садовский был отправлен в Южную Африку во время англо-бурской войны в составе русского отряда Красного креста. За время своего пребывания там он успел завязать знакомства с некоторыми выдающимися местными деятелями и, как оказывается, сохранил с ними сношения и до сей поры. Его южноафриканские друзья переписываются с ним, причем, во избежание английской цензуры, их письма пересылаются через отъезжающих оттуда доверенных людей, которые сдают письма на почту лишь по прибытии в какой-нибудь город, находящийся не на английской территории.

Из сведений доктора Садовского видно, что край далеко не умиротворен и что буры, вынужденные уступить подавляющему превосходству сил, с нетерпением ожидают момента, когда им можно будет с надеждою на успех снова взяться за оружие для борьбы против англичан. Оставшиеся после войны орудия зарыты в горах; там же зарыты и целые склады как снарядов, так и съестных припасов; кроме того имеются, хотя и не в достаточном количестве, ружья системы Генри-Мартини и скорострельные.

В представительных собраниях всех южноафриканских колоний буры или уже добились большинства или же, крепко сплотившись и организовавшись, надеются в ближайшем будущем получить перевес над английским элементом. По словам д-ра Садовского, это и является причиной того, что премьером Капской колонии назначен, для противодействия такой политике буров, известный д-р Джемсон.

Из вышеизложенного можно заключить, что в Южной Африке все готово к восстанию в первую благоприятную минуту, и действительно, корреспонденты д-ра Садовского в своих письмах к нему умоляют его тотчас же дать им знать по телеграфу, как только станет известным, что Англия решила принять активное участие в русско-японской войне. Разумеется, названный врач до сих пор тщательно воздерживался от такого шага.

Нисколько не ручаясь за достоверность сообщенных мне сведений, я все же счел необходимым доложить о них вашему превосходительству ввиду того, что возможность новой, столь же упорной войны в Южной Африке является в мировой политике фактором первостепенной важности, могущим на долгое время исключить Англию из числа держав, вмешательства коих в нынешнюю войну мы могли бы опасаться, и этим почти вполне развязать нам руки для энергических действий на Дальнем Востоке. Что же касается вышеприведенного рассказа, он, повидимому, весьма правдоподобен; к тому же, в случае, если это будет признано необходимым, мы всегда имеем возможность тем или иным путем проверить эти сведения, полученные мною частным образом.

Помимо вышеизложенного, д-р Садовский сообщил мне еще несколько данных, хотя и не имеющих отношения к нынешнему положению дел в Трансваале, но все же характеризующих отношение буров к минувшей войне. Оказывается, что главным орудием против них служили англичанам деньги. Так, например, г. Садовский глубоко уверен в том, что осада Лэдисмита не привела ни к какому результату лишь благодаря тому, что генерал Жубер был подкуплен англичанами. Как уверяет доктор, президент Крюгер, получив достоверные доказательства измены Жубера, имел с ним крупное объяснение, через три дня после которого последний застрелился, бургерам же объявили, что смерть его последовала от болезни. Смерть генерала Лукас Мейера равным образом произошла от самоубийства, после того как Крюгер, уже в быт-

[1]) На подлиннике помета: «По распоряжению вице-директора ad acta, 14 мая [Подпись]».

ность свою в Европе, убедился в подкупе Мейера англичанами. Сдача Кронье есть нечто иное, как результат опять-таки подкупа, доказательством чему может служить то обстоятельство, что всем, не желавшим сдаться вместе с ним, удалось бежать, сдались же, по уверению г. Садовского, исключительно те, которые, несмотря на самые благоприятные для этого условия, созданные близким присутствием отряда генерала Девета, не захотели воспользоваться возможностью избежать английского плена. Со своей стороны не могу не отметить, что такой взгляд находит себе косвенное подтверждение в известной книге Девета о войне, где знаменитый предводитель партизанского отряда говорит о «необъяснимом упорстве, с коим Кронье отказывался воспользоваться его помощью».

Персиани.

С.-Петербург. 28 февраля 1904 г.

Ответственный редактор **Я. Берзин.**
Редакционная коллегия: **В. Максаков** (зам. отв. редактора), **С. Пашуканис, Ф. Ротштейн.**